

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2022

№ 1

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьегерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания,
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Даниил Уигет*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Moscow State University, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Daniel Wiget*, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора (Д.А. Функ)	6
Адельха Ф. Война и (ре)конструкция государства в Афганистане: конфликт традиций или конфликт развития?	10

МЕТИСЫ И МЕТИСАЦИЯ В КАНАДЕ

(отв. ред. специальной темы номера – М.Б. Башкиров и Д. Ганьон)

Эни Д. Претензии на статус метиса в Канаде: критический анализ исследований исторических метисных сообществ, инициированных Министерством юстиции	36
Ганьон Д. Идентичность с точки зрения юриспруденции: канадские метисы в судах	60
Башкиров М.Б. Метисы в культурном ландшафте Канады во второй половине XIX в.	79
Шаре П. Изменения в идентичности сообщества Сент-Огастин, провинция Квебек, Канада	98
Воробьев Д.В. Метисы и метисная идентичность в трудах квебекских историков Н.-М. Доусона и Р.-А. Бушар: особенности подхода к проблеме	117

MISCELLANEA

Семенова О.В., Бутовская М.Л. Матрилатеральный родственный вклад во внуков в современной российской семье. Дискриминация потомков женского пола со стороны бабушек и дедушек	138
Харевич В.М., Зоткина Л.В., Харевич А.В., Колобова К.А. Предварительные результаты экспериментальных исследований охотничьего вооружения неандертальцев из Чагырской пещеры	156
Веселовская Е.В., Васильев С.В., Галеев Р.М., Григорьева О.М., Константинов М.В., Пестряков А.П. Новые антропологические данные по неолиту Забайкалья и Дальнего Востока. Сообщение 1. Археология, краниология	170
Соколова А.Д. Проблема «правильной советской смерти» и обеспечение гражданских похорон в городах РСФСР в конце 1930-х – начале 1950-х гг.	195

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Поддубиков В.В., Кофанова Е.А. Между выгодой и этикой: социальная ответственность корпораций глазами антропологов	212
Бородулина А.С. Антропология <i>экстрактивизма</i>	247
Волжанина Е.А. Социальное производство пространства в перуанских Андах Херардо Кастильо Гусмана	253
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	257

CONTENTS

Funk D.A. Editor's note	6
Adelkhah F. War and state (re)construction in Afghanistan: conflicts of tradition or conflicts of development?	10

MÉTIS AND MÉTISSAGE IN CANADA (Guest Editors M.B. Bashkirov and D. Gagnon)

Hennes D. Claiming the "Métis" status in Canada: A critical analysis of the department of Justice's inquiries on historic Métis communities	36
Gagnon D. A judicial identity: the Canadian Metis before the courts	60
Bashkirov M.B. Métis in the cultural landscape of Canada in the second half of the 19th century	79
Charest P. The changing identity of the community of the St. Augustine, Province of Quebec, Canada	98
Vorobiev D.V. The Métis and Métis Identity in the works of Quebec historians N.-M. Dawson and R.-A. Bouchard: ways of approaching the problem	117

MISCELLANEA

Semenova O.V., Butovskaya M.L. Matrilineal effect of grandparental care and discriminative investment against granddaughters in modern Russian families	138
Kharevich V.M., Zotkina L.V., Kharevich A.V., Kolobova K.A. Preliminary results of experimental study of Neanderthal's hunting weapons from Chagyrskaya Cave	156
Veselovskaya E.V., Vasilyev S.V., Galeev R.M., Grigorieva O.M., Konstantinov M.V., Pestryakov A.P. New anthropological data on the Neolithic of the Transbaikalia and the Far East. Part 1. Archaeology, Craniology	170
Sokolova A.D. The problem of "the wright way of Soviet death" and the organization of civil funerals in the cities of the RSFSR in the late 1930s – early 1950s	195

REVIEWS

Poddubikov V.V., Kofanova E.A. Between the benefits and ethics: Anthropologists viewing the corporate social responsibility	212
Borodulina A.S. Anthropology of <i>Extractivism</i>	247
Volzhanina E.A. Gerard Castillo Guzmán's social production of space in the Peruvian Andes	253
INFORMATION FOR AUTHORS	257

doi: 10.17223/2312461X/35/1

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

Уважаемые читатели!

В десятый год своего существования, как и в самом начале, наш журнал оказался на очередном изломе эпох. Этот излом сказался и на научном сообществе. Антропологи одними из первых и в значительной массе попали под обаяние так называемой *постправды*, с избытком фейков и доверием к непроверяемым в принципе источникам и сообщениям, и *группового мышления*, в котором всё видится черно-белым и делится исключительно на своих и чужих, без каких бы то ни было полутонов и нюансов. История антропологической мысли (а это в том числе и эмик-/этик-подходы, и полвека изучения феномена *groupthink*, и анализ современных кибертехнологий), увы, не помогла многим коллегам в анализе происходящего. Возможно, потому что черно-белое не требует напряжения мысли и упрощает ориентацию в социальном пространстве, позволяя легко вычленять большинство и присоединяться к нему. Следствием уже стал целый ряд «мирных демаршей» нескольких старых добрых коллег, друзей и бывших учеников в виде отказа от проведения международных форумов в России, выхода из состава редколлегии российских журналов, отказа от участия в совместных проектах, открытых угроз исключения из ассоциаций или вообще отлучения от профессии и проч., что является, на мой взгляд, обычным структурным насилием, но что в восприятии «групп» и их «лидеров», практикующих эту форму насилия, описывается лишь в терминах «добра».

Мир, к счастью, устроен гораздо сложнее. И поскольку современная социокультурная антропология именно об этом, то надеюсь, что мы все сможем в итоге найти в себе достаточно сил и здравого смысла для продолжения сотрудничества во всех сферах научной жизни. В противном случае процесс познания может оказаться ущербным.

Первый номер этого года включил в себя подборку статей канадских и российских авторов, в которой на канадских материалах рассматривается феномен метисации и, собственно, сама категория «метисы». Проблема идентификации новых сообществ и их официального признания, что обычно связано с получением некоего льготного статуса, чрезвычайно актуальна для Севера и Сибири Российской Федерации, так что данные тексты, уверен, будут с интересом встречены специалистами. В этом году мы также ожидаем продолжения начатого ранее разговора о памяти о советском прошлом, надеемся на серьезное об-

суждение по итогам международной конференции «Соседи и соседство: джинны и люди в мусульманских культурах», прошедшей в конце октября 2021 г. на базе Института этнологии и антропологии РАН, рассчитываем на представление результатов современных исследований старообрядчества.

Как и ранее, в журнале будут публиковаться статьи и по другим проблемам, а также рецензии и обзоры современных книг.

Хочу надеяться, что журнал «Сибирские исторические исследования» и далее будет оставаться востребованной площадкой для аналитически насыщенного обсуждения актуальных вопросов сибиреведения и антропологического знания в целом. Основания для таких надежд есть хотя бы потому, что подавляющее большинство наших коллег, членов редколлегии и редсовета, открыто заявили о своей готовности продолжать работу в журнале. Искренне благодарю всех!

Дмитрий Функ

EDITOR'S NOTE

Dear Readers!

In the tenth year of its existence, as at the very beginning, our magazine found itself at another turning point in time. This fracture has also affected the scientific community. Anthropologists were among the first of these, many of whom fell under the charm of the so-called *post-truth*, with an abundance of fakes and trust in unverifiable sources and messages, and *groupthink*, in which everything is seen in black-and-white and is divided exclusively into “us” and “them”, without any semitone or nuance. The history of anthropological thought (and this includes the emic/etic approach, a half a century of studying the phenomenon of groupthink, and the analysis of modern cyber-technology), alas, did not help many colleagues in analyzing what is happening. Perhaps it is so because black-and-white thinking does not require straining your mind, simplifies orientation in social space, and allows you to easily figure out the majority and join it. The result has already been a number of “peaceful demarches” from several good old colleagues, friends and former students in the form of refusals to hold international forums in Russia, withdrawals from the editorial boards of Russian journals, refusals to participate in joint projects, and open threats of exclusion from associations or even excommunication from the profession, etc., all of which is, in my opinion, ordinary structural violence, but which is, in the perception of the “groups” who practice this form of violence and their “leaders”, is described only in terms of “good”.

The world, fortunately, is much more complicated. And since modern socio-cultural anthropology is all about this, I hope that we will all eventually be able to find enough strength and common sense to continue cooperation in all spheres of scientific life. Otherwise, the process of learning may become flawed.

The first issue of this year included a selection of articles by Canadian and Russian authors, in which the phenomenon of métisization and, in fact, the category of “métis” is discussed using Canadian materials. The problem of identifying new communities and their official recognition, which is usually associated with obtaining a certain preferential status, is extremely relevant for the North and Siberia in the Russian Federation, so I am sure that these articles will be met with interest by specialists. This year we also expect to continue the conversation we started earlier about the memory of the Soviet past. We hope for a serious discussion on the results of the international conference “Neighbors and Neighborhood: Jinns and People in Mus-

lim Cultures”, held at the end of October 2021 on the basis of the IEA RAS, and we hope to present the results of modern research on Old Believers.

As before, the journal will publish articles on other issues, as well as reviews and critiques of modern books.

I hope that the journal “Siberian Historical Research” will continue to be a popular platform for an analytically rich discussion of topical issues of Siberian studies and anthropological knowledge in general. There are grounds for such hopes, if only because the overwhelming majority of our colleagues, members of the editorial board and the editorial council, openly declared their readiness to continue their work in the journal. I sincerely thank everyone!

Dmitriy Funk

Научная статья
УДК 355.48:316.7(581)
doi: 10.17223/2312461X/35/2

ВОЙНА И (РЕ)КОНСТРУКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В АФГАНИСТАНЕ: КОНФЛИКТ ТРАДИЦИЙ ИЛИ КОНФЛИКТ РАЗВИТИЯ?*

Фариба Адельха

Институт политических наук (SciencesPo-CERI), Париж, Франция

Аннотация. Международная помощь, направлявшаяся с 2001 г. на (ре)конструкцию афганского государства, парадоксальным образом усилила этнизацию и конфессионализацию экономических и политических отношений, что находится в полном противоречии с принципами *good government*, проповедуемыми международными донорами. Множащиеся конфликты идентичностей и традиционных форм коллективного членства на самом деле заставляют задуматься о более принципиальном противоречии между культуралистскими представлениями об афганском обществе и последствиями включения страны в мировую капиталистическую экономику. Так, возложение ответственности за социальное и политическое насилие в Афганистане на исламистскую радикализацию, этническую поляризацию или пережитки трайбализма свидетельствует о неполном понимании ситуации, поскольку такой взгляд не принимает во внимание общественные трансформации и новые ставки в считающихся традиционными конфликтах.

Ключевые слова: Афганистан, иностранная интервенция, международная помощь, этничность, джихад, трайбализм

Для цитирования: Адельха Ф. Война и (ре)конструкция государства в Афганистане: конфликт традиций или конфликт развития? // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 10–35. doi: 10.17223/2312461X/35/2

* Фариба Адельха – французский антрополог иранского происхождения – в июне 2019 года была арестована в Иране, куда она приехала проводить полевое исследование. С тех пор, несмотря на протесты международного научного сообщества и усилия французской дипломатии, она находится в иранской тюрьме. Настоящая статья впервые опубликована в журнале *International Development Policy | Revue internationale de politique de développement* [Online], 8 | 2017 (<https://doi.org/10.4000/poldev.2451>). После вывода американских войск из Афганистана и прихода к власти талибов она не только не утратила актуальности, но и приобрела новую ценность, в частности, благодаря анализу процесса конструирования этничности в афганском обществе и роли в нем «международной помощи». Перепечатывая, с согласия редакции журнала, статью на русском языке, мы тем самым выражаем солидарность с нашей коллегой и выступаем в поддержку свободы академических исследований.

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/2

War and state (re)construction in Afghanistan: conflicts of tradition or conflicts of development?

Fariba Adelkhah

SciencesPo-CERI, Paris, France

Abstract. Foreign aid intended since 2001 for the (re)construction of the Afghan state has paradoxically amplified the ethnicization and sectarianization of economic and political relations, in total contradiction with the criteria of good governance advocated by donors. Apparently traditional or identity conflicts have multiplied, in fact referring to more fundamental contradictions between the culturalist representation of Afghan society and the effects of the country's insertion into the global capitalist economy. Thus, the fact of making Islamic radicalization, ethnic polarization or tribal atavism responsible for the social and political violence in Afghanistan denotes an incomplete vision of the situation, insofar as it does not take into account the transformations society and the new challenges of this supposedly traditional conflictuality.

Keywords: Afghanistan, Foreign Intervention, International Aid, Ethnicity, Jihad, Tribalism

For citation: Adelkhah, F. (2022) War and state (re)construction in Afghanistan: conflicts of tradition or conflicts of development? (Translated from French by E.I. Filippova). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 10–35. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/2

20 января 2014 г. на центральной аллее базара в Бамиане, неподалеку от банка Азизи, вспыхнула драка между тремя мужчинами. Очень быстро около ста человек – жителей города и его окрестностей: Асиаба, Шахидана, Джаграхеля, а также Фатмасти, родного города зачинщиков столкновения, находящегося в десяти минутах езды по дороге на Шашпул, – ввязались в конфликт. В чем его причина?

На первый взгляд, сумка с деньгами, которые один из троих собирался положить в банк. Но поскольку предмет спора исчез и сегодня уже никто не хочет о нем вспоминать, лучше задаться вопросом о том, почему конфликт так сильно разросся в последующие дни, по мере того как все более многочисленные группы постепенно прибывали из Якауланга, Кабула, Баглана и Мазари-Шарифа.

Для восстановления спокойствия, хотя бы временного, потребовалось совместное вмешательство префектуры (вилаята), Совета мира и Совета улемов, потребовавших от стороны, признанной виновной, возместить достаточно высокие финансовые убытки. Было решено, что семья, которая возобновит насилие, будет навечно отстранена от всех политических и административных постов, которые ее члены занимают. Соглашение было скреплено клятвой на Коране, чтобы вынудить

участников соблюдать его, но немногие жители Бамиана верят в то, что конфликт окончательно разрешен. Действительно, это лишь последний по времени эпизод затяжной сорокалетней вражды, которая уже стоила жизни 74 человек: все они (за исключением пятерых, убитых в другом городе в попытке «залезть раны», – объяснили мне) происходят от одного предка, ходили в одну мечеть, принадлежали к одному религиозному течению и похоронены на одном кладбище. Следовательно, застарелый спор может в любой момент перерасти в новое побоище.

В небольшом городке Фатмасти живут около 300 семей. С 1970-х гг. в нем, как уже было сказано, случилось 74 трагические смерти: из-за последовательного сведения счетов убийцы и их жертвы нередко оказывались членами одной семьи. Жители Фатмасти называют себя иногда хазарейцами, иногда – парсиванами (фарсиванами), и они не ладят с пришедшими из Ирана уроженцами Сабзеvara. Их историю хранят мавзолеи Мир-Хакима Аги и Сайеда Хазрата Яхсуза – два основных места паломничества в городе. «Хазарейцы – потомки Чингиз-хана из династии Моголов, а мы приходим из династии Кеянидов, арийской династии», – утверждает Халифа Азиз (ПМА 2014, 2015), старейшина Фатмасти, который больше не живет в городе и потерял значительную часть своей семьи в конфликтах между кузенами по линии матери. Большинство этих насильственных смертей имели место во время джихада против советских войск и «войны полевых командиров» (1992–1996), в ходе которой его семья раскололась на сторонников «Хизб-и Наср» (впоследствии поглощенной «Хизб-и Вахдат» Абдула Али Мазари) и «Хизб-и Харакат» аятоллы Асефа Мохсени.

Этот внутрисемейный конфликт коренится в разграничении земель, в процессе которого обычно возникают противоречия между зятьями (*baja* на дари или *yazna* на пушту). По общему мнению, он был усилен двумя факторами, характерными для периода войны: свободным обращением оружия и массовой эмиграцией мужчин по политическим или экономическим причинам. Таким образом, речь идет о войне между кузенами, подогреваемой матримониальными противоречиями. Характерно, что, хотя главными действующими лицами насилия являются мужчины, тень женщин присутствует повсеместно. Они тоже неявно способствуют социальному воспроизводству конфликтов.

Как бы то ни было, разделение Фатмасти между двумя основными политическими группировками шиитов, участвующими в джихаде, наложило на более давние проблемы. По мнению молодежи, стремящейся бежать из города, с 1980-х гг. у его жителей не было «ни одной спокойной ночи». Фатмасти отправил на джихад свою долю командос, а после 2001 г. многие местные специалисты вошли в правительство Карзая, и их действия на своих постах, в свою очередь, породили недо-

вольства и вендетту. События в Фатмасти воспроизводят в миниатюре политическую жизнь всей провинции Бамиан.

В июне 2015 г. волнения в связи с назначением нового префекта напомнили о сохраняющихся разногласиях между хазарейцами и среди шиитов, унаследованных от периода джихада и более ранней местной истории. В них проявилась и еще одна составляющая социальной истории Афганистана: институт арбаков. Эти «защитники», зачастую сами создающие ситуации, в которых люди вынуждены прибегать к их заступничеству, вновь появились как вспомогательная милиция при НАТО, и выходцы из Фатмасти были в ней весьма многочисленны (ПМА 2014, 2015).

Таким образом, в Фатмасти сконцентрировались сложные социальные идентичности и политические ставки, свойственные современному Афганистану, и в частности – его центральному региону Хазареджату, на котором мы сосредоточимся в дальнейшем. Мы увидим, что международная помощь, предназначенная для (ре)конструкции государства, после 2001 г. парадоксальным образом способствовала дальнейшей этнизации и конфессионализации экономических и политических отношений – в полном противоречии с принципами *good government*, проповедуемыми международными донорами. Множащиеся конфликты идентичностей и традиционных форм коллективного членства на самом деле заставляют задуматься о более принципиальном противоречии между культуралистскими представлениями об афганском обществе и последствиями включения страны в мировую капиталистическую экономику. Так, возложение ответственности за социальное и политическое насилие в Афганистане на исламистскую радикализацию, этническую поляризацию или пережитки трайбализма свидетельствует о неполном понимании ситуации, поскольку такой взгляд не принимает во внимание общественные трансформации и новые ставки в считающихся традиционными конфликтах. Поэтому речи доноров, находящихся в плену глобальных моделей и парадигм, оторванных от реалий страны, проблемы которой они намерены разрешить, чаще всего наивны.

Важнейший опыт войны

Итак, история имеет первостепенную важность для понимания Афганистана. Этничность, язык, традиция или ислам сами по себе не могут рассматриваться как объяснительные категории. Мы исходили из постулата о том, что проблемы постконфликтной реконструкции в Афганистане вписываются в череду без конца воспроизводящихся давних логик, переплетаясь с ними и отталкиваясь от них. Даже несмотря на то, что борьба с талибами, неолиберальные веяния и глобализация усилили роль военных, НПО и диаспор, действующих наряду с ответственными учреждениями или вместо них.

Прежде чем перейти к современности, следует напомнить исторический контекст иностранного военного вмешательства в дела Афганистана, одной из наименее развитых стран на планете. В 1978 г. Народно-демократическая партия Афганистана устроила государственный переворот, свергнув правительство Мухаммада Дауд Хана и спровоцировав советскую оккупацию, которая продолжалась до 1989 г. (Andishmand 2009; Roy 1985). С этого времени страна жила в условиях гражданской войны (1989–1996), важнейшими событиями которой были битва за Джалалабад в 1989 г. и несколько битв за Кабул в период между 1992 и 1996 гг. (Abdolgodus 2009; Azimi 2012, 2013; Dorransoro 2000), а также иностранной интервенции. Афганистану принадлежит печальное мировое первенство по числу беженцев.

Бедность и наличие оружия усугубляют в Афганистане земельные проблемы, ускоряют урбанизацию и выдавливают людей в эмиграцию. После 2002 г. ситуация не улучшилась, но продолжила ухудшаться, в частности, в земельной сфере (Adelkhah 2013). Правительство Х. Карзая довольствовалось сохранением нагромождения разнородных законов и подзаконных актов, унаследованных от предшествующих периодов, прагматично используя в своих интересах соотношение сил на местах между различными институтами, социальными и этническими группами или полевыми командирами. В действительности за фасадом речей, обращенных к международным донорам, эта политика привела к централизации распределения земель, а затем к их захвату представителями власти и их клиентелой как от имени их самих (или их семей), так и от имени государства. С этой точки зрения отношения между господствующим политическим классом и государством, с одной стороны, и массой населения, в особенности сельского, как оседлого, так и кочевого – с другой, возможно, гораздо важнее, чем межэтнические или межконфессиональные отношения, хотя нередко это лишь две стороны одной проблемы. Единственная существенная реформа законодательства в этой сфере была проведена в 2008 г. с целью открытия земельного рынка для иностранных инвесторов. Хотя ее реализация осталась ограниченной, эта реформа создала больше проблем, чем разрешила. Она отнюдь не покончила с логикой накопления правящего класса, контролирующего сельскохозяйственные и горнодобывающие концессии, поскольку ключи от рынка и подписание контрактов по-прежнему в его руках. Хотя иностранные инвестиции действительно пришли в страну, они привели к отчуждению значительного количества земель в ущерб мелкому крестьянству и животноводству.

Такой же эффект имело провозглашение – с самыми лучшими побуждениями – неприкосновенности «культурного наследия» после шокировавшего мир разрушения буддистских статуй в 2001 г. Среди его

негативных последствий можно упомянуть выведение из сельскохозяйственного оборота таджикских земель в Бамиане и запрет строительства на них, при том что другие пригодные для эксплуатации земельные участки в этой горной местности отсутствуют (ПМА 2014, 2015).

Вопреки наложению различных текстов, разнородности доказательств собственности, сосуществованию часто противоречивых законодательных норм, дроблению территорий, перепутанности этнических идентификаций и крайней разнородности земельных ситуаций – вся эта эволюция отныне хорошо задокументирована как академическими исследователями, так и экспертами (Adelkhah 2013; Alden Wily 2013a)¹. Но большинством она рассматривается как провал «постконфликтного» урегулирования или как результат бессилия государства, которое, в отсутствие всякого «национального чувства», оказалось несостоятельным перед лицом двойного давления «коррупцированного» политического класса и «традиции». Конечно, ответственность самих афганцев велика. Тем не менее, не коренится ли червоточина в незрелых плодах непродуманного иностранного вмешательства? Суть проблемы заключается, возможно, в самой идее, если не в принципе той помощи, во имя которой действуют афганцы.

Наследие насилия 1979–2001 гг. и мучительная память о нем не исчезли чудесным образом в последующие годы. Война по-прежнему занимает важное место в сознании афганцев. Она продолжает формировать грамматику и даже лексику повседневной общественной жизни. Она стала по сути матрицей сегодняшнего Афганистана, спровоцировав массовые перемещения населения и трансферы собственности. Кроме того, она формирует общественное сознание афганцев, не перестающих возвращаться в прошлое в своих повседневных разговорах – хотя бы потому, что следы боев 1980–1990-х гг. видны повсюду, а окружающий ландшафт, особенно урбанистический, очень изменился. Пейзаж играет мнемотехническую роль, и война остается большим основополагающим нарративом в современном Афганистане. Она тем более не утрачивает актуальности, что воевали между собой не абстрактные сущности – коммунизм, ислам, нация, но живые люди из плоти и крови, связанные между собой близкими узами соседства (*shafa'a*) или родства (*owdourzadegi*), пусть даже политически или экономически сконструированными (Roy 1985; Alden Wily 2004: 27). Конечно, война всегда несет насилие, разрушения и смерть. Но то, что пережил и переживает Афганистан, не сводится только к этому трагическому измерению. С точки зрения социальной война является также экзистенциальным опытом.

Исламский интеллект Азизулла Ройеш² великолепно резюмировал эту идею в своем труде «Дайте мне дышать». Он, в частности, утверждает, что через войну человек познает жизнь: «Война – это все, она – жизнь, работа, дом; мысль рождается из войны, отношения про-

ходят через войну. Чувства, разум, убеждения, религия – все это война. Люди дышат войной, работают на нее, размышляют о ней, молятся на нее и... умирают за нее» (Royesh 2013: 130).

Изобретение этничности в Хазареджате

Эта статья главным образом основывается на двух полевых выездах 2014 и 2015 гг. в центральный регион Афганистана Хазареджат. Поскольку название этого региона отсылает к идее этнической группы – хазарейцев, следует сразу же напомнить о том, что этничность относится в меньшей степени к объективным группам, имеющим общее происхождение и ясно очерченную территорию, чем к категориям, с помощью которых (само)определяются действующие лица³. По мнению О. Руа (1985), война стала ключевым вектором формирования этнического сознания в Афганистане. Она зафиксировала присутствие четырех крупных групп населения, которые невозможно определить объективно и однозначно: пуштуы, таджики, хазарейцы и убеки. По определению эти категории являются историческими, они относительны и взаимозависимы. Человек может ощутить себя хазарейцем, а не пуштуном или таджиком в конкретной, в той или иной мере травматичной, ситуации, берущей начало в более или менее отдаленном прошлом, а также в зависимости от ставок в современной игре, разворачивающейся в свете этой исторической памяти. Вслед за Р. Таппером (Tapper 1983), О. Руа (1985) и А. Монсутти (Monsutti 2004, 2005) мы отбросим любое примордиалистское определение этничности. Сегодня она зависит, в частности, от взаимоотношений с государством, сложившихся в результате войны, а также от партийных членств. Особенно заметную роль в этнизации сознания хазарейцев – презираемого меньшинства, оказавшегося в тяжелом положении после вывода советских войск в 1989 г., сыграла группировка Хизб-и Вахдат. В то же время то внимание, которое мы уделяем политической экономии этой формы общественного сознания в контексте гражданской войны, не должно заставить нас видеть в нем – в русле справедливо критикуемой парадигмы (Marchal, Messiant 2002, 2003) – исключительно материальные аспекты, состязание алчности и обид рационально мыслящих игроков, озабоченных извлечением максимальной выгоды. Оно не должно также заслонить собой исключительную подвижность и изменчивость коллективных членств, а значит – повседневных проявлений солидарности как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Возможные идентификации множественны и обсуждаемы, и нередко можно видеть различные партии или фракции внутри одного каума⁴. По этому поводу А. Монсутти (Monsutti 2005: 99) говорит, в частности, о существовании настоящих «стратегий диверсификации коллективных членств».

Кроме того, при всей его важности, этническое измерение не следует переоценивать. С одной стороны, оно приобретает смысл только в сочетании с политическим измерением, не важно, милитаризованным или нет. С другой стороны, этническая принадлежность переплетается с языковой принадлежностью, в значительной мере делающей ее относительной и порождающей новые линии конфликтного противостояния, в частности, между дари- и пуштуноговорящими. В то же время языковые конфликты сглаживают, если не размывают бинарный межрелигиозный конфликт между суннитами и шиитами, а также межэтнические противоречия.

Начиная с XIX в. современный Афганистан строился на основе англо-российского договора как буферное государство на границе двух империй. При этом пуштуны-сунниты ханафитского мазхаба подчинили себе другие этнические группы и школы исламского права – джафаритов и низаритов, не говоря уже об индуистах или сикхах, полностью маргинализированных, а то и вытесненных после падения британского колониального режима 1947 г. Хазарейцы – шииты джафаритского мазхаба – оказались в самом проигрышном положении, а хазарейская земля стала проклятой в результате ее покорения в 1891–1893 гг., хотя следует напомнить о том, что Кафрстан (сегодня Нуристан) и Туркестан на севере и северо-востоке также были завоеваны и колонизованы новой пуштунской династией (Ghobar 2011: 483 и сл., 490 и сл.).

Хазареджат – это исторический регион, который никогда не был самостоятельной административной единицей⁵. Вплоть до принятия конституции 1964 г. он был в основном разделен между четырьмя из пяти вилайатов: Гератом, Туркестаном и особенно Кабулом и Кандагаром. Сегодня хазарейцы живут в границах десятка территориальных образований (Agez 2003). Город Бамиан – исторический центр Хазареджата, хотя он никогда не был исключительно хазарейским и шиитским. Сегодня вилайаты Бамиан и Дайкунди являются двумя регионами с преобладающим хазарейским шиитским населением, хотя присоединение в 2003 г. к Бамиану супрефектур Сайган и Кахмард, прежде входивших в вилайат Баглан и населенных соответственно на 63 и 82% таджиками-суннитами, сократило демографическое и религиозное доминирование хазарейцев джафаритского мазхаба. Кроме того, в Хазареджате живет большинство афганских исмаилитов, а также шииты-двунадесятники, ведущие свой род непосредственно от Пророка Мухаммеда, на что указывает их титул «сайед» – при этом некоторые из них, конечно, сунниты. А. Монсутти (Monsutti 2005: 91) характеризует их как «своего рода религиозную аристократию». Группа кызылбашей имеет тюркское происхождение и считается потомками персидского Надир-шаха, захватившего Афганистан в 1738 г. В 2010 г., по оценкам, 75% населения супрефектуры Бамиан составляли хазарейцы, 15% – шииты-двуна-

десятники, 10% – таджики и 0,5% – кызылбаши. Кроме того, из 86 550 жителей супрефектуры 8 345 человек, т.е. чуть меньше 10%, поселились здесь между 2002 и 2012 гг., вернувшись из эмиграции или переехав из других районов страны.

До правления «железного эмира» Абдур Рахман Хана (1880–1901), основателя современного Афганистана, Хазареджат никогда не был политически единым и управлялся племенными вождями (эмирами). При Шир-Али Хане (1863–1879) кочевники-пуштуны, известные как *кучи*, вторглись в регион, перегоняя свои стада на высокогорные пастбища. Под предлогом борьбы с «ересью», царившей в регионе, Абдур Рахман Хан в 1891 г. завоевал его, предварительно обложив население непосильной данью и подвергнув его другим притеснениям: конфискации земель и скота, арестам и депортациям, что спровоцировало мятеж. Военная кампания 1891–1893 гг. не только сопровождалась массовым истреблением населения, но и имела тяжелые последствия для будущего этого региона, колонизованного после почти полной депортации пуштунов – *кучи* и *гильзаев* – в Кабул. Выжившие и оставшиеся в регионе *хазарейцы* (многие из них бежали в иранский город Мешхед, в Кветту в тогдашней Британской Индии или в Россию) были обращены в рабство и лишены всех прав на землю, включая пастбища. Таким образом, они были вынуждены вплоть до наших дней заниматься сельским хозяйством в гористой местности с очень долгой зимой, где пригодных для использования земель катастрофически не хватает. Преемники Абдур Рахман Хана – эмиры Хабибулла Хан (1901–1919) и Аманулла (1919–1929) – положили конец террору в Хазареджате. Они отменили рабство, пересмотрели отдельные дискриминационные нормы в отношении хазарейцев и восстановили некоторые их права, наделив титулами их вождей (эмиров), что привело к соперничеству между последними и к сверхэксплуатации крестьянства (Ghobar 2011: 484). В дальнейшем при Надир-Шахе (1929–1933) и Захир-Шахе (1933–1973) доминирование пуштунов-суннитов в Афганистане, а также превращение шиитов-хазарейцев в подданных второго сорта еще более утвердилось. В 1971–1972 гг. на фоне длительной засухи разразился небывалый голод. В годы правления Мохаммада Дауд-Хана (1973–1978) угнетение хазарейцев усилилось, в частности, под прикрытием закона 1970 г. о пастбищах, признававшего все земли (а не только высокогорные пастбища), пригодные для производства кормов, собственностью государства и запрещававшего перевод пастбищных угодий в пахотные земли. Этот закон способствовал захвату земель пуштунами-кочевниками *кучи*. Однако интересы последних не ограничивались выпасом скота. За десятилетия сверхэксплуатации хазарейских земель они развили транспортную и коммерческую (в частности, ростовщическую) деятельность, гарантирующую им контроль над экономикой региона. Опра-

вившись от великой катастрофы 1891–1893 г., *кучи* отобрали у не имеющих стабильного дохода крестьян-хазарейцев, которых они сделали своими должниками, те немногие права на землю, которые те еще сохраняли (De Weijer 2007; Alden Wily 2013b; Tapper 2008; Mousavi 1998; Monsutti 2004, 2005).

Только после советского вторжения, которое, несмотря на присутствие небольшого гарнизона в г. Бамиан, практически не затронуло Хазареджат – настолько мало интереса представлял этот пустынный регион и настолько сильным и решительным было сопротивление его жителей (Mohaghegh 1984) – хазарейцы начали освобождаться от пуштунского и суннитского ига. Прежде всего, им удалось добиться от центральной власти назначения на пост премьер-министра в правительствах Бабрака Кармала (1981–1988), а затем – Мохаммада Наджибуллы (1989–1991) Султана Али Кештманда, хазарейца родом из Фулади (города в вилайете Бамиан), чьи родители были депортированы в Кабул при Абдур Рахман Хане.

В 1987 г. под влиянием Тегерана вооруженные группы, действующие от имени Исламской республики Иран: Сазман-и Наср, близкая к аятолле Монтазери (1922–2009), и Сипах-и Пасдаран, близкая к Стражам революции, объединились в Революционный совет исламского единства Афганистана, или Шура-и Эттефак, с центром в округе Якавланг вилайета Бамиан, в итоге трансформировавшийся в политическую партию. Группировка Хизб-и Вахдат тоже зародилась в Бамиане в 1989 г., и во главе ее встал харизматичный Абдул Али Мазари (Dorransoro 2000: 158 и сл., 240 и сл.; Monsutti 2005: 92 и сл.; Roy 1985; Mo'aseseeye farhangi Saghalain 1999). Большинство таджиков и почти все пуштуны тогда покинули регион, позволив хазарейцам захватить город. Последние взяли под контроль новый базар в Бамиане, хотя таджики сохранили свою коммерческую активность благодаря сдаваемым в аренду хазарейцам земле и недвижимости, а также налаженным связям с Кабулом, Мазари-Шарифом и Багланом. Они также занимались земельными спекуляциями, строя жилые кварталы и перепродавая по частям недвижимость, принадлежавшую, в частности, пуштунам из городка Дашт-и Исса Хан, на территории которого был построен аэропорт. После падения коммунистического режима в 1992 г. группировка Хизб-и Вахдат стала основным защитником хазарейцев и шиитов в Кабуле. Однако в ходе битвы, опустошившей столицу в 1993 г., она не смогла воспрепятствовать Афшарской резне, охватившей ее западные кварталы. Несколько сотен хазарейцев были убиты, по официальной версии, таджикскими и пуштунскими боевиками под командованием Ахмад-Шаха Массуда и президента Бурхануддина Раббани, однако нельзя исключить пособничество или предательство самих хазарейцев⁶.

Отступив в Хазареджат, формирования Хизб-и Вахдат, тем не менее, сумели ценой жестоких боев отстоять его от завоевания боевиками Ах-

мад-Шаха Массуда в 1995 г. (Dorransoro 2000: гл. 7). После убийства в том же году талибами Абдула Али Мазари группировка Хизб-и Вахдат раскололась надвое. Одна ее часть, под руководством Абдула Карима Халили, уроженца Бехсуда (вилаят Вардак), присоединилась к Северному альянсу полевого командира Дустума; вторая, возглавляемая Мохаммедом Акбари, уроженцем Вараса (вилаят Бамиан), вступила в союз с талибами, а также с Исламской республикой Иран. Два лагеря противостояли друг другу вплоть до 1998 г., когда талибы завоевали Хазареджат после жестокой экономической блокады. Управление регионом было сразу поручено сторонникам Мохаммеда Акбари. Однако люди Абдула Карима Халили продолжили сопротивление, предприняв, в частности, неудачное наступление на Бамиан в мае 1999 г. Бои сопровождалось большим количеством жертв и повлекли за собой разрушение 17% городских построек, в том числе базара. Почти все население – около 13 тыс. семей – бежало, и базар перешел под контроль торговцев-таджиков.

Воспользовавшись победой талибов, *кучи* вернулись в регион, чтобы попытаться вернуть свою собственность и право на землю. В январе 2001 г. в округе Якавланг возобновились бои, спровоцировав новый исход хазарейцев под давлением репрессий со стороны талибов и массовой резни, оставившей неизгладимый след в коллективной памяти населения региона.

В ноябре 2001 г. открылась новая страница в истории Хазареджата. Талибы покинули регион под натиском американской интервенции, дав возможность хазарейцам в лице Абдула Карима Халили, ставшего в 2004 г. вторым вице-президентом при Х. Карзае, войти в центральное правительство в Кабуле. Им также удалось в новой политической ситуации оспорить притязания *кучи* и таджиков на землю. Новый политический контекст, более благоприятный для хазарейцев, не привел, однако, к их политической консолидации. Внутри группировки хизб-и вахдат оформились четыре течения: «Хизб-и вахдат-и ислами» Абдула Карима Халили; «Хизб-и вахдат-и ислами-и Афганистан» Мухаммада Акбари; «Хизб-и вахдат-и ислами-и мардом-и Афганистан» Мухаммада Мохаккика и «Хизб-и вахдат-и ислами-и меллат-и Афганистан» Эрфани Якаваланги.

В 2015 г. назначение президентом республики Ашрафом Гани на пост главы города Бамиана Мухаммада Тахира Захира, пользовавшегося поддержкой Абдула Карима Халили, показало, насколько остры противоречия. Четыре депутата-хазарейца, в том числе Мухаммад Акбари, воспротивились этому назначению, организовав 16-дневную сидячую акцию протеста напротив префектуры (с 7 по 22 июня). 19 июня университетская молодежь организовала контр-акцию. Прибытие Захира 1 июля несколько не успокоило противодействующие стороны: его противники заперли двери префектуры, а сторонники тем временем устроили демонстрацию с букетами цветов в руках (ПИМА 2015).

На протяжении столетия создание афганского государства и сопровождавшие его социальные явления – среди которых урбанизация, эмиграция, конфискация или перераспределение земель – привели к болезненному формированию хазарейской идентичности, отождествляемой с этнической, если не расовой принадлежностью. С конца XIX в. как пуштунские, так и таджикские элиты считали хазарейцев монголами, и некоторые их антропологические признаки, такие как, например, плоский нос, были объектом повседневных насмешек. Различные факторы способствовали этому «изобретению этничности»: подъем шиитского религиозного самосознания в 1960-е гг. под влиянием аятоллы Мир Али Ахмада Ходжата⁷ и Сайеда Исмаэля Балхи⁸, связанный с иракскими и иранскими священными местами; расцвет в Иране хазарейской литературы сопротивления (Olszewska 2009); музыкальное возрождение, проводником которого стала радиостанция «Радио Хазарги», вещавшая из Кветты с 1975 г.; и последнее, но немаловажное: американское военное вторжение, благодаря которому вновь стало возможным публично отмечать Новруз и Ашуру в Афганистане (прежде эти ритуалы сохранялись только у хазарейцев, живущих в Кветте или в Иране) (Monsutti 2007).

Фактически формирование афганского государства превратило шиитское вероисповедание в религию подчиненных в стране, считающейся суннитской, хотя в Конституции нет упоминания о конфессиональных различиях, а государственной религией провозглашен ханафитский ислам. С 2008 г. в соответствии с новой Конституцией 2004 г. закон о личном статусе – *ahwal-i shakhsiya* – разрешает хазарейцам обращаться в Джафаритский суд, если обе стороны конфликта – шииты⁹. Тем не менее процесс этнизации хазарейцев ведет сегодня к разрыву связи между хазарейской идентичностью и шиитской религией. Некоторые хазарейцы-сунниты, объединившиеся в Совет, настаивают на признании своей двойной – этнической и конфессиональной – идентичности и, что немаловажно, встречают понимание и поддержку со стороны хазарейцев-шиитов, удовлетворенных ростом численности своих соплеменников в перспективе электоральной борьбы, имеющей этническую окраску, а также довольных своим представительством среди религиозного большинства, что позволяет им на равных взаимодействовать с другими идентитарными сообществами¹⁰. Таким образом, результатом процесса этнизации является не столько хазарейская идентичность с четко очерченными границами, сколько «хазаризация» разнородного, порой смешанного населения: например, хазарейцев – носителей пуштунской культуры, или хазарейцев-«метисов» (*doraga*)¹¹. Во всех этнических группах различают хазарейцев по происхождению (*asli*) и «причисленных» к хазарейцам (*wasli*), что позволяет утверждать (или оспаривать) «аутентичность» и «автохтонность» тех или иных семей.

Таким образом, хазарейцы и шииты не представляют собой однородной общности. Помимо разницы происхождения, неравенства, связанного с уровнем образования, достатка или половой принадлежностью, они разделены политически с момента государственного переворота 1978 г. Как уже было сказано, некоторые присоединились к Сазман-и Наср, тогда как другие поддержали Хизб-и харакат (Mohagheh, Mohammad 1984), что привело к расколу партии Хизб-и вахдатт через несколько лет после ее создания. После этого раскола некоторые стали сотрудничать с талибами, а то и прямо вошли в их ряды (Alden Wily 2004: 23). Эти внутренние политические противоречия, вылившиеся в военное противостояние на протяжении трех десятилетий, а также конфликты по поводу земли, недвижимости или финансов, питают недоверие и враждебность между шиитами, в особенности между хазарейцами и сайедами. Последних часто обвиняют в том, что они пользовались покровительством талибов (а в годы монархии – господствующего класса: пуштунов). В определенном смысле война дала хазарейцам возможность освободиться от социального доминирования сайедов, пуштунов и таджиков. Этот процесс разворачивался отчасти по ливанскому образцу, поскольку его идеолог – Абдул Али Мазари – был близок к лидеру Хезболлы Мустафе Чамрану, а также перенял опыт у других антиимпериалистских иранских или палестинских полевых командиров¹². После 2002 г. ситуация осложнилась соперничеством между хазарейцами, которые оставались в Хазареджате в годы войны (*watani*), и теми, кто выбрал эмиграцию, в частности в Иран (*zawari*), и вернулся оттуда, обогащенный опытом пребывания в диаспоре, и, наконец, теми, кто приехал из других регионов страны (в частности, из Газни, исторической вотчины интеллектуальных элит благодаря связи с Пакистаном), чтобы поселиться в Хазареджате, который отныне воспринимается как земля хазарейцев по определению (ПМА 2014–2015; Adlparvar 2015: 152 и сл.).

Реконструкция государства, помощь в развитии и изобретение этничности

Западное военное вторжение 2001 г. и последовавшая за ним «реконструкция» государства интенсифицировали процесс изобретения хазарейского Хазареджата и этнизации хазарейцев. Иностранное присутствие, порожденные им финансовые потоки и открывшиеся экономические возможности, а также насаждаемые институциональные схемы усугубили этнизацию и/или конфессионализацию афганского общества, не менее, чем возвращение беженцев и эмигрантов, инвестиции афганской диаспоры и урбанизация – и это несмотря на то, что политически и идеологически помощь в развитии была нацелена на преодоление

ние унаследованных от прошлого расколов, этого воплощения «традиций», якобы бывших причиной политического кризиса, в который страна погрузилась с 1970-х гг. Вдохновленная экспертами Международных сил содействия безопасности (ISAF) Конституция 2004 г. также опирается на примордиалистское понимание этничности и конфессиональной принадлежности и открыто признает права этносов, тем самым реифицируя последние. Тот факт, что теория национальностей (*mellat*), существовавшая при народно-демократической партии Афганистана (1978–1979) и при советской оккупации (1979–1989), возродилась под «зонтиком» НАТО, можно считать иронией истории. «Реконструкция» мыслилась по этническому или конфессиональному принципу, в соответствии с которым издавались законы, распределялись финансы, министерские и административные посты, мобилизовался электорат, возникали земельные споры и супружеские конфликты. Хазарейцы, традиционно занимавшие в Афганистане подчиненное положение, впервые почувствовали себя объектом позитивной, а не негативной дискриминации: они получили наибольшую выгоду от политики выделения ресурсов по этноконфессиональному принципу, хотя их жизнь не стала от этого намного лучше. Как уже говорилось, Конституция 2004 г. и закон о личном статусе 2008 г. узаконили джафаритские суды. Однако вековые соперники хазарейцев – *кучи* также были признаны отдельной этнической группой, и в этом качестве Конституция гарантировала им улучшение жизненных условий и доступа к образованию (Tapper 2008). Двойная реификация этих «врагов-не-разлей-вода» чревата серьезными опасностями, как уже показали кровавые столкновения между хазарейцами и *кучи* в Вардаке в 2010 г., в Газни между 2010 и 2012 гг., а также этнополитическая мобилизация депутатов – хазарейцев и пуштунов в защиту своей клиентелы в преддверии парламентских выборов.

Тот факт, что пост префекта (*wali*) вилаята Бамиан был впервые в истории отдан хазарейцу, является одной из наиболее красноречивых иллюстраций этнизации реконструкции афганского государства под эгидой международной помощи. Этот пост последовательно занимали Мухаммад Рахим Алиар в 2003 г., Хабиба Сараби (первая женщина на такой высокой должности) в 2005 г., Гулам Али Вахдат в 2014 г. и, наконец, в 2015 не без проблем на него был назначен Тахир Захир. Другой пример: около десятка административных работников нижнего звена в Шибаре (вилаят Бамиан) – хазарейцы-шииты-двунадесятники, в то время как 30% его населения составляют таджики-сунниты, а почти половина проживающих здесь шиитов относится к исмаилитам. За всеми этими назначениями последовал набор чиновников и служащих – хазарейцев, отобранных по этническому, если не фракционному критерию: вышеназванные фигуры близки к Абдулу Кариму Халили и Мухаммаду Мохаккику. Это немедленно сказалось на политике наделения

землей и иными государственными ресурсами и признания земельных прав, проводимой отныне в пользу хазарейцев и в ущерб таджикам и сайедам (Adlparvar 2014: гл. 5). Таким образом, помимо сферы политики и управления, этнизация распространилась и на экономическую сферу: так, на базаре в Бамиане осталась лишь горстка торговцев-таджиков вместо примерно двух с половиной тысяч в 1970–1980-е гг. К тому же хазарейцы покупают товар только у своих соплеменников. Нередко можно услышать: «Хазареец не ест таджикский хлеб».

Политэкономия «реконструкции» с неизбежностью наложилась на этнополитическую память о войне и предшествующих периодах в стране, где любые попытки проследить право собственности в высшей степени противоречивы в зависимости от того, какие приводятся доказательства: политические, юридические, ссылки на обычное право – письменное или устное, что делает любую отсылку к прошлому актуальной и потенциально конфликтной (Alden Wily 2004; Monsutti 2008). В период выборов афганцы легко различают среди кандидатов боевиков, сопротивлявшихся советской оккупации (тех, кого называют джихадистами) и бывших эмигрантов (мохаджиров). Точно так же они различают предпринимателей в зависимости от происхождения их состояния и их проектов. Каждый знает всю подноготную того или иного хозяина отеля, застройщика жилого квартала или рыночного торговца. Этническая и конфессиональная идентификация предпринимателей и получателей международной помощи напрашивается сама собой, и иностранцы приспосабливаются к этому, а иногда и сами на этом играют. Например, множество НПО, появившихся в вилайате Бамиан и пользующихся западной или японской финансовой поддержкой, очень быстро были переориентированы с помощи женщинам или борьбы с бедностью на межэтнические и межконфессиональные отношения в том виде, в каком их переопределила война (Anjoman-i nevisandegan-i Vatman 2011). Военное сопротивление Абдула Карима Халили наступлению талибов в 1996–1998 гг. и его политическое возвышение при президентстве Хамида Карзая довершили процесс «хазарификации» провинции, в которой прежде господствовали таджики и сайеды (первые, впрочем, продолжают осуществлять экономический и финансовый контроль из Кабула, Баглана, Мазари-Шарифа и Кундуза), а также населения, которое раньше воспринимало себя скорее как шиитов, нежели в этническом ключе, оказавшемся более важным в процессе структурирования военного сопротивления или политических партий – в данном случае Хизб-и Вахдат, или, вернее, ее четырех ответвлений. В свою очередь, большинство организаций международной помощи приняли за чистую монету это «хазарейство» Хазареджата, а после 2004 г. и сами хазарейцы массово потянулись в регион из Газни или Балха, а также из-за границы, чтобы попытаться воспользоваться ман-

ной международной помощи под лозунгом «возвращения к корням». Абдул Карим Халили поощрял это движение с целью увеличения числа своих избирателей накануне президентских выборов 2003 г., на которых он поддержал кандидатуру Хамида Карзая, в частности, мобилизуя голосование женщин – к вящему удовольствию НПО международного гражданского общества. Таким образом, этнизация и конфессионализация региона вполне может ужиться с приоритетами помощи развитию и «реконструкции» государства. И наоборот, международная помощь иногда производит «негативные» этнические идентичности, в частности, отказываясь работать в регионах, считающихся слишком радикальными или консервативными, а следовательно, опасными, среди которых преимущественно таджикские провинции Сайган, Кахмард, Шибар или юг страны, занятый талибами.

Однако эти процессы скрывают более сложные линии разлома. Как мы видели, хазарейцы бамиана не едины. Хазарейцы-автохтоны отныне соседствуют, не без трений, с хазарейцами, прибывшими из Газни, Герата или Мазари-Шарифа, а также вернувшимися из Ирана. Как и другие этнические общности страны, хазарейцы разделены изнутри не абстрактной идентичностью, а вполне конкретным социальным неравенством. Как показывает рассмотренный в начале статьи случай городка Фатмасти, ситуация выглядит еще более сложной на микролокальном уровне. Имея дело с такой фрагментированной социальной структурой, управляемой обычно двойным – родовым (*qawm*) и территориальным (*manteqa*) принципом, необходимо, как это уже очень давно продемонстрировал О. Руа (Roy 1985), не упускать из виду тот факт, что этнизация афганского общества – процесс изменчивый, политически и исторически конструируемый, по меньшей мере со времени централизаторского правления Абдур Рахман Шаха. Природа этого процесса у хазарейцев исследована А. Монсутти (Monsutti 2004, 2005). В данном случае этнизация не основана на территориализации племенных идентичностей, которую можно было бы отразить на одной из знаменитых, но от того не менее фантастических «этнических карт». Напротив, она базируется на перемещениях населения: либо добровольных, мотивированных экономическим интересом; либо принудительных, провоцируемых центральной властью – применительно к Хазареджату их причиной стали злоупотребления в ходе аграрной реформы (1976–1979) или война (1979–2001).

Таким образом, необходимо принимать во внимание не только локальные и социальные связи, но и мобильность кочевого населения, и сезонную миграцию, эмиграцию и принадлежность к диаспоре, а также учитывать подвижность и изменчивость этноконфессиональных идентификаций. Важное место следует отвести и еще одному фактору: соседству (*shafa'a*) между поселенческими или этническими группами –

источнику конфликтов и компромиссов, конкуренции и солидарности (Mumtaz 2013; Monsutti 2008).

Политическая и моральная экономика этничности

«Реконструкция» – лишь один из моментов долгой истории Афганистана, эпизод, изменивший ее ход благодаря мощности ресурсов, направленных в страну, а также введения представительских институтов, способствующих этнизации политической жизни посредством выборов. С этой точки зрения иностранная интервенция с 2001 г. сделала политически корректным содействие интеграции «меньшинства», которым в афганской политической системе являются хазарейцы, ценой этнической реификации их идентичности. При этом их социально-экономическое положение осталось подчиненным, в том числе в Хазареджате – регионе особенно бедном по причинам в том числе географическим. Большинство земельных участков здесь почти не имеют рыночной стоимости за пределами этой гористой местности, поскольку они расположены на склоне и подвержены эрозии, сползанию почвы и смыву ее дождями.

Поощряемая секьюритизацией земельной собственности, территориализация этничности усиливает предвзятость в распределении иностранной помощи. Порой распорядители финансов руководствуются собственными стратегическими, религиозными или культурными мотивами: так, Иран отдает предпочтение хазарейцам, Пакистан – пуштунам, Турция – узбекам, а Фонд Ага-Хана – исмаилитам. Но помимо этих политических подходов существуют еще соображения целесообразности: хотя большинство иностранных организаций, соблюдая политкорректность, нанимает некоторое количество хазарейцев, они все равно вынуждены опираться на пуштунов при работе на юге страны, на таджиков или узбеков – на севере. Разумеется, в Хазареджате резонно нанимать хазарейцев. Однако, несмотря на это, рабочие места в иностранных НПО в первую очередь достались суннитам – хотя бы потому, что они составляют большинство, но также потому, что они зачастую лучше образованны и лучше владеют английским языком.

Этнические сети, в свою очередь, стремятся воспользоваться финансовыми потоками международной помощи развитию и иностранным присутствием. Так, хазарейцы используют организации и проекты правозащитного толка, таджики активны в плане научного и культурного сотрудничества и в СМИ, пуштуны незаменимы в сфере телекоммуникаций по очевидным причинам безопасности (только они могут свободно перемещаться в пуштунских районах), а также благодаря соответствующему образованию, которое многие из них получили, находясь в эмиграции в Пакистане в 1980–1990-х гг.

После 2002 г. диаспора, международное сообщество и иностранные войска, находящиеся на территории Афганистана, наводнили страну деньгами, что привело к повышению цен в определенных сферах, среди которых недвижимость, отели и рестораны, воздушный транспорт, аренда машин. Подорожали также импортные продукты и некоторые местные услуги, например аренда свадебных залов. Денежные потоки нарушили равновесие прежних социальных связей, в особенности внутрисемейных, а иногда изменили самцу их природу. Результатом стала сложная помесь традиционализации и монетаризации родственных отношений.

Во всех социальных слоях доллар диктует свои законы: отцы не столько отдают своих дочерей замуж, сколько продают их, иногда очень дорого, порой еще в колыбели. Небогатый крестьянин может быть вынужден уступить дочь после нескольких неурожаев, но и глава обеспеченной и знатной семьи, который может рассчитывать на щедрое вознаграждение со стороны претендента на руку невесты, жаждущего повысить свой социальный статус, зачастую ведет себя таким же образом. Здесь вступают в силу сложные социальные стратегии, результатом которых становится инфляция брачного выкупа (*pul-i shir*). Например, отец, желая выдать дочь за одного из своих двоюродных братьев, может объявить неуголному претенденту, не обижая его, заведомо высокую сумму выкупа. И если последний откажется платить, что случается нередко, то стоимость выкупа все равно возрастает.

Под влиянием Независимой комиссии по правам человека в Афганистане, Миссии ООН по содействию Афганистану, а также множества НПО, озабоченных защитой прав женщин и соблюдением законности, афганский брачный рынок стал регулироваться юридически. В свою очередь это повлекло за собой его ускоренную монетизацию, поскольку суды – не только официально платные, но и, поговаривают, не отказывающиеся от взяток – непрерывно выносили решения относительно размеров брачного выкупа, растущего с той же скоростью, что и стоимость жизни. Причудливое сочетание денег, закона и обычая породило, например, такую практику, как компенсаторные матримониальные обмены, призванные остановить «зло» (*bad* или *badal*), а именно межсемейное, межклановое или межэтническое насилие. Известны даже случаи намеренного развязывания конфликта с целью уладить дело таким образом. Антагонизм и выгода оказались тесно связанными между собой, так что часто можно заподозрить жалобщика в том, что он нарочно затеял ссору, чтобы не платить брачный выкуп.

Наряду с земельными спекуляциями и идеологическими разногласиями, также связанными с иностранным присутствием, все это привело к деформациям в афганском обществе, имеющим высокую человеческую цену. Прежде всего, речь идет о межпоколенческом разладе, чтобы не

сказать разрыве. Молодежь часто более образованна и лучше ориентируется в деятельности международных организаций, а знание английского языка открывает ей профессиональные и финансовые возможности, как правило, недостижимые для старшего поколения. Это дестабилизирует статусные отношения: молодежь претендует на большую самостоятельность в принятии решений в по-прежнему патриархальном племенном обществе, а старшее поколение, в свою очередь, недовольно тем, что успешность молодых подрывает его авторитет. К этому добавляется дестабилизация отношений между супругами, например, когда жена имеет собственный доход благодаря работе в НПО, в то время как ее муж – безработный или же вынужден довольствоваться невысокой зарплатой, обычной для афганской экономики. При этом женщине следует вести себя очень осторожно, чтобы не вызвать интереса к себе среди коллег-мужчин: в случае развода с мужем она потеряет не только социальный статус, но и рабочее место. Бывают ситуации, когда женщина, желающая открыть у себя в доме ясли, вынуждена платить солидную сумму за аренду комнаты собственному мужу. Кроме того, женщины начинают требовать права на наследство: взрывоопасная ситуация с точки зрения как обычного, так и исламского права. Усиливается и внутрисемейная конкуренция «между равными» – между двоюродными братьями или племянниками, например, когда один из них устраивает пышную свадьбу на зависть остальным и тем самым наносит урон их репутации.

В целом можно сказать, что многочисленные линии раскола и конфликтов, пронизывающие афганское общество, усиливаются его чрезвычайной фрагментированностью, запутанностью земельных владений, этнических и конфессиональных идентичностей, принадлежности к семьям и кланам. Любое распределение ресурсов или инвестиций предполагает выбор в пользу той или иной местности – и, следовательно, в ущерб остальным. Это очень заметно в сфере сельской инженерии: водоснабжение и плата за его использование, время ожидания подключения к водопроводной сети, а также иногда нежелательные последствия для окружающей среды создают новое поле для конфликтов между деревнями или городами.

Финансовый и потребительский пузырь, непрерывно растущий с 2002 г., провоцирует опустошительные социальные потрясения. Те, кто обладает властью, используют ее для удовлетворения своих сексуальных потребностей – кто под дулом винтовки, кто в обмен на доллары или на оценку на университетском экзамене. Индивидуация женщин, вернувшихся из-за границы – с Запада, из Ирана или Пакистана – или посещающих школу, вызывает озлобление их мужей, отцов или братьев, неспособных признать, что они могут вести себя не так, как другие женщины. Супружеская ревность, чувство тем более опасное, что оно

связано с защитой чести семьи, также может сыграть свою роль. Человеческая цена всех этих трений ужасающе высока. Многих женщин они доводят до самоубийства (путем самосожжения, отравления пестицидами или крысиным ядом), другие подвергаются жестоким и бессмысленным наказаниям – отрезанию носа или ушей. Подобные издевательства многократно описаны прессой применительно к Бамиану, Дайкунди и Герату – и, что кажется странным, реже отмечаются в пуштунском, таджикском и узбекском обществах, имеющих при этом репутацию более консервативных. Однако насилие является обычным делом и при разрешении земельных, семейных, межэтнических или межконфессиональных конфликтов. Откровенная милитаризация этой сферы с подачи полевых командиров представляет собой крайнюю форму использования силы как способа социального регулирования.

Справедливо или нет, население возлагает ответственность за неконтролируемое распространение огнестрельного оружия на международные организации: не имея возможности легально приобрести оружие для самозащиты и защиты своего имущества, многие семьи добывают его незаконно, а американские военные регулярно проводят в домах обыски и конфискации. Массовый набор полицейских из числа местных жителей (около 30 тыс. чел.), которых население воспринимает как арбаков – самозванцев, контролировавших жилые кварталы и игравших главную роль в социальном насилии и гражданской войне, – также способствует милитаризации афганского общества (Dogronoro 2000: 127). Другими словами, международная помощь и генерализация насилия взаимно подпитывают друг друга, а от частных столкновений и разборок недалеко до гражданской войны, которую иностранное присутствие как раз должно было бы предотвратить.

И последнее обстоятельство, заслуживающее внимания. Провозглашенное следом за американским вторжением возвращение к мирной жизни и формирование законно избранного правительства лишило афганскую эмиграцию легального основания в глазах иностранных государств, в частности европейских стран и Ирана, которые отныне препятствуют ей, поскольку она, строго говоря, не соответствует критериям статуса беженца и права на убежище. Тем не менее, как давно продемонстрировали исследования А. Монсутти, миграционная мобильность афганцев, и в частности – хазарейцев, не поддается жестким классификациям. Последние издавна ведут образ жизни «путников», членов как минимум столетней диаспоры, подчиняющейся циклическому ритму миграций, вызванных, последовательно, а иногда одновременно, политическим изгнанием, борьбой за выживание, профессиональными, учебными или религиозными мотивами. Миграция является не только средством защиты, средством существования или обогащения, но и формой утверждения собственной зрелости и поистине об-

разом жизни. Кроме того, денежные переводы мигрантов необходимы для развития экономики страны, испытывающей мощнейшую демографическую нагрузку на фоне нехватки земли (Monsutti 2004, 2009; Gehrig, Monsutti 2003). Один только Хазареджат получал каждый год порядка 200 млн долларов от афганцев, работающих в Иране (Monsutti 2009: 102, сноска 37). Таким образом, налицо вопиющее противоречие между демонстрируемыми добрыми намерениями и эффективностью проводимой политики. Афганские подростки, бегущие через границу в Иран, Турцию, балканские страны и в Евросоюз, чтобы попытаться у Северного вокзала в Париже или у туннеля под Ла-Маншем в Кале, – яркая иллюстрация пагубных последствий территориализованного подхода к реконструкции государства, применяемого к мобильному населению.

Деформации, порой драматические, вызванные в афганском обществе западным вторжением, создают эффект ножниц. Во-первых, распорядители финансовой помощи, официальные лица и НПО остаются в плену культуралистского, если не ориенталистского, подхода к стране, которую они сами в каком-то смысле помогают традиционализировать и этнизировать. Они первые готовы сослаться на «обычай» (*rawaj*) и обращаться за советом к «старейшинам» при разработке своих проектов. Они не обращают внимания на то, что подобные советы, иногда продиктованные материальными или фракционными интересами, могут привести к усугублению социальных конфликтов, особенно в аграрной сфере, и готовы закрыть глаза на противоречия между «обычаем», отдающим предпочтение мужчинам перед женщинами, братьям перед сыновьями, старшим перед младшими и винтовке перед документами, и их собственной целью продвижения подчиненных социальных категорий, в особенности женщин, а также построения правового государства, управляемого законом и разумом, а следовательно бюрократического. Точно так же иностранцы принимают за чистую монету исламский характер афганского общества и местного права, в то время как это не всегда так: в частности, земельные отношения и право наследования не регулируются исламской юриспруденцией – фикхом (*fiqh*).

Во-вторых, помощь в развитии может дестабилизировать это общество, именуемое «традиционным», игнорируя его тайные пружины и мечтая начать с чистого листа, ускоренно внедряя монетизацию и рыночные отношения, поощряя секьюритизацию собственности и подрывая тем самым право совместной собственности и исторические компромиссы соседства (*shafa'a*), создавая новые меньшинства, безопасность которых невозможно обеспечить, предоставляя образование и

работу ничтожно тонкому слою женщин и молодых мужчин и тем самым подталкивая их к оспариванию социальной субординации и, наконец, создавая новые основания для политической и профессиональной легитимности, как правило – в ущерб «традиционным» авторитетам.

Этот комплекс противоречий, неразрывно связанных с помощью развитию, чреват социальными, политическими, а то и военными конфликтами. Сложные логики, лежащие в основе этих конфликтов, коренятся в хитросплетениях локальности (*manteqa*) и сегментарности (*qawm*) афганского общества, понять которые иностранным правительствам, распорядителям помощи и их подручным НПО мешает деформирующая и ограничивающая оптика культуралистского взгляда на афганское общество. Упрощая и реифицируя общество с помощью обманчивых признаков традиции и этничности, эта оптика полностью игнорирует его радикальную трансформацию под влиянием войны и эмиграции.

Подгоняемые календарем, которому подчиняются бюджеты; зависящие от посредников, выбранных по принципу их доступности, владения английским языком и управленческих навыков, распорядители международной помощи действуют в Афганистане подобно слону в посудной лавке. Хуже того, они нагружают традиционные социальные конфликты новым содержанием, связанным с землей, бизнесом, банковской сферой, зарплатой или образованием. Три кита, на которых зиждется афганское общество: женщина (*zan*), деньги (*zar*) и земля (*zamin*) – более чем когда-либо провоцируют конкуренцию и противостояние. Ресурсы, создаваемые в процессе развития, экономического роста и интернационализации торговли, а также порождаемая ими алчность также чреваты конфликтами. В то же время правовое бюрократическое государство, даже если для его появления хватит политических и финансовых средств, не кажется оптимальным механизмом для мирного разрешения социальных противоречий, особенно в земельной сфере. Неформальные процедуры арбитража между сторонами конфликта, которыми в совершенстве владеют талибы, видимо, лучше приспособлены к конкретным условиям страны, во всяком случае – ее сельской местности, хотя они и ведут к воспроизводству социального доминирования (Sadeghi 2013; Waczko 2013; De Lauri 2013). Кроме того, «капитализм» не способен разрешить важнейший вопрос сосуществования пастухов и земледельцев, и любая эксклюзивная секьюритизация пахотных земель или превращение пастбищ в объект купли-продажи будет иметь катастрофические последствия (Alden Wily 2013b). На местах люди действительно требуют предоставления документов о собственности, единственно способных, на их взгляд, гарантировать защиту, пусть иллюзорную, их имущества – но при этом настаивают также на соблюдении обычного права, в частности, в том, что касается соседства (*shafa'a*), несущего с собой этику коллективной ответственности.

Кроме того, столь гористая и пустынная страна, как Афганистан, где недостаток пахотных земель усугубляется растущей демографической нагрузкой, не может надеяться лишь на внутренние ресурсы для социально-экономического подъема. На протяжении десятилетий мобильность населения была основным способом его выживания, а иногда и некоторого обогащения. Тридцать последних лет денежные переводы эмигрантов являлись основным источником трансформации общества. Напротив, любые препятствия свободному перемещению людей ведут к росту внутренней напряженности. В конце 1940-х гг., например, независимость Пакистана прервала трансграничное кочевничество *кучи*, создав избыточное давление на пастбища Хазареджата. Развитие Афганистана невозможно без международной мобильности афганцев. Финансовая помощь и политика, которые не берут в расчет это обстоятельство, не принесут ни социальных изменений, ни экономического роста, и даже не помогут «запереть» население внутри страны, на что надеются западные страны и Иран.

Вот уже 15 лет мир, напуганный экстремизмом талибов и угрозой, которую они представляют для международного сообщества, смотрит на Афганистан исключительно сквозь призму джихадистской угрозы. В то же самое время страна пытается донести до Европы другое послание, которого последняя не хочет услышать, несмотря на наплыв беженцев: как построить государство, соответствующее международным нормам, добиться хотя бы минимального экономического роста и социальной справедливости, и при этом учесть необходимость мобильности населения и взаимодействия с диаспорой, насчитывающей несколько миллионов человек?

Было бы преувеличением не видеть ничего позитивного в иностранной интервенции 2001 г. Новый режим создал политическое пространство, в рамках которого все так называемые этнические группы могут договариваться о распределении внешней финансовой помощи если не на равных, то по меньшей мере на конкурентной и компромиссной основе, сами же ресурсы в данном случае играют ту же роль, что налоги в западных странах. На фоне двухсотлетней истории Афганистана это настоящий прогресс. Но этот путь развития отягощен неустойчивостью и неопределенностью.

Примечания

¹ См. также публикации *Integrity Watch Afghanistan* (<http://iwaweb.org>), *Afghanistan Public Policy Research Organization* (<http://appro.org.af>) и *Afghanistan Research and Evaluation Unit* (<http://www.areu.org.af>).

² Шиит и хазарец, Азизулла Ройеш – исламский реформист, испытавший сильное влияние иранского философа Али Шариати. Основатель и директор пилотного лицея Маррефат в Кабуле, в 2015 г. он был включен комитетом Всемирной учительской премии в список десяти лучших учителей мира.

³ Афганистан сыграл важную роль в проблематизации этничности в духе Ф. Барта (см., в частности, Tarper 1983; Digard 1988). Этому же подходу придерживается Н. Адлпар-

вар (Adlparvar 2015). В качестве обобщающей работы по этничности в Афганистане см. (Centlivres 1991).

⁴ Каум (*qaum/qaum*) – специфическое афганское родственное сообщество, определяющее идентичность индивида в его социальном окружении (см. Roy O. Islam and Resistance in Afghanistan. Cambridge, 1986; Лалетин Ю.П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной организации // Восток. 2008. № 2. С. 137–149. – Прим. пер.).

⁵ Я использую следующие переводы афганских административных терминов: вилайат (*wilayat*) – префектура; вали (*wali*) – префект; волусвали (*woluswali*) – супрефектура и волусвал (*woluswal*) – супрефект; гарийя (*ghariya*) – округ. Термин *manteqa* (букв. регион, местность) не имеет официального административного значения, но обозначает базовую единицу территориального сознания, объединяющую несколько деревень в четко определяемую локальность более низкого уровня, чем *ghariya*. Этот уровень территориальной идентичности сыграл решающую роль в войне и представляет собой столь же важный принцип солидарности, как и клановый принцип каума.

⁶ Эта версия событий опровергается самими хазарейцами, которые винят в случившемся межфракционную рознь, а иногда указывают и на роль сайедов (ПИМА 2014). См. также (Royesh 2013: 139 и сл.).

⁷ Мир Али Ахмад Ходжат (*Mir Ali Ahmad Hojjat*) – верховный афганский шиитский авторитет, основатель первой шиитской религиозной школы в Кабуле. Умер в 1974 г.

⁸ Сайед Исмаэль Балхи (*Sayed Esmael Balkhi*) – основатель современного шиитского исламского движения, известный как родоначальник требования политической автономии хазарейцев. Умер в 1968 г.

⁹ Речь идет о законе, регулирующем браки, разводы и наследование.

¹⁰ См. Bouda, A. Barnahadehai bar bab-e 'shora-i hazaraha-i ahl-i sonnat dar afghanistan', 26 Sowr 1394/2015

¹¹ См.: Yazdani (2011: 267 и сл.). Автор убежден в существовании «настоящих» хазарейцев, утверждая в то же время, что смешанные браки могли изменить их физический облик, и что есть хазарейцы «пуштунизированные» и «смешанные» (*dorageh*).

¹² Интервью с президентом Совета мира Салехом Алияром и директором телеканала Rahe-e-Farda Мустафой Макаремом (Кабул, 2014 и 2015).

Перевод с французского Е.И. Филипповой

Источники и материалы

ПИМА 2014, 2015 – полевые материалы автора.

Anjoman-i nevisandegan-i Bamyan 2011 – Shanasnamah nahadha-i madani va ahzab-i siyasi-i welayat-i Bamyan va Daikundi [The booklet of institutions of civil society and political parties in the regions of Bamyan and Daikundi], (Bamyan, 1390/2011).

References

- Abdolghodus, J.S. (2009) *Jangha-i Kabul 1371-1375* [The Battles of Kabul, 1992-1996], Bochum, Nashr-i Ida, 1387/2009.
- Adelkhah, F. (ed.) (2013), "Guerre et terre en Afghanistan" [War and Land in Afghanistan], *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133, <https://remmm.revues.org/7936>.
- Adlparvar, N. (2015) "When Glass Breaks, It Becomes Sharper": de-constructing ethnicity in the Bamyan Valley, Afghanistan, thèse de doctorat, Université de Sussex (Brighton: IDS) <http://sro.sussex.ac.uk/56083/>.
- Alden Wily, L. (2004) *Land Relations in Bamyan Province. Findings from a 15 Village Case Study*. Kaboul: Afghanistan Research and Evaluation Unit.
- Alden Wily, L. (2013a) *Land, People, and the State in Afghanistan: 2002-2012*. Kaboul: Afghanistan Research and Evaluation Unit.

- Alden Wily, L. (2013b) "The Battle for Pastures: The Hidden War in Afghanistan", *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133: 95–113.
- Andishmand, M. E. (2009) *Hizb-i demokratik-i khalq-i afghanistan. Koudata, hakemiyat va foroupanashi* [The People's Democratic Party of Afghanistan. The coup, sovereignty and collapse]. Kabul: Mayvand, 1388/2009.
- Arez, G. J. (2003) *Sarhadat va taghsimat-i idari-i afghanistan dar toul-i tarikh* [Afghanistan's borders and administrative divisions in history], Peshawar: Kor, 1382/2003.
- Azimi, M. N. (2012-2013) *Yadmandehai az jang-i Jalalabad* [What remains of the memories of the battle of Jalalabad], Kabul: Vatan, 1391/2012–2013.
- Baczko, A. (2013) "Les conflits fonciers comme analyseurs des guerres civiles: chefs de guerre, militaires américains et juges Taliban dans la Kunar" [Land Conflicts as Analyzers of Civil Wars: Warlords, American Soldiers and Taliban Judges in Kunar], *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133: 115–132.
- Centlivres, P. (1991), "Exil, relations interethniques et identité dans la crise afghane" [Exile, Interethnic Relations and Identity in the Afghan Crisis], *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*, 59(1): 70–82.
- De Lauri, A. (2013) "Terre, normes de propriété et litiges à Kaboul" [Land, Property Rules and Disputes in Kabul], *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*, 133: 133–149.
- De Weijer, F. (2007) "Afghanistan's Kuchi pastoralists: change and adaptation", *Nomadic Peoples*, 11(1): 9–37.
- Digard, J.-P. (dir.) (1988) *Le Fait ethnique en Iran et en Afghanistan*. Paris: Editions du CNRS.
- Dorronsoro, G. (2000) *La Révolution afghane. Des communistes aux talibans* [The Afghan Revolution. From Communists to Taliban], Paris: Karthala.
- Gehrig, T. et A. Monsutti (2003) "Territoires, flux et représentations de l'exil afghan: le cas des Hazaras et des Kabouliis" [Territories, Flows and Representations of the Afghan Exile: The Case of the Hazara and Kabulis], *A contrario*, 1: 61–78.
- Ghobar, M. G. M. (2011) *Afghanistan dar masir-i tarikh* [Afghanistan and its Historical Trajectory], Téhéran: Erfan, 1390/2011.
- Marchal, R. et C. Messiant (2003) "Les guerres civiles à l'ère de la globalisation. Nouvelles réalités et nouveaux paradigmes" [Civil Wars in the Age of Globalization. New Realities and New Paradigms], *Critique internationale*, 1(18): 91–112.
- Marchal, R. et C. Messiant (2002) "De l'avidité des rebelles. L'analyse économique des conflits par Paul Collier" [On the Greed of Rebels. Paul Collier's Economic Analysis of Civil War], *Critique internationale*, 3(16): 58–69.
- Mo'aseseyeh farhangi Saghalain (1999) *Shorayi etelaf, zamineh saz-i ettehad-i shi'ayan*, Téhéran: Mo'aseseyeh farhangi Saghalain, 1378/1999.
- Mohaghegh, Mohammad (1984) *Khaterat-i yek sangar neshin. Goushei az jenayat-i khawanin dar enghelab-i eslami-i afghanestan* [The memories of a trench man, Vol 1, Part of the Crimes of Landowners in the Islamic Revolution of Afghanistan], s.l., Sayed Habibollah Shafagh, 1363/1984.
- Monsutti, A. (2009) "Itinérances transnationales: un éclairage sur les réseaux migratoires afghans" [Transnational Itinerancies: A Look at Afghan Migratory Networks], *Critique internationale*, 44(3): 83–104.
- Monsutti, A. (2008) "The impact of war on social, political and economic organization in Southern Hazarajat" in M.-R. Djalili, A. Monsutti et A. Neubauer (dir.) *Le Monde turco-iranien en question*, Paris: Karthala: 195–209.
- Monsutti, A. (2007) "Image of the Self, image of the Other: social organization and the role of 'Ashura' among the Hazaras of Quetta (Pakistan)" in A. Monsutti, S. Naef et F. Sabahi, (eds.) *The Other Shiites: From the Mediterranean to Central Asia*, Berlin: Peter Lang: 173–191.
- Monsutti, A. (2005) *War and Migration. Social Networks and Economic Strategies of the Hazaras of Afghanistan*, New York: Routledge.

- Monsutti, A. (2004) *Guerres et migrations. Réseaux sociaux et stratégies économiques des Hazaras d'Afghanistan* [Wars and Migrations. Social Networks and Economic Strategies of the Hazaras of Afghanistan] Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.
- Mousavi, S. A. (1998) *The Hazaras of Afghanistan. An Historical, Cultural, Economic and Political History*, Surrey: Curzon Press.
- Mumtaz, W. (2013) "Three Faces of Shafa'a. Land Ownership on Trial in Ningharhar", *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133: 169–185.
- Olszewska, S. (2009) *Poetry and its Social Contexts among Afghan Refugees in Iran*, PhD thesis, Wolfson College, Oxford University.
- Roy, O. (1985) *L'Afghanistan. Islam et modernité politique* [Afghanistan. Islam and political modernity], Paris: Seuil.
- Royesh, A. (2013) *Bogzar nafas bakasham* [Let Me Breathe], Kaboul: Entesharat-e tak, 1391/2013.
- Sadeghi, A. R. (2013) "La protection de la propriété terrienne entre loi et arbitrages" [Legal Protection of Real Property in Afghan formal and customary Law], *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133: 83–91.
- Tapper, R. (2008) "Who are the Kuchi? Nomad self-identities in Afghanistan", *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 14(1): 97–116.
- Tapper, R. (ed.) (1983) *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*, New York: St Martin's Press.
- Yazdani, H.A. (Haj Kazem) (2011), *Pajouheshi dar tarikh-i hazaraha* [A Study of the Hazara's History], Téhéran: Erfan, 1390/2011.

Сведения об авторе:

АДЕЛЬХА Фариба – антрополог, ведущий исследователь Института политических наук (SciencesPo-CERI) (Париж, Франция).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Fariba Adelhkhah, SciencesPo-CERI (Paris, France).

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28 января 2022 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 28.01.2022;
accepted for publication 01.04.2022.*

МЕТИСЫ И МЕТИСАЦИЯ В КАНАДЕ (отв. ред. специальной темы номера – М.Б. Башкиров и Д. Ганьон)

Научная статья
УДК 34.03:316.022.4
doi: 10.17223/2312461X/35/3

ПРЕТЕНЗИИ НА СТАТУС МЕТИСА В КАНАДЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ МЕТИСНЫХ СООБЩЕСТВ, ИНИЦИИРОВАННЫХ МИНИСТЕРСТВОМ ЮСТИЦИИ

Дана Энн

Университет Сен-Бонифас, Манитоба, Канада

Аннотация. В 2003 г. Верховный суд Канады по делу Паули заключил, что метисы – это отдельный народ, отличающийся от Первых наций и инуитов. Кроме того, он установил десять особых критериев того, кто может законно претендовать на права рыболовства и охоты в целях самообеспечения. Предвидя растущее количество претензий на права метисов, Министерство юстиции в 2004 г. провело обширное исследование двадцати сообществ смешанного происхождения. С помощью исторических свидетельств различным экспертам было предложено отреагировать на два критерия этих исследований: возможный этногенез исторических сообществ метисов и показатели эффективного европейского контроля на исследуемой территории.

В статье предлагается контекстуализация инклюзивного и эксклюзивного определения метисов в Канаде. Представлен обзор различных исследуемых сообществ и территорий, проводится сравнительный анализ различных показателей возможного этногенеза в этих исторических сообществах. Пролитается свет на концептуальные ограничения и научную предвзятость этого масштабного проекта, заказанного Министерством юстиции Канады.

Ключевые слова: канадская мехоторговля, метисная идентичность, решение по делу Паули, метисный этногенез в Канаде, социоэкономические черты исторических метисных сообществ

Для цитирования: Энн Д. Претензии на статус метиса в Канаде: критический анализ исследований исторических метисных сообществ, инициированных Министерством юстиции // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 36–59. doi: 10.17223/2312461X/35/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/3

Claiming the “Métis” status in Canada: A critical analysis of the department of Justice’s inquiries on historic Métis communities

Dana Hennes

Université de Saint-Boniface, Manitoba, Canada

Abstract. In 2003, the Supreme Court of Canada *Powley*’s case concluded that the Métis are distinct people from the First Nations and the Inuit in Canada. Besides, it established ten specific criteria on who can legally qualify for indigenous fishing and hunting subsistence rights. In anticipation of a growing number of Métis right claims, the Department of Justice requested in 2004 an extensive study project twenty communities of mixed ancestry in Canada. Through historical evidence, different experts were requested to respond to two criteria in those studies: the possible ethnogenesis of historic Métis communities, and the indicators of effective European control in the study area.

This article first provides a contextualization of the inclusive and exclusive definition of the “Métis” in Canada. An overview of the different communities and territories under study will then be presented, followed by a comparative analysis of different indicators of a possible ethnogenesis in those historical communities. Last but not least, this article will shed light on the conceptual limitations and scientifically biases of this large-scale project requested by the Department of Justice in Canada.

Keywords: Canadian fur trade, Métis identity, *Powley* judgement, Métis ethnogenesis in Canada, Socio-economic traits of historical Métis communities

For citation: Hennes D. (2022) Claiming the “Métis” status in Canada: A critical analysis of the department of Justice’s inquiries on historic Métis communities. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 36–59. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/3

Введение

Требование статуса исторического метисного сообщества сегодня – один из наиболее важных вопросов в политике, связанной с коренными народами в Канаде: вопрос о том, кто может быть определен как метис, тесно связан с признанием прав коренных народов. Исторически лица смешанного происхождения – это выходцы из сообществ, произошедших от союза индейских и инуитских женщин и мужчин евро-канадского происхождения, которые появились в контексте мехоторговли в XVII–XIX вв. Сегодня вопрос метисной идентичности связан с юридической, культурной, исторической и концептуальной борьбой. В статье предпринята попытка предложить ключи для понимания этих вопросов и отрефлексировать определение «сообщество метисов».

Трудность определения метисации в Канаде начинается со статьи 35 Акта о Канаде (1982 г.), которая признает метисов как один из трех коренных народов Канады, но не уточняет того, кто такие метисы. Эта концептуальная и юридическая размытость вопроса о метисах конкретизируется в связи с делом Паули (2003 г.), которое устанавливает десять критериев для сообщества смешанного происхождения, обладающего правами коренных народов. Постановление по данному делу устанавливает юрисдикцию в вопросе о метисах, после чего в поисках прав коренных народов на охоту и рыболовство в целях самообеспечения запускается волна юридических требований метисных сообществ.

Предвидя увеличение количества этих требований в судах, Министерство юстиции Канады инициировало крупное исследование, чтобы потенциальное признание 20 исторических метисных сообществ имело юридические основания. Опираясь на исторические источники, авторы этих исследований были призваны изучить два вопроса: метисный этногенез, т.е. условия и процессы появления особых исторических сообществ смешанного происхождения на определенной территории и фактическое европейское господство, которое для такого сообщества должно было начаться позже.

Статья содержит критический анализ критериев Министерства юстиции, которые ориентированы на изучение контекстов появления метисных сообществ в 20 исследовательских отчетах. Концептуальные, методологические и географические границы этих отчетов обсуждаются на базе компаративного анализа главных результатов изучения исторических исследований, в особенности тех, которые концентрируются на этногенезе. Учитывая сложность различных контекстов появления исторических метисных групп, в статье выделено значение аналитических и концептуальных рамок, адекватных для изучения метисной онтологии соответствующими способами.

Метисный вопрос в Канаде

Дискуссия о метисной идентичности играет в Канаде первостепенную роль: она нацелена на то, чтобы на конституционном уровне дать определение метисного сообщества как правообладателя (Gagnon 2019: 18). Настоящие цели, таким образом, привязываются к определению этнонима «метис» и к понятию «метисное сообщество», как и к их требованию и применению. Это причина, по которой необходимо обрисовать ситуацию с разным принятием этих терминов.

Метисная идентичность в Канаде в инклюзивном и эксклюзивном подходах. В канадском контексте определение социальных категорий «метис» и «метисная идентичность» связано как с оппортунистской, так и стратегической борьбой, что содержит в себе безусловную

агентность¹ перед лицом точных социоисторических событий, таких как Акт о Манитобе 1870 г., Закон об индейцах 1867 г. или Конституционный акт 1982 г., статья 35 которого играет центральную роль в метисном вопросе: она признает метисов коренным народом Канады и их право на охоту для самообеспечения², но не содержит в себе точной дефиниции «метис». Два главных подхода к метисной идентичности, которые сегодня превалируют в Канаде – эксклюзивный и инклюзивный, – берут свое начало в этой концептуальной неточности термина «метис».

Эксклюзивный подход, выраженный в официальном дискурсе Национального совета метисов (НСМ)³, признает лишь «нации» метисов Запада, вышедших из колонии Красной реки; только они могут обладать статусом метиса и правами, закрепленными в статье 35. Сторонники этого подхода настаивают на том, что метисной идентичностью могут обладать исключительно члены этих сообществ. Инклюзивный подход признает существование метисных сообществ на территории всей Канады, и не обязательно они должны обладать правами коренных народов (Gagnon 2019: 18). Эта двойственность утверждает разницу между «метисом с Красной реки» (представленную НСМ) и «другими метисами» и «сообществами смешанного происхождения» (представленными различными ассоциациями). Отметим, что в данной статье термин «метисация» будет использоваться как этническая метисация, давая место появлению сообществ смешанного происхождения, как и процессам создания новых идентичностей и отдельных культур. (Gagnon 2019: 20). Аналогично термины «метис» и «метисное сообщество» будут использоваться, чтобы обозначить как метисов Красной реки, так и все другие сообщества смешанного происхождения в Канаде, независимо от того, обладают ли они правами коренных народов, обозначенными в статье 35. Только решение по делу Паули в 2003 г. установило реальную судебную практику в Канаде по вопросу о метисах, которая сегодня доминирует в аспекте законности, связанному с требованиями статуса метисного сообщества-правообладателя.

Судебное решение по делу Паули: юриспруденция в метисном праве. В 1993 г. Стив Паули и его сын Родди были задержаны за незаконную охоту без разрешения в регионе Со-Сент-Мари в Онтарио. На суде Паули заявили о своей невиновности, требуя исконных прав как метисы. Как суд первой инстанции, так и Верховный суд и Апелляционный суд Онтарио признали это право в соответствии со статьей 35, в то время как Корона обжаловала каждое из этих решений (Gagnon 2019: 171). Только в 2003 г. Верховный суд признал, что статья 35 Акта о Канаде гарантирует членам сообщества метисов Со-Сент-Мари и окрестностей исконное право, подтверждая право на охоту в целях самообеспечения.

Дело Паули уточняет, что слово «метис», по смыслу 35 статьи Конституционного акта 1982 г., не распространяется на всех лиц смешанного индейско-европейского происхождения, но относится к особым народам, которые в соответствии с их смешанным происхождением обладают собственными обычаями и коллективной идентичностью, признанной и отличающейся от их индейских или инуитских предков, с одной стороны, и европейских предков – с другой (CSC Powley 2003). Так, дело Паули, до того как дать определение «метис», определило характеристики, которые позволяют идентифицировать сообщества-правообладателей прав коренных народов (Gagnon 2019: 36). Согласно делу Паули, метисное сообщество – это «группа метисов, обладающая особой коллективной идентичностью, живущая вместе в одном регионе и придерживающаяся общего образа жизни» (CSC Powley 2003, paragraphe 12). Данное определение концепта метисного сообщества не исключает того, что другие его определения могут также иметь силу, однако хорошо, что это определение создает прецедент в канадском законодательстве (Gagnon 2019: 14). Закон в равной мере гласит, что появление особого метисного сообщества должно предшествовать наступлению фактического европейского контроля на данной территории: «Чтобы принять во внимание историю метисов, надо учитывать критерий первостепенности в господстве над территорией, когда европейцы установили свою политическую и юридическую доминацию в данном регионе и которая привлекает внимание к этому периоду, следующему за рождением данного метисного сообщества и последующему подчинению европейским законам и обычаям» (CSC Powley 2003).

Так, решение по делу Паули ссылается на коллективный характер исконных прав, утверждая, что эти права распространяются не на любую персону смешанного происхождения, а на целые «метисные сообщества». Существование таких сообществ должно быть доказано в каждом отдельном случае (Gagné, Larcher, Grammond 2014: 151). Из этого следует, что новаторское и оппортунистское пространство однажды появится на территории Канады: множество сообществ смешанного происхождения, чье существование признается делом Паули, будет развивать модель агентности, требуя в суде признания своего статуса и прав коренных народов. Для того чтобы быть признанным как историческое метисное сообщество, сообщество должно удовлетворять 10 критериям дела Паули:

- 1) сообщество должно иметь смешанное происхождение (европейское и коренное);
- 2) практики, культуру, образ жизни и традиции, признаваемые и отличающиеся от европейских и коренных;
- 3) признаваемую и отличающуюся от европейцев и коренных народов идентичность;

- 4) жить на определенной территории;
- 5) устройство сообщества должно быть следствием первых контактов с европейцами и предшествовать установлению господства «ее Величества» на территории;
- 6) сообщество должно обладать уровнем постоянности и стабильности вплоть до сегодняшнего дня и сохранением требуемого исконного права;
- 7) принадлежность просителя к сообществу должна быть основана на самоидентификации на родовых связях с членами исторического метисного сообщества и на принятии просителя настоящим сообществом.

Исследования Министерства юстиции

После того как были установлены критерии в деле Паули, Верховный суд принял во внимание возможные варианты каждого структурного элемента. Подтверждение правомочности сущностных критериев определения статуса метиса должно определяться с помощью юриспруденции. Предвосхищая последствия дела Паули и предвидя рост требований прав коренных народов со стороны сообществ, не признанных судом, Министерство юстиции ходатайствовало в 2004 г. о начале исследования некоторых сообществ смешанного происхождения в Канаде. Различные команды экспертов (историков, географов, этнологов, адвокатов) должны были ответить на вопросы о двух критериях, утвержденных Верховным судом: о возможном существовании исторических метисных групп и дате фактического воцарения евроканадцев на территории. Цель – юридически утвердить существование 20 сообществ смешанного происхождения, удовлетворяющих критериям Паули (Gagnon 2006).

Цели и методология исследований. Между 2004 и 2014 гг. разными группами экспертов были написаны 20 исследовательских докладов о различных канадских регионах, составивших в общей сложности 2 714 страниц текста. Эти исследования отвечают на одну из рекомендаций Королевской комиссии по коренным народам, которая предлагает правительствам «ждать того, чтобы метисные сообщества без политической организации могли дать полномочия ассоциациям представлять себя до установления их конституционного признания» (Gagnon 2019: 95). Кроме их вклада в изучение требований признания идентичности, эти работы призваны продемонстрировать существование и исторические условия появления официально непризнанных метисных сообществ.

Методологические директивы Министерства юстиции утверждают необходимость обращаться к прямым источникам и не брать в расчет

устную историю и этнографические исследования. Главные исследуемые источники – это архивы торговых компаний (журналы торговых постов, бухгалтерские книги, списки работников), рассказы путешественников, путевые заметки, миссионерские архивы, брачные регистры (записи о рождении, крещении, вступлении в брак, смерти), демографические данные и различные правительственные отчеты (записи комиссии сертификации метисов и т.д.). Для того чтобы улучшить теоретический инструментарий и объективно осознать социоисторический контекст, авторами были изучены различные вторичные источники.

Период исследования варьируется для каждого отчета, но в целом находится между началом XVII (основание первых миссий или торговых постов) и началом XX в. Даже организация представления данных вариативна. В общем, внутренняя организация исторических данных следует хронологии, делящейся на географические и/или тематические части. Некоторые отчеты подчеркивают особую важность демографических или генеалогических данных, достаточно взглянуть хотя бы на просопографический анализ. Выводы авторов обычно основаны на цитатах, отрывках из прямых источников и статистических данных, способствующих контекстуализации данных. Большинство исследований содержат выводы, основанные на сводной аналитике основных данных, расположенных вокруг двух столпов: установление господства и этногенез.

Эти исследования, инициированные Министерством юстиции, играют не только важную роль в истории сообществ смешанного происхождения в Канаде, но и потенциально могут оказать воздействие на их будущее на законном, идентичностном и общинном уровнях. Именно это стало причиной, по которой анализ этих отчетов был проведен в рамках исследования, поддержанного Советом по исследованию в гуманитарных науках (2014–2017 гг.).

Анализ исследований: контекст и методология. В 2014 г. Дени Ганьон, антрополог из Университета Сен-Бонифаса и глава Канадской исследовательской группы метисной идентичности создал команду в рамках своего проекта – «Статус метиса в Канаде: агентность и социальные вызовы». Мультидисциплинарная команда в течение четырех лет занималась анализом заявленных исследований по просьбе Министерства юстиции. Их целью было создать по три документа для каждого из исследований: подробное резюме, модуль исследования и избранную библиографию. Этой работой они стремились провести анализ контекста появления сообществ смешанного типа, обеспечить историческую перспективу их требований и «растянуть» узкие границы распространения юрисдикции на новые сферы и политизации вопроса о статусе метисов в Канаде.

Большинство исторических исследований объемом от 44 до 218 страниц были составлены на английском языке для Министерства юстиции. Разработка детальных резюме сопровождается переводом

данных из исследований на французский. Перевод этнонимов, топонимов и социоэкономических терминов вызывает особый интерес, гарантируя семантическое и концептуальное соответствие прямым источникам. Изучение исторических отчетов через «сетку» тематического и динамического анализа⁴ является «сердцем проекта». Целью была стандартизация (в рамках возможного) данных и результатов исследования в модуле исследования (МИ). Этот модуль синтезирует сущностную информацию каждого из них в отношении целого ряда категорий, чтобы способствовать в рамках исследования междисциплинарному и сравнительному анализу сообществ. Каждый МИ базируется на критическом анализе, позволяющем автору МИ интерпретировать и детализировать методологию отчета, данные исследования и главные результаты.

Метод анализа рабочей группы – качественный: данные, полученные из первичных и вторичных источников, сегментируются и классифицируются с помощью концептуальных матриц для интерпретации результатов. В компаративной перспективе особая важность придается терминам, применяемым к метисам в ходе истории (этнонимам), случайностям исторических процессов, связанных с этногенезом сообществ, их особым социоэкономическим чертам и отдельным процессам и политическим контекстам, которые признаются, ценятся и обесцениваются этой идентичностью.

Сообщества и территории исследования. Министерство юстиции выбирает географические зоны для того, чтобы получить специфические модели историчности и этногенеза для каждой территории, позволяющие изучать сообщества смешанного происхождения. Важность территориальности заключается в том, что сообщества, требующие своего статуса в качестве исторического метисного сообщества и правообладателя, должны доказать перед судами, что они среди прочего обладают прямой связью с историческими сообществами на этой же территории до периода господства государства (CSC Powley, 2003, paragraphe 12). В исторических анкетах каждое сообщество смешанного происхождения отмечено именем точно определенного региона. На карте представлено 20 региональных сообществ, признанных Министерством юстиции с 2004 по 2014 г. (Gagnon 2019: 94).

Важнейшие результаты анализа исследований

Для того чтобы быть признанными как историческое метисное общество, обладающее особыми правами, сообщество должно доказать перед судом, что среди прочего оно обладает особой культурой и прямой связью с историческими сообществами, проживавшими на той же территории до периода установления господства государства. Далее рассмотрим предмет и анализ двух важных вопросов, на которые стре-

мятся ответить исторические отчеты: возможный этногенез особого метисного сообщества и фактическое господство на территории исследования. Учитывая аналитическую комплексность, многофакторность и интерпретационность этногенеза, этот концепт будет проработан глубже, в то время как концепт установления господства (*la mainmise*), изучение которого кажется более объективным и однозначным, будет представлен коротко.

Господство над территорией. Следуя директивам Министерства юстиции, европейское господство анализируется на базе таких факторов, как религиозное присутствие, правительственное присутствие, переговоры о договорах⁵ в описываемом регионе. Главные события, принимаемые во внимание в исследовании об установлении господства, – это основание религиозных миссий, строительство торговых фортов, установление законности (полиция и суды), осуществление суверенности над территорией (такие как британская колонизация или основание доминиона Канада в 1870 г.), деление на политические округа, межевание земель и т.д. В целом авторы не уточняют дат фактического господства над территорией, но анализируют в хронологическом порядке различные аспекты евро-канадского присутствия в регионе. Заметим, что фактическое установление господства и основание институций и инфраструктур происходит последовательно вслед за ростом количества миссионеров и развитием мехоторговли с востока на запад.

Знаковые периоды утверждения господства над территорией для каждой провинции Канады отражают эту тенденцию: Нью-Брансуик (1670 г.), Новая Шотландия (1670 г.), Ньюфаундленд и Лабрадор (1760–1950 гг.), Квебек (1842–1850 гг.), Онтарио (1815–1850 гг.), Манитоба (1870–1880 гг.), Альберта (1870 г.), Саскачеван (1880–1912 гг.), Британская Колумбия (1858–1864 гг.), Северо-западные территории (1921 г.) (Gagnon 2019: 140).

Этногенез. Этногенез определяется как процесс появления особой этнической группы. Следуя директивам Министерства юстиции, исторические исследования должны более точно изучать появление сообществ смешанного индейско-европейского происхождения, члены которого проживают вместе в том же регионе, обладают особой коллективной идентичностью и разделяют общий образ жизни. Авторы, которые с уверенностью говорят о метисном этногенезе в регионе исследования, составляют исключение. Если авторы фиксируют особое смешанное сообщество, которое появляется в течение времени исследования, то они с осторожностью говорят об «определенном» этногенезе, выделяя в большей мере признаки, которые позволяют говорить о развитии особых сообществ. Это неудивительно, поскольку в анализе этногенеза в расчет берутся различные факторы – они комплексны, многообразны, часто это сюжеты, подразумевающие различные ин-

терпретации: 1) родственные браки, эндогамия, патронимическое соединение, метисная генеалогия; 2) этнонимы, атрибуция внешнего этнического статуса и самоидентификация; 3) демография и географическое распределение населения; 4) социоэкономические черты и культурные особенности; 5) индикаторы идентичности или коллективного сознания.

В первой части этого раздела рассматриваются главные аргументы, используемые в различных исторических исследованиях о возможном метисном этногенезе. Во второй части кратко представлены аргументы, выдвинутые, чтобы, напротив, опровергнуть существование этногенеза. Отметим, что многие авторы в своих отчетах основываются на аргументах этих двух категорий, делая тем самым анализ возможного этногенеза ограниченным, интерпретативным и иногда гипотетическим. Важно заметить, что никакой из представленных ниже факторов не достаточен сам по себе, чтобы зафиксировать этногенез: все исследования основываются на множестве факторов, для того чтобы утвердить или опровергнуть возникновение особых метисных групп. Для этого будет предложено общее изложение характерных черт метисных сообществ в исследовании и контекста их появления.

Аргументы в пользу этногенеза:

1. *Брачные практики и метисная демография.* Растущее количество эндогамных родственных браков – один из главных индикаторов этногенеза. Регистрации браков и крещений документируют эти эндогамные браки, так же как и возникновение межпоколенческих связей (о. Большое Невольничье, Залив Джеймса, Нью-Брансуик, Маттава, Лак-дю-Буа). Некоторое метисные сообщества свидетельствуют о значимых родственных связях: в раппортах по Маттаве 89,92% жителей имеют прямые родственные связи. Эта эндогамия – результат экспансии мехоторговли, родственных браков и перемещения работников меховой индустрии. Документация множества эндогамных браков идет часто совместно с важностью метисной демографии в регионе исследования. В докладе о заливе Джеймса, например, число работников смешанного происхождения колеблется от 30 в 1830 г. до 85 в 1901 г., и это наводит на мысль, что население поста эволюционировало в сторону сообщества смешанного происхождения.

2. *Внешняя и внутренняя идентификация лиц смешанного происхождения.* Другой ключевой индикатор в возможном метисном этногенезе – различные этнонимы, которые обозначают лиц смешанного происхождения в исторических источниках. Мы различаем внешнюю и внутреннюю идентификацию. Внешняя этническая идентификация происходит от сторонних наблюдателей, в основном от работников мехоторговой индустрии, миссионеров и колониальных офицеров. Эта идентификация лиц смешанного происхождения часто осуществляется

по социоэкономическим названиям и позже – по этническим статусам, которые служат расовой классификации.

В первое время эти лица выделяли по функции их профессиональной специализации в мехоторговле. Мы встречаем такие названия, как Апрунтайс Бой (Apprentice Boy) или Фэктори Лэдс (Factory Lads) (Залив Джеймса), лайвейрес (liveyres) и Плантерс (Planters) (Лабрадор) или еще вояжеры (voyageur), лесные бродяги (coureur de bois), поедатели сала (mangeur de lard), чико (chicot) или зимовщики (hivernant) (Южный Саскачеван). Эти этнонимы способствуют развитию подлинной собственной идентичности в мехоторговле. Далее следуют названия с этнической или расовой коннотацией, такие как индейская страна (Indian country), смешанная кровь (sang-mêlé), нэтив (native) или метис (métis). Их обозначение зависит от того, к какой мехоторговой компании они относятся: в британской Компании Гудзонова залива главным образом превалируют этнонимы «полукровки» (half-breed) и «смешанная кровь» (mixed-blood), в Северо-Западной компании, где служило много французов, используются названия «жженое дерево» (Bois Brûlés) или «метиф» (Metifs). Заметим, что эти этнонимы не имеют однозначных и четких значений и что идентификация метисов может со временем эволюционировать. Исследование по Маттаве, например, выделяет влияние образа жизни на этноним: к концу XVIII в., когда местное население адаптировало евро-канадские практики (сельское хозяйство, частое посещение церкви), их стали записывать «метисы» вместо «дикари».

Внутренняя идентификация, в том, что непосредственно ее касается, базируется на автоатрибуции этнического статуса или особой идентичности и начинает фиксироваться в архивах довольно поздно (конец XIX – начало XX в.). Перепись 1901 г. позволяет, например, лицам смешанного происхождения идентифицироваться в категории «Métis/Halfbreed» (Залив Джеймс, Нью-Брансуик, озеро Виннипег), но остается сложным узнать, в какой мере переписчики заставляли их принимать собственные коды этнической идентификации.

3. *Развитие особой идентичности.* Некоторые сообщества смешанного происхождения пишут петиции, чтобы выразить свои интересы или быть услышанными правительственными инстанциями. Эти петиции – доказательства прямой (а не искаженной) самоидентификации, и именно они приводят авторов различных отчетов к тому, чтобы предположить существование четкой идентичности метисов, основанной на чувстве принадлежности (Залив Джеймса, Южный Саскачеван, Северный Саскачеван, Новый Брунсвик, Маттава). Атрибуция сертификатов метисов может также являться катализатором общего сознания и собственной идентичности, поскольку система сертификатов устанавливает социальное разделение – а зачастую и географическое – между мети-

сами и другими присутствующими в регионе сообществами (оз. Виннипег, Северный Саскачеван). В других случаях это отказ вносить семьи смешанного происхождения в список бенефициаров договора, который ведет к самопризнанию культурного различия, поощряя, таким образом, определение сообщества отдельного смешанного происхождения (Залив Джеймса). Собственная идентичность может быть ускорена и участием в совместной деятельности. В отчете по Маттаве служащие Северо-Западной компании смешанного происхождения, определяющие себя как кантримен (countrymen), участвуют в процессе возвращения своих исконных прав на рубежах колонизации в районе Красной реки. В 1814 г. под предводительством кантримена Кутберта Гранда эти люди объявляют себя Новой нацией. События, происходящие вне изучаемого региона, такие как восстание на Красной реке (с 1814 по 1817 г.) и подписание договоров, включающих метисов в прилегающие территории, также могут способствовать возникновению у групп метисов чувства собственной идентичности, как в случае с группой метисов Лак-дю-Буа.

4. *Особые экономические практики.* Многие изучаемые сообщества смешанного происхождения характеризуются особыми профессиональными ролями, сформированными экономической ситуацией, в которой они эволюционируют. В мире торговли лица смешанного происхождения зачастую играют главную роль в снабжении продуктами благодаря своим навыкам, полученным от предков – коренных жителей: они обладают опытом в области охоты, рыболовства и строительства каное. Часто служащие-метисы занимают посты, где с легкостью используют благодаря своему двойному происхождению (*leur double ascendance*) культуру обоих миров и знание территории. В качестве проводников, переводчиков, торговцев, путешественников, мореходов и фермеров они могут занимать должности любого ранга в торговой экономике (Залив Джеймса, Большое Невольничье озеро, Маттава). Некоторые занятия, например навык проводника, переходят из поколения в поколение. Таким образом, среди потомков метисов может сложиться социальная иерархия (Маттава).

Для других сообществ метисов характерна, прежде всего, охота на бизонов и присущая ей большая мобильность. Эти сообщества, расположенные в основном в центре Канады и в зоне Прерий, часто практикуют присущую им сезонную экономическую занятость: охота на бизонов зимой и земледелие весной и осенью (Северный Саскачеван, Южный Саскачеван, Маттава). Занимаясь торговлей или будучи независимыми охотниками, они обустривают в разных местах зимовочные лагеря, чтобы жить там в сезон охоты на бизонов. Эти сезонные географические объединения лиц смешанного происхождения часто представляются возможным показателем развития особой этнической идентичности.

5. *Особые социокультурные практики.* Авторы, которые констатируют существование особых социокультурных практик у лиц смешанного происхождения, немногочисленны, что может объясняться нехваткой документов об этом роде деятельности. Некоторые упоминают веру в сверхъестественное, особую фармакопею (Лабрадор) или специфическую одежду (Лак-дю-Буа, Новая Шотландия), другие – массовые перемещения для участия в католических ритуалах или же танцы и игру на скрипке по случаю праздников (Маттава). На уровне лингвистики многие авторы выделяют возможные отличительные черты населения смешанного происхождения: переводчики, владеющие несколькими языками (оз. Большое Невольничье, Маттава), двуязычие английский/кри (Залив Джеймса), пиджин Чинук Вава как родной язык для детей метисов (Нижний Фрейзер), возможное развитие креольского языка микмак-французский (Новая Шотландия) или же возможное развитие пиджина французский-оджибве или французский-кри (Южный Саскачеван).

Аргументы против этногенеза:

1. *Социокультурные факторы, неблагоприятные для этногенеза.* Отсутствие этногенеза метисов часто объясняется различными неблагоприятными социокультурными факторами. Например, незначительная численность метисов изучаемого региона приводит к тому, что в некоторых отчетах постулируется исключение возможности появления здесь метисного сообщества (Оттава, Британская Колумбия, низовья р. Фрейзер). Другие авторы утверждают, что модели браков между людьми смешанного происхождения или с людьми либо индейского, либо европейского происхождения не являются достаточно однородными или культурно обусловленными (Британская Колумбия).

Дисбаланс полов в индейском обществе также может играть свою роль, например, когда в какой-либо местности индейские женщины малочисленны (Маккензи). Для некоторых групп смешанного происхождения попросту характерно значительное социальное, религиозное или лингвистическое разнообразие. Отрицательное отношение или политика применительно к смешанным бракам также могли помешать возникновению метисных коллективов. В отчете о Маккензи отмечено, что миссионеры, прибыв на Землю Руперта в 1850 г., приняли меры, ограничивающие брачные практики, и что новая расовая теория, исходящая из социального дарвинизма, привела к более выраженному проявлению иерархии рас. Гармоничные, как правило, отношения между индейцами и евро-канадскими торговцами, тем не менее, могли омрачаться случаями насилия (убийствами), которые порождали атмосферу взаимного недоверия и неблагоприятную для смешанных браков враждебность. Наконец, Компания Гудзонова залива, получившая в 1821 г. монополию на торговлю пушниной, тоже не приветствовала смешанные сою-

зы, к которым Северо-Западная компания, однако, относилась положительно.

2. *Экономические факторы, неблагоприятные для этногенеза.* Отсутствие этногенеза также допустимо объяснять неблагоприятным экономическим контекстом. Некоторые группы смешанного происхождения отличаются разнообразием и даже четкой профессиональной специализацией (Британская Колумбия), другие же, напротив, не занимают отдельных экономических ниш. Индивиды смешанного происхождения могут принимать участие в экономической жизни торгового поста – торговле пушниной, земледелии, разведении скота – без особого разделения (Нижний Фрейзер), заниматься той же деятельностью, что и индейцы (озеро Виннипег), или просто воспринять основные экономические черты присутствующего на данной территории населения (Кот-Нор⁶, Новая Шотландия). В некоторых местах служащие торговых компаний смешанного происхождения проживали в районе исследования лишь временно. Риски торговой экономики часто становились причиной высокой мобильности и взаимозаменяемости служащих. Их непродолжительное пребывание в фактории, обычно не превышавшее пяти лет, мешало возникновению долгих матримониальных и социальных союзов (Британская Колумбия, Маккензи, Нижний Фрейзер).

3. *Ассимиляция людей смешанного происхождения с другими сообществами.* Несмотря на порой значительное присутствие лиц смешанного происхождения на исследуемой территории, исторические источники часто свидетельствуют об их поглощении коренными сообществами и евро-канадцами. Таким образом, биологическая и иногда культурная метисация может быть констатирована без появления отдельных метисных групп (Оттава, Кот-Нор, Новая Шотландия). Из отчетов следует, что метисы идентифицировали себя с одной из линий своего происхождения, вместо того чтобы самоопределяться как самостоятельная единица, хотя такие выводы часто выглядят необоснованными из-за недостатка документов, свидетельствующих о той или иной самоидентификации, как в случае с Кот-Нор и с Акадией⁷ (Новой Шотландией). В середине XVIII в. акадийцы часто определялись сторонними наблюдателями как народ смешанного происхождения, характерные черты которого имеют отношение как к французам (оседлый образ жизни, европейская одежда), так и к индейцам (длинные волосы, смуглый цвет лица). Даже британские офицеры в целом принимали смешанное происхождение за характерную черту акадийцев вместо того, чтобы рассматривать метисов как представителей отдельного в культурном плане сообщества.

4. *Возникновение сообществ, отличающихся от «отдельных локальных сообществ метисов».* Другой сценарий, объясняющий отсутствие метисного этногенеза, представляет собой возникновение от-

дельных групп, претендующих на свое отличие от метисов. Некоторые авторы констатируют возникновение торговых или рыбацких сообществ, состоящих из индивидов евро-канадского, индейского и метисского происхождения (даже если с течением времени этнические различия и стираются). В данном случае лица смешанного происхождения составляют часть торгового общества, иногда метисированного по своей сути. При этом исторические источники, тем не менее, не фиксируют отдельную культуру метисов (Залив Джеймс, Нижний Фрейзер). Этот факт подводит нас к ответу на глубинный вопрос, возможно ли различать торговую культуру и возможную культуру метисов. Другие отчеты (оз. Виннипег, Южный Саскачеван, Северный Саскачеван, Британская Колумбия, Нижний Фрейзер) свидетельствуют о волнах иммиграции лиц метисского происхождения из других регионов, не входящих в область исследования, в частности из района Красной реки. Их присутствие может привести к формированию отдельных смешанных сообществ, не попадающих под определение «локальное», исходя из решения по делу Паули.

5. Выводы, касающиеся этногенеза: обзор. Напомним, что большая часть канадских сообществ смешанного происхождения возникла в контексте мехоторговли. Согласно теории этногенеза Фостера (Foster 2001), отдельные сообщества смешанного происхождения возникают в основном тогда, когда европейцы на долгое время селятся на периферии колониальных центров и заключают матримониальные союзы с индейскими женщинами (тем самым подкрепляя коммерческие отношения). Дети, родившиеся в таких смешанных браках, позже становились культурными и торговыми посредниками между европейским и индейским населением. Этногенез метисов, основывающийся на развитии различных социально-экономических черт и коллективной идентичности, оказывается полностью зависящим от социогеографического контекста изучаемого сообщества. В восточных регионах (Кот-Нор, Новая Шотландия, Нью-Брансуик, Лабрадор), где мехоторговля представлена не столь явно или даже вообще отсутствует, двойственный статус метиса оказывается менее выгодным и не столь экономически значимым. Поскольку двойное происхождение не ведет к занятию стратегических ниш в закрытом торговом универсуме, люди смешанного происхождения быстро оказываются ассимилированными европейскими или индейскими группами или составляют часть сообщества акадийцев, которых многочисленные сторонние наблюдатели считали метисами. Однако это не исключает возникновения разных метисских культур, которые существенно отличаются от метисов канадского запада. В отчете по Новой Шотландии, например, констатируется формирование микросообщества метисов – потомков от браков между микмаками и знатными французами. В данном случае эти метисы отличаются

от индейцев и европейцев по своему общественному положению, а не экономическому статусу, как это было в других регионах.

В некоторых регионах центра страны наблюдается иное развитие идентичности, базирующееся на общих экономических чертах, связанных с сезонными передвижениями метисов. Социогеографический и экономический контексты приводят здесь к возникновению иной сезонной экономики метисов, так как люди смешанного происхождения – служащие торговых компаний и независимые торговцы – объединяются на зимних стоянках во время охоты на бизонов и на весенне-осенних сельскохозяйственных станциях (Южный Саскачеван, Маттава). Неогъемлемая мобильность такого образа жизни усиливала расширение сети экономических и брачных связей метисов. Более того, многочисленные сообщества метисов, отстаивая свои интересы, подписывали петиции, участвовали в переговорах при заключении договоров, принимали сертификаты метисов⁸, участвовали в восстании на Красной реке и тем самым усиливали свою особую идентичность и чувство коллективной принадлежности (оз. Виннипег, Лак-де-Буа, Южный Саскачеван, Северный Саскачеван, Маттава).

На западе Канады (Британская Колумбия, Маккензи, Нижний Фрейзер) наблюдается значительное этническое, культурное и экономическое разнообразие, неотделимое от торговой экономики и от присутствия различных индейских групп. Это разнообразие часто становилось причиной профессионального и социального рассредоточения людей смешанного происхождения, что неблагоприятно сказывалось на возникновении отдельных сообществ. Служащие торговых компаний смешанного происхождения пребывали в изучаемых регионах только временно, и это мешало установлению длительных брачных и социальных связей и формированию особых экономических ниш.

Критический анализ исследований

Лакуны в документах. Анализ исторических источников показывает, что надежность предварительных результатов, прежде всего, зависит от доступных для изучения исторических архивов. Лакуны в документах представляют собой препятствие для детального и исчерпывающего анализа путей возникновения сообществ смешанного происхождения. В частности, необходимо учитывать относительность демографических данных. Поскольку многочисленные исторические источники страдают неполнотой, и идентификация в архивах индивидов смешанного происхождения ненадежна, очень вероятно, что метисное население исследуемых регионов было более многочисленным, чем это следует из официальных документов. Некоторые регионы, например Новая Шотландия, очень мало посещались и документировались коло-

ниальными офицерами. Таким образом, вероятный этногенез потенциально мог ускользнуть от официального контроля.

Отсутствие внутреннего подхода. Авторы исторических исследований часто полагают само собой разумеющимся, что архивные данные являются гарантом реальности, не учитывая при этом их относительность и контекст. Такое отсутствие критического подхода в отношении достоверности исторических данных и предварительных результатов связано, среди прочего, с запретом на обращение к устным источникам, предписанным Министерством юстиции. При отсутствии устной традиции архивные источники оказываются не только лишены контекста, но и упускают узловую аспект метисной реальности, а именно внутреннюю субъективную концепцию происхождения изучаемого сообщества. Кроме того, сами метисы очень редко выступают в качестве авторов, описывающих собственный опыт. Исторические документы, составленные сторонними наблюдателями (в основном евроканадцами, при этом мужчинами), дают несколько искаженную перспективу метисной реальности, в результате чего возникает проблема их достоверности. В сочетании с пренебрежением устной традицией это отсутствие метисной перспективы приводит к тому, что сообщества смешанного происхождения оказываются незамеченными в исторических исследованиях. Вместо того чтобы изучать идентичность метисов на основе официальной истории, основанной исключительно на колониальных и церковных архивах, было бы уместно обратиться к методам исторической антропологии, которая позволяет принимать в расчет устные источники, отражающие внутреннюю перспективу метисных реалий.

Разрыв между историческими и современными сообществами

Кроме запрета на обращение к устной традиции директивы Министерства юстиции оговаривают, что отчеты не должны обращать внимание на преемственность между современным и историческим населением. Исследоваться должен только один контекст возникновения смешанного населения. Без фиксации четкой хронологической границы исследования не выходят за пределы первых десятилетий XX в. Этим ограничением Министерство обосновывает четкое различие между письменными источниками и современными свидетельствами. Однако доказательство исторической преемственности оказывается основным элементом, который следует учитывать в процессе признания прав, как это следует из решения по делу Паули, где подчеркивается, что статья 35 Акта о Канаде предписывает «поддерживать практики, которые исторически представляли собой важные характеристики тех разнообразных сообществ и которые сегодня продолжают составлять неотъемлемую часть их метисной культуры» (CSC Powley 2003). Ограничение

временных рамок в исследованиях, введенное Министерством юстиции, приводит к тому, что из виду упускаются культурные практики, существовавшие в XX в., что напрямую связано с запретом на обращение к устной истории. Ввиду отсутствия сопоставления между историческими и современными сообществами метисов можно задаться вопросом, насколько значимы эти исследования для разработки государственной политики и будущих судебных решений.

Проблема этнонимов и внешние этнические признаки

Одной из существенных сложностей, присущих историческим исследованиям, является выявление лиц смешанного происхождения в первичных источниках. Их наименования различаются, и их часто причисляют к индейскому или европейскому населению, что не позволяет выработать стабильную и надежную концепцию. Кроме того, во вторичных источниках, в ретроспективном плане, этнонимы часто оказываются навязанными историческим группам метисов, что препятствует изучению реалий метисов в свете возможных исторических случайностей контекста их появления. Контекст возникновения сообществ метисов приводит к изучению терминов, обозначающих членов этих сообществ, скорее с социально-экономической, нежели с этнокультурной точки зрения. В конце XVIII в. у торговых компаний не было никаких терминов, которыми бы именовались индивиды, родившиеся в смешанных браках. Экономические роли и родственные связи имели гораздо большее значение для идентификации и определения людей. Таким образом, метисы – это актеры истории, играющие свои роли на разных культурных и этнических горизонтах, развивающиеся и снова изобретающие себя в возникающих социальных пространствах. Внешние определения людей смешанного происхождения скорее позволяют выявить роль этих коллективов в контексте торговли (или в колониальном обществе), чем определить зависящие от случая разные этнические категории. На деле, в отчетах прослеживаются разные реалии и множество групп смешанного происхождения. Они могут быть идентифицированы на основе анализа торговой экономики как охотничьи или рыбацкие группы, как зимовщики или независимые охотники, живущие с индейцами или евро-канадцами в зависимости от их многочисленных сезонных перегруппировок и т.д. Таким образом, анализ этнонимов вряд ли позволяет идентифицировать различные исторические коллективы, он, скорее, предлагает нам изучать лица смешанного происхождения в свете исторической многогранности процесса их конструирования и постоянных (пере-)определений.

Вопрос внутренней идентификации также остается открытым в большей части отчетов. Констатация этнического самоопределения оказывается весьма запоздалой, так как она восходит только к первым офици-

альным переписям между 1881–1901 гг., где индивиды перечисляются на основе их происхождения и родства. Однако ничто не мешает заключить, что переписчики вели подсчет в соответствии со своими собственными ценностными установками. Это ставит под вопрос надежность демографических и этнографических данных по метисам. Равным образом, принимая во внимание отсутствие источников, написанных самими представителями сообществ метисов, часто представляется невозможным определить вероятное внутреннее определение этнического статуса.

Проблема территории и сообщества

Дело Паули требует предоставления доказательств существования сообщества в период, предшествующий установлению канадского господства. С тех пор территориальный аспект имеет решающее значение, поскольку реализация прав предков, например права на охоту, происходит на определенной территории (Gagné, Larcher, Grammond 2014: 156). Определяя метисное сообщество как «группу метисов, имеющих отдельную коллективную идентичность, совместно проживающих в одном районе и ведущих одинаковый образ жизни» (CSC Powley, 2003, paragraphe 12), Верховный суд признал социологическую и географическую коннотацию понятия сообщества. Юридически община метисов определяется как «группа людей, занимающих определенную ограниченную и локализованную территорию» (Gagnon 2019: 41). Таким образом, исследования ограничивают понятие сообщества до уровня локальной общины (Vibert 2007), не принимая во внимание его социальные, политические и прежде всего динамические параметры.

Итак, исторические отчеты требуют изучения отдельных сообществ метисов, которые связаны с конкретной физической и географической средой. Эта директива не позволяет принимать в расчет понимание метисами территории в эпоху возникновения исторических сообществ. Такое ограниченное понимание концепции «сообщества», поддержанное Министерством юстиции, упускает метисную концепцию сообщества, которое совсем не обязательно должно иметь конкретную географическую привязку. Также отметим, что сегодня сообщества организованы в соответствии с провинциальными границами, которых не существовало в эпоху установления господства со стороны официальных канадских властей, а значит, и в эпоху формирования сообществ метисов (Teillet 2012).

Таким образом, территориальный аспект изучения сообществ метисов требует релятивистского подхода, адаптированного к историческим обстоятельствам их появления. Фактически исторический контекст возникновения сообществ метисов тесно связан с торговлей пушниной и охотой на бизонов. Такая традиционная экономическая деятельность базируется на мобильности, когда освоение территории было сезонным и гиб-

ким. Люди смешанного происхождения (особенно в центре страны) постоянно передвигались по обширной территории, выходя за пределы географических границ, установленных Министерством юстиции. Именно благодаря этим передвижениям, связанным с жизнеобеспечением, метисы устанавливали связи с другими метисными сообществами (Gagné, Larcher, Grammond 2014: 163). В некоторых исторических исследованиях утверждается, что прочные связи завязывались между сообществом людей смешанного происхождения, определяемым как «местное», и другими удаленными сообществами (оз. Верхнее, Маттава, Нью-Брансуик, залив Джеймс и т.д.). Эти связи возникали вдоль торговых путей и подкреплялись матримониальными союзами. Экономическая мобильность метисов, сочетающаяся с важностью родственных связей, определяла присущие им социально-экономические черты, что в дальнейшем способствовало возникновению общей идентичности. Более того, регулярное посещение определенных мест, таких как зимние стоянки, охотничьи территории и рыболовные участки, порождало чувство коллективной принадлежности, и постоянное пребывание людей в этих местах не являлось необходимым для этого условием. Принятие более гибкого понятия сообщества, ставящего акцент скорее на развитии региональной коллективной идентичности, чем на различных видах деятельности в определенных местах, позволило бы включить дисперсно рассредоточенные сообщества метисов в анализ возможного этногенеза.

Итак, представляется очевидным, что «совокупность исторических доказательств показывает несостоятельность концепции сообщества, ограниченного конкретными местностями или селениями» (Gagné, Larcher, Grammond 2014: 163). Анализ исследований показывает несоответствие концепции «локального» сообщества (site-specific) с эндогенной концепцией метисности, определяющей обширной территорией, гибкостью и мобильностью связей людей, сосредоточивающихся в местах проживания, жизнеобеспечением, трапперством, сезонным циклом жизни (зимовья и сельскохозяйственные участки), а также обусловленной экономическим объединением и сетью брачных союзов.

Тем не менее отметим, что один из исторических отчетов (Маттава), который, однако, не был профинансирован Министерством юстиции, основывается на методологическом подходе, позволяющем учитывать мобильность людей смешанного происхождения. Следуя анализу, который можно назвать сетчатым, авторы исследуют сообщества как социальные сети, комбинируя отдельные географические объекты с дисперсно рассредоточенными сообществами с единой идентичностью и общими интересами. Благодаря такому подходу, который отражает экономические и культурные сети, а также матримониальную взаимозависимость, авторам удалось раскрыть комплексность метисной онтологии. Этот отчет, который не основывается на критериях решения по

делу Паули, иллюстрирует то, что может принести анализ исторических данных, базирующийся на методологии, основанной на внутренней и динамичной концепции метисной реальности вместо зауженных и концептуально неадекватных юридических директив.

Заключение

Определение идентичности метисов в Канаде двойственно, противоречиво и связано с множеством юридических аспектов. Понятие «метис» имеет большое количество смыслов, порождающих многочисленные интерпретации, связанные с культурной аутентичностью и законодательным статусом. Как следствие, все попытки определения этого понятия оказываются подчиненными важным историческим, юридическим и концептуальным проблемам, которые базируются на распространении прав коренных народов на представителей сообществ смешанного происхождения.

В 2003 г., когда, согласно решению по делу Паули, права метисов были признаны юридически, представление о метисной идентичности обрело не только идеологическое измерение, но и юридически-политическое (Gagnon 2019: 29). Это вызвало у нас вопросы: насколько адекватно используемые при этом критерии отражают разнообразие сообществ метисов в Канаде на идентификационном, социокультурном и территориальном уровнях? Насколько адекватны и надежны критерии дела Паули в плане занимаемой сообществом территории и исторической документации его возникновения для того, чтобы судить об *аутентичности* какого-либо сообщества метисов? Анализ результатов исторических исследований Министерства юстиции свидетельствует об огромном разнообразии факторов, используемых для подтверждения или опровержения возможного процесса этногенеза, так же как и о множестве политических и социально-экономических контекстов, лежащих в основе возникновения исторических сообществ метисов в Канаде. Некритическое применение критериев дела Паули в изучении этих сообществ не только показывает их ограниченность, но и порождает концептуальную и методологическую неясность. Ограниченное использование концептов «сообщество» и «территория», очень часто упускающее присущую им комплексность и многозначность, представляется совсем недостаточным в исторических отчетах для изучения путей возникновения сообществ метисов.

Концептуальная недостаточность критериев изучения определенно повлияла на надежность и достоверность результатов, представленных в исторических исследованиях. Их влияние на притязания непризнанных сообществ смешанного происхождения оставляет вопрос открытым. По меньшей мере, можно сказать, что применение именно этих критериев неблагоприятно сказалось на признании сообществ метисов.

Считалось, что исследования Министерства юстиции Канады, составляющие важную часть процесса признания идентичности сообществ метисов в Канаде, должны были оказать решающее воздействие на эти сообщества. Однако приходится констатировать, что на основании статьи 35 ни одно сообщество метисов на настоящий момент не признано. К 2017 г. насчитывалось тридцать пять сообществ, которые пытались заявлять о себе как о коренных, но тщетно. Сохранившись по настоящий момент, эти сообщества по-прежнему идентифицируют себя как метисы, а некоторые продолжают бороться за это юридически.

Тем не менее исторические исследования и далее служат основой для притязаний сообществ метисов Канады на идентичность и законный статус. В проекте, посвященном анализу этих исследований (2014–2017 гг.), представлена сравнительная критическая сводка контекста формирования изучаемых сообществ метисов. Вместо того чтобы пытаться судить об их культурной и этнической аутентичности, этот проект направлен на углубление знания о непризнанных в Канаде сообществах метисов и выработку предложений, интенсифицирующих процедуру их притязаний на идентичность. Упрощение научных данных также играет в этом важную роль, потому что детальные резюме и модули проработки каждого исторического исследования будут выложены на сайте в интернете. Хотя еще остается неясным, привел ли этот проект к новой парадигме изучения этногенеза метисов, он, несомненно, вносит свой вклад в борьбу с дисциплинарной, культурной и концептуальной разобщенностью исследователей, интересующихся сообществами метисов в Канаде.

Проблемы идентификационных и территориальных притязаний в Канаде далеки от того, чтобы перестать быть животрепещущими, так как метисная идентичность пребывает в постоянном движении и (ре-)конструировании. Исследования Министерства юстиции внесли свой вклад в сбор и анализ исторических данных, но неадекватность их методологической основы в плане метисной онтологии не позволяет нам глубоко и с научной точки зрения ухватить суть вопроса метисов.

Примечания

¹ Концепт «агентность» (agency) охватывает отношения солидарности и власти между агентом и структурой. Эти отношения отмечены интенциональностью и прагматическими и стратегическими выборами (Gagnon 2019: 26).

² Они не используют другие коллективные права, предоставленные индейцам и инуитам.

³ НСМ представляют около 350 000 человек, входящих в ассоциации из Онтарио, Манитобы, Саскачевана, Альберты и Британской Колумбии. В 2020 г. ассоциацию из Онтарио исключили из Совета, поскольку в этой провинции были признаны новые метисные сообщества.

⁴ Эта сетка содержит следующие пункты: презентация авторов, сущностные идеи, презентация региона исследования, ключевые даты методология и источники, этногенез, фактическое установление господства, договоры, культура (особые практики, язык, семья и личность, религия), критический анализ, пути исследования.

⁵ Речь идет о договорах, заключенных между индейскими племенами и Короной (примеч. переводчика).

⁶ Регион северного побережья в Квебеке (примеч. переводчика).

⁷ Небольшая переселенческая колония Франции на территории нынешних провинций Нью-Брансуик и Новая Шотландия. В 1713 г. перешла под контроль Британии. В период Семилетней войны (1756–1763 гг.) франкоязычные акадийцы были подвергнуты депортации со стороны британской колониальной администрации в различные регионы Северной Америки и Европы. В дальнейшем на родину вернулась лишь часть представителей этой общности (примеч. переводчика).

⁸ Речь идет о сертификатах, выдававшихся канадским правительством метисам с 1870 г. на Западе страны в обмен на земельные права. Сложность и неорганизованность процесса выдачи сертификатов привели к многочисленным злоупотреблениям со стороны чиновников и земельных спекулянтов (примеч. переводчика).

Перевод с французского Д.В. Воробьева и М.Б. Башикирова

Sources

- Brown K., Riley A. (Public History Inc.). *Historical Profile of the Southern Nova Scotia Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Ministère de la Justice du Canada. 2005.
- Burton S., Angel E., Angel M. (Public History Inc.). *A Historical Profile of the Lower Fraser Valley Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Ministère de la Justice du Canada, 2005.
- Cour Provinciale de l'Alberta. R. c. Hirsekorn, 2010 ABPC 385.
- Cour Suprême du Canada (CSC). *Jugement rendu le 19 septembre 2003 dans la cause de Sa Majesté la Reine contre Steve Powley et Roddy Charles Powley*. Ottawa, Cour Suprême du Canada. 2003. № du greffe 28533. 27. paragraphes 10 et 12.
- Campbell A (Donna Cona Inc.). *Historical Profile of the Cumberland Lake Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice Canada. 2005a.
- Campbell A. (Donna Cona Inc.). *Historical Profile of the Lake of the Woods Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice Canada. 2005b.
- Cottrell M., Mooney E., Lagimodiere J., Pelletier T. (Donna Cona Inc.) *European-Indian Ancestry Community*, Department of Justice in Canada.
- Champagne J. (Fort des Prairies Associates). *A Historical Profile of the South Saskatchewan River Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice Canada. 2005b.
- Champagne J. (Fort des Prairies Associates). *A Historical Profile of the Upper North Saskatchewan River Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice Canada. 2005a.
- Holmes J. and associates Inc. (2005) *Historical Profile of the Wabasca-Desmarais Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice Canada.
- Holmes J. and associates Inc. (2007) *Profil historique de la communauté d'ascendance mixte euro-indiennes de la zone d'étude du lac Supérieur*. Le bureau de l'interlocuteur fédéral.
- Jones G. (2005) *Historical Profile of the Great Lake Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice.
- Labreche Y., Kennedy J.C. (2006) *Héritage culturel des métis du Labrador central, version préliminaire*.
- Larcombe P., Lockhart L. et Lockhart D. (Symbion Consultants and Lockhart and Associates). *Historical Profile of the Northern Lake Winnipeg Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice Canada. 2005.
- Kennedy J.C., Labreche Y. Minaskuat Limited Partnership (A Historical Profile of the Labrador Coast Area's Mixed European-Indian or Mixed European-Inuit Ancestry Community). Rapport final. Department of Justice Canada. 2005.

- Marlin A., Wade T., Roness L. A., Blake R., Higham J. (Chignecto Research) *Historical Profile of the Northeastern New Brunswick Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice Canada. 2005.
- R. c. Powley, 2003 CSC 43, 2 R.C.S. 207.
- Reimer G., Chartland J.-P. *Historical Profile of the James Bay Area's Mixed European-Indian or Mixed European-Inuit Community*. Department of Justice Canada. 2005.
- Seraphim J. (2009) La reformulation culturelle et identitaire des Métis de Colombie-Britannique // *Recherches amérindiennes au Québec*, Vol. 39, no. 1-2, pp. 71.
- Stantec Consulting Ltd. *A Historical Profile of the Northeast Alberta Area's Mixed European-Indian Ancestry Community*. Department of Justice Canada. 2005.
- Stone Circle Consulting and Known History. *Mattawa Nipissing Métis Historical Research Project: Final Synthesis Report*. Steering Committee. 2014.
- Thomson D. (2005) *A Historical Profile of the Western Mackenzie Valley Drainage Basin Area's Mixed Indian-European Ancestry Settlement*. Department of Justice Canada.
- Thomson D. (D.D. Thomson Consulting, Ltd.) *A Historical Profile of North Central British Columbia's Indian-European Community*, Department of Justice Canada, 2005.
- Turgeron L., Rousseau L.-P., Lavigne, Julie, Lessard D. (Circare Consultants) *Un profil historique des communautés d'ascendance mixte indienne et européenne ou d'ascendance mixte inuit et européenne de la région de la Côte-Nord*. Ministère de la Justice du Canada. 2005a.
- Turgeron L., Rousseau L.-P., Lavigne J., Lessard D. (Circare Consultants). *Un profil historique des communautés d'ascendance mixte indienne et européenne ou d'ascendance mixte inuit et européenne de la région de l'Outaouais*, ministère de la Justice du Canada 2005b.

References

- Foster J.E. (2001) Wintering, the Outsider Adult Male and the Ethnogenesis of the Western Plains Métis. In: Biennema Th., Ens G. and Macleod R.C. (ed.) *From Rupert's Land to Canada. Essays in Honour of John E. Foster*. Edmonton: University of Alberta Press, pp. 179–192.
- Gagné N., Larcher C., Grammond S. (2014) La communauté comme sujet et objet du droit. Implications pour les Métis du Canada, *Anthropologie et Sociétés*, Vol. 38, no. 2, pp. 151–174.
- Gagnon D. (2006) Chronique juridique: Les impacts potentiels des enquêtes du ministère de la Justice sur l'identité métisse, *Recherches amérindiennes au Québec*, Vol. 36, no. 1, pp. 95–96.
- Gagnon D. (2019) *Le statut de Métis au Canada. Histoire, identité et enjeux sociaux*. Québec: Presses de l'Université Laval.
- Teillet J. (2012) The Métis and Thirty Years of Section 35: How Constitutional Protection for Métis Right Has Led to the Loss of the Rule of Law, *Supreme Court Law Review*, Vol. 58, pp. 333–349.
- Vibert S. (2007) *La communauté au miroir de l'État: la notion de communauté dans les énoncés québécois de politiques publiques en santé*. Québec: Les Presses de l'Université Laval.

Сведения об авторе:

ЭНН Дана – исследователь, Университет Сен-Бонифас (Манитоба, Канада).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dana Hennes, Université de Saint-Boniface (Manitoba, Canada).

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 5 ноября 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 5.11.2021;
accepted for publication 01.04.2022.*

Научная статья
УДК 34.03:316.022.4
doi: 10.17223/2312461X/35/4

ИДЕНТИЧНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ. КАНАДСКИЕ МЕТИСЫ В СУДАХ

Дени Ганьон

Университет Сен-Бонифас, Манитоба, Канада

Аннотация. Статья 35 Конституционного Акта о Канаде 1982 г. признает «Первые нации», метисов и инуитов коренными народами с коренными правами. История метисов Красной реки в Манитобе хорошо известна благодаря архивным источникам и двум восстаниям, осуществленным в ходе колонизации Северо-Запада. Но только после того как Верховный суд Канады вынес решение по делу Паули в 2003 г., эксперты всерьез осознали, что существуют история и культура метисных сообществ в других провинциях и во всей стране. Эти маргинализированные сообщества не признаны ни федеральным, ни провинциальными правительствами или ассоциациями западных метисов, и они должны бороться за признание своей идентичности. Эта статья посвящена изучению сопротивления этих сообществ символическому насилию, жертвами которого они являются.

Ключевые слова: метис, Канада, конституционное право коренных народов, символическое насилие, идентичность

Для цитирования: Ганьон Д. Идентичность с точки зрения юриспруденции: канадские метисы в судах // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 60–78. doi: 10.17223/2312461X/35/4

Original article
doi: 10.17223/2312461X/35/4

A judicial identity: the Canadian Metis before the courts

Denis Gagnon

Université de Saint-Boniface, Manitoba, Canada

Abstract. Section 35 of the 1982 Constitution Act of Canada recognizes First Nations, Métis and Inuit as Aboriginal peoples with Aboriginal rights. The history of the Métis of the Red River in Manitoba is best known because of their place in the archives and the two resistances they led in the colonization of the Northwest. But it is only since the Supreme Court of Canada *Powley* decision in 2003 that experts have seriously considered the history and culture of Métis communities in other provinces and territories across the country. These marginalized communities are not recognized by the federal and provincial governments or by Western Métis associations and must fight for recognition of their identity. This article presents the struggle of these communities in the face of the symbolic violence of which they are victims.

Keywords: Métis, Canada, indigenous constitutional law, symbolic violence, identity

For citation: Gagnon, D. (2022) A judicial identity: the Canadian Metis before the courts. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 60–78. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/4

Введение

Несмотря на многочисленные сходства в экономическом использовании и покорении огромных канадских и сибирских территорий в XVII–XIX вв., насколько мне известно, на этот счет до сих пор не существует ни одного компаративистского исследования¹. Проведение такого исследования в равной мере показало бы различия, касающиеся судьбы, уготованной коренному населению, и различия в этнической метисации, протекавшей на данных территориях. Данный номер журнала «Сибирские исторические исследования», таким образом, является важным прорывом в появлении подобных сравнительных исследований.

Эта статья показывает контекст деления между категориями канадских «настоящих метисов» и «других метисов», делая упор на правах коренного населения, которые им даны или в которых им отказано. Мы также проводим обзор судебных дел, касающихся метисов, с 1847 г. и анализируем постановления, вынесенные Верховным судом Канады по искам и ответственности Короны² перед ними: решение по делу ФММ (Федерация метисов Манитобы) от 2013 г. и решение по делу Даниэлс от 2016 г. Далее я представлю две попытки политического решения по искам метисов: доклад Постоянного комитета при сенате по коренным народам от 2013 г. и доклад Исаака о конституционных правах метисов 2016 г.

До 1868 г., даты продажи Земли Руперта³ Англии Компанией Гудзона залива (КГЗ), цели мехоторговых компаний были исключительно экономическими, а не колониальными. Речь шла о получении максимальной прибыли в короткие сроки, при этом на этих территориях запрещалось основывать поселения колонистов и евроканадские учреждения. Несмотря на этот запрет, союзы между служащими этих компаний и индейскими женщинами привели к появлению народа метисов.

Лишенные своих земель в результате колонизации канадского Запада с 1869 по 1911 г., они стали жертвами символического и системного насилия, расизма и дискриминации из-за своего сопротивления, которое было квалифицировано покорителями как восстание. В результате казни через повешение их лидера Луи Риэля за государственную измену в 1885 г. западные метисы были вписаны в анналы истории как предатели родины. Лишь в 1970-х гг., вследствие борьбы за гражданские права они, будучи народом, отличающимся от индейцев и инуитов, начинают заявлять о своих правах как коренной народ. В конечном счете эти права были признаны Конституцией Канады в 1982 г. В течение ста лет

метисы жили, подвергаясь символическому насилию: им заявляли, что они плохо говорят, что они алкоголики, что они бунтари и лентяи и что их идентичность постыдна. Можно подумать, того факта, что их прародительница – индианка, достаточно, чтобы объяснить их социальное положение, которое является следствием глубокой несправедливости, порожденной расистской системой социальной классификации, осуждавшей браки между европейцами и индейцами. Парадоксально, но когда в 2000-х гг. западные метисы столкнутся с ослаблением этого символического насилия, они сами начнут применять такое же символическое насилие к «другим метисам»⁴, которые не состоят в родстве с метисами Красной реки⁵.

Концепт символического насилия, развитый французским социологом Пьером Бурдьё (Bourdieu, Passeron 1970), означает отношение власти, которая навязывает той или иной группе произвольные уничижительные обозначения в качестве узаконенных. Редко оспариваемое, это насилие для жертв служит источником чувства униженности, и его эффективность пропорциональна маскировке места его происхождения. Оно существует до тех пор, пока те, кто являются его жертвами (в числе прочих женщины, коренные народы, маргиналы, иммигранты, малоимущие слои населения, сексуальные и этнические меньшинства), участвуют в его воспроизведении, признавая унижающие их дискурсы. Метисы Запада еще борются против этого типа насилия со стороны доминирующего общества, и они же, говоря о воровстве идентичности, охотно применяют его по отношению к «другим метисам», которые заявляют о собственной особой идентичности. Рассмотрим более детально происхождение и причины этого разделения на «настоящих метисов» и «других метисов».

«Настоящие метисы» – это «другие метисы», произвольное разделение?

Начиная с судебного решения по делу *Паули* 2003 г. идентичность современных метисных сообществ, возникших еще в каком-либо прежнем периоде истории и сохранивших преемственность с историческим сообществом, стала неизбежным конституционным вопросом⁶. Между 2011 и 2016 гг. метисное население возросло на 30%, и этот прирост произошел не благодаря внезапному росту рождаемости, а потому что большее число людей стало причислять себя к метисам. Во время переписи 2016 г. 587 545 канадцев объявили себя метисами, хотя не все они могут считаться метисами в юридическом смысле. Многие сделали это в стратегических целях, чтобы иметь право пользоваться исконными правами коренных народов в соответствии со статьей 35 Конституционного акта Канады⁷.

Но чтобы получить эти конституционные права, которые являются исключительно коллективными, метисные народы, нации⁸ или сообще-

ства должны продемонстрировать, что они – потомки сообществ, произошедших от союзов между индейскими женщинами и мужчинами европейско-канадского происхождения на территориях, зарезервированных под добычу меха между XVII и XIX в., или до установления господства на этих территориях колониальных институтов. Именно эта изначальная оккупация делает из «первого народа» коренной народ. Не «индейцы», не «белые», не «промежуточные»: они формируют особый народ, состоящий из многих наций и сообществ.

Может ли этот статус коренного народа быть присвоен другим группам метисов в мире или же он исключительно для Канады? Труды Группы по исследованию метисной идентичности в Канаде, которую я возглавлял с 2004 по 2014 г., позволили нам ответить на этот вопрос в рамках сравнительного исследования, в которое входили Мадагаскар, остров Реюньон, Французская Полинезия, Новая Каледония, Мексика, Бразилия, Канада, Россия и Бельгия (Gagnon, Giguère 2014). Тогда мы определили семь типов категорий метисации, которые образуют две группы. В первой группе, которая признает социальную категорию «метис», мы имеем следующее: 1) такая категория существует, но присоединение к ней остается личным стратегическим выбором (остров Реюньон и Французская Полинезия); 2) она законно признана государством, оставаясь в то же время личным выбором (Канада и Новая Каледония); 3) она признана и поощряема государством, но отрицается населением (Мадагаскар). Во второй группе, где такая категория не признана: 4) метисация – это миф основателей государства (Мексика и Бразилия); 5) некоторые сообщества не признаны («другие метисы» в Канаде); 6) она отсутствует, и нет сообществ, несмотря на существование метисов (афро-бельгийские метисы в Бельгии); 7) она в стадии формирования (Россия)¹⁰.

Эти модальности метисации позволяют нам контекстуализировать способ, которым лица, относящиеся к сообществам смешанного происхождения, конструируют свою идентичность, приспосабливаясь к политическим ситуациям, меняющимся по мере прохождения культурных, юридических и политических обсуждений. Поскольку все социальные группы, будь они мажоритарными или же миноритарными, стараются создать единственную правду об истории, главное – изучить этапы их создания в качестве соперничающих историй. В Канаде мы видим, как растущее главенство официальной истории метисов Красной реки, так называемых настоящих метисов, имеет тенденцию исключить существование истории «других метисов».

Наши исследования позволили выделить четыре группы метисов в Канаде: 1) провинциальные нации, которых представляет Национальный совет метисов (НСМ) и которые считают себя «настоящими метисами»¹¹; 2) 20 сообществ смешанного происхождения, которые были

предметом исследований Министерства юстиции в 2004 г.; 3) 40 непризнанных сообществ, «другие метисы»; 4) и семь ассоциаций нестатусных индейцев¹², которые позиционируют себя как метисы, чтобы получить права коренных народов.

Эти четыре группы конструируют свою историю, опираясь на доступные источники, и эти соперничающие истории можно разделить на пять отдельных типов.

1. История метисов Красной реки, которые считают себя единственными метисами в Канаде, вносящая свой вклад в официальную историю Канады. Такая исключительная позиция опирается на постепенное превращение истории в основополагающий миф, который не может быть поставлен под вопрос.

2. История метисных сообществ, которые возникли в Приморских провинциях, в долине Святого Лаврентия, на северо-востоке Онтарио, вокруг Великих озер¹³ и вдоль Миссисипи. Эти метисы, вычеркнутые из официальной истории, пытаются составить собственную историю, базирующуюся на основополагающем мифе.

3. История сообществ, основатели которых перешли через Красную реку, чтобы обосноваться на Северо-Западных территориях, на севере Альберты и Британской Колумбии и в штате Орегон в США. В Канаде многие сообщества стали предметами договоров в качестве метисов.

4. История метисов региона Ланодьер в Квебеке, которые считают свою территорию исторической родиной метисов Красной реки.

5. История сообществ индейцев без статуса, которые добиваются названия метисов из стратегических расчетов.

В итоге из всего множества метисных наций и сообществ Канады только одно сообщество пользуется федеральными правами коренных народов. Нации, обладающие провинциальными правами на охоту и рыболовство для самообеспечения, находятся в Манитобе, Саскачеване и Альберте. Нация метисов Северо-Западных территорий находится в состоянии переговоров, чтобы заключить первое соглашение по территориальным требованиям метисов в Канаде, а в провинции Ньюфаундленд и Лабрадор больше не делают разницы между индейцами, метисами и инуитами в отношении прав коренных народов. Что касается Новой Шотландии, Нью-Брансуика и Квебека, то они не признают метисов на своей территории.

Метисы в судах с 1847 по 2016 г.

За период с 1847 по 2016 г. мы выявили 111 судебных дел, которые касаются прав метисов: на охоту и рыболовство; коренных прав; территориальных прав; сертификатов¹⁴; прав личности; налогов и трудовых отношений. На временном отрезке 1847–1916 гг. обнаруживаются

15 дел, которые касаются сертификатов, прав на охоту и рыбную ловлю, а также налогов. В 1917 по 1980 г., в течение шестидесяти трех лет, мы сталкивались с полным отсутствием судебных дел в отношении метисов, что можно объяснить уходом метисов от политической жизни по причине символического насилия, жертвами которого они были. За последующие 23 года мы находим 34 дела (30%), связанные с признанием метисов коренным народом в 1982 г. Наконец, начиная с 2004 г. количество дел значительно возрастает вследствие дела Паули в 2003 г. – 62 дела с 2004 по 2016 г. (55% всех выявленных дел).

Права на охоту и рыбную ловлю составляют 53% всех дел. Таких дел насчитывается 21 в провинциях Прерий (Манитоба, Саскачеван, Альберта) и 38 в других регионах Канады, что демонстрирует широту и важность метисного вопроса вне *родины (Homeland)* метисов на Красной реке. Чтобы возбудить судебное дело, касающееся прав на охоту и рыболовство, обычно применялся следующий сценарий: люди, считающие себя метисами, намеренно нарушают законы провинций, чтобы вернуть себе через суд свои коренные права. После ареста Паули (см. статью Д. Энн в этой подборке) метисные сообщества, чтобы воспользоваться этими правами, должны точно обозначить перед судом свою традиционную деятельность (охота, рыболовство, заготовка древесины) и ее историческую связь с нынешним сообществом. Они также должны доказать, что это было основной деятельностью, которая непрерывно велась в течение современного периода, и что она существовала до периода установления господства Короны над этой территорией. Благодаря этим очень четким критериям 60% судебных дел об охоте проиграны метисами. Остальные дела или выиграны в Суде провинции или же отклонены Корона в Федеральном суде Канады.

Это решение Короны отклонить или же решить полюбовно некоторые дела является стратегией отступления, продиктованной возможным чрезмерным распространением решений, вынесенных в пользу метисов. Тенденция со стороны метисов соглашаться с индивидуальным урегулированием автоматически аннулирует любую возможность утвердить коллективные права. Если Корона неспособна урегулировать дела индивидуально, то она сложит оружие лишь в случае декларации Верховного суда Канады, как, например, в случае судебного решения по делу Паули. В других случаях права метисов, признанные судами провинций, в дальнейшем не были признаны Федеральным судом.

Можно отметить значительный произвол в решениях судей, которые пользуются исключительным правом, часто полным противоречий, в том числе и в применении статьи 35, или в выборе применяемого типа юрисдикции, и это касается и провинциальных, и федеральных судов, а также конституционного права. Благоклонные, с одной стороны, и недоброжелательные – с другой, судьи могут не признавать предыду-

щие судебные решения или приостанавливать дела, в которых последствия положительного решения могли бы стать слишком важными. Другие отрицательные решения, более справедливые, касаются людей, которые хотят пользоваться правами на охоту, но не являются при этом членами метисного сообщества.

Со стороны метисов, по нашим наблюдениям, многие оценивают свои шансы на успех, принимая во внимание все имеющиеся возможности, или в качестве метиса, или в качестве индейца или нестатусного индейца¹⁵. Выбор личной идентичности в таком случае продиктован степенью возможности достигнуть успеха. Это можно определить как форму эндофаворитизма, поскольку в данном случае мы имеем дело с присвоением идентичности, которая позволяет получить желаемые права. Такое внимание судов и правительств к подобной текучести идентичности – вещь невозможная для рассмотрения в отношении неканадцев. Вне личных судебных дел, имеющих вероятное влияние на сообщества, два крупных дела обращают на себя внимание по причине широты своего распространения на всех метисов провинции или даже всей Канады. Речь идет о судебных решениях по делу ФММ (Федерация метисов Манитобы) Верховного суда Канады в 2013 г. и по делу Даниэлс того же суда в 2016 г.

Судебное решение по делу ФММ в 2013 г.

Судебное решение по делу ФММ 2013 г. предписывает фидуциарное обязательство и консультативное обязательство Короны по отношению к метисным сообществам. Речь шла о том, что Верховный суд должен был определить, применяются ли данные обязательства Короны к коренным народам Манитобы. По закону фидуциарный управляющий – это сторона, у которой имеются узаконенные обязательства, чтобы действовать в интересах другой стороны, и связь между двумя сторонами называется фидуциарными отношениями. Верховный суд часто признавал, что Корона имеет фидуциарные обязательства перед коренными народами, что означает, что она должна обращаться с ними ответственно и уважительным образом, в атмосфере доверия, а не противостояния. Такие отношения также обязывают правительство советовать с коренными народами в делах, касающихся суверенности и использования земель и ресурсов. Эти две обязанности восходят к конституционному принципу чести Короны, который лежит в основе отношений между правительствами и коренными народами.

Рассматриваемое дело началось в 2007 г., когда Федерация метисов Манитобы запросила судебное решение Суда Манитобы, заявляя при этом, что: 1) Корона забыла о чести, принимая Акт о Манитобе 1870 г.; 2) она пренебрегла фидуциарными обязательствами; 3) некоторые ма-

нитобские законы, касающиеся осуществления Акта о Манитобе, уже не имеют юридической силы; 4) Федерация метисов Манитобы могла представлять всех метисов Манитобы. Суд отверг этот иск, и ФММ обратилась в Апелляционный суд, который также отклонил иск, заявив, что Акт о Манитобе 1870 г. не порождает фидуциарного обязательства, как и обязательства, основанного на чести Короны; что данные факты имели место более 140 лет назад и ФММ не может представлять всех метисов, поскольку они могли самостоятельно представить такой запрос. ФММ обратилась с апелляцией по этим решениям в Верховный суд.

В 2013 г. судьи Верховного суда положительно ответили на три из четырех запросов, отвергающих фидуциарное обязательство. Такое обязательство подразумевает бенефициара и распорядителя, который действует в интересах бенефициара. Для коренного населения фидуциарное обязательство может иметь два вида. Во-первых, когда Корона берет на себя дискреционные полномочия по отношению к частным и определяемым интересам коренных жителей, например, таким как управление землями, к которым у коренного населения есть собственный интерес. Этот интерес должен быть коллективным и являться составной частью определенного образа жизни, и он должен основываться на обычае и заселении территории в исторический период, а не на договоре или законе. Во-вторых, фидуциарное обязательство может появиться, если существует обязательство со стороны фидуциарного управляющего действовать во благо интересов выгодополучателя, из-за которого его дискреционная власть могла бы привести к негативным последствиям.

В случае метисов Манитобы Корона Актом о Манитобе 1870 г. взяла на себя первый вид обязательств по управлению земельными концессиями, но условие фидуциарного обязательства не было установлено, так как метисы не сумели доказать наличие ранее существовавшего коллективного владения этой землей предками, доказали лишь частное. Их интерес к земле был связан с личной историей, а не с четкой общей метисной идентичностью. Что касается второго вида обязательств, то не существовало фидуциарного обязательства, основанного на обязательстве, принятом на себя Корона. Даже если детям метисов выдавались привилегии в концессии на землю, это не являлось обязательством действовать наилучшим образом в их интересах¹⁶.

Однако суд признал, что федеральная Корона не применила достойным образом распоряжение, предусматривающее концессию земель. Согласно статье 35 Конституционного Акта Канады, честь Короны связана явными обязательствами по отношению к коренным народам. Как ясно дал понять суд, это не просто закон, но документ, посредством которого Корона утвердила свой суверенитет перед лицом заселения земель коренными народами в прошлом. Так статья 31 Акта о Манито-

бе 1870 г. утверждает торжественное конституциональное обязательство перед метисами Манитобы. Эта статья затрагивает честь Короны, так как ее предмет состоит в том, чтобы дать детям метисов преимущества перед переселенцами с Востока. Статья 32, напротив, отдает приоритет всем переселенцам и не затрагивает чести Короны. Таким образом, Суд пришел к заключению, что в течение более десяти лет правительство демонстрировало небрежность и бездействие в реализации целей концессии земель, предусмотренной в статье.

Заявления Суда разделяются на шесть четких пунктов. А – Канада и Манитоба не оспаривают, что метисы могут действовать лично от своего имени, и ФММ, не будучи заинтересованной в данном деле, признает их право представлять их интересы в этом коллективном запросе. В – метисы не доказали, что у них как у сообщества имеется особый или четкий коренной интерес к землям, речь о которых идет в статьях 31 и 32. Некоторые метисы индивидуально владели наделами земли, но они не обладали *коренным коллективным* интересом, чтобы создать фидуциарное обязательство. Интересы на этих землях были связаны с их личной историей, а не с явной общей метисной идентичностью. Это различие между коллективными правами и индивидуальными благами фатально для аргументации метисов, и оно закрывает дело о фидуциарном обязательстве. С – суд признает, что выдача сертификатов была разумным механизмом, чтобы обеспечить детям преимущество, на которое они имели право, но ценность выданных сертификатов была неравнозначна, и Канада потратила слишком много времени, чтобы их выдать, что несовместимо с честью Короны. D – поскольку данные законы уже не действуют, Суд просто терял бы время, изучая их конституционность. E – Суд заключил, что Канада не действовала с той осмотрительностью, какую предполагала честь Короны, и пришел к выводу, что правила предписания не мешают Суду подтвердить это в декларативном постановлении. F – просьба приемлема, поскольку Канада знала, что будет массовый приток переселенцев, и что метисам требовалась незамедлительная защита, но она не поступила должным образом, и метисы оказались маргинализированы, дискриминированы и обречены на нищету.

После семилетнего процесса декларативное решение суда признает, что Корона нанесла ущерб своей чести, что не имеет никаких прямых последствий для метисов, которым вновь отказано в малейшей возможности заставить признать хоть какое-то согласительное обязательство Короны в их отношении. Единственное, что было урегулировано, это вопрос чести, и никакое право не привязано к нему. Несмотря на это сокрушительное поражение в суде, чтобы не терять лицо, в СМИ ФММ преподнесла это решение как победу. Но в то время разбиралось другое, куда более важное дело, которое касалось прав всех метисов и

нестатусных индейцев Канады. Речь идет о деле Дэниэлс 2016 г., слушавшемся в Верховном суде Канады.

Судебное решение по делу Дэниэлс 2016 г.

Дело Дэниэлс началось в 1999 г. и завершилось в 2016 г. в Верховном суде после 17 лет юридической борьбы. Первое судебное решение было вынесено в федеральном суде в 2002 г., вслед за ним последовали два других в той же инстанции в 2005 и 2011 гг. Затем Корона подала одну апелляцию по решению, переданному в федеральный суд в 2013 г., а другую – в федеральный апелляционный суд в 2014 г. Наконец, в 2016 г Верховный суд Канады вынес свое решение. Дело Дэниэлс, от имени Гарри Дэниэлса¹⁷, заполняло юридическую пустоту по вопросу об ответственности федерального правительства перед метисами и нестатусными индейцами. В течение десятилетий провинциальные правительства и федеральное правительство переадресовывали друг другу ответственность по конституционным вопросам, касающимся этих двух групп. Первый шаг в решении этой проблемы был принят в 1985 г. с созданием Офиса федерального представителя для метисов и нестатусных индейцев, но федеральное правительство продолжало отрицать всякую ответственность по отношению к ним.

В решении федерального суда 2013 г. в качестве истцов выступали Гарри Дэниэлс, его сын Гэбриэл и двое нестатусных индейцев из Конгресса коренных народов (ККН), потратившие более 2 млн долл. на это дело с 1999 г. Суд должен был вынести решение по трем точным пунктам: 1) что метисы и нестатусные индейцы – это «индейцы» по смыслу выражения, «индейцы и земли, зарезервированные за индейцами» параграф 91(24) конституционного закона 1867 г.; 2) что Корона имеет фидуциарное обязательство по отношению к метисам и нестатусным индейцам (МНИ), поскольку они являются коренными народами; 3) что МНИ обладают правом быть представленными в переговорах и быть проконсультированными федеральным правительством на коллективной основе в том, что касается их прав, интересов и потребностей как коренных жителей. Один из основных постулатов дела гласит что МНИ – жертвы дискриминации, так как не получают тех же социальных преимуществ, что индейцы; что они преследуемы, потому что практикуют охоту для самообеспечения; и что их не зовут участвовать в переговорах с федералами ни по какому пункту, который их касается. Чтобы ответить на эти вопросы, суд принял во внимание отношения между правительством и коренным населением с прибытия Самюэля де Шамплена в 1603 г. и вплоть до наших дней.

Для Короны метисы никогда не осознавались как индейцы и как нестатусные индейцы, которых не существует в правовом поле. Таким

образом, Корона не имеет никаких юридических обязательств перед ними, даже при том, что частично финансировала то дело, которому противостояла и которое сделала неоправданно сложным из-за своего отказа предоставить многие документы, которые показывают, что правительство признавало свою конституционную юрисдикцию по отношению к МНИ и что оно отказалось от нее в середине 1980-х гг. по политическим и экономическим соображениям.

Федеральный суд декларировал, что МНИ – это индейцы в смысле конституционного закона 1867 г. Так как у них есть фидуциарное обязательство, эти отношения должны касаться особого права, но заявители этого не сделали. По этой причине суд не может высказать общей формулировки касательно фидуциарного обязательства. Что касается обязательства консультировать, МНИ не упоминают никакого пункта, которые были бы или могли бы быть предметом консультации. Именно сам судья подсказал МНИ то, что могло бы стать объектом консультации, в том числе и обязательство Короны консультировать их по вопросам идентичности и определения их прав. В отсутствие точных деталей суд не может предоставить никакой директивы, но этот отказ не препятствует МНИ снова ходатайствовать по запросу с более содержательным досье. Но это не будет ими сделано. 8 января 2013 г. федеральный суд установил, что МНИ были индейцами согласно статье 91 (24) конституционного закона 1867 г., но отказался принять решение по фидуциарному обязательству и обязательству консультировать.

Корона подала апелляцию по этому решению, и дело перешло в Федеральный апелляционный суд в 2014 г. Именно в тот момент ФММ запросила судью удалить всякие отсылки к нестатусным индейцам в декларативной части судебного решения, подорвав тем самым боевой запал Гарри Дэниэлса, ККН, нестатусных индейцев, которые морально и финансово участвовали в этом деле в течение 15 лет. Суд отказал в признании нестатусным индейцам, говоря о том, что не знает условий их исключения, и это проблема, обсуждать которую нужно отдельно в каждом конкретном случае. Таким образом, для 400 тыс. нестатусных индейцев Канады все возвращается обратно.

НСМ и ККН в октябре 2016 г. подали апелляцию в Верховный суд Канады, согласовав судебное разбирательство со всеми группами и ассоциациями, которые хотели быть представлены в этом деле. К процессу добавились десять новых участников, представляющих нестатусных индейцев и непризнанные организации метисов. ФММ в федеральном апелляционном суде удалось исключить без какого-то объяснения нестатусных индейцев из дела, к которому они имели непосредственное отношение. 14 апреля 2016 г. после 17 лет юридической борьбы самый высокий суд страны вынес решение по делу Дэниэлс. Сущностно судебное решение по делу Дэниэлс переутвердило решение судьи Федерального суда 2013 г., по

которому нестатусные индейцы – это индейцы согласно Конституционному акту 1867 г., но у Короны нет ни фидуциарного обязательства, ни обязательства консультироваться с МНИ. Поскольку адвокаты МНИ не учли рекомендаций судьи Федерального суда в 2013 г. и оказались не способны привести ни одного примера фидуциарного обязательства и обязательства консультироваться, Верховный суд постановил, что эти два запроса не имеют никакой практической значимости, за неимением требующих урегулирования споров между сторонами на этом уровне.

Параграф 17 судебного решения по делу Дэниэлс особенно важен для «других метисов» Канады, так как консенсус по поводу определения метисов и нестатусных индейцев не является необходимостью, поскольку «культурные и этнические ярлыки не позволяют установить определенных границ» и слово «метис» может обозначать и метисов с Красной реки, и быть использовано как «общий термин, обозначающий всякого, кто обладает смешанным европейско-коренным происхождением». Когда я пишу эти строки, в ноябре 2021 г., несмотря на благожелательность, которая присутствует в декларативной части судебного решения об ответственности Короны перед ними, это решение не имеет никакого эффекта, никаких последствий и следствий с точки зрения требований метисов и нестатусных индейцев.

Доклад Постоянного комитета сената по делам коренных народов 2013 г.

В 2012 г., когда дела *ФММ* и *Дэниэлс* слушались в суде, федеральное правительство показало приверженность скорее политическому, нежели юридическому подходу к вопросу о статусе и требованиях метисов, делегируя полномочия Постоянному комитету сената по делам коренных народов¹⁸ (в дальнейшем просто Комитет) провести исследование юридического и политического признания коллективной идентичности и прав метисов в Канаде. Семьдесят шесть человек, в том числе и я, были приглашены для участия в публичных консультациях. В июне 2013 г. был выпущен доклад, названный «*Народ, который принадлежит себе*»: *признание метисной идентичности в Канаде*. «Народ, который принадлежит себе» – это перевод слова *Otipemisiwak* с языка кри, что означает метисы Красной реки. Этот доклад, во введении к которому затрагивается тема разнообразия сообществ канадских метисов, представляет собой выборку свидетельств на 800 страницах, косвенно утверждающих, за двумя исключениями, что единственные метисы в Канаде – это метисы Красной реки.

В первой части доклада затрагиваются исторические, юридические, политические и культурные аспекты метисной идентичности; во второй представлены четыре категории свидетельств (определение идентично-

сти, перечисление и статистические данные, история и генеалогия, отношения между Канадой и метисами); в третьей части – несколько наблюдений и рекомендаций, касающихся определения идентичности, перечисления и статистических данных. После короткого заключения в приложении 1 представлено проявление метисной идентичности в сообществах Сен-Лоран и Кросс Лейк в Манитобе; Дак Лэйк, Батош, Баффало Лэйк в Саскачеване; Баффало Лэйк в Альберте; Келоуна в Британской Колумбии; и сообщества Северо-Западных территорий. В приложении 2 представлен детализированный список свидетельств.

Единственная причина, по которой Комитет рассматривал метисов Северо-Западных территорий и части Британской Колумбии, не признанных НСМ, заключается в том, что они были предметом Договора 8 от 1899 г. и Договора 11 от 1921 г. Удивительным образом бросается в глаза отсутствие и Онтарио, несмотря на официальное признание сообщества Со-Сент-Мари в решении по делу Паули, и Ньюфаундленда и Лабрадора, и Квебека, и Приморских провинций.

С самого начала задается тон. Подчеркивается, что данный отчет представляет собой сложное исследование, которое «открывает возможности для ошибок интерпретации». В чем это исследование является сложным? Ни методология, ни метод анализа не представлены. Что это за ошибки интерпретации? Мы не знаем ничего. А что если этот сигнал относится к «другим метисам», которые хотят получить права коренных народов? Также отмечается, что целью отчета не является определение того, кто такие метисы, так как определить это они должны сами. Это уже ошибка: это не определение того, кем являются метисы (как историческое сообщество), но того, кто является метисом на личностном уровне, членом сообщества.

Это исследование служит для того, чтобы «инициировать конструктивное общественное обсуждение идентичности метисов и признания метисов федеральным правительством в юридических и политических целях» (Canada 2013: 1), и свидетельствует о возвращении метисов на политическую сцену после десятилетий юридической борьбы. Справедливое возвращение на круги своя, учитывая, что, по данным Статистического управления Канады, к 2031 г. численность метисов может достигнуть отметки 850 тыс. человек (в 2006 г. эта цифра составляла 390 тыс., а в 2016 г. – 587 545), и этот рост объясняется «этнической мобильностью поколений», связанной с правовым сознанием коренных народов или метисов. Статистическое управление Канады не знает, что этот рост вызван увеличением числа лиц, отмечающих себя в переписи как «метис» по целому ряду трудно идентифицируемых причин: признание предка из коренных народов, претензии на охотничьи права, различное смешанное происхождение, нестатусные индейцы, требующие эту идентичность, и т.д.

В разделе «Наблюдения и рекомендации» замечания касаются только определения идентичности, регистрации и статистических данных, а рекомендаций всего три. Комитет признает, что не существует универсального концепта идентичности метисов в силу сложности исторических, культурных, правовых и политических факторов. На самом деле, в Канаде существуют различные идентичности метисов. Идентичность восточных метисов является проявлением их смешанного происхождения и связи с культурой и наследием коренных народов, в то время как метисы Красной реки идентифицируют себя как потомки исторических сообществ смешанного происхождения, возникших в результате торговли пушниной в XVIII–XIX вв. В свою очередь, метисы Альберты и Северо-Западных территорий отмежевываются от четко выраженных точек зрения, характерных для Востока и Запада.

Для того чтобы урегулировать вопрос о признании, Комитет подчеркивает, что правительство должно принять неэсклюзивный, контекстуальный и региональный подход, который уважает разнообразие проявлений идентичности метисов. Поскольку суды признают ответственность федерального правительства перед метисами, необходимо срочно определить тех, кто является правообладателями. Это внимание Комитета к разнообразию идентичности метисов было полностью проигнорировано метисами Красной реки, так же как они проигнорировали декларации о других метисах в деле *Паули и Дэниелс*.

Первая рекомендация заключается в разработке и реализации стратегии сбора и анализа демографической, статистической, исторической и генеалогической информации о метисном населении. В то время как история метисов Красной реки и некоторых других общин хорошо документирована, метисы в других регионах испытывают трудности с поиском ресурсов для этого. Комитет отмечает, что, несмотря на Институт Габриэля Дюмона¹⁹, Программу исследовательских групп Канады или Банк исторических данных НСМ, федеральное финансирование исследований метисов незначительно.

Поскольку понимание идентичности и прав метисов опирается на исторические исследования, Комитет выносит вторую рекомендацию: он подает запрос в Министерство по делам коренных народов и Севера Канады по поводу необходимости разработки плана по развитию исторических исследований и обеспечению доступности документов совместно с общинами метисов, а также научной программы по сбору информации о создании их исторического сообщества, включая письменные документы и устные источники. Третья рекомендация содержит просьбу в адрес министерства о продолжении поддержки двусторонних переговоров, а также о начале обсуждений с локальными и региональными группами, представляющими метисов всей Канады. Подводя итог, можно утверждать, что даже до того, как начать это исследование, мнение

Комитета уже было сформировано: единственные канадские метисы – это метисы Красной реки, включая Со-Сент-Мари и Северо-Западные территории, не потому что так решил МНС, а потому что они были предметом решения Верховного суда или пронумерованного договора.

Доклад Исаака 2016 г.

В июне 2016 г. доклад, названный «*Вопрос национальной и конституционной важности: доклад специального представителя министра о примирении с метисами: права метисов, которых касается статья 35 и постановление Федерации метисов Манитобы*», был представлен Кэролин Беннетт, министру по делам коренных народов и Севера Канады (Isaac 2016). Его автор, Томас Исаак, был уполномочен правительством в 2015 г. «определить процесс диалога по правам метисов, предусмотренным статьей 35», и выработать «методы для развития диалога о примирении в ответ на постановление по делу Федерации метисов Манитобы, принятое в 2013 г. Верховным судом Канады». По мнению Исаака, критерии Паули играют первостепенную роль для определения того, кто является метисом в соответствии со статьей 35 Конституционного акта в рамках вопроса о правах метисов. В докладе допускается, что некоторым субъектам будет весьма трудно, если не невозможно, отвечать критериям Паули, и что это тонкий вопрос, к которому федеральная власть и провинции должны будут подойти с политической точки зрения.

Исаак не дает определения этим субъектам. Однако, по постановлению Даниэлс, этноним «метис» указывает на членов всех сообществ, народов и наций, которые требуют этого наименования, являются они или нет обладателями прав коренных народов, изложенных в статье 35. Параграф 17 этого судебного постановления указывает к тому же, что нет необходимости ни в каком соглашении касательно определения метисов и нестатусных индейцев и «что нет какого-то единого метисного народа Канады, как нет единого индейского народа Канады. Восточные метисы и метисы Севера Канады настолько же отличаются от метисов Красной реки, насколько различны два разных народа, какими бы они не были».

Несмотря на уточнения Верховного суда, Исаак употребляет этноним «метис» только чтобы описывать тех, кто ныне являются обладателями федеральных прав (Со-Сент-Мари) и провинциальных прав (провинциальные ассоциации НСМ). Другие метисы определяются термином «другие коренные коллективы», которые самоопределяются как коренные.

Здесь намерение вовсе не в том, чтобы утверждать, что к востоку от Онтарио или в других частях Канады не существует других коренных коллективов, чьи члены самоопределяются как «коренные», но необязательно как метисы, «первые нации» или инуиты согласно статье 35. Постановление Дэниэлс вроде бы признает эту реальность, когда ссылается

на все коренные народы, включая лиц смешанного происхождения в значении «индейцев» для применения параграфа 91(24) (Isaac 2016: 6).

Здесь мы видим, как *Дэниэлс*, который употребляет термин «метис», переходит на сторону метисов Красной реки, используя термин «*индеиц*». Кроме того, из многих метисных сообществ Востока, которые он мог бы рассмотреть, Исак выбрал Совет Су-Вест Нова метисов Новой Шотландии, члены которого самоопределяются как индейцы и требуют статуса метисов, потому что это единственная стратегия, имеющаяся в их распоряжении, чтобы получить права коренных народов.

Доклад представляет 17 очень разных рекомендаций, которые могут применяться исключительно к метисам Красной реки, начиная от финансирования ассоциаций и заканчивая правами на бесплатный въезд на территорию Батоша – национального исторического памятника для метисов. Десятая рекомендация содержит просьбу к Канаде пересмотреть политику и практику применения в отношении обязательного консультирования, чтобы включать туда метисов. Томас Исаак умалчивает об отказе Верховного суда вынести декларативное решение об обязательном консультировании и об обязательном фидуциарном управлении. Параграфы 52–57 постановления ФММ, однако, вполне однозначны. Они указывают, что метисы не смогли доказать существование коллективного владения предками имевшихся ранее у них земель, подтвердили только личное владение, что их интересы на этих землях были связаны с личной историей, а не с их четкой общей метиской идентичностью.

Это возвращение Исаака к обязательному консультированию, идущее вразрез с юриспруденцией в двух постановлениях Верховного суда, весьма удручает в документе такой важности для примирения и получения прав коренными народами.

Полностью игнорируя выводы доклада Сенатского комитета и постановлений Верховного суда, доклад Исаака утверждает, что единственными метисами, которые смогут пользоваться правами коренных народов согласно статье 35, будут метисы Запада, когда НСМ предоставит полный список своих членов. С 2010 до 2012 г. этот список, который практически невозможно составить, уже обошелся в 18 300 000 долл., и в него внесено всего лишь 80 тыс. из 400 тыс. лиц, которые считают себя метисами канадского Запада.

В заключение стоит заметить, что в 1763 г. *Королевская прокламация* открыла широкое социальное пространство для индейцев, оно было отмечено целой серией законов, прежде чем было закрыто *Индийским актом* в 1876 г. В 1982 г. *Конституционный закон* открыл новое пространство, и в 2003 г. дело *Паули* дало надежду членам 30 сообществ. Сейчас это пространство вновь закрыто, и доклад Комитета и доклад Исаака пытаются прикрыть любые лазейки для «других метисов». Но с поста-

новлением по делу *Дэниэлс* для «других метисов» и нестатусных индейцев оно открывается вновь.

В этих переходных пространствах требования коренных народов предстают в качестве «серьезных игр», и каждая партия интерпретирует историю и законы в собственных целях. Это также арена, на которой производится агентность акторов и где власти и проекты неустанно сталкиваются через политику и суждения, которые никогда не удовлетворяют больше чем наполовину ни правительства, ни коренные народы.

Примечания

¹ Недавнее исследование Акимова (2010) касается только XVI и XVIII вв., другие ссылки достаточно старые: две выдержки из Британской энциклопедии от 1926 г. – Кропоткина, который посещал канадский Запад в 1897 г. (Kropotkin 1926a, 1926b), и статья Завалишина от 1882 г. (Zavalishin 1882).

² Канада – это конституционная монархия, где Корона в лице королевы Елизаветы II в качестве главы Канады является источником власти, которая составляет часть избирательных, исполнительных и судебных властей страны.

³ Земля Руперта охватывала весь бассейн Гудзонова залива, включая часть Квебека и Онтарио, всю Манитобу и часть Саскачевана и Альберты. Исключительная собственность Компании Залива Гудзона, которая запрещала любые другие поселения и торговые посты на своей территории.

⁴ Речь идет о метисах Новой Шотландии, Ньюфаундленда – Лабрадора, Нью-Брансуика, Квебека, Северо-Восточного Онтарио, Северо-Западных территорий и части Альберты и Британской Колумбии.

⁵ Называемые также метисами Запада (Манитоба, Саскачеван, Альберта). Это потомки манитобских метисов и тех, кто эмигрировал в Саскачеван вследствие сопротивления на Красной реке в 1870 г., а также в Альберту в результате восстания на Северо-Западе в 1885 г.

⁶ См. статью Даны Энн в этом номере.

⁷ Статья 35 (1) Существующие исконные или вытекающие из договоров права коренных народов Канады признаются и подтверждаются. (2) В настоящем Акте под термином коренные народы Канады разумеются индейцы, инуиты и метисы Канады.

⁸ В североамериканской традиции термин «нация» применяется и по отношению к коренным народам, означая, племя или этническую группу. Этот термин был введен самими коренными народами и используется сегодня как в широком глобальном контексте (Premières Nations), так и в локальном (Blackfoot nation и др.) (примеч. переводчика).

⁹ Многие сообщества коренных народов в Канаде называют себя «нациями». Общее официальное наименование всех индейцев – «первые нации» (примеч. переводчика).

¹⁰ См.: (Bashkirov 2014).

¹¹ Британская Колумбия, Альберта, Саскачеван и Манитоба. Онтарио исключен из НСМ в 2020 г.

¹² Это 235 тыс. человек, принадлежащих к «первым нациям», которые не записались в регистр индейцев федерального правительства. На них не распространяется действие Закона об индейцах, и они не пользуются никакими коллективными правами.

¹³ Включая метисное сообщество Со-Сент-Мэри в Онтарио, которое пользуется правами коренных народов после судебного решения по Паули в 2003 г.

¹⁴ Дела, касающиеся выдачи сертификатов, наделяют правом на земли детей метисов в обмен на их коренные права по Акту о Манитобе от 1870 г. Плохое управление этим направлением со стороны правительства приведет к тому, что коренные права метисов будут вновь признаны в 1982 г.

¹⁵ Нестатусными индейцами в Канаде именуются люди, заявляющие о своем автохтонном происхождении, но не сумевшие его официально доказать по причине отсутствия

соответствующих документов. Они, как правило, проживают в городах и утратили связь с общинами (примеч. переводчика).

¹⁶ Надо заметить, что Закон о Манитобе от 1870 г. предоставлял земли посредством сертификатов детям метисов, а не всем метисам Манитобы.

¹⁷ Гарри Дэниэлс (1940–2004 гг.) – политик и активист-метис, который боролся за права метисов и нестатусных индейцев.

¹⁸ Комитет был создан в 1990 г. правительством Канады, перед ним стояла задача исследовать вопросы, касающиеся коренных народов.

¹⁹ <https://gdins.org/> (примеч. переводчика).

Перевод с французского М.Б. Башикирова

Юридические документы

Верховный суд Канады:

Daniels c. Canada (Affaires indiennes et du Nord canadien), 2016 CSC 12.

Manitoba Metis Federation Inc. c. Canada (Procureur général), 2013 CSC 14, 291 Man. R. (2d) 1.

R. c. Powley, 2003 CSC 43, 2 R.C.S. 207.

Федеральный апелляционный суд:

R. c. Daniels, 20N14 CAF 101, A-49-13.

Федеральный суд:

R. c. Daniels, 2013 FC 6, T-2172-99.

Daniels, Gardner & Congress of Aboriginal Peoples v. Canada, 2011, FC 230 (CanLII).

Daniels, Gardner & Congress of Aboriginal Peoples v. Canada, 2005 FC 1109.

Daniels, Gardner & Congress of Aboriginal Peoples v. Canada, 2002 FCT 295.

Апелляционный суд Манитобы:

Manitoba Metis Federation Inc. v. Canada, 2010 MBCA 71 (CanLII).

Суд Манитобы:

Manitoba Metis Federation Inc. v. Canada, 2009 MBCA 17.

CM 2008 – *Manitoba Metis Federation Inc. v. Canada*, 2008 MBCA 131 (CanLII).

CM 2007 – *Manitoba Metis Federation Inc. v. Canada*, 2007 MBQB 293 (CanLII).

Список источников

Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII веков. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2010.

Bashkirov M. Colonisation, acculturation et métissage. Les Russes en Iakoutie (Sibérie orientale) du XVIIe au XIXe siècle // *Anthropologie et sociétés*. 2014. Vol. 38, № 2. P. 193–209.

Bourdieu P., Passeron J.-C. Le sens commun. Paris: Les Éditions de Minuit, 1970.

Canada 2013. «Le peuple qui s'appartient»: Reconnaissance de l'identité métisse au Canada. Rapport du comité sénatorial permanent des peuples autochtones. Ottawa, 2013. URL: www.parl.gc.ca

Gagnon D. Le statut de Métis au Canada: Histoire, identité et enjeux sociaux. Québec: Presses de l'Université Laval., 2019. URL: <https://www.pulaval.com/produit/le-statut-de-metis-au-canada-histoire-agenceite-et-enjeux-sociaux>

Gagnon D., Giguère H. L'identité métisse en question: Stratégies identitaires et dynamismes culturels. Québec: Presses de l'Université Laval, 2012.

Gagnon D., Giguère H. Le Métis comme catégorie sociale: Agencéité et enjeux sociaux // *Anthropologie et sociétés*. 2014. Vol. 38, no. 2, pp. 13–26.

- Isaac T. Une question d'importance nationale et constitutionnelle: Rapport du représentant spécial de la ministre sur la réconciliation avec les Métis: droits des Métis visés à l'article 35 et arrêt Manitoba Metis Federation. Ottawa: Affaires autochtones et du Nord Canada, 2016.
- Kropotkin, P.A. Russia. *The Encyclopedia Britannica*. 1926a. Vol. 23–24. P. 869–891.
- Kropotkin P.A. Siberia. *The Encyclopedia Britannica*. 1926b. Vol. 25–26. P. 10–18.
- Zavalishin D.I. Siberia and Canada // *Oriental Review: Literary and Political Newspaper*. 1882. Vol. 34.

References

- Akimov Iu.G. (2010) *Severnaia Amerika i Sibir' v kontse XVI – seredine XVIII vekov. Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii* [North America and Siberia at the end of the 16th – the middle of the 18th centuries. Essay on comparative history of colonizations]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo Universiteta.
- Bashkirov M. (2014) Colonisation, acculturation et métissage. Les Russes en Iakoutie (Sibérie orientale) du XVIIe au XIXe siècle, *Anthropologie et sociétés*, Vol. 38, no. 2, pp. 193–209.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1970) *Le sens commun*. Paris: Les Éditions de Minuit.
- Canada 2013. *"Le peuple qui s'appartient": Reconnaissance de l'identité métisse au Canada*. Rapport du comité sénatorial permanent des peuples autochtones. Ottawa, 2013. URL: www.parl.gc.ca
- Gagnon D. (2019) *Le statut de Métis au Canada: Histoire, identité et enjeux sociaux*. Québec: Presses de l'Université Laval. URL: <https://www.pulaval.com/produit/le-statut-de-metis-au-canada-histoire-agenceite-et-enjeux-sociaux>
- Gagnon D., Giguère H. (2012) *L'identité métisse en question: Stratégies identitaires et dynamismes culturels*. Québec: Presses de l'Université Laval.
- Gagnon D., Giguère H. (2014) Le Métis comme catégorie sociale : Agencéité et enjeux sociaux, *Anthropologie et sociétés*, Vol. 38, no. 2, pp. 13–26.
- Isaac T. (2016) *Une question d'importance nationale et constitutionnelle: Rapport du représentant spécial de la ministre sur la réconciliation avec les Métis: droits des Métis visés à l'article 35 et arrêt Manitoba Metis Federation*. Ottawa: Affaires autochtones et du Nord Canada.
- Kropotkin P.A. (1926a) Russia. *The Encyclopedia Britannica*, Vol. 23–24, pp. 869–891.
- Kropotkin P.A. (1926b) Siberia. *The Encyclopedia Britannica*, Vol. 25–26, pp. 10–18.
- Zavalishin D.I. (1882) Siberia and Canada, *Oriental Review: Literary and Political Newspaper*, Vol. 34.

Сведения об авторе:

ГАНЬОН Дени – Университет Сен-Бонифас, г. Манитоба (Канада).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Denis Gagnon, Université de Saint-Boniface (Manitoba, Canada).

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 5 ноября 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 5.11.2021;
accepted for publication 01.04.2022.*

Научная статья
УДК 394
doi: 10.17223/2312461X/35/5

МЕТИСЫ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ КАНАДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Михаил Борисович Башкиров

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, bashkiroffm@gmail.com*

Аннотация. Период 1869–1885 гг. имеет ключевое значение для метисов канадского Запада, поскольку оказал важнейшее влияние на исторические судьбы этой общности. Первое восстание 1869–1870 г. привело к образованию провинции Манитоба, второе восстание 1884–1885 гг. – к тяжелейшим последствиям для метисов, что выразилось в длительной дискриминационной политике канадских властей в последующие десятилетия.

С позиций интеллектуальной истории исследуется процесс осмысления категории «метис» в канадском культурном ландшафте второй половины XIX в. События 1869–1885 гг. вызывали интерес у канадских интеллектуалов и требовали оценки, которая была невозможна без ответа на вопрос, кто такие метисы. На материалах эго-документов, публицистики и художественной литературы исследуются различные точки зрения на эту общность и категорию. Если во Французской Канаде преобладал несколько «романический» взгляд на метисов как на особый, в некоторой степени «варварский», фронтир франкоязычного мира Северной Америки, то в Английской Канаде фигура метиса была связана с множеством негативных представлений и стереотипов. Особый интерес в рамках темы представляет осмысление метисации «изнутри» метисного сообщества. Так, в текстах «отца-основателя» Манитобы Луи Риэля конструируется концепт «нации метисов», а сама общность обретает самостоятельность и историческую субъектность, связанную с комплексом религиозно-мессианских идей.

Ключевые слова: метис, идентичность, интеллектуальная история, Манитоба, Запад Канады

Для цитирования: Башкиров М.Б. Метисы в культурном ландшафте Канады во второй половине XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 79–97. doi: 10.17223/2312461X/35/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/5

Métis in the cultural landscape of Canada in the second half of the 19th century

Mikhail B. Bashkirov

*Institute for Humanitarian Research and Problems of the Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation,
bashkiroffm@gmail.com*

Abstract. The period 1869–1885 holds a key importance for the Métis of the Canadian West, for it had a crucial influence on the historical destinies of this community. The first rebellion of 1869–1870 led to the formation of the province of Manitoba, and the second rebellion of 1884–1885 had the most severe consequences for the Métis, which were reflected in the long-lasting discriminatory policies of the Canadian authorities.

This article explores the process of conceptualizing the category of “Métis” in the Canadian cultural landscape of the second half of the nineteenth century from the perspective of intellectual history. The events of 1869–1885 aroused the interest of Canadian intellectuals and demanded an evaluation that was impossible without answering the question of who the Métis were. Thus, representatives of Catholic circles in French Canada perceived the Métis in a largely complimentary way and saw them as a special, to some extent “barbaric”, frontier of the Francophone world of North America. In English Canada, the figure of the Métis was associated with many negative perceptions and stereotypes. Métis is also a silent figure, located “in the gray zone” between the worlds of civilization and the world of “savages”. The phenomenon of metissage and the historical destiny of this community were also conceptualized by the Métis themselves: we are talking about the legacy of L. Riel, the leader of the rebellions. Riel’s texts construct the concept of “Métis nation” and the community itself acquires independence and historical subjectness associated with a complex of religious and messianic ideas.

Keywords: Métis, Identity, Intellectual History, Manitoba, Western Canada

For citation: Bashkirov, M.B. (2022) Métis in the cultural landscape of Canada in the second half of the 19th century. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 79–97. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/5

Первые потомки браков французских колонистов с индейскими женщинами появились в Канаде еще в XVII в. – в самом начале «контактной эпохи». Метисация с разной степенью интенсивности существовала во всех регионах страны. Тем не менее на уровне федерального и провинциальных правительств исторической «нацией метисов» (Métis nation) признается только самая крупная группа, сформировавшаяся в XVIII–XIX вв. на западе страны – на территории канадских Прерий (провинции Манитоба, Саскачеван и Альберта). Многие метисные сообщества, проживающие в основном на востоке (в Квебеке, Нью-Брансуике, Новой Шотландии), не зарегистрированы в качестве коренного населения, на них не распространяются права и льготы, преду-

смотренные законодательством о коренных народах (освобождение от уплаты налогов, льготная медицинская страховка, различные субсидии на жилье и образование и т.д.). Статус метисов в Канаде вместе с индейцами и инуитами закреплен в Конституции 1982 г. (35-я статья). В 2016 г. в Канаде насчитывалось 587 545 метисов, что составляет 1,7% всего населения страны (Statistique Canada 2017).

Многие годы в стране идет дискуссия о том, кто может считаться метисом («настоящим» метисом). Метисы западных провинций в лице своих ассоциаций и объединений настаивают на существовании жестких этнокультурных границ и закрытом характере своих сообществ. Большинство франкоязычных метисов востока страны, а также Национальный совет метисов из Манитобы интерпретируют концепт «нация метисов» и в целом метисную идентичность в более широком ключе, чем их оппоненты с Запада. При этом подходе этнокультурные границы представляются довольно гибкими и позволяют «претендовать» на принадлежность к «нации метисов» широкому кругу лиц, имеющих смешанное происхождение. В этом случае метисация воспринимается не как заверченный в прошлом исторический акт, а как процесс, который продолжается и по сей день, притом по всей стране, не ограничиваясь «исторической колыбелью» в Манитобе.

В первую очередь, это выражается в политической и юридической борьбе различных метисных групп и индивидов, направленной на признание своих прав и сообществ. Не последнюю роль в этой дискуссии, которая то затухает, то разгорается вновь, играют исторические аргументы и отсылки к историческому прошлому. Позицию метисов Запада Канады разделяют федеральное правительство и власти восточных провинций – Квебека, Нью-Брансуика и Новой Шотландии, не признающие ни одной из ассоциаций «других» метисов на своей территории. Эта коллизия, разумеется, связана с практической и политической целесообразностью. Иными словами, ни федеральное, ни провинциальные правительства не хотят брать на себя лишних обязательств в отношении вновь признанных метисных групп. Но также большую роль играет и исторически сложившееся восприятие метисации (как исторического процесса) и метисности (как социальной категории) в культурно-интеллектуальном ландшафте Канады. Современные дискурсы и подходы к проблеме метисности («настоящие метисы», «другие метисы», «нация метисов») появились не на пустом месте и своими корнями уходят в позапрошое столетие.

Оба этих подхода имеют исторические особенности и связаны с культурными различиями, существовавшими во Французской и Английской Канаде. Данная статья представляет собой попытку проанализировать культурно-исторический контекст, в котором формировались эти дискурсы. Исследование строится на эго-документах и публицистических

текстах представителей Католической церкви, значение которой в истории Квебека XIX в. трудно переоценить. В случае же Английской Канады метисы и метисация, с одной стороны, часто становятся фигурами умолчания и игнорируются авторами, побывавшими на Западе страны, с другой стороны, в англоязычной литературе распространены негативные стереотипы о метисах (Маир, Томпсон и др.). Третий корпус источников демонстрирует, как собственное происхождение осмыслялось самими представителями этой группы в XIX в. (Дюмон, Риэль).

Особенности колонизации и исторические вехи

Слово «*métis*» во французском языке происходит от латинских слов «*mixtus*» и «*misticus*», что означает смешение (Lüsebrink 1993: 93). В Канаде это слово (в разных вариантах «*métice*», «*mestif*», «*métis*», «*mitis*») употребляли по отношению к лицам смешанного европейско-индейского происхождения еще во времена Новой Франции. В 1633 г. основатель колонии Самюэль де Шамплен обращался к алгонкинскому вождю Капитаналу по поводу заселения Труа-Ривьер: «...когда этот большой дом будет построен, наши юноши женятся на ваших девушках и мы будем не чем иным, как одним народом» (цит. по: (Gagnon 2019: 102)). Метисация, таким образом, для основателя Новой Франции играла если не ключевую, то, по меньшей мере, важную роль в процессе заселения континента французами. Тем не менее в ранней истории Канады (Новой Франции) мы практически не находим сведений об отдельных метисных группах, лишь о частных случаях браков французов с индианками (McDonald 1983). В этот период лиц, произошедших от браков с индианками, причисляли к локальным, совсем недавно возникшим сообществам – акадийцам, гаспезийцам, канадцам (жителям долины Сен-Лоран), сэттлерс – на Лабрадоре. Этноним «метис» использовался наравне с ними, но никогда по отношению к таким лицам не применялось слово «француз». Также во французской традиции метисов было принято называть *bois brûlés* («обожженное дерево»), реже *sang-mêlés* («смешанная кровь»), а в британской – *half-breed*, иногда *mixed bloods* («полукровка»). Английский термин *half-breed* использовался в Канаде в том числе и официально (см., напр., (Acte du Manitoba 1870)), пока французское «*métis*» полностью его не вытеснило к 1930-м гг. (Goulet, Goulet 2006: 13).

В середине XVIII в. группы франкоканадских «лесных бродяг» (*coureurs des bois*) активно продвигаются на запад, на территории прерий. Именно это движение, инициированное интересами мехоторговли, привело к тому, что в районе долины Красной реки (нынешний Виннипег) образовалась наиболее крупная группа смешанного индейско-европейского происхождения¹. Другие сообщества метисов образовались в районе озера Виннипег и г. Пембайна (Северная Дакота, США).

Фундаментальную разницу между английской и французской колонизацией континента отмечал еще знаменитый американский историк Ф. Тернер: «Во французской колонизации доминировал торговый фронтир; в английской – фермерский. Между этими двумя разновидностями, как и между двумя государствами, существовал антагонизм» (Тернер 2009: 22). Пользуясь терминологией Тернера, отметим, что «торговый фронтир» во многом сыграл решающую роль в формировании метисной общности на Западе. Браки с женщинами из местных племен – кри, оджибре, дакота, черноногие и др. – были взаимовыгодными, прежде всего, с экономической точки зрения. Дети от смешанных браков находились на перекрестке различных культур – французской, шотландской, канадской, американской, индейской. Основу образа жизни метисов составляла мехоторговля, перевозка грузов в отдаленные фактории и форты, торговля и охота на бизонов. К середине XIX в. в регионе можно выделить две наиболее крупные группы метисов: франкоязычные метисы-земледельцы, жившие в районе Красной реки и современного Виннипега, и охотники на бизонов, кочевавшие в прериях. Метисы нередко были билингвами и трилингвами, владея языками своих родителей, или предпочитали пользоваться мичифом – поливариантным наречием, вобравшим в себя элементы индейских языков, французского и английского (Raben 2006: 256).

Формально с 1670 г. эта огромная территория принадлежала британской Компании Гудзонова Залива (КГЗ) и была названа «Землей Руперта» в честь кузена английского короля Карла II. На протяжении практически целого столетия конкуренцию КГЗ на этой территории составляли франкоканадские мехоторговцы и «лесные бродяги» вплоть до 1763 г., когда вся французская система мехоторговли в Северной Америке рухнула вместе с падением Новой Франции вследствие поражения в Семилетней войне. В 1867 г. в Британской империи был принят «Акт о Британской Северной Америке», ознаменовавший начало нового этапа: Канада получила статус доминиона Британской империи и стала федерацией. Провинции, входившие в состав федерации, обрели широкие возможности самоуправления по аналогии с американскими штатами. Федеральное правительство выкупило Землю Руперта у КГЗ, предполагалось, что она будет преобразована в Северо-Западные территории. Для жителей Земли Руперта это исключало возможность обрести равные права с жителями восточных провинций. Федеральные власти рассчитывали использовать огромные ресурсы плодородных земель Манитобы и в 1869 г. начали отчуждать пахотные земли у метисов-фермеров. Именно право на землю стало камнем преткновения между метисами и канадской администрацией в 1869 г., что в итоге привело к первому восстанию, лидером которого стал Луи Риэль – отец-основатель Манитобы. Восстание закончилось практически бес-

кровно. И, в результате переговоров, федеральное правительство было вынуждено пойти на компромисс и принять «Акт о Манитобе», гарантировавший жителям вновь образовавшейся провинции гражданские права, в том числе и официальное двуязычие.

Тем не менее с середины 1870-х гг. условия жизни метисов в Манитобе стали ухудшаться вследствие действий земельных спекулянтов, федеральных агентов и наплыва иммигрантов с востока. Часть метисов мигрировала на Запад в степи Саскачевана вслед за стадами бизонов, которые в тот период истреблялись в Манитобе. Уже через несколько лет столь же тяжелая ситуация сложилась и на территории Саскачевана: ряд локальных конфликтов из-за земли, а также практика отстрела бизонов спровоцировали второе восстание метисов, которое в 1884 г. вновь возглавил Луи Риэль. К восставшим присоединились часть кри, оджибве и ассинибойнов. Повстанческая армия потерпела несколько поражений от федеральных войск, финальным из которых стало поражение под Батошем 12 мая 1885 г. Суд над Риэлем проходил в маленьком поселке Реджайна в течение пяти дней. Несмотря на мощную общественную кампанию, поднявшуюся в поддержку Риэля во Французской Канаде, 16 ноября лидер метисов был повешен. Военное поражение метисов привело к тому, что уже к 1886 г. количество метисов в Манитобе сократилось с 80 до 7% (Dickanson 1996: 315). Часть метисов мигрировала в США и западные провинции – Саскачеван и Альберту, в то время как другие предпочли скрывать свое происхождение и фигурировали в официальных документах как индейцы или франкоканадцы, вследствие дискриминации со стороны провинциальных властей и англоканадского большинства.

Период первой половины XX в. практически выпадает из поля зрения исследователей, что, в первую очередь, связано с отсутствием письменных источников и трудностью доступа к устным (Wosque 2012: 15). Только в 1960–1970-х гг. метисы Канадского Запада в лице политических активистов стали вновь заявлять о своем существовании: акции протеста, связанные с требованием исконных прав, привели к тому, что в 1982 г. метисы были включены властями в число коренных народов страны. После официального признания со стороны государства окончательно оформился в своем современном виде концепт «нация метисов», изначально сконструированный еще Л. Риэлем. Тем самым за этой группой (как англо-, так и франкоязычной) закрепился статус «настоящих метисов», официально признанных государством, а метисные группы, не имевшие отношения к этим событиям, автоматически превращались в «ненастоящих метисов» или «других метисов».

Метисы в культурном ландшафте Французской Канады

Феномен метисации в интеллектуально-культурном пространстве Европы XVII–XIX вв. можно рассматривать исключительно в колони-

альном контексте. Представления европейцев о метисах, метисации, «смешанной крови» по большей части были негативными: «грязной» метисации противопоставлялся концепт «чистоты крови». Например, в знаменитом «Словаре де Треву» слово «Mestifs» рассматривается, прежде всего, в зоологическом контексте, как смешение разных пород у собак или разных видов как в случае мула. Что же касается людей, то словарь определяет их как «рожденных от отца и матери разного качества, цветов или религии» (цит. по: (Albertan-Coppola 1991: 35)).

Артур де Гобино в своем знаменитом труде о неравенстве рас основывался на предпосылке, что любое смешение рас ведет к вырождению во всех областях: культурной, биологической, интеллектуальной (Gobineau 1967). В том же негативном ключе метисов и метисацию оценивали европейские авторы, побывавшие в Канаде. Так, например, французский писатель Шатобриан, совершивший путешествие в Канаду, указывал, что метисы – это «полукровки цивилизованной природы и дикой природы», «обладающие пороками обеих рас» (Chateaubriand 2000: 181). Другой известный автор, побывавший в Новом Свете, Алексис де Токвиль писал о метисах:

Французы не замедлили вступить в союз с индианками, однако, к великому несчастью, между их характером и характером индейцев обнаружилась необъяснимая близость. Вместо того, чтобы привить туземцам вкус к цивилизованной жизни и ее привычки, они нередко сами безоглядно предавались дикой жизни. В результате они стали самыми опасными жителями пустыни, а дружбу с индейцами завоевали, доведя до крайности свойственные туземцам пороки и добродетели (Токвиль 1992: 246).

Еще один пример – это воспоминания шотландского писателя Р. Баллантайна, работавшего в КГЗ в первой половине 1840-х гг. еще совсем молодым человеком. Здесь мы уже встречаем амбивалентный образ метиса: он и разрушитель, не щадящий природу, и объект романтического созерцания.

Я устал от полукровок, от их расточительного, разрушительного образа жизни. Повсюду их опустошения бросались в глаза. Деревья были безжалостно срублены или изуродованы; молодые тополя были ободраны ради их сока; благородные ели лишены ветвей <...> В первой тележке сидела необыкновенно красивая девушка, смуглая девица смешанного французского происхождения. Как и у многих представителей ее расы, на ее лице было полузастенчивое, полупрезрительное выражение: она была похожа на ту, кто будет любезен с немногими, плохо настроен к большинству, но верен до смерти своему мужу или любовнику (Ballantyne 1848: 44).

В свою очередь в колониальной Канаде на метисов смотрели под иным углом зрения. Важнейший фактор, предопределивший исторический путь Канады, – это наличие франкоязычного католического меньшинства. С момента открытия и вплоть до 1763 г. Канада принадлежала

ла Франции, в ходе Семилетней войны потерявшей все свои североамериканские владения. В дальнейшем наплыв мигрантов с Британских островов и Европы превратил франкоязычное население страны из большинства в меньшинство. Большая его часть была сосредоточена в провинции Квебек. Тем не менее франкоязычные анклавов существовали и за пределами Квебека. Во второй половине XIX в. к числу таких анклавов принадлежали акадийцы на востоке страны (Нью-Брансуик и Новая Шотландия) и франкоязычные метисы – на западе. Монреаль, как крупнейший франкоязычный центр на континенте в большой степени выполнял для них функцию культурной и религиозной метрополии. Для англоязычного, в массе протестантского большинства, в отличие от франкоканадцев, метисы не были чем-то родственным и близким, вместе с индейскими племенами, населявшими прерии, они представляли собой препятствие при продвижении на Запад. Разумеется, в Английской и Французской Канаде формировались совершенно разные стереотипы о метисах, за исключением фундаментальной предпосылки о превосходстве цивилизации над «дикарями».

По всей видимости, одним из первых², если не первым автором, кто описал метисов, был миссионер и первый епископ епархии Сен-Бонифас (Северо-Запада) Жозеф-Норбер Прованше, прибывший в колонию Асинибойна³ в 1818 г. Примечательно, что Прованше прибыл на Северо-Запад не по собственной инициативе, а вследствие письма, подписанного 22 метисами, просившими прислать им священника. В письмах Прованше метис предстает фигурой гораздо более близкой к «дикарям», нежели к цивилизации: «...они не более осведомлены в религии и божественности, чем другие дикари» (Provencher 1913: 22). Будучи католическим клириком, Прованше осуждает нравы, царящие в среде метисов и ожидаемо сетует на то, как будет трудно их цивилизовать в связи с удаленностью, одновременно он отмечает способности детей метисов к изучению катехизиса (16–17). В том случае, когда Прованше проводит параллели с канадцами, живущими на востоке, метисы на их фоне предстают более грубыми, дикими и распущенными (82–83). Характерно и то, какой именно святой был выбран покровителем этих мест – католический миссионер VIII в. Святой Бонифас, проповедовавший среди язычников Германии.

Следующие поколения клириков, служившие на этой территории, относились к метисам с куда большей симпатией. Так, например, епископ Сен-Бонифаса А. Таше называл метисов «гордыми детьми пустыни» и выступал с призывами амнистии к восставшим в 1885 г. (Taché 1885: 12). Другой известный представитель Католической церкви на Северо-Западе аббат Н.-Ж. Ритшо также испытывал нескрываемую симпатию к метисам и даже взял на себя функции переговорщика с федеральным правительством в 1870 г. К его фигуре мы вернемся чуть позже.

Особый интерес представляет текст, опубликованный в католической газете «Новый мир» в связи с событиями 1869 г. – редакционная статья «Горизонт осветился». В начале ее речь идет об исчезнувших на Западе «славных парнях из Канады», многие из которых погибли, но «некоторые остались жить среди дикарей» (Pouliot 1957: 354). «Сильная, энергичная, терпеливая раса, покорная, нравственная и религиозная, они чем-то напоминают акадийцев. Таковы поселенцы Ред-Рив» (356). «Кто знал Северо-запад до 1868 года? Никто, или почти никто. Так же верно и то, что долгими зимними вечерами легенды, рассказанные нашими предками об их открытиях, стали живой частью детства каждого из нас» (355). Действия федерального правительства называются ошибочными, газета упрекает их в недальновидности, игнорировании интересов местного населения. Называя колонию на Красной реке *ultima Thule*⁴, авторы указывают на то, что воспринимают метисов как своего рода фронтир, особую зону границы цивилизации и франкоканадской культуры.

Статья в «Новом мире» – это типичный взгляд из метрополии на окраины, где проживают меньшинства, которым требуется защита и покровительство, недаром «поселенцев Ред-Рив» сравнивают с акадийцами. В статье – это важно отметить – нигде не появляются термины «метис» или «буа-брюле», лишь «сильная, энергичная, терпеливая раса...». Эта характерно и для некоторых англоязычных текстов. Отношение к метисам как к «своим» особенно ярко проявилось в Квебеке к 1885 г. Так, в рассказе о военных действиях на Северо-Западе франкоканадского военного Борегара мы находим такой характерный фрагмент: «... люди, которых мы встречали на улице, говорили нам, что мы едем на войну со своими братьями, такими же французами, как и мы <...> Эти добрые люди представляли себе, что на Северо-Западе не живет никого, кроме французских метисов» (Beaugregard 1886: 11). Позже, уже в XX в., такого рода «дружественный» дискурс по отношению к метисам в католической Французской Канаде был доминирующим и сохранялся вплоть до 1960–1970-х гг. (см., напр., (Groulx 1944)). Отметим, что ни у кого из вышеупомянутых франкоканадских авторов смешанное происхождение метисов не вызывает никакого удивления, не говоря уже об отторжении, в отличие от авторов из Европы. Единственное, что, по мнению первых, отличает метисов от франкоканадцев – это их «варварство», объяснимое скорее периферийностью, чем происхождением.

«Полукровка»: фигура умолчания и негативные стереотипы

У англоязычных авторов, побывавших на Северо-Западе в различные годы второй половины XIX в. и непосредственно контактировав-

ших с метисами, мы видим совершенно иные константы восприятия. Во многих текстах метис, вернее полукровка (half-breed), становится фигурой некоего умолчания. Он упоминается в тексте, но лишь вскользь, в порядке перечисления, в то же время рядом могут быть подробные описания «дикарей» – сиу, оджибве и др. (напр. (Begg 1871; Grant 1873; Williams 1882; Barneby 1884)). Часто метис выступает в качестве проводника в прямом смысле – как сопровождающий в путешествии, так и в переносном – как человек, знающий мир «дикости и дикарей». Метис – это и переводчик, посредник, способный выстроить коммуникацию между двумя полюсами – белыми людьми и индейцами (Williams 1882). Часто в глазах наблюдателя метис связан с «материнским» этнической группой, метис – это «индейский полукровка», «французский полукровка», «полукровка-Кри». Во многих англоязычных текстах фигура метиса попадает в «серую зону», она как будто бы разрушает бинарную оппозицию цивилизации и дикости и по причине этого игнорируется.

Наверное, самый хрестоматийный и любопытный пример осмысления метисов и метисации среди англоязычных канадских авторов – это случай Чарльза Маира, поэта и драматурга, в течение многих лет жившего на Северо-Западе. За время своей карьеры Маир успел поработать корреспондентом торонтской газеты «Глоб», скупщиком земель, представителем федерального правительства. Впервые Маир попал в Сен-Бонифас в 1868 г., в одном из писем в газету «Глоб» он называл метисов «антропологическими диковинками, совершенно оторванными как обычаями, так и милями от норм восточного общества» (Shrive 1965: 67). «Многие богатые люди женаты на женщинах-полукровках, которые, не имея никакого герба, кроме “тотема”, на который можно опереться, восполняют этот недостаток, огрызаясь на своих “белых” соперниц. <...> Полукровки – единственные местные люди, которые голодают. Пять тысяч из них нужно прокормить этой зимой, и это их собственная вина – они не будут заниматься сельским хозяйством» (70–71). Написанный Маиром в грубой уничижительной манере коллективный портрет метисов был растиражирован газетой «Глоб» и вызвал настоящий скандал в колонии.

В дальнейшем представления Маира о метисах стали стереотипными и неоднократно воспроизводились в англоязычной прессе в период второго восстания.

Маир также автор нескольких значимых для канадской литературы XIX в. произведений – поэм «Последний бизон», «Текумсе» и эссе «Американский бизон». Его фигура традиционно связывается многими исследователями с зарождением англоканадского национализма. Случай Маира по-своему уникален. С одной стороны, в качестве канадского экспансиониста и правительственного агента в конфликте «дикости»

и цивилизации, Маир, безусловно, принимал сторону последней. И трудно сомневаться, что часть ответственности за разрушительные последствия политики федерального правительства на Западе лежит и на Чарльзе Маире. С другой стороны, в его поэзии бизон и фигура индейца («дикаря») олицетворяют своеобразный экологический идеал. Индейцы и бизоны – это идеальный природный симбиоз и одновременно объект эстетизации. Поэзии Маира свойственны эсхатологические мотивы, он поэтизирует бизона и индейца как нечто исчезающее, доживающее свои последние дни. Маир не обходит стороной тему сознательного и жестокого истребления бизонов, но виноват в этом парадоксальным образом оказывается не белый поселенец с винтовкой, а метисация: «Нашими были девственные прерии и вызывали наше упоение, пока красный человек не смешал свою кровь с бледными потоками» (Maig 1886: 151). Метисация, таким образом, становится для Маира признаком деградации, скорой гибели и разрушения некоего идеала. Как и для шотландца Баллантайна, метис и метисация не вписываются в идеализированный автором экологический пейзаж, где обитают «чистые» формы – «дикари» и бизоны.

В этой связи уместно упомянуть и известный рассказ детского канадского писателя С. Томпсона «Виннипегский волк». В этом рассказе Томпсон очень ярко транслирует амбивалентное отношение к «полукровкам» (half-breeds), свойственное англоканадской культуре XIX в. «Полукровки» в этом коротком тексте возникают трижды. Прежде всего, это Скрипач Поль – самое настоящее воплощение негативных стереотипов о метисах: он и трус, и пьяница, и бабник, и садист, который издевается над волком, посаженным на цепь. Другое измерение «полукровки» в рассказе представляет девушка Нинетт – «рожденная в пустыне и красивая, как ее мать-индианка», в то же время Нинетт глупа, поскольку хочет выйти замуж за Скрипача Поля и не видит его пороков. Наконец, третье измерение half-breed в рассказе – сугубо зоологическое, обозначающее дворнягу, которую на улицах Сен-Бонифаса разрывает на части Виннипегский волк (Seton-Thompson 1915: 101–135).

В политико-юридическом пространстве метисы также попадают в «серую зону». В политическом дискурсе той эпохи они выпадают из бинарной оппозиции «дикарь» – белый человек и дикость – цивилизация. В дневниках аббата Ритшо, участвовавшего в 1870 г. в переговорах с федеральным правительством, представляя интересы метисов, мы находим аргументы, высказанные первым премьер-министром страны Д. Макдональдом: «...жители Северо-Запада требуют для себя форму Правительства, свойственную цивилизованным людям, и они не должны требовать привилегий, согласованных для Дикарей» (Stanley 1964: 547). В том же дневнике на следующей странице аббат Ритшо, пересказывая спор с премьер-министром, выдвигает звучащий и сегодня аргу-

мент: «...прося контроль над землями своей провинции, у них нет намерения терять права, которые метисы Северо-Запада могут обрести как потомки Индейцев. Они хотят лишь иметь такие же общие права, как в других провинциях и ничего более» (148). Удивительно, насколько видоизменившись по форме, подобная логика не изменилась по сути и остается актуальной спустя 150 лет. В дальнейшем существование метисов «в серой зоне» служило причиной бытовой и политической дискриминации, а также политико-юридических коллизий, с которыми были вынуждены столкнуться сначала метисы канадского Запада, а затем и «другие метисы»⁵.

Канадские метисы: автопортрет

В рамках исследуемого периода мы практически не имеем сохранившихся письменных источников, позволяющих ответить на вопрос о том, как собственное происхождение воспринималось самими метисами. Так, в воспоминаниях «военного руководителя» восстания 1884–1885 гг. метиса Габриэля Дюмона о событиях тех лет, записанных в начале XX в. (сам Дюмон писать не умел), мы находим лишь рассказ о причинах и мотивации восставших: «Мы покинули Манитобу, мы не были больше свободными и мы пришли сюда. И вот они еще хотят доставить нам неприятности, заставить нас платить, и чтобы мы больше не рубили лес на топку. Хорошо, мы не прекратим это делать. Правительство пытается заставить нас. И если мы прекратим этим заниматься, все пойдет еще дальше» (Dumont 2018: 55–56). В дальнейшем Дюмон подробно рассказывает о хронологии событий, иногда красочно, иногда сухо. Очевидно, что Дюмон был, прежде всего, человеком дела, рефлексия была ему отнюдь не свойственна. Что касается этнонимов, то Дюмон использует практически всегда слово «метис», и лишь в исключительных случаях упоминая конкретных персон делается уточнение – «английский метис» или «французский метис». Также он использует слово «нация» (но не «нация метисов»), описывая себя и людей вокруг: «Я не такой человек, чтобы предавать свою нацию» (189).

Куда более ценным и, вероятно, единственным источником, в котором освещается и рефлексировается данная проблематика, является письменное наследие лидера метисов и отца-основателя Манитобы Луи Риэля (1844–1885 гг.). Этот корпус источников включает в себя его поэтическое, эпистолярное наследие, а также наиболее важный источник – личный дневник (июнь 1884 – октябрь 1885 гг.). Не касаясь подробно деталей биографии Риэля, отметим, что это был самый образованный метис (его бабушка по отцу была наполовину чипева) своего времени, учившийся в семинарии в Монреале. В силу семейных и личных обстоятельств в 1868 г. Риэль вернулся на Северо-Запад и возгла-

вил восстание. После образования провинции Манитоба в течение целого десятилетия Риэль был вынужден скрываться от канадского правосудия в американском штате Монтана, вплоть до 1884 г., когда возглавил второе восстание.

Риэль был автором цикла религиозно-политических стихотворений, в недатированном тексте «Архиепископ Сен-Бонифаса», изданном в поэтическом сборнике в 1886 г. родственниками Риэля практически сразу после его смерти, Риэль пишет, обращаясь к епископу Сен-Бонифаса А. Таше: «Вы – стержень католической веры, Вокруг которого канадские и французские метисы Приходят к слиянию, без остановки и возражения На этом Северо-Западе, куда Бог открывает им путь. Франкоканадские метисы Будут расти под вашим руководством. Это тройное имя будет жить благодаря Провидению» (Riel 1886: 20).

В этом небольшом отрывке очевидна важность католицизма как элемента этнокультурной идентичности для «франкоканадских метисов». Другой характерный пример – письмо, написанное им своего близкому другу, Э. Прюдому, в период первого восстания: «Нам нужны образованные честные люди, нам не хватает людей образованных среди населения франкоканадских метисов <...> Я франкоканадец! И это может показать направление моих идей и моих чувств» (Riel 1869). Эта картина ни в чем не противоречит образу, созданному католической газетой «Новый мир» в Монреале. Метис мало чем отличается от франкоканадца с Востока страны, это такой же католик, живущий на периферии, где не хватает образованных людей. Дилемму «цивилизация» или «дикость» Риэль решает в пользу «цивилизации». Более того, в 1874 г. в письме президенту Общества Сен-Жан Батиста в Монреале Риэль писал: «Франкоканадские метисы Северо-Запада – это ветвь франкоканадского дерева. Они хотят расти как это дерево, вместе с этим деревом, они никогда не захотят отделиться от этого дерева, они хотят страдать и радоваться вместе с ним» (цит. по: (Flanaganat 1979: 140)). Совершенно очевидно, что вначале Риэль полностью находился в русле доминирующего в Квебеке дискурса, описывающего франкоязычные меньшинства за пределами провинции как «кузенов», «братьев», «ветви одного дерева». Но уже ко времени второго восстания на Северо-Западе, в 1884 г. в мировоззрении Риэля произошли серьезные изменения, связанные с осознанием коллективной метисной идентичности. Эти изменения нашли свое отражение в его дневнике (Diaries... 1976).

В этом эго-документе обращает на себя внимание набожность автора, твердая, если не сказать, фанатичная приверженность католицизму. Текст дневников похож на молитву или личный монологичный разговор с Богом, к которому автор обращается чуть ли не в каждом абзаце. Иногда монолог становится диалогом, когда бог на страницах дневника сам обращается к Риэлю. Несмотря на то, что дневник является глубоко

интимным документом, из текста становится очевидным, что многие идеи, отраженные на его страницах, высказывались Риэлем публично.

Термин «метис» (как этноним) Риэль использует наряду с «франкоканадские метисы», но гораздо чаще. Впервые именно в его дневнике появляется концепт «нация метисов» (Nation Métis), где (нация) выступает уже гораздо более самостоятельной категорией и не находится в подчиненном отношении у «франкоканадской метрополии». Для Риэля восстание метисов – это рождение «Нового мира», другой эпохи в истории Нового Света. Риэль говорит о собственной миссии и богоизбранности метисов, сравнивая их с ветхозаветными евреями – первым из богоизбранных народов. «Пусть люди слышат божественный голос Твоего Духа, говорящий им о моей миссии, как твой свет показал евреям божественную задачу Моисея» (Diaries... 1976: 84). Удивительным образом происхождение североамериканских индейцев Риэль также связывает с древними евреями. Он говорит о рабах-евреях, путешествовавших с египетскими купцами. Сбившись с пути, они в итоге оказались в Америке. Так евреи обрели свободу и двинулись на север, а египтяне отправились на юг и основали империю Монтесумы (165). Вероятно, такая фантастическая конструкция нужна была для того, чтобы объяснить и подчеркнуть богоизбранность самих метисов и их особое происхождение. Таким образом сложная гибридная природа метисов преломляется в сознании Риэля в нечто божественное и прямо противоположное «зоологическим» коннотациям, свойственным англоязычным авторам. Метисы, для Риэля, должны обрести субъектность и в вопросах религии: «Проси Святую деву послать тебе исповедника, который тебе нужен. Предпочтительно ты должен исповедоваться франкоканадскому метису-священнику. Потому что метисы-священники хорошо слышны, они кроткие и простые перед богом и человеком. Метисы-священники желанны богу» (49).

В канадской традиции святым покровителем франкоканадцев и Новой Франции считался Св. Иоанн Креститель. Святой покровитель был и у другой франкоязычной группы – акадийцев – Св. Дева Мария. Утверждая самостоятельность метисов как отдельного народа, Риэль в качестве покровителя выбрал Св. Иосифа, чья фигура в личной биографии Риэля имела большое значение. Выбор Риэля был одобрен епископом Гранданом, посетившим поселения восставших метисов в сентябре 1884 г., в качестве дня празднования была выбрана дата 24 июля (Diaries... 1976: 123). Очевидно, этот шаг Риэля был принят большинством его товарищей, поскольку даже сегодня ассоциация франкоязычных метисов Манитобы носит имя Св. Иосифа.

В отличие от Ч. Маира, видевшего и поэтизировавшего наступающий конец «традиционного» мира Северо-Запада, Риэль куда более оптимистичен. Себя он видит «пророком Нового мира», который вот-вот должен зародиться на просторах канадских прерий.

Вдохнови нас на то, чтобы религиозные ирландцы, благочестивые баварцы, правоверные поляки, мудрые итальянцы, честные бельгийцы, умные канадцы, мужественные и хорошие французы, тяжело работающие и кроткие скандинавы были бы энтузиастами и последовали моим планам, чтобы покинуть Соединенные Штаты и прийти к нам в Манитобу и освоить огромный Северо-Запад. Господь! Ради этой иммиграции мы просим тебя именем Христа, Марии, Иосифа и Иоанна-Крестителя сохранить вокруг нас волков, медведей, бизонов и других диких животных. Пожалуй нам на веки вечные самых уважаемых и священных поселенцев. Царствие приходит (Diaries... 1976: 52).

В своем воображении Риэль рисует утопический, но яркий образ будущего канадского Запада, здесь должны появиться: Новая Бавария, Новая Польша, Новая Бельгия, Новая Ирландия, Новая Швеция, Новая Дания, а также Новая Иудея на берегу Тихого океана. За метисами Риэль также оставляет закрепленную территорию в виде провинции Манитоба: «Сделай так, чтобы все индейцы, метисы, франкоканадцы и французы мира прямо сейчас жаждали, чтобы Манитобу колонизировали исключительно франкоканадские метисы» (Diaries... 1976: 126). В другом фрагменте Риэль в столь же утопической манере говорит о том, что Манитоба будет населена исключительно франкоканадскими метисами, число которых через 500 лет достигнет 40 млн человек (166). В воображаемом пространстве «новой» Северной Америки, согласно Риэлю, как будто бы нет границ и расстояний. И дети метисов будут учиться в «испанских» странах (по всей видимости, речь идет о Мексике), а «испанцы» приедут на север в Сен-Бонифас (150).

Безусловно, в дневнике Риэля очевидна и экзальтированность автора, и явный мессианизм.

Сразу же после его смерти в англоязычной прессе Канады Риэля называли преступником и предателем, и даже выдвигалась гипотеза о его психическом расстройстве, что лишний раз оправдывало действия федерального правительства (Clark 1887). Тем не менее и сегодня среди метисов Канадского Запада Риэль остается важнейшей фигурой, чье значение не подвергается ни малейшим сомнениям. Несомненно, идеи Риэля как лидера восстания оказывали влияние на его участников, поскольку неоднократно высказывались публично.

Заключение

Таким образом, мы видим: смешанное происхождение метисов не вызывает у франкоязычных авторов вызывает никакого отторжения. Метисов отличает от франкоканадцев, прежде всего, их «варварство». Метис – это обитатель периферии, олицетворяющий своего рода фронтир, особую зону, где граничит «дикость» и цивилизация. Безусловно, приверженность католицизму играли не последнюю роль для франкоканадцев, особенно для клерикальных кругов. В Англоязычной Канаде метис –

это скорее обитатель «серой зоны», застрявший между цивилизацией и «дикостью». Многим авторам легче всего эту фигуру игнорировать и обходить стороной. В ином случае при описании метисов используются негативные стереотипы. По всей видимости, самый яркий пример здесь – это само слово «полукровка». В результате такого рода подход, который с особой яркостью был выражен у Маира, предопределил в дальнейшем бытовую и политическую дискриминацию по отношению к этой группе. Следы этих стереотипов и умолчаний заметны и сегодня в вопросе о «других метисах».

Концепт самостоятельной, отличной от франкоканадцев «нации метисов», был сконструирован Луи Риэлем. Значение его фигуры для этой общности трудно переоценить. Мессианизм Риэля, его набожность, глубоко индивидуальный мистицизм остаются его личными качествами, тогда как сформулированный им концепт «нации метисов» оказал влияние как на его современников, так и на потомков участников восстания. После издания дневника (1976 г.) концепт «нации метисов» все больше входил в употребление в начале среди политических активистов, а затем и в более широком контексте.

Примечания

¹ До 1885 г. в демографическом отношении метисы доминировали над канадцами европейского происхождения. Так, например, по данным переписи 1871 г., в только что образованной провинции Манитоба проживало 9 800 метисов, 1 600 белых, в то время как данные о количестве индейцев отсутствовали (Dickanson 1996: 256).

² В данном параграфе вопросы историографии общности метисов я выношу за скобки, поскольку первый исторический труд, посвященный этой общности и событиям на Северо-Западе, появился только в 1930-х гг. и принадлежал перу французского историка (De Tremaudan, 1936).

³ Так официально называлась первая колония на Красной реке.

⁴ По всей видимости, имеется ввиду о. Шетланд – самая северная точка Европы.

⁵ Подробнее см. статью Д. Ганьона в этом номере.

Список источников

Тернер Ф. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009.

Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.

Acte du Manitoba 1870. URL: <https://www.collectionscanada.gc.ca/confederation/023001-7118.06-f.html>

Albertan-Coppola S. La notion de métissage à travers les dictionnaires du XVIIIème siècle // Métissages. Littérature-Histoire. Cahiers CRLH-CIRAOI. 1991. № 7, tome I. P. 35–50.

Ballantyne R.M. Hudson's Bay, or, Every-day life in the wilds of North America during six years' residence in the territories of the honourable Hudson's Bay Company. Edinburgh, Scotland: William Blackwood & Sons, 1848.

Barneby W.H. Notes from a journal in North America in 1883. Hereford, England: Printed at the Offices of the Hereford Times, 1884.

Beauregard G. Le 9me bataillon au Nord-Ouest: journal d'un militaire. Québec: Imprimerie de Jos.-G. Gingras & Cie., 1886.

- Begg A. The creation of Manitoba, or, A history of the Red River troubles. Toronto: A.H. Hovey, 1871.
- Bocquel B. Les Fidèles à Riel: 125 ans d'évolution de l'Union nationale métisse Saint-Joseph du Manitoba. Saint-Vital: Les éditions de La Fourche, 2012.
- Chateaubriand F.-R. Mémoires d'Outre-tombe. éditions eBooksFrance. URL: https://www.ebooksgratuits.com/ebooksfrance/chateaubriand_memoires_outre-tombe.pdf
- Clark D. A psycho-medical history of Louis Riel. Baltimore: Md. & Utica, N.Y., 1887.
- De Tremaudan A.D. Histoire de la nation métisse dans l'ouest canadien. Montréal: A. Lévesque, 1936.
- Diaries of Louis Riel. Edited by Thomas Flanagan. Edmonton: Hurtig Publishers, 1976.
- Dickanson O. Les premières nations du Canada. Québec: Éditions du Septentrion, 1996.
- Statistique Canada 2017. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/dailyquotidien/171025/dq171025a-eng.htm>
- Dumont G. Mémoires et récits de vie. Saint-Boniface: Les Éditions du Blé, 2018.
- Gagnon D. Le statut de Métis au Canada. Histoire, identité et enjeux sociaux. Québec: Presses universitaires de l'Université Laval, 2019.
- Gobineau A. Essai sur l'inégalité des races humaines Paris: Éditions Pierre Belfond, 1967. URL: <https://ia902807.us.archive.org/6/items/EssaiSurLinegaliteDesRacesHumaines/EssaiSurLinegaliteDesRacesHumaines.pdf>
- Goulet G., Goulet T. The Metis: memorable events and memorable personalities. Calgary: Fabjob Inc, 2006.
- Grant G. M. Ocean to ocean: Sandford Fleming's expedition through Canada in 1872: Being a diary kept during a journey from the Atlantic to the Pacific with the expedition of the engineer-in-chief of the Canadian Pacific and Intercolonial Railways. Toronto: John Campbell & Son, 1873.
- Groulx L. Louis Riel et les événements de la Rivière-Rouge en 1869–1870. Montreal: Éditions de l'Action nationale, 1944.
- Lüsebrink H.-J. Métissage. Contours et enjeux d'un concept carrefour dans l'aire francophone // Études littéraires. 1993. Vol. 25 (3). P. 93–106.
- Mair C. Tecumseh, a Drama, and Canadian Poems. Toronto: Hunter Rose, 1886.
- McDonald M.A. Fortune and La Tour: the Civil War in Acadia. Toronto: Methuen, 1983.
- Papen R.A. La question des langues des Mitchifs: undedale sans issue? // Histoires et identités métisses: hommage à Gabriel Dumont. Saint-Boniface: Presses universitaires de Saint Boniface, 2006. P. 253–277.
- Pouliot L. Le Nouveau Monde et la question du Nord-Ouest // Revue d'histoire de de l'Amérique française. 1957. Vol. 11 (3). P. 353–360.
- Provencher J.-N. Lettres de Monseigneur Joseph-Norbert Provencher, premier eveque de Saint-Boniface // Bulletin de Societé historique de Saint-Boniface. 1913. Vol. III.
- Riel L. L'Amnistie. Montréal: Bureau du «Nouveau Monde», 1874.
- Riel L. [Letter] 1869 Dec. 14, Fort Garry [to] Eustache Prudhomme. URL: <http://peel.library.ualberta.ca/bibliography/7436/4.html>
- Riel L. Poesies religieuses et politiques. Montréal: Imprimerie «L'itendard», 1886.
- Seton-Thompson E. The Slam Cat. London: Constable, 1915.
- Shrive N. Charles Mair, Literary Nationalist. Toronto: U of Toronto, 1965.
- Stanley G.F.G. Le journal de l'abbé N.-J. Ritchot – 1870 // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1964. 17 (4). P. 537–564.
- Taché A. La situation. Saint-Boniface, 1885.
- Williams W. Manitoba and the North-West: Journal of a trip from Toronto to the Rocky Mountains, via Lake Superior, Thunder Bay, Rat Portage, Winnipeg, Qu'Appelle, Prince Albert, Battleford, Fort Calgary and Fort McLeod, and return via Edmonton, Touchwood Hills, etc. Toronto: Hunter, Rose & Co, 1882. URL: <http://peel.library.ualberta.ca/bibliography/1020.html>

References

- Turner F. (2009) *Frontir v amerikanskoj istorii* [The frontier in American history]. Moscow: Ves' mir.
- Tocqueville A. (1992) *Demokratiia v Amerike* [De La Démocratie en Amérique]. Moscow: Progress.
- Acte du Manitoba 1870. URL: <https://www.collectionscanada.gc.ca/confederation/023001-7118.06-f.html>
- Albertan-Coppola S. (1991) La notion de métissage à travers les dictionnaires du XVIIIème siècle, *Métissages. Littérature-Histoire. Cahiers CRLH-CIRAOI*. n.7, Tome I, pp. 35–50.
- Ballantyne R.M. (1848) *Hudson's Bay, or, Every-day life in the wilds of North America during six years' residence in the territories of the honourable Hudson's Bay Company*. Edinburgh, Scotland: William Blackwood & Sons.
- Barneby W.H. (1884) *Notes from a journal in North America in 1883*. Hereford, England: Printed at the Offices of the Hereford Times.
- Beaugard G. (1886) *Le 9me bataillon au Nord-Ouest: journal d'un militaire*. Québec: Imprimerie de Jos.-G. Gingras & Cie.
- Begg A. (1871) *The creation of Manitoba, or, A history of the Red River troubles*. Toronto: A.H. Hovey.
- Bocquel B. (2012) *Les Fidèles à Riel: 125 ans d'évolution de l'Union nationale métisse Saint-Joseph du Manitoba*. Saint-Vital: Les éditions de La Fourche.
- Chateaubriand F.-R. *Mémoires d'Outre-tombe*. éditions eBooksFrance. URL: https://www.ebooksgratuits.com/ebooksfrance/chateaubriand_memoires_outre-tombe.pdf
- Clark D. (1887) *A psycho-medical history of Louis Riel*. Baltimore: Md. & Utica, N.Y.
- De Tremaudan A.D. (1936) *Histoire de la nation métisse dans l'ouest canadien*. Montréal: A. Lévesque.
- Diaries of Louis Riel*. Edited by Thomas Flanagan. Edmonton: Hurtig Publishers, 1976.
- Dickanson O. (1996) *Les premières nations du Canada*. Québec: Éditions du Septentrion.
- Statistique Canada 2017. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/171025/dq171025a-eng.htm>
- Dumont G. *Mémoires et récits de vie*. Saint-Boniface, Les Éditions du Blé. 2018.
- Gagnon D. (2019) *Le statut de Métis au Canada. Histoire, identité et enjeux sociaux*. Québec: Presses universitaires de l'Université Laval.
- Gobineau A. (1967) *Essai sur l'inégalité des races humaines Paris: Éditions Pierre Belfond*. URL: <https://ia902807.us.archive.org/6/items/EssaiSurLinegaliteDesRacesHumaines/EssaiSurLinegaliteDesRacesHumaines.pdf>
- Goulet G., Goulet T. (2006) *The Metis: memorable events and memorable personalities*. Calgary: Fabjob Inc.
- Grant G.M. (1873) *Ocean to ocean: Sandford Fleming's expedition through Canada in 1872: Being a diary kept during a journey from the Atlantic to the Pacific with the expedition of the engineer-in-chief of the Canadian Pacific and Intercolonial Railways*. Toronto: John Campbell & Son.
- Groulx L. (1944) *Louis Riel et les événements de la Rivière-Rouge en 1869–1870*. Montreal: Éditions de l'Action nationale.
- Lüsebrink H.-J. (1993) Métissage. Contours et enjeux d'un concept carrefour dans l'aire francophone, *Études littéraires*, Vol. 25(3), pp. 93–106.
- Mair C. (1886) *Tecumseh, a Drama, and Canadian Poems*. Toronto: Hunter Rose.
- McDonald M.A. (1983) *Fortune and La Tour: the Civil War in Acadia*. Toronto: Methuen.
- Papen R.A. (2006) La question des langues des Mitchifs: undedale sans issue? In: *Histoires et identités métisses: homage à Gabriel Dumont*. Saint-Boniface: Presses universitaires de Saint Boniface, pp. 253–277.

- Pouliot L. (1957) Le Nouveau Monde et la question du Nord-Ouest, *Revue d'histoire de de l'Amérique française*, Vol. 11(3), pp. 353–360.
- Provencher J.-N. (1913) Lettres de Monseigneur Joseph-Norbert Provencher, premier eveque de Saint-Boniface, *Bulletin de Societé historique de Saint-Boniface*, Vol. III.
- Riel L. (1874) *L'Amnistie*. Montréal: Bureau du “Nouveau Monde”.
- Riel L. [Letter] 1869 Dec. 14, Fort Garry [to] Eustache Prudhomme. URL: <http://peel.library.ualberta.ca/bibliography/7436/4.html>
- Riel L. (1886) *Poesies religieuses et politiques*. Montréal: Imprimerie «L'itendard».
- Seton-Thompson E. (1915) *The Slam Cat*. London.: Constable.
- Shrive N. (1965) *Charles Mair, Literary Nationalist*. Toronto: U of Toronto.
- Stanley G.F.G. (1964) Le journal de l'abbé N.-J. Ritchot – 1870, *Revue d'histoire de l'Amérique française*, Vol. 17(4), pp. 537–564.
- Taché A. (1885) *La situation*. Saint-Boniface.
- Williams W. (1882) *Manitoba and the North-West: Journal of a trip from Toronto to the Rocky Mountains, via Lake Superior, Thunder Bay, Rat Portage, Winnipeg, Qu'Appelle, Prince Albert, Battleford, Fort Calgary and Fort McLeod, and return via Edmonton, Touchwood Hills, etc.* Toronto: Hunter, Rose & Co. URL: <http://peel.library.ualberta.ca/bibliography/1020.html>

Сведения об авторе:

БАШКИРОВ Михаил Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: bashkiroffm@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mikhail B. Bashkirov, Institute for Humanitarian Research and Problems of the Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: bashkiroffm@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.

The article was submitted 5.11.2021;
accepted for publication 01.04.2022.

Научная статья
УДК 394:323.1
doi: 10.17223/2312461X/35/6

ИЗМЕНЕНИЯ В ИДЕНТИЧНОСТИ СООБЩЕСТВА СЕНТ-ОГАСТИН, ПРОВИНЦИЯ КВЕБЕК, КАНАДА

Поль Шаре

Университет Лавала, Квебек, Канада

Аннотация. В 1965 г. я участвовал в исследовании сообщества деревни Сент-Огастин, которая выглядела как евро-канадская англоязычная община, члены которой имели разнообразное происхождение: английское, франко-канадское, ирландское, джерсийское и, возможно, скрытое инуитское. Тридцать лет спустя я провел тщательное генеалогическое исследование, которое доказало, что в то время у половины членов сообщества было две пары предков: один «чистокровный» инуит и один метис. Через несколько лет после решения Верховного суда Канады по делу Паули в 2003 г. об охотничьих правах сообщества метисов мной был подготовлен экспертный отчет для судебного дела, касающегося членов сообщества Сент-Огастин, которые были арестованы и оштрафованы сотрудниками Канадского управления рыболовства за незаконный лов рыбы. Не добившись признания прав на рыболовство правительством Канады, некоторые лидеры сообщества решили заявить о полных правах аборигенов-инуитов и наняли адвокатскую фирму для защиты этих прав и выработки нового подхода к своим требованиям. Статья состоит из трех частей, в которых предпринята попытка: 1) проследить эволюцию этнической идентичности сообщества Сент-Огастин; 2) охарактеризовать культурное наследие инуитов и значение рыболовства как основного вида экономической деятельности; 3) показать связь судебного иска данного сообщества с аналогичными исками о правах на рыболовство как культурное наследие аборигенов-инуитов сообществ Южного и Центрального Лабрадора.

Ключевые слова: Сообщество Сент-Огастин, метисы, культурное наследие инуитов, сообщество Нунамит, организация НунатуКавут

Для цитирования: Шаре П. Изменения в идентичности сообщества Сент-Огастин, провинция Квебек, Канада // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 98–116. doi: 10.17223/2312461X/35/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/6

The changing identity of the community of the St. Augustine, Province of Quebec, Canada

Paul Charest

Université Laval, Quebec, Canada

Abstract. In 1965 I was involved in a community study of the village of St. Augustine which looked like a Euro-Canadian English-speaking community whose members had a diversity of origins: English, French Canadian, Irish, Jersey and a possibility of a hidden Inuit ancestry. Thirty years later, I have done a thorough genealogical research which proved that at that time half of the community members had two couples as their ancestors: one full blood Inuit and one half-blood. A few years after the 2003 Powley decision by the Supreme court of Canada concerning the hunting rights of a Metis community, I prepare an expert report for a court case concerning members of the St. Augustine community which had been arrested and fined for fishing illegally by Canadian fisheries officers. Unable to have those rights recognized by the Government of Canada, some leaders of the community decided to claim full Inuit Aboriginal rights and hired a lawyers' firm to defend these rights and to work on a new approach for their claims. The content of my paper will be threefold: 1) a presentation of the evolution of the ethnic identity of the St. Augustine community; 2) the Inuit culture heritage and the importance of fishing as the main economic activity; 3) a link with similar claims of Inuit aboriginal rights by communities of Southern and Central Labrador.

Keywords: Communauté de St. Augustine, Euro-Canadiens, Métis, héritage culturel inuit, communauté Nunamit, organisation NunatuKavut

For citation: Charest, P. (2022) The changing identity of the community of the St. Augustine, Province of Quebec, Canada. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 98–116. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/6

Введение

Летом 1965 г. я принял участие в монографическом исследовании англоговорящего сообщества Сент-Огастин¹, расположенного неподалеку от восточной оконечности региона Кот-Нор² (09) в Квебеке (рис. 1). Речь идет о сообществе рыбаков, добывающих главным образом тюленя, треску и лосося. Тогда я только получил степень магистра антропологии. Со мной был не имевший высшего образования студент Иван Бретон (Yvan Breton). Программа нашего новаторского исследования была разработана Марком-Аделаром Трембли – профессором Департамента антропологии Университета Лавала (Квебек, Канада) и называлась «Этнология Кот-Нора Св. Лаврентия». Коротко, основная цель программы состояла в том, чтобы начать серию монографических исследований сообществ, сравнить их между собой и выявить сходства и различия в социокультурных изменениях, которые они могли претер-

петь за десятилетия. Наш отчет, основанный на полевых исследованиях, интервью, наблюдениях и штудировании документов, был опубликован в 1969 г. под заголовком «Вклад в изучение изолированных сообществ на Кот-Норс Св. Лаврентия» (Tremblay, Charest, Breton 1969).

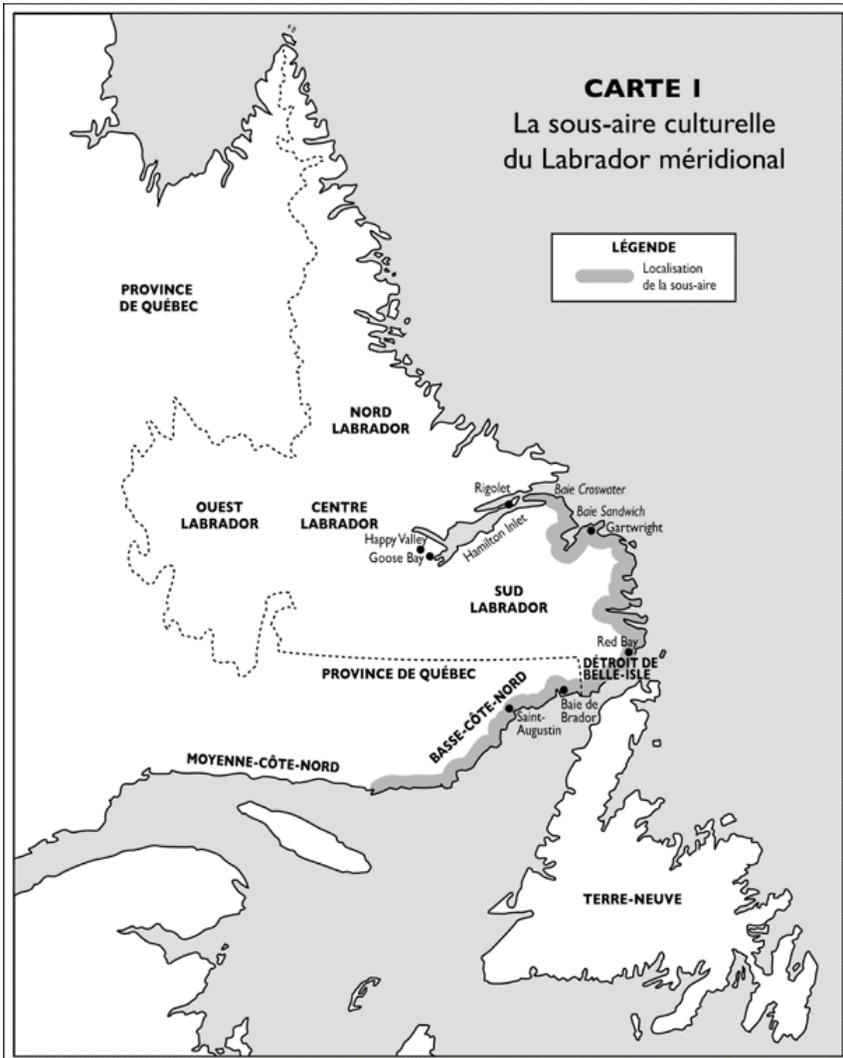

Рис. 1. Культурные субареалы Южного Лабрадора

Поскольку вопрос идентичности не входил в задачу нашего исследования, мы, к сожалению, опустили этот сюжет. Только спустя тридцать лет я глубоко заинтересовался темой присутствия инуитов в сообществе Сент-Огастин. Отвечая на призыв, брошенный одним из коллег – сотрудником моей кафедры и специалистом по инуитам, я провел

скрупулезное изучение генеалогий всех семей Сент-Огастина, результаты которых были опубликованы в журнале «*Études Inuit Studies*» (Charest 1998: 5–35). Приняв во внимание мой опыт, позже мне предложили подготовить экспертный отчет по делу, где члены сообщества, требовавшие прав как метисы, противостояли Министерству рыболовства и океанов, основываясь на решении Верховного суда Канады по делу Паули (о котором речь пойдет ниже). Министерство предъявило им обвинения в ряде случаев нелегального рыболовного промысла в море. Признав бесполезность попыток получить свои права как метисы, сегодня лидеры сообщества Сент-Огастин пытаются добиться от правительства Канады признания своих аборигенных прав в качестве инуитов.

Эти изменения в идентичности членов сообщества Сент-Огастин будут детально проанализированы в данной статье, состоящей из трех основных частей: 1) рассмотрение эволюции этнической идентичности сообщества; 2) инуитское культурное наследие; 3) обзор сходных притязаний со стороны сообществ субрегионов центра и юга Лабрадора, расположенных за пределами границы Квебека/Лабрадора (см. рис. 1).

Эволюция идентичности сообщества Сент-Огастин

Согласно моему анализу, в сообществе Сент-Огастин присутствует три «уровня» идентичности: а) в качестве англоговорящего евро-канадского сообщества различного этнического происхождения; б) в качестве метисного евро-инуитского сообщества; в) в качестве сообщества инуитов.

Англоговорящее евро-канадское сообщество различного этнического происхождения. С точки зрения этнокультурной идентичности в 1965 г. сообщество Сент-Огастин предстало перед нами как говорящее на английском языке различного этнического происхождения (франко-канадцы, англо-канадцы, ирландцы, джерсийцы и инуиты) и двойной религиозной принадлежности (католики и протестанты). Речь идет только о внешней точке зрения исследователей, которые, к сожалению, недостаточно отразили этот сюжет в своих опросах местного населения. Мы обратили внимание на инуитское происхождение некоторых его членов лишь благодаря недавней публикации профессора Поля Бюссиера (Paul Bussièrès), в которой обнаружили следующий короткий отрывок: «Последнее появление эскимосов на Нижнем Кот-Норе датируется 1757 г. ... на Кот-Норе остается три семьи эскимосского происхождения (sic). Это СЕТТЛЕРЫ (SHETTLER)(sic), которые зимой живут в Сент-Огюстене, а летом перемещаются в Шекатику (Shécatica), где они ловят рыбу» (Bussièrès 1963–1964: 10, note 27). Действительно, в период нашего пребывания в сообществе инуитское происхождение

некоторых его членов явно прослеживалось в их внешнем облике, в особенности у молодых девушек. Тем не менее они скрывали его от нас, что, вероятно, было связано с предрассудками в отношении людей коренного происхождения, свойственными тому времени. Об этом не говорили открыто и даже отрицали его, когда мы показали фото одной семьи из этого сообщества, опубликованное на титульном листе книги, изданной в 1937 г. под заглавием «Eskimo-White Amalgamation» (Junek 1937) (рис. 2).

Рис. 2. Инуитская семья (Junek 1937)

В своей монографии мы посвятили только три параграфа историческому присутствию «эскимосов» – сейчас их называют инуиты – на всей восточной части Кот-Нора и сделали предварительную попытку объяснения присутствия людей с инуитскими физическими чертами в сообществе Сент-Огастин:

Видя, что от постоянных поражений их численность неуклонно сокращается, эскимосы окончательно ушли с Кот-Нора в прошлом столетии. Немногие эскимосы, избежавшие резни и оставшиеся там жить, объединились с белыми колонистами, а затем подверглись метисации. И по сей день можно легко обнаружить эскимосские внешние черты у многих жителей побережья. В Сент-Огюстене³ несколько представителей сеттлеров (sic) и семья Леон обладают эскимосским фенотипом. На территории Сент-Огюстена материальные остатки с эскимосских стойбищ ограничиваются на данный момент несколькими могилами и одной каменной лампой, найденной в Анс-а-Портаж.

Из эскимосской культуры белые заимствовали некоторые географические названия, тип упряжи и способ управления собачьей упряжкой (в комплексе, собака и нарты), сапоги из шкуры тюленя и, в целом, экологическую адаптацию к условиям среды (Tremblay, Charest, Breton 1969: 11).

Как будет показано далее, это краткое описание является отчасти ошибочным и очень неполным.

Сообщество метисов евро-инуитского происхождения. Проведенное мной в 1990-е гг. генеалогическое исследование, дополненное изучением исторических документов, позволило обнаружить инуитских предков, с которых началась метисация евро-канадцев и инуитов, в многочисленных родословных и патронимах (*patronymes*)⁴ сообщества Сент-Огастин. Речь шла об одной инуитской паре, зафиксированной в католическом регистре под именами Луи Эскимос и его жена Мари Эскимоска. У них было трое детей: два мальчика – Джон Луи и Луи Луи, и одна девочка – Катрин Луи. Луи Луи женился на Мари Белвен (Belvin), и одна из их дочерей – Мари-Катрин – вышла замуж за Джона Шаттлера (Shattler). От этой пары метисов ведет происхождение линия Шаттлеров, у которых физические черты инуитов были заметны еще в 1960-е гг. Что касается Катрин Луи (Эскимоски), то она вышла замуж за Пьера Леона. Представители этой линии также были прежде отмечены как ведущие свое происхождение от инуитов. Изучение их генеалогического древа показывает, что в третьем поколении евро-инуитской метисации некоторые патронимы, существовавшие в сообществе в 1990-е гг., включали в себя семьи, предками которых были Луи и Мари Эскимосы.

Другим источником метисации является смешанная пара – евро-канадец Эндрю Кеннеди и Катрин Вилшир (Wilshire), записанная в католическом регистре как Эскимоска. Однако, несмотря на все попытки, я так и не смог обнаружить эту фамилию в других источниках, где упоминаются инуитские «патронимы». Две их дочери – Элизабет и Катрин – вышли замуж за Патрика Дрискола (Driscoll) и Наполеона Надо, а их многочисленные потомки породили новые все еще присутствующие в сообществе фамилии, обладатели которых имеют в данном случае предка, идентифицируемого как инуит.

Продолжая свое генеалогическое исследование и базируясь на данных демографических опросов, проведенных в селении Сент-Огастин в 1965 г., я смог подсчитать, что на тот момент около половины – 49%, или 375 человек из 765, – членов сообщества имели одного (или одну) предка инуитского происхождения (Charest 1998: 23). Я провел такие же генеалогические исследования во всех сообществах Нижнего Кот-Нора и пришел к заключению, что из тринадцати сообществ субрегиона Сент-Огастин выделяется количеством людей, имеющих инуитское происхождение. Второе место занимает соседнее сообщество Олд-Форт – 31% (23).

Как было упомянуто во введении, в 2005 г. по просьбе адвокатского бюро, уполномоченного «Лаврентийским альянсом метисов и нестатусных индейцев», я написал экспертный отчет, задачей которого явя-

лась защита права на рыболовство представителей сообщества Сент-Огастин, входивших в этот альянс. Этот шаг был предпринят после решения Верховного суда Канады по делу Паули от 2003 г., согласно которому было признано право на охоту сообщества метисов региона Со-Сент-Мари (провинция Онтарио, Канада) как гарантируемое статьей 35 Конституционного акта, принятого в 1982 г. Тем не менее на основе решения был составлен список из десяти критериев – «тест Паули» – согласно которому метисное сообщество может получить такое же право. Я не стану цитировать здесь свои предложения, а только подведу на их основе краткий итог: необходимо быть историческим сообществом, существовавшим до вторжения Короны на территорию ведения традиционного природопользования, и проживать здесь до момента заявления на права метисов; доказать, что деятельность, на право заниматься которой они претендуют (промыслы для жизнеобеспечения, обмен или торговля), велась здесь непрерывно; доказать принадлежность заявителей к историческому и современному сообществу метисов (Affaire Powley 2018: n.p.).

Причиной притязания членов сообщества Сент-Огастин на права метисов послужило задержание рыбаков и наложение на них штрафа офицерами Канадского управления рыболовством за вылов рыбы в море, признанный нелегальным. Им вменялся лов некоторых видов (в частности омара) без разрешения и в период, когда промысел запрещен. Отказавшиеся платить штраф рыбаки были вынуждены подать в суд, чтобы защитить свои права на ловлю как представители сообщества метисов. По этой причине адвокатское бюро получило разрешение на защиту интересов истцов в суде, а я принял участие в процессе в качестве эксперта, доказывающего существование исторического сообщества метисов Сент-Огастина и их права на рыболовство начиная с момента возникновения сообщества ранее середины XIX в.

Мой отчет назывался «Сообщество метисов-инуитов Сент-Огюстена (Saint-Ogustin) (Нижний Кот-Нор): происхождение и характерные культурные черты» (Charest 2005). Я не пытался по пунктам ответить на вопросы «теста Паули». Мой текст состоит только из двух частей: «Генезис сообщества метисов-инуитов Сент-Огюстена» и «Культура метисного сообщества Сент-Огюстена», а также важного приложения «Хронология установления контроля правительством и другими инстанциями над территорией и населением Нижнего Кот-Нора залива Св. Лаврентия». Чтобы исправить ошибочную информацию, содержащуюся в нашей монографии о Сент-Огюстене, я должен был сначала сделать уточнения о присутствии групп инуитов на территории Нижнего Кот-Нора, прежде называвшегося «Канадский Лабрадор», в доисторический и исторический периоды на основе своих долгих исследований, растянувшихся более чем на пятьдесят лет. Археологи выделяют

два момента присутствия инуитов, пришедших с Лабрадора на Нижнее Северное Побережье в доисторический период (см., например, Pital 1998). В исторический период другие группы, связанные с культурой Туле, тоже спускались с севера Лабрадора в его южную часть, вплоть до «Канадского Лабрадора». По мнению Франсуа Трюделя (Trudel 1980), их могли привлекать располагавшиеся там многочисленные стоянки европейских рыбаков – басков и французов, где они завязывали с ними торгово-обменные отношения или просто грабили эти стоянки, когда сезонные рыбаки уходили в свои порты приписки. Основатель первого постоянного рыболовного и торгового поста в данном регионе в начале XVIII в., выходец из Новой Франции Огюстен Ле Гардёр де Куртеманш и в особенности продолжатель его дела Франсуа Мартел де Бруаг, известный как «комендант побережья Лабрадора», часто отражали набеги многочисленных военных отрядов инуитов, приходивших в окрестности не только их поста, но и других постов, основанных позже по соседству. Здесь часто происходили стычки, иногда со смертельным исходом.

Со временем французам удалось оттеснить инуитов в Центр и на Север Лабрадора, являющийся частью провинции Ньюфаундленд. Полностью инуиты исчезли на Канадском Лабрадоре, вероятно, к 1750 г. Несколько десятилетий спустя после 1763 г. между инуитами и Англией, сменившей здесь Францию, установился длительный мир, и маленькие группы или отдельные индивиды вновь спустились с Северного Лабрадора в южную его часть и на Канадский Лабрадор, где нанимались работниками в фактории, занимавшиеся ловом трески и промыслом тюленя. Согласно первым письменным свидетельствам, новое присутствие инуитов на архипелаге Сент-Огастин может датироваться 1830-ми гг.

В разделе своего бортового дневника, повествующего о пребывании летом 1833 г. на Нижнем Кот-Норе, знаменитый американский натуралист Джон Джеймс Одюбон не упомянул о присутствии здесь инуитов, но отметил использование *кометика* – нарт для собачьей упряжки инуитского происхождения. Морской гидрограф адмирал Байфилд (Bayfield), напротив, написал в своем бортовом журнале, датированном следующим годом: «A family or two of half civilized Esquimaux frequent the coast» (Одна или две семьи полудивилизованных эскимосов часто посещают побережье) (McKenzie 1984: 356). Это первое известное свидетельство инуитского присутствия на Нижнем Кот-Норе в XIX в., но без упоминания конкретных мест. Несколько позже, в 1841 г., Самюэль Робинсон из поста Ла Табатьер насчитал пятьдесят человек – представителей «племени эскимосов, которые живут в этой провинции» (Robertson 1855 (1841): 45). Численность, упомянутая Робинсоном, вероятно, преувеличена, так как она не согласуется ни с каким другим

источником. Первые католические миссионеры, которые сезонно посещали побережье Лабрадора, начиная с 1848 г. оставили несколько письменных свидетельств о присутствии здесь инуитов. Так, в первом католическом регистре, сохранившемся в архиве прихода Нотр-Дам-де-Лурд-де-Блан-Саблон, отмечено присутствие на архипелаге Сент-Огастин одной семьи инуитов, состоящей из пяти человек, четверо из которых были крещены в 1852 и в 1853 гг. Речь идет о семье Луи Эскимоса, упоминавшегося ранее. Но автором, лучше всех представлявшим себе культурную метисацию, которая могла происходить на архипелаге Сент-Огастин в XIX в., был католический священник и историк, профессор Квебекской семинарии, аббат Ж.А. Ферлан. Во время своего объезда в 1858 г. «Лабрадорских миссий» он собрал по данному вопросу определенную информацию. Он пишет, что повстречал нескольких «эскимосов» и что некоторые их «обычаи» были заимствованы местными жителями иного этнического происхождения:

...названия мест, способы рыбалки и охоты, обычаи по большей части взяты у эскимосов: сани, собачья упряжка, кнуты те же самые, что и у эскимосов. Сохранение обычаев древних жителей является проявлением мудрости, так как они соответствуют климату и природе страны (Ferlan 1859: 81).

Итак, можно определить период миграции этих инуитских семей и/или отдельных лиц на Канадский Лабрадор и начало биологической и культурной метисации периодом 1830–1840-х гг. Их присутствие уже отмечается в текстах, датируемых 1834 (Байфилд) и 1841 (Робертсон) гг. К тому же Катрин Вилшир была рождена в 1808 г., а Луи Эскимос – в 1811 г. Дети Луи и Мари Эскимосов родились в короткий период между 1836 и 1838 гг. Две дочери Эндрю Кеннеди и Катрин Вилшир родились в 1842 и 1849 гг., что позволяет предположить время заключения их брака в период около 1840 г.

Основные признаки культурного наследия инуитов, воспринятые жителями архипелага Сент-Огастин, а также всего Южного Лабрадора, будут рассмотрены далее.

Корпорация Нунамит. Судебный процесс, который должен был проходить в мае 2006 г. и куда были вовлечены рыбаки Сент-Огастина, преследуемые Министерством рыболовства и океанов, в итоге так и не состоялся. Министерство отозвало свой иск на две недели ранее. Боялись ли министерские прокуроры проиграть дело? Я даже не знаю, что сказать по этому поводу. Однако чиновники от рыболовства и далее продолжали налагать штрафы на рыбаков, обвиняемых в несоблюдении канадского законодательства. После расформирования Альянса автохтонов Квебека, который к тому времени пришел на смену Альянсу метисов и нестатусных индейцев, лидеры сообщества Сент-Огастин, устав от «войны», изменили подход к проблеме. Они создали фонд

Нунамит и корпорацию Нунамит для сбора средств и защиты прав инуитов не только Сент-Огастина, но и всех сообществ Нижнего Кот-Нора. Корпорация была создана в мае 2019 г. На ее сайте в интернете представлена следующая информация:

Фонд Нунамит был создан как некоммерческая исследовательская организация для инуитов, живущих на Нижнем Кот-Норе Квебека от Кегаски до Блан-Саблона. Задача организации – продвигать и сохранять историю, культуру и традиции инуитов Нижнего Кот-Нора. Одна из наших целей – поиск финансирования для реализации проектов Фонда Нунамит.

<...>

Было принято решение, что лучше всего будет продвигать наши права через организацию, сосредоточенную только на защите прав инуитов наших сообществ Кот-Нора (Nunamit Corporation 2021; подчеркнуто автором. – П.Ш.).

Как можно увидеть из подчеркнутых в цитате фраз, речь уже идет не о метисных евро-инуитских сообществах и не о правах метисов, а о сообществах инуитов и правах инуитов. На этом же сайте выложена краткая справка о том, каким образом инуиты могли занимать и использовать прибрежные территории в доисторический и ранний исторический периоды:

Традиционные поселения инуитов располагались в местах с непосредственным доступом к источникам пищи, среди которых основными были тюлень и карибу... В силу экологической системы Нижнего Кот-Нора селились поблизости от прибрежных островов – основного места добычи пищи весной, летом и ранней осенью. На островах собирали ягоды, птичьи яйца, охотились на тюленей и всевозможных птиц, а также ловили рыбу различных видов. Многие из этих поселений существуют до сих пор, потому что они были и остаются лучшими местами для добывания пищи (Nunamit Corporation 2021)

Кроме того, корпорация поручила адвокатской конторе из Монреаля защиту своих коренных прав и присоединилась к группе университетских исследователей, в основном археологов, чтобы изучать присутствие инуитов на Нижнем Кот-Норе в доисторический и ранний исторический периоды.

Культурное наследие инуитов

В статье, опубликованной несколько лет назад в журнале «Études Inuit Studies», я представил основные характеристики культурного наследия инуитов, которые сформировались на Южном Лабрадоре в середине XIX в. (Charest 2015: 201–224). Как показано на рис. 1, Южный Лабрадор, о котором я говорю, включает в себя субрегионы Нижнего Кот-Нора Квебека и районы Юга Лабрадора и пролива Белл-Айл, относящиеся к провинции Ньюфаундленд, как и три других субрегиона Лабрадора. Я рассматриваю всю эту прибрежную территорию в сово-

купности как «культурный субареал», обладающий культурной однородностью, несмотря на некоторые вариации между субрегионами и даже внутри них. Инуитское культурное наследие, которое обнаруживается повсюду – даже в местах, где присутствие инуитов и метисов-инуитов еще не было отмечено, является одной из характеристик, связанных с культурным наследием инну⁵ и различных евро-канадских групп (франкоканадцев, англичан, ирландцев, шотландцев, джерсийцев и даже ньюфаундлендцев) (203–204). Основные признаки культурного наследия инуитов, из которого жители архипелага Сент-Огастин могли извлекать пользу начиная с первых десятилетий XIX в., сформулированы в восьми следующих пунктах.

Генерализованный⁶ образ жизни. Как и все охотники-собиратели, инуиты Лабрадора культуры Туле были кочевым народом (nomade)⁷, ведущим генерализованный образ жизни, иначе говоря, использовавшим большое количество ресурсов фауны и флоры. Его стратегии адаптации были ориентированы в первую очередь на эксплуатацию морских ресурсов (млекопитающие, рыбы и морские птицы), но при этом наземные ресурсы (карибу, пушные звери, перелетные птицы, растения) также были очень важны.

Итак, разнообразие использования различных видов ресурсов на протяжении годового цикла является характерной чертой генерализованного образа жизни. Территориальная мобильность тоже была важной чертой, так как эксплуатируемые ресурсы не концентрировались в одном месте, а были рассредоточены согласно сезонам, и чтобы ими пользоваться, люди должны были часто перемещаться. Эти перемещения, как правило, проходили вдоль побережья, но при случае посещались и внутренние территории (Charest 2015: 208).

Два местообитания и трансюманс (сезонные перемещения). В момент контакта с европейцами инуиты Южного Лабрадора собирались летом вместе и отправлялись вдоль побережья, индивидуально на *кайаках* и по несколько человек на *умиаках*, а позднее на европейских лодках, в целях жизнеобеспечения, для торговли с моряками европейских кораблей, а при случае и для разграбления рыбацких стоянок. В это время они жили в чумах с покрытием из шкур, а зимой чаще всего в полуземлянках, на стойбищах, состоящих из нескольких семей, иногда называемых «сообществами».

В XIX в. такая практика продолжалась, но с адаптивными видоизменениями. Летом жили в домах, расположенных поблизости от мест рыбной ловли, а зимой – в домах, поставленных в местах, защищенных от непогоды, обычно в глубине бухт, в устьях рек или около ручья, служившего источником питьевой воды. Систему переходов с зимнего стойбища на летнее и обратно некоторые авторы называют «трансюманс» (Charest 2015: 209).

Аббат Ферлан очень хорошо описал эту практику, которую ему довелось наблюдать во время своего путешествия на Нижний Кот-Нор в 1858 г.:

Надо отметить, что каждая семья обычно имеет два дома: дом у моря и дом на внутренних территориях. Дома у моря обычно строятся на острове или вблизи к морскому берегу, если его ставят на материке. Он является местом жительства семьи большую часть года. Его всегда строят в местах, где добывают тюленя, ловят сельдь и треску. В доме, поставленном на внутренних территориях, живут во время промысла лосося, который ведется на реках. Некоторые также обладают третьим домом, расположенным поблизости от источника дров, поскольку случается, что морской дом находится в трех-четырёх лье от места, где можно раздобыть дрова (Ferland 1859: 86–87).

Стойбище и рыболовный пост. Базовое стойбище и летом и зимой состояло из нескольких семей, живущих в палаточном лагере, эксплуатирующих одно место и одни и те же ресурсы и сообщая ведущих хозяйство. Появление в значительной мере смешанного и рассредоточенного по обширной литоральной полосе населения европейского и евроканадского происхождения изменило систему поселений на Южном Лабрадоре. Стали возникать посты или рыболовные станции, где люди проводили лето и часть осени, и зимние поселения, занимаемые остальную часть года вплоть до конца весны. Поскольку живущие на одном стойбище семьи, как правило, были связаны узами родства, они представляли собой мультифамилиальные группы (*groups multifamiliaux*)⁸, сформированные на основе взаимопомощи и дележа добычи (совместного потребления), что очень походило на культурную модель инуитов (Ferland 1859: 210).

«Тюлень» экономика. Основой экономической жизни инуитов был тюлень, или «морской волк»⁹. Он обеспечивал их пищей, одеждой, покрытием для жилищ, топливом, материалом для лодок и даже был предметом обмена. Добывали несколько видов тюленей: кольчатую нерпу, обычного тюленя, гренландского тюленя и тюленя-хохлача. Их было невозможно добывать в течение всего года, поскольку некоторые из них являются мигрирующими видами, например, гренландский тюлень и тюлень-хохлач. Традиционно на тюленя охотились простым или поворотным гарпуном с каяка, а кольчатую нерпу добывали, проделав в льду лунку, к которой зверь подплывал, чтобы сделать вдох. Мясо тюленя ели сами и кормили им ездовых собак, шкуры шли на изготовление одежды, а топленый жир использовали для освещения. Как уже упоминалось, излишки топленого жира и шкур могли быть проданы торговцам. В начале XVIII в. французы изобрели новый способ промысла гренландского тюленя с использованием сетей, называемый «рыбалка на морского волка», или «*seal fishery*» по-английски. Этот способ у них переняли инуиты Северного Лабрадора. Инуиты также приходили на Южный

Лабрадор и, будучи мастерами своего дела, занимались в торговые посты, специализировавшиеся на промысле тюленя. Возможно, именно по этой причине семья Луи Эскимоса поселилась рядом с постом по добыче тюленя, принадлежавшим двум братьям Кеннеди, обосновавшимся на острове Сент-Огастин, названном так же, как и архипелаг.

Обменная экономика. Группы инуитов южного Лабрадора были связаны обменными отношениями. Изначально они обменивались материальными благами и техническими достижениями, а также женщинами, знаниями и опытом. Выменивание вещи на вещь без использования такого измерительного эталона, как деньги обычно называют натуральным обменом, но не торговлей. Некоторые авторы высказывают мнение, что причиной миграции инуитов с севера Лабрадора на юг послужило их желание менять свои продукты натурального производства на предметы фабричного производства, имевшиеся на основанных европейцами рыболовных постах (Barkham, Jordan, Kaplan 1980; Martijn 1980; Trudel 1980). В число особо ценимых европейцами продуктов входили китовый и тюлений жир, китовый ус и тюлений шкуры. Инуиты, в свою очередь, очень желали получать всевозможные изделия из железа, которым они заменяли другие тяжелые в обработке или труднодоступные материалы, такие как камень, кость и бивень. Кроме этого, были востребованы деревянные лодки с парусами, огнестрельное оружие и алкоголь.

На протяжении всего XIX в. на Южном Лабрадоре продолжалась практика прямых (бартер) или отсроченных (кредит) коммерческих отношений с одним или несколькими торговцами. Прямой обмен по типу бартера больше соответствует культурному наследию инуитов, но и торговля наряду с обменом товаров на товары без использования денег оставались распространенной практикой на протяжении всего этого столетия.

Средства передвижения:

Кометик (коматик). Нарты для собачьей упряжки – кометик по-французски и *коматик* по-английски – являются элементом инуитского культурного наследия, который больше всего очаровывал авторов, писавших о Южном Лабрадоре. Совершенно очевидно, что это транспортное средство использовалось по всей литоральной полосе на протяжении XIX в. и вплоть до того момента, пока в 1960-е гг. его не вытеснил снегоход. В своей монографии о селении Блан-Саблон, опубликованной в 1937 г., американский антрополог Оскар В. Джанек (Oskar W. Junek) использовал термин «собачий культурный комплекс», именно чтобы подчеркнуть первостепенную важность этого средства передвижения для той эпохи (Junek 1937: 37). Позднее Л.-Ж. Дорэ и В. Верэ (Dorais Céré 2012) большую часть своей статьи о европейско-инуитских культурных контактах посвятили кометику, используемому в той же самой зоне.

Кометик, или коматик, представляет собой культурный комплекс, состоящий из многочисленных элементов: собаки эскимосской породы;

способы их дрессировки; «обувь», оберегающая лапы собак; устройство упряжки (сбруя и постромки); шкура в качестве сидения и защиты от холода пассажиров; команда для управления собаками; кнут; одеяние каюра и потенциальных пассажиров и различные сферы применения этого транспорта. Еще надо добавить количество собак, которое могло варьироваться от буквально нескольких до дюжины; способ упряжки – веером или цугом (попарно), который зависел от характеристик пространства; их пищу, состоящую в основном из мяса тюленя и рыбных отходов; заботу о них в случае болезни или ранения, а также материальный и телесный ущерб, который они могли нанести вплоть до убийства детей и даже своих хозяев.

Зимой кометик был основным средством перемещения из одного места в другое. Жителям побережья он давал возможность посещать друг друга, даже если один пост находился на значительном расстоянии от другого. По этой причине людям, не жившим здесь постоянно, например миссионерам, приходилось прибегать к собачьей упряжке и к услугам опытного каюра. Пастор-конгрегационалист Чарльз К. Карпентер оставил в своем дневнике несколько упоминаний о путешествиях на коматиках, которыми управлял эскимос по имени Эндрю Дак (Dukes) (Carpenter 1856–1910: passim).

Кометик также использовался для перевозки тяжелых грузов: дрова и бревна для строительства, туши тюленей, питьевая вода, различное снаряжение и т.д. Более того, курьерская доставка зимой производилась почтовым служащим, который переезжал на кометике от одного поста к другому. Так было на Нижнем Кот-Норе в конце XIX в. (Huard 1897: 485).

Кометик, или коматик, был наиболее примечательным комплексом культурных черт наследия инуитов Южного Лабрадора еще несколько десятилетий назад. Если собаки эскимосского типа или хаски в локальных сообществах постепенно исчезают, то данный тип длинных саней с полозьями используется по-прежнему, но теперь в качестве прицепа к снегоходу (Charest 2015: 215–216).

Каяк. Каяк повсеместно использовался инуитами Южного Лабрадора в эпоху первых встреч с европейцами и продолжал использоваться еще долгое время после этого. Аббат Ферлан упомянул, что каяк, названный им эскимосским каноэ, был у Эндрю Кеннеди с острова Сент-Огастин. Кеннеди был женат на инуитке, которая сама сшила покрытие для каяка из кожи тюленя, а основа, или «каркас», была сделана одним «эскимосом» (Ferland 1859: 112). Это последнее известное нам упоминание о применении каяка на Нижнем Кот-Норе (Charest 2015: 217).

Одежда и аксессуары из кожи тюленя. Одним из наиболее ярких элементов культурного наследия инуитов Южного Лабрадора являются сапоги из тюленей кожи. Такой тип сапог продолжали носить до самого

конца XX в. Шкура тюленя также служила для изготовления других вещей – предметов одежды (парка, рукавицы, шапки) и различных аксессуаров: кошельки, охотничьи сумки или *punny bag*, кисеты для табака (Stearns 1884: 157–171). Изготовление различных деталей одежды и других вещей заключалось в кройке и сшивании кожи и было женским делом; это умение передавалось инуитскими женщинами из поколения в поколение. У инуитов, евро-инуитских метисов и сеттлеров (первопоселенцев европейского происхождения) навыки шитья очень ценились, так же как и способность качественно выделывать шкуры и кожи (их тщательно обезжиривали и подвергали дублению зимним холодом, а летом надолго замачивали в воде, чтобы потом удалить шерсть скребком). В то же время, согласно различным источникам, инуиты Южного Лабрадора очень быстро восприняли одежду и ткани европейского производства, из которых, например, шили парки (Chappell 1818: 98; Feild 1849; Bowen 1855: 366).

В качестве других элементов инуитского культурного наследия можно упомянуть гостеприимство, дележ пищи или совместные трапезы, глубокое знание морской прибрежной территории, осваиваемой из поколения в поколение, а также топонимию и язык, но они очень слабо документированы, и объем статьи не позволяет уделить этому достаточного внимания.

За исключением каяка, элементы культурного наследия инуитов были инкорпорированы в процесс адаптации первопоселенцев, которые на постоянной основе расселились вдоль побережья Южного Лабрадора, в частности на архипелаге Сент-Огастин в первые десятилетия XIX в. На этом архипелаге они, всего лишь по две-три семьи, рассредоточились по островным рыболовным постам. Они добывали большое количество морских ресурсов – в первую очередь тюленя, лосося, треску и водоплавающую птицу, а из наземных ресурсов – карибу и пушного зверя. Их экономика базировалась на натуральном хозяйстве и обмене таких продуктов, как жир и шкуры тюленя с приплывавшими торговцами, именуемыми *тредерами*. Зимой главным средством передвижения был кометик. Тюленьи шкуры использовались при изготовлении деталей одежды и упряжи для ездовых собак.

Изменение идентичности в субрегионах Центра и Юга Ньюфаундлендского Лабрадора

В последние десятилетия сообщество Сент-Огастин претерпело изменения в идентичности, сходные с теми, что произошли в сообществах по ту сторону границы Квебека-Лабрадора – на Южном и Центральном Лабрадоре (см. рис. 1). Для отстаивания прав метисов-инуитов перед правительствами Канады и провинции Ньюфаундленд в

1985 г. была создана Нация метисов Лабрадора. В 2008 г. Верховный суд Канады объявил решение об отказе ей в правах коренных народов. В 2010 г. организация изменила свое название и образ действий. Она взяла инуитское наименование НунатуКавут, что в переводе означает наша земля предков. Теперь она требует признания их исконных прав в качестве инуитов. В том же году она предоставила правительству Канады внушительный документ о притязаниях на права, озаглавленный «Unveiling Nunatukavut: Document in Pursuit of Reclaiming a Homeland Describing the Lands and People of South/Central Labrador» (Открытие Нунатукавута: Документ о стремлении вернуть Родину обратно, с описанием земель и народа Южного и Центрального Лабрадора) (NunatuKavut 2010). Он был написан на основе университетских исследований, финансируемых по программе (ПСИУС–ARUK) «Поддержка совместных исследований университетов и сообществ» Исследовательского совета по гуманитарным исследованиям Канады (ИСГИК–CRSH). Правительство Канады, в частности Министерство юстиции, еще не вынесло своего решения по поводу этих требований, выдвинутых в соответствии с его политикой по «глобальным территориальным притязаниям», которая по сей день регулируется «соглашениями» или «современными договорами» по многочисленным притязаниям со стороны коренных групп – индейцев и инуитов.

В случае субрегиона Северный Лабрадор, где инуитская идентичность признавалась всегда, соглашение о территориальном притязании было подписано в июне 2000 г., и на его основе был создан Нунатсиавут (Nunatsiavut) – автономный район под управлением инуитов. С другой стороны, два сообщества инну Лабрадора под названием «нация инну» уже на протяжении нескольких десятилетий участвуют в процессе глобальных территориальных притязаний, но без финального соглашения. В данном случае, как и в случае НунатуКавута, территориальные требования инну Квебека накладываются на территориальные требования инну Лабрадора, что видится мне препятствием, существенно задерживающим любое урегулирование в форме финального соглашения.

В статье «Being and Becoming Inuit in Labrador» (Быть и стать инуитом на Лабрадоре) антрополог Джон К. Кеннеди проследил эволюцию того, что он называет «политика идентичности» в южной части Лабрадора (Kennedy 2015: 225–242). Он полагает, что произошедшие там изменения идентичности связаны, с одной стороны, с созданием организаций, отстаивающих права коренного населения, а с другой – с произошедшими за последние сорок лет изменениями социально-экономического характера на локальном уровне и социально-политического характера на национальном и международном уровнях (225).

В случае притязаний корпорации «Нунамит» складывается впечатление, что они в основном связаны не с территориальными правами, а с правом на охоту и рыболовство в качестве наследия предков. Что же касается всей территории Нижнего Кот-Нора, то она охвачена глобальными территориальными притязаниями, выдвинутыми организацией Совет Аттикамек-Монтанье правительству Канады в 1979 г. и правительству Квебека в 1980 г. В настоящий момент переговоры застыли в мертвой точке, по крайней мере, в случае с территорией Нижнего Кот-Нора.

Примечания

¹ В предыдущих публикациях я использовал французское название Сент-Огюстен (Saint-Augustin). В этом тексте я использую название Сент-Огастин (St. Augustine), что лучше соответствует распространенному в сообществе английскому языку (примеч. автора).

² Северное Побережье (Côte-Nord, Кот-Нор) – административный регион канадской провинции Квебек, занимающий территорию от берегов северной части низовья реки Св. Лаврентия и залива Св. Лаврентия до верховий впадающих в него рек. Подразделяется на субрегионы Верхний, Средний и Нижний Кот-Нор. Далее в переводе статьи будет использоваться французское название региона (примеч. переводчика).

³ В цитатах и названиях работ, на которые автор ссылается, сохранено французское название сообщества (Сент-Огюстен, Saint-Augustin) (примеч. переводчика).

⁴ По всей видимости, речь идет о распространенных в данном сообществе фамилиях, которые носят многие семьи (примеч. переводчика).

⁵ Инну (до начала 1990-х гг. назывались монтанье) – народ алгонкинской языковой семьи, населяющий значительную часть провинции Квебек и полуострова Лабрадор (примеч. переводчика).

⁶ Употребляя термин «генерализованный образ жизни» (le mode de vie generaliste), Поль Шаре подразумевает комплексную систему природопользования, когда люди используют ресурсы фауны и флоры равномерно в зависимости от сезонов годового хозяйственного цикла и при необходимости плавно переходят от одного объекта промысла к другому, а не основывают свое жизнеобеспечение на каком-либо основополагающем виде (см.: Charest 1976) (примеч. переводчика).

⁷ Здесь надо отметить разницу в понимании термина «номадизм» в канадской и российской научных традициях. Если канадские авторы могут назвать номадами любые группы людей, ведущих в той или иной степени подвижный образ жизни, то для отечественных исследователей он в первую очередь связан с кочевниками-скотоводами (примеч. переводчика).

⁸ Объединения семей, обычно связанных узами родства или свойства, совместно ведущие промысловую и иную экономическую деятельность (примеч. переводчика).

⁹ В Квебеке часто предпочитают называть тюленя не общефранцузским словом (le phoque), а используют канадизм «морской волк» (le loup-marlin) (примеч. переводчика).

Перевод с французского Д.В. Воробьева

References

- Affaire Powley // Encyclopédie canadienne. 2018. n.p, site internet consulté le 3 novembre 2021. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/fr/article/affaire-powley>
Barkham S.L. (1980) A note of the strait of Belle Isle during the period of Basque contact with Indians and Inuit, *Études Inuit Studies*, Vol. 4, no. 1–2, pp. 51–58.

- Bowen N.H. (1855) The Social Conditions of the Coast of Labrador, *Transactions of the Literary and Historical Society of Québec*, no. 4, pp. 329–341.
- Bussièrès P. (1963–1964) La population de la Côte-Nord, *Extrait des Cahiers de Géographie de Québec*. Avril-Septembre 1963. Vol. VII. № 4, Octobre 1963-Mars 1964. Vol. VIII. № 1.
- Carpenter Ch.C. (1856–1910) *Daily Journal of Charles C. Carpenter, Labrador Mission, 1856, 1858, 1859, 1861, 1862–1864, 1865, 1889, 1909*. Deux microfilms, Bibliothèque et Archives nationales du Canada. Ottawa.
- Chappell E. (1818) *Voyage of His Majesty's Ship Rosamond to Newfoundland and the Southern Coast of Labrador of which Countries no Account has been Published by any British Traveller Since the Reign of Queen Elizabeth*. London: J. Mawman.
- Charest P. (1976) Stratégies d'adaptation généralisées et écosystèmes spécialisés: le cas de la Côte-Nord du golfe Saint Laurent, *Anthropologie et sociétés*, Vol. 1, no. 1, pp. 19–49. doi:10.7202/000848ar
- Charest P. (1998) Les Inuit du Labrador canadien au milieu du siècle dernier et les descendants de la Basse-Côte-Nord, *Études Inuit Studies*, Vol. 22, no. 1, pp. 5–36.
- Charest P. (2005) *La communauté métisse inuit de Saint-Augustin (Basse-Côte-Nord): Genèse et caractéristiques culturelles*, Rapport d'expertise.
- Charest P. (2015) L'héritage culturel inuit au Labrador méridional, *Études Inuit Studies*, Vol. 39, no. 1, pp. 201–224.
- Dorais L.-J. et Céré V. (2012) Quelques aspects du contact culturel dans la région du détroit de Belle Isle (Canada), *Journal de la Société des Américanistes*, Vol. 98, no. 2, pp. 141–166.
- Ferland J.B.A. (1859) Mission du Labrador, *Rapport sur les missions du diocèse de Québec*. Avril 1859, Vol. 13, pp. 65–139.
- Field E. (1849) *Journal of the Bishop of Newfoundland's Voyage of Visitation and Discovery on the South and West Coasts of Newfoundland and on the Labrador, in the Church Ship 'Hawk', in the Year 1848*. The Society for the Propagation of the Gospel. London: Church in the Colonies XXI.
- Huard V.A. (1897) *Labrador et Anticosti*. Montréal: C.O. Beauchemin et Fils.
- Jordan R.H. et Kaplan S.E. (1980) An archaeological view of the Inuit/European contact period in Central Labrador, *Études Inuit Studies*, Vol. 4, no. 1-2, pp. 35–45.
- Junek O.W. (1937) *Isolated Communities: A Study of a Labrador Fishing Village*. New York: American Book Company.
- Kennedy J.C. (2015) Being and Becoming Inuit in Labrador, *Études Inuit Studies*, Vol. 39, no. 1, pp. 225–242. <https://doi.org/10.7202/1036085ar>
- Martijn Ch.A. (1980) La présence inuit sur la Côte-Nord du Golfe St-Laurent à l'époque historique, *Études Inuit Studies*, Vol. 4, no. 1-2, pp. 105–125.
- McKenzie R. (ed.) (1984) *The St. Lawrence Journals of Captain Henry Wolsey Bayfield (1829–1853)*. Toronto: The Champlain Society.
- Nunamit Corporation. 2021. Site internet consulté le 3 novembre 2021. Corporation <https://numamit.copr.com>
- NunatuKavut. Unveiling NunatuKavut: Document in Pursuit of Reclaiming a Homeland Describing the Lands and People of South/Central Labrador. s.l., NunatuKavut. 2010.
- Pintal J.-Y. (1998) *Aux frontières de la mer, la préhistoire de Blanc-Sablon*. Québec: Direction des relations publiques Ministère de la Culture et des Communications.
- Robertson S. (1855 (1841)) Notes on the Coast of Labrador (Read, 16th January 1841, *Transactions of the Literary and Historical Society of Québec*, Vol. 4, no. 1, pp. 27–49.
- Stearns W.A. (1884) *Labrador: A Sketch of its Peoples, its Industries and its Natural History*. Boston: Lee and Shepard.
- Tremblay M.-A., Charest P., Breton Y. (1969) *Les changements socio-culturels à Saint-Augustin: Contribution à l'étude des isolats de la Côte-Nord du Saint-Laurent*. Québec: Les Presses de l'Université Laval.

Trudel F. (1980) Les relations entre les Français et les Inuit au Labrador meridional, *Études Inuit Studies*, Vol. 4, no. 1-2, pp. 135–145.

Сведения об авторе:

ШАРЕ Поль – Межуниверситетский центр образования и исследований коренных народов, Университет Лавалья, Квебек (Канада).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Paul Charest, Centre interuniversitaire d'études et de recherches autochtones (Ciéra), Université Laval (Canada).

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 5 ноября 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 5.11.2021;
accepted for publication 01.04.2022.*

Научная статья
УДК 930.1
doi: 10.17223/2312461X/35/7

МЕТИСЫ И МЕТИСНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТРУДАХ КВЕБЕКСКИХ ИСТОРИКОВ Н.-М. ДОУСОНА И Р.-А. БУШАР: ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ

Денис Валерьевич Воробьёв

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
pakamagan@rambler.ru*

Аннотация. Логическим продолжением многолетней дискуссии между квебекскими историками и антропологами относительно исконности или позднего прихода в Квебек автохтонных групп (монтанье) можно считать их позиции по поводу недавно заявивших о себе метисов Сагеней и Сеньории Минган. Здесь будет неправомерно говорить о противостоянии представителей одного и другого научных направлений, как это было в случае с монтанье. Многие антропологи признают как существование этих метисных этнических групп, так и их территориальные права («права предков»). Однако мнения историков Р.-А. Бушар и Н.-М. Доусона, которые были солидарны в вопросе об автохтонах, теперь кардинально разделились. Доусон доказывает, что в данном регионе сообществ метисов так и не сложилось, а Бушар не только признает метисов Сагеней и сеньории Минган, но и сам, обладая метисной идентичностью, является одним из лидеров их национального движения. На основе анализа работ этих авторов предпринята попытка дать оценку их мнений по данному вопросу.

Ключевые слова: метисация, сообщество метисов, метисная идентичность, метисы Королевского Домена и Сеньории Минган, Рассел-Аврора Бушар, Нельсон-Мартин Доусон, регион Сагеней – озеро Сен-Жан (Квебек), монтанье, диспарационизм

Для цитирования: Воробьёв Д.В. Метисы и метисная идентичность в трудах квебекских историков Н.-М. Доусона и Р.-А. Бушар: особенности подхода к проблеме // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 117–137. doi: 10.17223/2312461X/35/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/7

The Métis and Métis Identity in the works of Quebec historians N.-M. Dawson and R.-A. Bouchard: ways of approaching the problem

Denis V. Vorobiev

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, pakamagan@rambler.ru*

Abstract. Between Quebec historians and anthropologists concerning vernacularity or late arrival to Quebec of natives groups (Montagnais) can be considered logical continuation of a long-term discussion them a position of rather recently declared Metis of Saguenay and Seigneur Mingan. Here will illegally tell about opposition of representatives of one and other scientific directions as it was in a case about Montagnais. Anthropologists in general recognize both existence of metis ethnic groups, and their territorial rights ("the right of ancestors"). However opinions of historians R.-A. Bouchard and N.-M. Dawson which were solidary in a question about the Natives Americans were cardinally divided now. Dawson proves what in this region of communities of Metis hasn't developed, and Bouchard not only recognizes a Metis of Saguenay and Seigneur Mingan, but also itself, having identity of metis, is one of leaders of their national movement. Based on the analysis of the works of these authors, the article will attempt to assess their opinions on this issue.

Keywords: metissage, metis community, metis identity, Metis of the Royal Domain and Senoria Mingan, Russell-Aurora Bouchard, Nelson-Martin Dawson, Saguenay – Lake Saint-Jean region (Quebec), Montagnais, Disparationism

For citation: Vorobiev, D.V. (2022) The Métis and Métis Identity in the works of Quebec historians N.-M. Dawson and R.-A. Bouchard: ways of approaching the problem. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 117–137. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/7

В последние два десятилетия антропологические исследования метисной проблематики в Канаде стали популярны в научном сообществе и по сравнению с предыдущими периодами вышли на более высокий уровень. В этот период на данную тему было написано большое количество работ. Такой повышенный интерес к проблеме связан изначально с подъемом этнического самосознания, который начался еще в 1970–1980-е гг., и политической и юридической борьбой коренного населения за свои гражданские права. Метисы, представляющие собой, наряду с первыми нациями¹ и инуитами, часть коренного населения, также не остались в стороне от этого процесса. Помимо степных территорий провинций Манитоба, Саскачеван и Альберта, где существование сообществ метисов явилось свершившимся историческим фактом, в самых разных районах страны, где прежде о присутствии метисов речи не шло, начали возникать сообщества людей, заявляющих о своей

метисной идентичности и требующих от властей официального признания и отстаивающих данные требования в судах. Не стала исключением и провинция Квебек.

К проблеме метисов Квебека – потомков от смешанных браков монтанье (инну) и французов (затем франкоканадцев), меня привела попытка разобраться в том, что представляли собой в этническом измерении сообщества алгонкинских таежных охотников востока Канадской Субарктики накануне и к началу появления французов в данном регионе. Следует ли подразумевать под каждым упоминаемым в письменных источниках этнонимом отдельное этническое образование или будет правомерно вести речь о достаточно аморфных мобильных группах таежного охотничьего населения, практически однородного в культурном и языковом плане, связанных между собой разветвленной сетью брачных союзов и, по сути, не представлявших собой четко выраженных этнических образований. Данный интерес вывел меня на связанную, в том числе и с этой темой, дискуссию между квебекскими антропологами и историками (Воробьев 2021). Катализатором дебатов послужили книги историков Рассел-Авроры Бушар и Нельсон-Мартина Доусона (Bouchard 1995; Dawson 2005).

Критика квебекского антропологического сообщества в отношении книг и научно-общественных позиций Р.-А. Бушар и Н.-М. Доусона базируется на опровержении диспарационистского тезиса авторов об исчезновении в конце XVII в. индейцев монтанье (инну/илну) бассейна Сагеня, озера Сен-Жан и Верхнего Кот-Нора² под воздействием ряда факторов, в первую очередь эпидемий занесенных европейцами заразных болезней и набегов военных отрядов ирокезов, а также сокращения популяций промысловых животных, голода, французской колонизации, деятельности христианских миссионеров и *метисации*. В данной работе будет рассмотрен только фактор метисации. И Бушар, и Доусон видят в метисации одну из причин исчезновения монтанье и, как следствие, приход на их место других групп коренного населения из района Великих озер и залива Джеймс, также, в свою очередь, подвергшихся метисации. Когда я только начинал проявлять интерес к данной теме, мне казалось, что позиции этих авторов практически идентичны. Не случайно же противостоящие им исследователи критикуют их за одни и те же ошибки и подкрепляют свою критику одинаковыми аргументами. Во многом это действительно так, но только не в случае с фактором метисации. Здесь позиции Бушар и Доусона кардинально расходятся. Исследователи признают бытование межэтнических браков, появившиеся в результате которых дети, вполне понятно, оказывались метисами, но при этом Бушар настаивает на том, что они в дальнейшем сформировали в исследуемом регионе отдельную этническую общность метисов, не являющихся ни «индейцами», ни «белыми», то-

гда как Доусон делает вывод о том, что в Квебеке, в отличие от западных провинций, метисное сообщество так и не сложилось, даже несмотря на присутствие людей смешанного происхождения. Попробуем рассмотреть точки зрения двух авторов по этому вопросу подробно.

Н.-М. Доусон о метисах региона Сагеней и озера Сен-Жан

Непосредственно к проблеме метисации и метисного населения в Квебеке в XVII – начале XX в. Н.-М. Доусон обращается в своей книге «Меха и леса метиссируют монтанье: взгляд на людей со смешанной кровью в Королевстве Сагеней» (Dawson 2011), которая в отличие от его предыдущей монографии (Dawson 2005) не вызвала большой критической реакции. В первой ее части повторяются диспарационистские выкладки, опубликованные еще в книге 2005 г., тогда как вторая часть, носящая название «Феномен метисации», посвящена непосредственно метисной проблематике и представляет результаты его последующих исследований. Однако Доусон пишет, что уже в самом начале XVII в. отмечены факты положительного отношения колониальных лидеров к возможным бракам французов с представительницами коренного населения и называет это «политикой смешения» (*politique de la mixité*). Он приводит слова С. Шамплена, адресованные гурунам³, согласно которым французы придут к ним в большом количестве и возьмут в жены их дочерей, когда те станут христианками. Тем не менее Доусон оценивает подобные намерения как напрасные. В тот период обращенных в католицизм индейских женщин было еще очень мало, а союзы с нехристианками, с точки зрения колониальных властей, не могли иметь легитимный характер, они выходили за пределы официальной доктрины, порицались и никак не регистрировались (Dawson 2011: 137–138).

Надо отметить, оценка Доусоном матримониальной политики смешения как неудачной вполне справедлива. Такие представления и действия были одним из механизмов предполагаемого проведения властями Новой Франции и миссионерами-иезуитами политики францизации (Федин 2016а: 103–104), итогом которой должны были стать переход коренного населения от мобильного охотничьего к оседлому земледельческому образу жизни и последующая его ассимиляция европейцами. Однако на рубеже 1640–1650-х гг. окончательно становится понятна бесперспективность перевода таежных охотников на оседлость и концентрация их в крупных поселениях, и иезуиты переходят к системе «летучих миссий», когда миссионеры путешествуют по лесам вместе с небольшими подвижными группами индейцев (Beaulieu 1994: 142). А.В. Федин в связи с этим приводит очень интересный и показательный для данного периода факт: *«Инцидент с попыткой неофитов Тадуссак вести себя “как французы” вместо поощрения вызвал критику и*

обвинения в “обезьяньих” уловках со стороны миссионеров» (Федин 2016b: 222). В таких условиях межэтнические браки, будучи изначально одним из средств претворения в жизнь политики францизации, утрачивают свою актуальность, и отношение к ним меняется в негативную сторону.

Таким образом, Доусон, рассматривая ситуацию первой половины XVII в., почти не говорит о метисации, но много рассуждает о «межиндейском этногенезе» или «внутреннем индейском этногенезе» (*ethnogenèse intra-amérindienne*). Именно так автор назвал первую часть своей книги. По данному вопросу его позиция идентична взглядам Р.-А. Бушар. Кратко это понятие можно резюмировать так: монтанье долины Св. Лаврентия и Сагеня – озера Сен-Жан, переживают сильнейшую депопуляцию (на 90–95%) вследствие эпидемий и рейдов ирокезов. На эти опустевшие земли приходят другие алгонкинские народы из бассейна залива Джеймс и Великих озер, абенаки с побережья Атлантики и смешиваются с остатками местных групп монтанье (Dawson 2011: 53–54). Доусон даже отмечает, что монтанье Тадуссака, в силу резкого падения их численности, стали приглашать представителей других «наций», в том числе не только соседних, но и живущих на значительном от них расстоянии. В качестве примера он приводит умамиук, населявших земли напротив острова Антикости (116). В результате к концу XVII в. монтанье, согласно авторской терминологии, постепенно становятся «композиционной группой» или «составной группой», иначе говоря, сформировавшейся из разных этнических общностей.

Так, рассматривая генеалогическое древо лидера монтанье Франсуа Уканишиша, Доусон обнаруживает среди его предков и потомков по линиям родства представителей групп какушаков, папинаши, алгонкинов, мистассинии и эчеминов (Dawson 2011: 130). Именно на такого рода свидетельствах он делает вывод об исчезновении «старых монтанье» (*Montagnets* в источниках), формировании на основе разнородных этнических групп «новых монтанье» (*Montagnais* в источниках) и называет этот процесс «межиндейским» или «внутренним индейским этногенезом» (119–122, 131–132). По Доусону, это пока еще не совсем метисация, которая начнется чуть позже, когда уже пережившие «внутренний этногенез» индейцы станут заключать брачные союзы со служащими торговых постов, а только культурная метисация – взаимопроникновение разных автохтонных культур (133). Следует сказать, что, по-видимому, это единственный момент, где Доусон говорит именно о **культурной** метисации.

Вывод о межиндейском этногенезе, в числе прочих, повлек за собой вполне обоснованную критическую реакцию многих квебекских антропологов. Данная критика выглядит вполне обоснованной. Во-первых,

практика адопции – усыновления и включения в состав социума ино-племенников (и автохтонов, и европейцев) – широко практиковалась многими североамериканскими группами (особенно широко известен пример Лиги ирокезов) и не влекла за собой каких-либо изменений в идентичности принимающей стороны. Таким образом, она далеко не всегда может быть свидетельством формирования новых этнических сообществ. Во-вторых, применительно к охотничьим группам востока канадской Субарктики, то, что именуется здесь межиндейским этногенезом, не являлось неким разовым событием, а происходило постоянно и всегда было обыденной традиционной практикой, не имеющей отношения к подвижкам колонизационной эпохи. Эти группы были культурно гомогенны, вели подвижный образ жизни, не имея при этом четко выраженных границ между охотничьими территориями, и были связаны между собой густой сетью брачных отношений. Их состав не был постоянным, а часто варьировался под воздействием различных факторов (экологических, демографических и т.п.). Поэтому факт присутствия в генеалогии, например, какого-либо монтанье Тадуссака предков из групп мистассини, папинаши и какушак не представляет собой что-то новое, ведущее к изменению идентичности, а является обычной матримонимальной практикой в пределах континуума кри-монтанье-наскапи.

Непосредственно к анализу процесса этнической метисации между индейцами и европейцами Н.-М. Доусон переходит во второй части книги, носящей название «Феномен метисации». Этот раздел, в отличие от первого, не вызвал особой критики, что вполне понятно, поскольку содержащиеся в нем выводы не противоречат выводам многих обращавшихся к данной проблеме антропологов.

Как уже было сказано, в первой половине XVII в. «политика смешения» властей Новой Франции потерпела неудачу. Люди смешанного происхождения появляются в «Королевстве Сагений» только в конце XVII в., а в XVIII в. метисация монтанье, уже и так претерпевших межиндейский этногенез, идет полным ходом. Доусон полагает, что до середины XVII в. монтанье не пускали французов на внутренние территории к северу от реки Св. Лаврентия, оберегая свои торгово-посреднические интересы. Только в середине столетия какушаки (монтанье озера Сен-Жан), сильно ослабленные эпидемиями, приглашают к себе миссионеров-иезуитов, но о присутствии здесь других французов («лесных бродяг», торговцев пушниной) источники умалчивают. И только с открытием здесь в конце столетия торговых постов (пост Шикутими – 1676, пост Метабечуан на озере Сен-Жан – 1676, пост на озере Некуба – 1685) (Dawson 2011: 156) начинается стихийный процесс метисации, контролировать который миссионеры оказываются уже не в силах.

Доусон разделяет этническую метисацию в сагенейской тайге на две стадии. Первая приходится на XVIII в. и связана с проникновением сюда торговцев пушниной, а вторая, обусловленная лесозаготовками и сельскохозяйственной колонизацией региона, начинается в первой половине XIX и завершается в начале XX в.

На начальном этапе служащими торговых факторий были только представители мужского пола, которые вступали в кратковременные связи с индейскими женщинами, а в некоторых случаях заключали с ними долговременные браки, которые вскоре стали поощряться миссионерами. Если венчание отцом Шарлем Албанелем торговца пушниной и лесного бродяги (*coureur de bois*) Николая Пелтье и «дикарки-христианки», состоявшееся в 1660 г. в Квебеке, «наделало много шума», то, например, брак между Николаем Жереми-Ламонтанем и монтанье Мари-Мадлен Тетаусикуе, скрепленный отцом Франсуа де Крепье́лем в 1693 г. в Шикутими, был уже вполне в русле политики, проводимой колониальной администрацией и миссионерами (Dawson 2011: 143–144).

Доусон прослеживает метисацию XVIII в. и ее последствия и результаты на базе подробнейшего анализа архивных материалов и генеалогий Николая Пелтье – основателя фактории на озере Некуба – и его многочисленных как официальных, так и незаконно рожденных потомков. Анализ автора показывает, что дочерей Пелтье, как и другие уважаемые мехоторговцы, предпочитал, как правило, отправлять в Квебек или Монреаль, где они поступали в услужение в богатые семьи, многие из них впоследствии выходили замуж или как-то иначе инкорпорировались в колониальное общество и воспринимали европейскую культуру. Их дети становились представителями евро-канадского сообщества и ничем уже не отличались от остальных франкоканадцев. В частности, подобную судьбу разделили три его дочери Мари-Жанн, Доротея и Мари-Мадлен (Dawson 2011: 158–160). Сыновья Николая Пелтье, например Шарль Пелтье Эчинекауат, напротив, будучи потенциальными добытчиками пушнины, оставались в лесах со своими индейскими матерями и становились охотниками, воспринимая тем самым культуру монтанье и становясь частью их сообщества. То же самое происходило с их потомками. Биологически это были метисы, но с индейской идентичностью (161).

Первая половина XIX в. ознаменовалась для Сагеней и озера Сен-Жан (особенно региона Шикутими) масштабной сельскохозяйственной и лесопромышленной колонизацией, а следовательно, притоком евроканадцев из густо заселенной к тому времени долины реки Св. Лаврентия, районов Шальвуа и Мальбе (Dawson 2011: 171–172). Наемные работники, увольнявшиеся с лесозаготовок и ферм и уходившие в леса на промысел или торговать мехами, вступали в браки с женщинами монтанье, как мы выяснили, и так уже метиссированными в XVIII в. Их

дети, именуемые в источниках «свободными людьми», были, по Доусону, уже вдвойне «метисами», но вновь с индейской идентичностью, так как тоже воспитывались в автохтонной среде (189–190).

Доведя свой анализ метисации на Сагенее до начала XX в., Доусон приходит к выводу, что смешанные браки на протяжении более 200 лет практиковались здесь в значительном количестве, но они не повлекли за собой формирования метисной идентичности и отдельного сообщества метисов. Метисы были, но они входили либо в автохтонное, либо в евро-канадское общество. В таких условиях сообщество «между двух миров» не смогло сформироваться (Dawson 2011: 226). Принимая метисов в свое общество, монтанье восстанавливались демографически. По Доусону, метисы по крови рассматривались как аутентичные индейцы. Их «индейскость» поддерживалась образом жизни, который они выбрали. В регионе Сагеней – Озеро Сен-Жан метисы, считавшие себя индейцами, чаще, чем сельскохозяйственное население, имели в предках смешанные пары. Такова региональная микроистория. В итоге «*в сагенейских лесах метисированные дети создали народ-симбиоз, который не метался между двумя идентичностями, в отличие от метисов запада*» (Dawson 2011: 229–231).

Складывается впечатление, что Н.-М. Доусон рассматривает метисацию только как биологический, считай – этнический, процесс смешения людей, представляющих разные народы и расы, хотя на самом деле это явление более многогранно и сложно, а о культурной метисации говорит очень редко, упоминая ее лишь косвенно. Не случайно термин «люди смешанной крови» (*les sang-mêlés*) вынесен в заглавие книги. В то же время культурный аспект метисации в картине, написанной Доусоном, вырисовывается весьма ярко, поскольку метисы становились носителями либо автохтонной, либо евро-канадской культур.

До последнего аналитического постулата позиции Н.-М. Доусона и Р.-А. Бушар были почти идентичны, но когда дело коснулось выводов, они кардинально расходятся.

Рассел-Аврора Бушар о метисах регионов Сагеней и озера Сен-Жан

Р.-А. Бушар в вопросе диспарационизма разделяет позицию Н.-М. Доусона, или, скорее, Доусон разделяет позицию Бушар, поскольку книга «Последний из монтанье» была издана в 1995 г., т.е. существенно раньше выхода всех работ Доусона на эту тему (Bouchard 1995). Именно поэтому не стану подробно излагать диспарационистские выводы Бушар, так как они мало чем отличаются от тех, что выдвинул и более глубоко, на мой взгляд, разработал Доусон (подробнее см.: (Воробьев 2021: 124–125)), а сразу перейду к рассмотрению вопроса, в ответе на который названные авторы придерживаются разных точек зрения.

Сразу следует сказать, что Бушар предстает убежденным сторонником давнего существования отдельного, не принадлежащего ни к автохтонам, ни к франкоканадцам, сообщества метисов в Квебеке, формирование которого началось еще во второй половине XVII в., если не раньше. Более того, также является общественно-политическим деятелем, лидером сообщества метисов Шикутими, носителем метисной идентичности, именуящим себя «свободный человек» (*homme libre*). Начиная с 2004 г., исследователем написано большое количество книг, в которых отстаивается тезис непрерывного существования метисной идентичности и самостоятельного этнического сообщества метисов в Квебеке на протяжении колониального и современного периодов.

«Рождение» метисов Бушар начинает доказывать уже с самого начала, т.е. с постулируемого им «смешения» разных автохтонных групп на основе «исчезающих» монтанье и последующего смешения «новых» монтанье с франкоканадскими торговцами пушниной и трапперами:

Древние монтанье, которые прежде населяли эту территорию? От них больше почти ничего не осталось! Апокалипсис! «Раса» стоит на пороге исчезновения... И те немногие выжившие, которым удалось избежать болезней, войны, голода и холода, оказались безвозвратно приговорены к метисации с выжившими представителями Альянса (теми же монтанье и другими союзными французам индейцами региона. – *Д.В.*), а через короткий период и европейскими лесными бродягами, которые понемногу начали повсеместно распространяться по этим удаленным местам (Bouchard 1995: 163).

Итак, Бушар без особых сомнений рассматривает «межиндейский этногенез» (по терминологии Доусона) как начальный этап метисации. Доусон же прямо этого не утверждает, но складывается впечатление, подразумевает такую интерпретацию этнических процессов, которая, как уже было показано, совсем не отражает реальный ход событий.

Последующий «приток сильно метисированных лесных бродяг», согласно Бушар, и вовсе в первой половине XVIII в. «сформировал новую расу мужчин и женщин» (Bouchard 1995: 199). Под, безусловно, некорректным термином «раса» следует понимать не подлежащее никакому сомнению формирование сообщества метисов, обладающего в том числе и особыми культурными чертами, присущими только метисам и отличающимися их и от индейцев, и от евро-канадцев. Окончательный вывод таков: «Вновь только что воссозданная “нация” монтанье продолжает свое превращение и подходит к становлению этничности (*ethni*) метисов» (200). Таким, образом, этногенез метисов, согласно Бушар, свершившийся факт.

Родоначальником метисов Бушар считает все того же лесного бродягу и торговца пушниной Николая Пелтье: «Рождение клана метисов следует соотносить с появлением Николая Пелтье – отца народа» (Bouchard 2006b: 36–37). Более того, даже видит в этом человеке предка

всех илну (монтанье), живущих сейчас в селении Маштеуиач на озере Сен-Жан (Bouchard 2005: 36), которые, по мнению исследователя, также являются по крови метисами. В оценке хода самой метисации отчасти прослеживается солидарность с Доусоном, но в плане этногенеза метисов выводы совершенно противоположные. Бушар пишет, что, по меньшей мере, восемь сыновей и дочерей Пелтье от трех его жен-монтанье, а в дальнейшем и их многочисленные потомки распространились по всей территории «Королевского Домена»⁴ от озера Никабо до реки Минган, поселились в Тадуссак и Шикутими, дав тем самым начало «клану метисов». Таким же образом дела обстояли и с потомками других лесных бродяг (Bouchard 2006b: 38–40). Как видим, данная интерпретация разительно отличается от выводов Доусона, который не обнаруживает у потомков Пелтье метисной идентичности.

Далее Бушар выделяет вторую и третью фазу (соответственно, вторая половина XVIII – начало XIX в. и середина XIX в., начиная с аграрной колонизации региона и зарождения лесопромышленности) становления народа метисов, связывая их с мехоторговцами теперь уже шотландского происхождения – МакЛареном и Питером МакЛеодом. Для второй эпохи характерно гармоничное сосуществование трех этнических сегментов сообщества Шикутими – служащие торговых постов (шотландцы и франкоканадцы), «свободные люди» (метисы) и индейцы (Bouchard 2005: 45), а в третий период прибывающие колонисты смешиваются с местными жителями, продолжая тем самым метисацию (57–59).

Со второй половины XIX в. положение метисов Квебека, в частности Шикутими, меняется в худшую сторону. Провинциальные власти предпочитают не замечать их, и в переписи населения 1861 г. они уже не упоминаются, их всех записали индейцами. Причина такого поворота событий состоит в том, что к этому времени метисы Манитобы начинают представлять политическую силу и противостоять канадским властям, а также обостряется франкоканадский вопрос (Bouchard 2005: 70–72). Складывается впечатление, что, по Бушар, именно эти факторы в свою очередь приводят к негативному отношению к метисам в целом. Весь последующий период метисы Квебека, продолжая существовать, оказались «забытом народом» и только после судебного решения по делу Паули 2003 г. они вновь заявили о себе и о своих правах (76). Под руководством Бушар 21 июня 2005 г. в Шикутими была проведена символическая церемония «пробуждения медведя-метиса», выходящего из своей берлоги. Тем не менее, данное сообщество метисов официально так и не признано провинциальными властями Квебека до сих пор (Bouchard 2007: 59–60). Формула мифа о рождении метисов, по Бушар, такова: «Свобода как страна (пространство, земля. – Д.В.), воображаемая как линия горизонта» (Bouchard 2006a: 147).

Многие исследователи подвергают критике позицию и доказательную методологию Р.-А. Бушар относительно существования сообщества метисов в Квебеке на протяжении почти всего исторического периода. Так, Луи-Паскаль Руссо критикует книги Бушар, следовавшие за «Последним из монтанье». Он говорит, что автор, изменив лишь терминологию, продвигает все тот же диспарационистский тезис – массовая гибель индейцев в ходе первых контактов и рождение «нации канадских метисов». В них постулируется исчезновение монтанье в процессе метисации и параллельное возникновение заменившего их сообщества метисов. В деле изучения этногенеза метисов эти работы являются маргинальными. Они слабы в теоретическом и методологическом измерениях, базируясь на позициях социального дарвинизма, которые выражаются в идее, что культура группы людей определяется их биологическим происхождением. Испытав метисирующее воздействие колонистов, монтанье были якобы обречены на формирование культуры метисов (Rousseau 2012: 75–76).

Рассмотрю некоторые примеры, приводимые Бушар в качестве доказательства культурного своеобразия метисов Шикутими, отличающего их от других этнических сообществ Квебека. Исследователь подробно останавливается на культурных особенностях, свидетельствующих, по мнению ученого, о бытовании культуры, присущей именно этому сообществу. Сразу надо отметить, что многие примеры таких особенностей на деле не выглядят убедительными.

Среди них следует упомянуть фотографию, датированную 1910 г., на которой изображены охотники в окрестностях Метабечуана, указаны их имена. Это люди европейской внешности, в предназначенной для леса одежде фабричного производства, сидящие перед входом в палатку с железной печкой. На шест палатки надет медвежий череп, по мнению Бушар, явно закрепленный там в неких ритуальных целях. Автор видит в этом синкретизм автохтонного и евроканадского компонентов – суть культуры метисов. Впитав и то и другое, они не принадлежат ни к тем, ни к другим (Bouchard 2006a: 159). Надо сказать, что такие палатки используют почти все жители тайги обоих полушарий, а череп медведя может как нести, так и не нести ритуальные функции. Многие евроканадцы, ведущие охотничий образ жизни, на промысле вполне могли отправлять некие ритуалы, заимствованные у индейцев. Таким образом, фотография не свидетельствует именно о метисной идентичности. Эти люди могут вполне быть метисами, но равным образом и не быть ими.

Также в качестве культурного достояния метисов Бушар отмечает длинный, плетеный из шерстяных нитей пояс-кушак со стреловидным орнаментом (*la ceinture fléchée*) и характеризует его как «деталь традиционной одежды, характерной для метисов франкоканадского происхождения» (Bouchard 2008: 89). Хотя Бушар и не отрицает того фак-

та, что такие пояса также носили лесные бродяги, индейцы, торговцы пушниной, но и не пишет об этом. На мой взгляд, данный пример неудачен. Кушаки со стреловидным орнаментом являются культурным наследием жителей Квебека в целом (Bevilacqua 1994: 81) и поэтому не могут служить признаком отдельной культурной идентичности именно метисов региона.

Еще одной характерной и яркой культурной, а скорее биолого-культурной, чертой метисов Бушар считает большое количество людей с приобретенной физиологической особенностью, называемой «горб от каное» (*la bosse du canot*). Он представляет собой своеобразный хрящевой нарост, образующийся на шейных позвонках в результате переносок каное и другой тяжелой ноши на плечах во время многочисленных переходов через длинные волоки – сухопутные переходы из одной озерно-речной системы в другую. Здесь автор прямо говорит, что такая особенность характерна для всех жителей лесов (индейцев, франкоканадских трапперов и метисов) и даже составляет предмет гордости, так как является показателем богатого опыта и выносливости ее обладателя (Bouchard 2006a: 22–24). Факт, действительно, очень интересный, но он тоже никак не может свидетельствовать о культурной исключительности метисов.

Мнения других исследователей о проблеме метисов региона Сагеней и озера Сен-Жан

Большинство известных мне исследователей так или иначе скептически относятся к возможности формирования метисного сообщества и идентичности на территории Квебека в исторический период. Например, такое мнение высказывает в своей книге Клод Желина (Gélinas 2011). В общих чертах его главный вывод сходен с выводом Доусона, но в некоторых частных моментах они расходятся.

Рассматривая ранний этап, Желина пишет о широко распространенной практике торгового обмена и прочих взаимодействий населения региона Сагеней – Озера Сен-Жан с другими группами (долина р. Св. Лаврентия, юг Онтарио, север Лабрадора и пр.), говорит о контактах с ирокезским населением, но не считает это «межиндейским этногенезом» в отличие от Доусона. Он лишь осторожно допускает возможность влияния этих связей на культурную идентичность (Gélinas 2011: 25).

В дальнейшем, в связи с проникновением в данную местность немногочисленных франкоканадцев и их отношениями с индейскими женщинами, появляются люди смешанного происхождения, но дети от таких союзов воспринимали культуру матерей, а не отцов. Биологическая метисация не ведет к формированию новой идентичности и особой культуры. Культура не определяется биологическим происхождением индиви-

да. Ни та ни другая сторона не отказывались от своей идентичности даже при культурном взаимопроникновении (Gélinas 2011: 32–34). Исследования К. Желина отличается от работы Н.-М. Доусона тем, что он много внимания уделяет сразу начавшейся культурной метисации, которой подвергались и сами европейцы, заимствуя у индейцев каноэ, снегоступы, всевозможные навыки жизни в лесу. Индейцы восприняли металлические изделия, христианство, алкоголь и пр. Таким образом, европеец, воспринимая культуру индейцев, не обязательно становился индейцем, а индеец, воспринимая европейское, вовсе не обязательно становился «белым». Культурная метисация также не меняла идентичность (28).

В источниках XIX в. Желина обнаруживает термины, относящиеся к метисам, но связывает их с «навязываемой идентичностью», когда и франкоканадцы, и индейцы могли приписывать метисность жившим среди них отдельным индивидам, хотя сами эти люди до относительно недавнего времени себя так не идентифицировали ни на индивидуальном, ни на коллективном уровне. В итоге Желина констатирует: *«Проведенный анализ демонстрирует, что доступные на данный момент исторические источники не позволяют сделать заключение о существовании одного или нескольких сообществ метисов на территории Сагены – Озеро Сен-Жан до самого недавнего периода»* (Gélinas 2011: 143). Однако важно отметить, он не исключает, что дальнейшие исследования все-таки смогут выявить такое сообщество, поскольку инструментарий его определения разработан еще очень слабо (147). Показательно, что Доусон ни о чем подобном не говорит.

Еще один исследователь, Луи-Паскаль Руссо, посвятил проблеме вероятности формирования сообщества метисов в исследуемом регионе на раннем этапе (XVI–XVII в.) диссертационную работу (Rousseau 2012).

Сразу следует сказать, Руссо тоже пришел к выводу, что в регионе Сагены – озеро Сен-Жан в XVI–XVII вв. метисного этногенеза не было (Rousseau 2012: 330–331). Уже в XVI в. практиковались кратковременные эпизодические связи между индейскими женщинами и европейскими (басками, затем французами) моряками и китобоями, а родившиеся от них дети, вполне естественно, формируясь в автохтонной среде, росли с автохтонной идентификацией. И даже в XVII в. союзы с европейцами оставались во многом эфемерными, это были лишь мимолетные связи и быстрое неизбежное расставание. Дети, оставаясь у матерей, росли индейцами (337–339).

Не обходит своим вниманием Руссо и культурный фактор. По его мнению, в условиях тесного культурного взаимопроникновения коренного населения и европейцев, их потомки – люди смешанного происхождения – легко находили себе место в автохтонных сообществах. Таким образом, почвы для формирования идентичности метисов не было (Rousseau 2012: 342).

Наконец, еще один фактор, неблагоприятный для метисности, состоял в том, что на Сагение в XVII в. два общества (автохтоны и евроканадцы) контактировали между собой достаточно тесно, тогда как метисные сообщества, служащие посредниками между двумя мирами, обычно появляются там, где эти два общества, две культуры, почти не контактируют напрямую, как это происходило впоследствии в Манитобе и Саскачеване. В регионе Сагений – озеро Сен-Жан необходимости в таких посредниках не существовало (Rousseau 2012: 343).

Исследователи, разделяющие взгляды Р.-А. Бушар, по всей видимости, не столь многочисленны. Упомяну лишь статью Паскаля Юо, в которой автор, полностью разделяя идею формирования сообщества метисов Сагений уже в XVII в., повторяет, подчеркивает и всячески поддерживает постулаты, выдвинутые Бушар (Huot 2010).

Формирование идентичности метисов в современный период. Юридический и политический аспекты

Итак, мнение большинства упомянутых здесь исследователей сводится к тому, что в исторический период отдельное этническое сообщество метисов на территории Квебека так и не сложилось. Групп людей, осознающих себя как метисы, здесь попросту не существовало. Тем не менее, начавшийся в 1970-е гг. общий для всей Канады подъем национального самосознания, привел в итоге к формированию множества новых идентичностей, и метисы не составили исключения в этом процессе. Начало признанию или непризнанию метисных сообществ в разных регионах страны было положено громким делом Паули. Все началось в 1993 г., когда отец и сын Стив и Родди Паули охотились на лося в лесах окрестностей Со-Сент-Мари в провинции Онтарио и были задержаны охотничьей инспекцией. Их охота была признана нелегальной, и дело дошло до суда, где Паули заявили, что имеют право на охоту для жизнеобеспечения как метисы, обладающие таким правом наряду с «первыми нациями», согласно Статье 35 Акта о Канаде 1982 г. Однако, как гласит эта статья, такие права могут быть только коллективными, и ответчикам пришлось доказывать не только свое смешанное происхождение, но и существование на протяжении исторического периода и существующего по сей день в Со-Сент-Мари сообщества метисов со своей особой культурой и самосознанием. Дело продлилось 10 лет. В итоге Паули удалось доказать наличие исторического сообщества метисов в Со-Сент-Мари, и 19 сентября 2003 г. Верховный Суд признал их правоту на основе «права предков» (Gagnon 2019: 169–170).

Это был нашумевший прецедент, в результате которого впервые на законодательном уровне была признана возможность существования сообществ «других метисов» – не имеющих отношения к давно признанным метисам, ведущим происхождение из колонии на Красной ре-

ке, и населяющим территории юга провинций Манитоба, Саскачеван и Альберта – со всеми вытекающими из этого статуса правами и льготами. Сразу после данного события во всех провинциях Канады стали появляться группы людей, идентифицирующие себя как метисы и отстаивающие свои права в судах. В Квебеке за период с 2006 по 2016 г. количество людей, считающих себя метисами, увеличилось с 27 980 до 69 360 человек (Gagnon 2019: 158).

Таким образом, если даже принять точку зрения, согласно которой в прежние времена сообществ метисов в Квебеке не было, то теперь, в связи с возникновением здесь новой идентичности, они появились, и данный факт не вызывает никакого сомнения. Другое дело, что по законодательству право на эту идентичность приходится доказывать в суде. Получается, проблема метисов Квебека лежит не только в этническом, но и, в равной степени, в юридическом и политическом измерениях.

Обращает на себя внимание, что в подавляющем большинстве случаев требования метисов в судах сводятся к отстаиванию права именно на ведение определенной формы промыслового хозяйства (право на охоту, рыболовство и пользование другими возобновляемыми природными ресурсами). Достаточно упомянуть дело Г. Корона (1999–2009–2015 гг.) о незаконном занятии охотничьего участка на землях Короны в окрестностях Шикутими; дело Парана (2010–2013 гг.) – о вылове рыбы сверх лимита; дело Сегэна (2016 г.) – незаконное обустройство охотничьего лагеря в районе Маниваки; дело Ганьона (2016 г.) – о праве на рыбалку на реке Утард; и дело Поля (2016 г.) – четыре представителя одной семьи обвинялись в многочисленных нарушениях закона «О сохранении и поддержании фауны» и закона «О лесе» на территории от озера Абитиби до залива Джеймс (Gagnon 2019: 159–161).

Это наводит на мысль, что данный вид деятельности имеет существенное значение для многих квебекцев, в особенности живущих в сельской местности и небольших городах вне пределов урбанизированной полосы долины Св. Лаврентия. Насколько мне известно, на какие-либо другие льготы или компенсации метисы Квебека не претендуют. Не случайно же антрополог и специалист по вопросу метисов Дени Ганьон назвал главу своей книги, где разбираются судебные процессы с участием метисов, отстаивающих свои права, именно как «Право на промысел» (*Droits de récolte*) (Gagnon 2019: 158). Все эти дела были метисами проиграны, суды постановили, что ответчикам не удалось доказать в каждом случае существования исторического сообщества метисов, а следовательно, и отстоять свои права на промысел.

Не думаю, что требования, связанные именно с охотой и рыбалкой, являются собой лишь манипуляции, направленные на получение всевозможных выгод и льгот от государства. По всей вероятности, этот вид деятельности действительно важен для многих жителей провинции

Квебек. Думается, их частое фигурирование в основе судебных дел говорит о том, что это нечто большее, чем просто желание изредка вести охоту на отдыхе, как это делают многие граждане многих государств, получившие охотничьи билеты.

Для нас – в контексте задач статьи – будет важным рассмотреть дело Корно как начавшееся еще до вынесения решения по делу Паули, в первую очередь по той причине, что в качестве экспертов в нем выступили, в том числе, и лидер сообщества метисов Королевского Домена и Сеньории Минган Рассел Бушар со стороны ответчиков, и Нельсон-Мартин Доусон – со стороны прокурора, доказывавшего отсутствие метисного сообщества.

В 1999 г. Гислэн Корно оспорил в суде обвинение в незаконном нахождении на своем охотничьем участке, расположенном на землях Короны в дистрикте Шикутими, как индеец, не имеющий официально-го статуса, но безрезультатно, поскольку нестатусные индейцы не наделены теми правами, которыми обладают представители первых наций, зарегистрированные в резервациях. С 2006 г. он стал позиционировать себя как метис, принадлежащий к сообществу метисов Королевского Домена и Сеньории Минган, что, несомненно, было связано с положительным решением по делу Паули. В 2009 г., собрав еще 17 случаев обвинений в незаконном занятии охотничьих территорий, Корно и 11 лиц из числа остальных истцов обратились в суд уже как претендующие на статус метисов с их коллективными правами и на историческую преемственность данного метисного сообщества. Однако представители первых наций в свою очередь оспорили эти требования метисов на охотничий промысел по «праву предков». Доказать существование здесь исторического сообщества метисов тоже не удалось, но, по мнению Д. Ганьона, есть и положительный момент: судья не постановил, что такого сообщества не было. Следовательно, возможно, оно и было, но доказать это не удалось (Gagnon 2019: 160–161). В итоге Верховный Суд Квебека 10 февраля 2015 г. постановил: *«Ответчики не продемонстрировали существование отдельного исторического сообщества, идентифицируемого как метисное... и они не могут пользоваться правом промысла, гарантированным статьей 35»* (175–176). Квебекское сообщество метисов Королевского Домена и Сеньории Минган так и осталось непризнанным.

Показательно, что Р.-А. Бушар дисквалифицировали как эксперта от стороны метисов «за предполагаемое отсутствие объективности». Суд счел, что труды исследователя больше представляли собой документальные хроники, нежели экспертизу (Gagnon 2019: 179). Со стороны генерального прокурора экспертами выступили, в том числе, Н.-М. Доусон, Клод Желина и Луи-Паскаль Руссо. Судья увидел слабость доводов Бушар в том, что всегда противопоставляются индейские и метис-

ные сообщества, не учитывая взаимодействия и тех, и тех с евроканадцами. По мнению экспертов прокурора, генеалогии метисов, составленные Александром Альманом (единомышленник Бушар), определены как «сомнительного качества», поскольку они сводят этничность исключительно к кровному родству и пренебрегают отличительными признаками изучаемой группы и не соответствуют пунктам дела Паули, взятым за основу. Вывод Альмана, гласящий, что к 1900 г. остался только один автохтонный народ, упоминаемый в источниках под этнонимом «дикари» (Sauvages), сослужил истцам неблагоприятную службу (Gagnon 2019: 180). Действительно, если в силу исчезновения монтанье формируется новое единственное автохтонное сообщество «дикарей», то, получается, метисам парадоксальным образом не остается места в данной этнической картине. Бушар со сторонниками диспарационистскими выкладками сами загнали себя в ловушку. Таким образом, термин «дикарь» оказался благоприятен в контексте сказанного экспертами прокурора и неблагоприятен для стороны метисов.

Судья также решил, что первая волна этногенеза метисов, по Бушар (до 1800 г.), – это скорее миф, нежели реальность, поскольку дети метисы Николя Пелтье оказывались ассимилированными индейцами. Следовательно, обществ метисов не сложилось. Не было семей метисов, рассредоточенных на обширной территории (Gagnon 2019: 180–181). Парадоксально, но здесь судья отверг диспарационистские тезисы Бушар, базируясь, по сути, на результатах исследований диспарациониста Доусона.

Д. Ганьон, обратившись непосредственно к экспертной оценке Руссо, отметил, что данный эксперт справедливо замечает следующее: выводы Бушар, согласно которым каждая семья колонистов – это «клан метисов», каждый отец (глава) семьи – «вождь клана», а каждая свадьба – «союз кланов», никак не доказывают, что сами эти люди идентифицировали себя как метисы. Сам Ганьон видит в использовании этих терминов-конструктов исторический факт только в воображении Бушар и считает, что они не могут быть доказательством самоидентификации. Характер идентичности в суде может быть не только юридическим и законодательным, но и контекстуальным, как показывает теория и практика (Gagnon 2019: 181).

Подводя итоги, надо отметить, что Р.-А. Бушар и Н.-М. Доусон, вероятно, используют диспарационизм каждый в своих целях. Бушар он представляется выгодным при достижении главной цели – признания сообщества метисов Шикутими. Ход мыслей исследователя таков: автохтонное население исчезает, его остатки смешиваются с евроканадцами, в результате чего формируется новый народ – метисы. Первые нации, в частности илну Маштеуиача, хотя и имеют автохтонную идентичность, на самом деле являются такими же метисами. Поэтому те

права, блага и льготы, которыми они пользуются на основе права предков, должны распространяться и на остальных метисов. Свой диспарационизм и метисную проблематику Доусон использует несколько иначе. Позволю себе с осторожностью предположить, что он, являясь автором, пишущим экспертные отчеты для компании «Гидро-Квебек», может быть и не напрямую, но все же представляет ее интересы (Воробьев 2021: 133). Кратко суть их такова: если современные автохтоны не являются преемниками тех «исчезнувших» автохтонов, которые жили здесь до начала колонизации, а метисное сообщество на этой территории так и не сложилось, то ни те ни другие не обладают правом предков, и компания может не выплачивать ни тем ни другим дорогостоящие компенсации за отторгнутые для гидростроительства земли. Однако в то же время данное предположение никоим образом не исключает того, что оба автора искренне уверены в правоте своих выводов в исключительно научном плане.

Думается, что все же существование сообщества метисов, по крайней мере на современном этапе, отрицать никак нельзя. Надо согласиться с К. Желина, который пишет о неразработанности методологии выявления метисных сообществ в прошлом. Однако, подчеркивает Желина, область исследований о метисах в истории Квебека еще очень молода. Исследований мало, но их увеличение за последние годы позволяет улучшить парадигму, по которой прошлое людей смешанного происхождения станет яснее. Очень интересно наблюдать тенденции интерпретаций, возникающих в обоснованиях притязаний. Таким образом, Желина не находит исторического сообщества метисов, но допускает, что в случае развития инструментария и исследовательского подхода нельзя исключить его выявления в будущем (Gélinas 2011: 147).

Суть попыток метисов Сагеня отстаивать свои интересы сводится, по сути, только к защите своего права на промысел. По замечанию М. Кука, для Квебека характерна ситуация, когда автохтоны и неавтохтоны проживают на одной территории в сельской местности, где их интересы часто пересекаются. В этих условиях неравный доступ к естественным ресурсам, например ограничение права на охоту и рыбную ловлю для одних категорий населения и отсутствие таковых для других, провоцирует конфликты (Cook 2013: 63–64). В 2004 г. было подписано соглашение, по которому за сообществами инну было признано право предков и право именоваться аборигенами, но пределы этих прав были четко прописаны. Таким образом, илну Маштеуича оказались в выгодном положении перед остальными своими соседями, охотничьи лагеря которых были признанными незаконными, а находящиеся на них зимовья снесены (Gélinas 2011: 146). Полагаю, в данной ситуации принцип справедливости оказался нарушен, и его восстановление в дальнейшем

путем признания пострадавших людей метисами видится мне желательным вариантом развития событий.

Примечания

¹ «Первые нации» (First Nations, Premiers nations) – так сейчас в Канаде называют коренных жителей, прежде именовавшихся индейцами, затем америндейцами (Amerindiens).

² Кот-Нор (Северное Побережье) – административный регион канадской провинции Квебек, занимающий территорию от берегов северной части низовья реки Св. Лаврентия и залива Св. Лаврентия до верховий впадающих в него рек. Подразделяется на суб-регионы Верхний, Средний и Нижний Кот-Нор.

³ По другим данным, с этими словами Шамплен обратился к вождю алгонкинов Капитаналу (Gagnon 2019: 102).

⁴ Королевский Домен – с середины XVII по начало XIX в. обширные таежные территории к северу от реки Св. Лаврентия, считавшиеся собственностью французской, затем английской короны. Вся деятельность на них, в первую очередь торговая, могла вестись только с позволения короля.

Список источников

- Воробьев Д.В.* Об одной дискуссии между квебекскими социальными антропологами и историками // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 113–140. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-113-140
- Федин А.В.* Стратегии аккультурации: политика францизации в контексте иезуитской миссии в Новой Франции в первой половине XVII века // Самарский научный вестник. 2016а. № 4 (17). С. 101–109. DOI: 10.17816/snv20164206
- Федин А.В.* Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII века. М.: Изд-во Ипполитова, 2016б.
- Beaulieu A.* Convertir les fils de Caïn. Jésuites et amérindiens nomades en Nouvelle France, 1632–1642. Québec: Nuit Blanche Éditeur, 1994.
- Bevilacqua P.* La ceinture fléchée et le caribou.... // Cap-aux-Diamants. 1994. № 37. P. 81.
- Bouchard R.-A.* Le dernier des Montagnais de la préhistoire au début du XVIIIe siècle: Vie et mort de la nation Innu. Chicoutimi: R. Bouchard, 1995.
- Bouchard R.-A.* La communauté de Chicoutimi, fondements historiques et culturels. Chicoutimi: R. Bouchard. 2005. URL: http://classiques.uqac.ca/collection_histoire_SLSJ/bouchard_russel/communaute_metisse_chicoutimi_2005/metis_chicoutimi.html
- Bouchard R.-A.* La longue marche du Peuple oublié... Ethnogenèse et spectre culturel du Peuple Métis de la Boréale. Chik8timih, Saguenay: R. Bouchard, 2006a.
- Bouchard R.-A.* Le peuple Métis de la Boréale: Un épiphénomène de civilisation. Chik8timith: R. Bouchard, 2006b.
- Bouchard R.-A.* Quand l'Ours Métis sort de la ouache. Conférence. Chik8timih, Saguenay: R. Bouchard, 2007.
- Bouchard R.-A.* Le peuple Métis de la Boréale. Évocation des textes fondateurs. Québec: R. Bouchard et les Éditions CORNAC, 2008.
- Coock M.* Les droits ancestraux autochtones: reconnaissance et contestation. La controverse entourant l' "Approche commune" // Recherches amérindiennes au Québec. 2013. Vol. 43, № 1. P. 59–68. URL: <https://id.erudit.org/iderudit/1024474ar>
- Dawson N.-M.* Feu, fourrures, fléaux et foi foudroyèrent les Montagnais. Sillery: Septentrion, 2005.
- Dawson N.-M.* Fourrures et forêts métissèrent les Montagnais. Regard sur les sang-mêlé au Royaume du Saguenay. Québec: Septentrion, 2011.

- Gagnon D. Le statut de Métis au Canada. Histoire, identité et enjeux sociaux. Québec: Presses de l'Université Laval, 2019.
- Gélinas C. Indiens, Eurocanadiens et le cadre de métissage au Saguenay – Lac-Saint-Jean, XVIIe–XXe siècles. Québec: Septentrion, 2011.
- Huot P. Les Métis de Boréale. Une présence autochtone au Québec // Rabaska. 2010. Vol. 8. P. 77–92. DOI: 10.7202/045256ar
- Rousseau L.-P. Ni tout l'un, ni tout l'autre. Rencontres, métissage et ethnogenèse au Saguenay – Lac-Saint-Jean 16e-17e siècles. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures et postdoctorales de l'Université Laval dans le cadre du programme de doctorat en histoire pour l'obtention du grade de Philosophiæ doctor (Ph.D.). Québec, 2012.

References

- Beaulieu A. (1994) *Convertir les fils de Caïn. Jésuites et amérindiens nomades en Nouvelle France, 1632–1642*. Québec: Nuit Blanche Éditeur.
- Bevilacqua P. (1994) La ceinture fléchée et le caribou..., *Cap-aux-Diamants*, no. 37, P. 81.
- Bouchard R.-A. (1995) *Le dernier des Montagnais de la préhistoire au début du XVIIIe siècle: Vie et mort de la nation Ilnu*. Chicoutimi: R. Bouchard.
- Bouchard R.-A. (2005) La communauté de Chicoutimi, fondements historiques et culturels. Chicoutimi: R. Bouchard. URL: http://classiques.uqac.ca/collection_histoire_SLSJ/bouchard_russel/communaute_metisse_chicoutimi_2005/metis_chicoutimi.html
- Bouchard R.-A. (2006a) *La longue marche du Peuple oublié ... Ethnogenèse et spectre culturel du Peuple Métis de la Boréale*. Chik8timih, Saguenay: R. Bouchard.
- Bouchard R.-A. (2006b) *Le peuple Métis de la Boréale: Un épiphénomène de civilisation*. Chik8timih: R. Bouchard.
- Bouchard R.-A. (2007) *Quand l'Ours Métis sort de la ouache. Conférence*. Chik8timih, Saguenay: R. Bouchard.
- Bouchard R.-A. (2008) *Le peuple Métis de la Boréale. Évocation des textes fondateurs*. Québec: R. Bouchard et les Éditions CORNAC.
- Cook M. (2013) Les droits ancestraux autochtones: reconnaissance et contestation. La controverse entourant l' "Approche commune", *Recherches amérindiennes au Québec*, Vol. 43, no. 1, pp. 59–68. URL: <https://id.erudit.org/iderudit/1024474ar>
- Dawson N.-M. (2005) *Feu, fourrures, fléaux et foi foudroyèrent les Montagnais*. Sillery: Septentrion.
- Dawson N.-M. (2011) *Fourrures et forêts métissèrent les Montagnais. Regard sur les sang-mêlé au Royaume du Saguenay*. Québec: Septentrion.
- Fedin A.V. (2016a) Strategii akkul'turatsii: politika frantsizatsii v kontekste iezuitskoi missii v Novoi Frantsii v pervoi polovine XVII veka [Acculturation Strategies: A Policy of Francization in a Context of Jesuit Mission in New France in First Half of the XVII Century], *Samara Journal of Science*, no. 4(17), pp. 101–109. DOI: 10.17816/snv20164206
- Fedin A.V. (2016b) *Iezuitskaia missiia v Novoi Frantsii v pervoi polovine XVII veka* [Jesuit Mission in New France in the First Half of the 17th Century]. Moscow: Ippolitov Publishing House.
- Gagnon D. (2019) *Le statut de Métis au Canada. Histoire, identité et enjeux sociaux*. Québec: Presses de l'Université Laval.
- Gélinas C. (2011) *Indiens, Eurocanadiens et le cadre de métissage au Saguenay – Lac-Saint-Jean, XVIIe–XXe siècles*. Québec: Septentrion.
- Huot P. (2010) Les Métis de Boréale. Une présence autochtone au Québec, *Rabaska*, Vol. 8, pp. 77–92. DOI: 10.7202/045256ar
- Rousseau L.-P. (2012) *Ni tout l'un, ni tout l'autre. Rencontres, métissage et ethnogenèse au Saguenay – Lac-Saint-Jean 16e-17e siècles*. Thèse présentée à la Faculté des études su-

périeures et postdoctorales de l'Université Laval dans le cadre du programme de doctorat en histoire pour l'obtention du grade de Philosophiæ doctor (Ph.D.). Québec.

Vorobiev D.V. (2021) Ob odnoy diskussii mezhdru kvebekskimi sotsialnymi antropologami i istorikami [A Discussion between Quebecois Social Anthropologists and Historians], *Antropologicheskij forum*, no. 51, pp. 113–140. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-113-140.

Сведения об авторе:

ВОРОБЬЁВ Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: pakamagan@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Denis V. Vorobiev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: pakamagan@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 5 ноября 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 5.11.2021;
accepted for publication 01.04.2022.*

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 314.6:392
doi: 10.17223/2312461X/35/8

МАТРИЛАТЕРАЛЬНЫЙ РОДСТВЕННЫЙ ВКЛАД ВО ВНУКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ. ДИСКРИМИНАЦИЯ ПОТОМКОВ ЖЕНСКОГО ПОЛА СО СТОРОНЫ БАБУШЕК И ДЕДУШЕК

Ольга Владимировна Семенова¹,
Марина Львовна Бутовская^{2,3}

^{1,3} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

¹ *m4248296@yandex.ru*

^{2,3} *marina.butovskaya@gmail.com*

Аннотация. Поднимаются актуальные вопросы о направленности и выраженности родственных вкладов во внуков в зависимости от стороны родства и пола ребенка. Дается краткое теоретическое обоснование присутствия фаворитизма и дискриминации в отношении внуков с позиций эволюционной антропологии. Предложены две гипотезы, объясняющие явление фаворитизма прародителей в отношении внуков: 1) гипотеза о предпочтении инвестиций в потомство с достоверно более высокой долей вероятности родства; 2) гипотеза о распределении родственного вклада согласно несимметричному наследованию половых хромосом внуками и внучками.

В процессе исследовательской работы авторами собрано и проанализировано 317 анкет россиян. Количественный анализ данных подтвердил гипотезу о предпочтении инвестиций в наиболее достоверно родственное потомство: родители матери оказывали статистически больше помощи в воспитании внуков, нежели родители отца. Во второй части исследования доказано присутствие фаворитизма внуков мужского пола и дискриминация внуков женского пола прародителями по обеим сторонам родства. Гипотеза о распределении родственного вклада согласно дифференцированному наследованию половых хромосом не получила подтверждения. При этом отмечено чередование пола реципиента родственных инвестиций внутри структуры межпоколенных взаимоотношений: родственный вклад направляется в семью дочери, но преимущественно нацелен на внука(ов) мужского пола.

Ключевые слова: забота о ребенке, вклад прародителей, родственный отбор, неуверенность в отцовстве, матрилатеральность, внуки, бабушки, родственный вклад

Источник финансирования: работа подготовлена в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН (ОС), а также в рамках проекта ЦФИ НИУ ВШЭ, проект №121051200258-5 (МБ).

Для цитирования: Семенова О.В., Бутовская М.Л. Матрилатеральный родственный вклад во внуков в современной российской семье. Дискриминация потомков женского пола со стороны бабушек и дедушек // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 138–155. doi: 10.17223/2312461X/35/8

Original article
doi: 10.17223/2312461X/35/8

Matrilateral effect of grandparental care and discriminative investment against granddaughters in modern Russian families

Olga V. Semenova¹, Marina L. Butovskaya^{2,3}

^{1,3} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

² *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

¹ *m4248296@yandex.ru*

^{2,3} *marina.butovskaya@gmail.com*

Abstract. In this article theoretical questions of discriminant investment in grandchildren, depending on the side of the kin and on the sex of the child, are discussed. Authors analyzed two theories that explain the phenomenon of preferential investment in grandchildren: (1) investment in more certain kin based on a premise of less certain genetic relatedness with the children and grandchildren along paternal lineages (2) preferential grandparental investment according to the asymmetric inheritance of the sex chromosomes by grandchildren. The preferential investment hypothesis studied in contemporary Russia is based on self-reported grandparental provision of childcare. The data related to research task was collected in 2016–18 in Moscow region. 317 Russian citizens comprise the sample size.

The results show no support for the type of sex discrimination of grandchildren that was predicted by sex chromosomal relatedness theories but do provide support for the paternity uncertainty theory and following investment in more certain kin. Maternal grandparents provide significantly greater amount of help in raising grandchildren than paternal grandparents. In the second part of analyses, convincing evidence for discrimination against granddaughters and preferential investment in grandsons by both maternal and paternal grandparents has been found.

In addition, according to our findings in contemporary Russia kin behavior exhibits cross-generational rotation of recipient of kin investment: the grandparental investment refers to daughter's family, but mainly targets grandsons.

Keywords: child care, grandparental investment, kin selection, paternity uncertainty, relationship certainty, matrilinearity, grandparents, grandchildren

Financial Support: the work was carried out within the framework of the State Assignment of the Institute of Ethnology and Anthropology (IEA) of the Russian Academy of Sciences (OS), and with accordance to a study within CFI in the National Research University Higher School of Economics (HSE), the project №121051200258-5 (MB).

For citation: Semenova, O.V. & Butovskaya, M.L. (2022) Matrilateral effect of grandparental care and discriminative investment against granddaughters in modern Russian families. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 138–155. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/8

Введение

Эволюционная история человечества неразрывно связана с его репродуктивным и демографическим потенциалом (Kramer 2010). К физиологическим особенностям *Homo sapiens*, способствующим поступательному росту его популяционной численности, эволюционные антропологи относят короткие интервалы между родами у женщин и низкий процент смертности потомства (в традиционных обществах у человека дети в два раза чаще доживают до репродуктивного возраста по сравнению с современными человекообразными обезьянами) (Bogin, Smith 1996; Hill, Kaplan 1999; Kaplan et al. 2000). На индивидуальном уровне такая высокая плодовитость в большинстве случаев предполагает наличие у родителей нескольких детей. Хотя забота о множественном потомстве из одного помета – довольно частое явление среди млекопитающих, у человека родительская забота уникальна тем, что в семье одновременно присутствуют разновозрастные дети (Hewlett 1991; Hill, Hurtado 1996). Эти особенности материнства ставят вопрос об эффективном распределении ограниченного времени и ресурсов родителя между несколькими детьми с различного рода физиологическими и психологическими потребностями (Hill, Kaplan 1988; Hrdy 1999). Этапы развития и взросления детей также имеют выраженные особенности. У человека ребенок рождается абсолютно беспомощным, и его физические возможности минимальны. Элементарные пространственные перемещения, например переворот со спины на бок или на живот, младенец начинает выполнять только к третьему месяцу жизни. Период детства человека существенно удлинен в онтогенезе, а сексуальная зрелость наступает довольно поздно. В течение всего этого долгого периода дети остаются зависимыми от заботы и помощи взрослых (Bogin, Smith 1996).

Какие же особенности в биологии и социальном поведении человека позволили ему обеспечить эффективную заботу о таком расширенном семействе с разнообразными физическими, ресурсными и психологическими потребностями? Эволюционные антропологи полагают, что решение этой сложной репродуктивной задачи у нашего вида напрямую связано с возникновением феномена совместной заботы о потомстве, обусловленного нашей склонностью к сотрудничеству и кооперации и вовлеченностью множественных помощников в процесс воспитания подрастающего поколения (Бутовская 2013).

Важнейшей задачей в понимании поведения совместной заботы о потомстве у человека является определение агентов, участвующих в помощи матерям. В многочисленных кросс-культурных исследованиях такой помощи основное внимание уделялось прародителям (бабушкам и дедушкам) (Wheelock, Jones 2002; Blurton, Hawkes, O'Connell 2005; Mace, Sear 2005; Smorti, Tshiesner, Farneti 2012; Бутовская 2004).

В традиционных обществах бабушки и дедушки часто проживают в непосредственной близости от семьи или совместно. Наблюдения антропологов за семейным укладом такой расширенной трехпоколенной семьей свидетельствуют о том, что часто матери с новорожденными детьми сокращают временные затраты на работу по хозяйству, а бабушки берут на себя эти вспомогательные виды деятельности (Hawkes 1989; Hawkes, O'Connel, Blurton 1989, 1997; Hurtado et al. 1992; Leonetti, Nath 2005). Пожилые люди не только продолжают обеспечивать себя, но и производят излишки, в дальнейшем перераспределяемые внутри социальной родственной группы, преимущественно в пользу несовершеннолетних детей (Lee, Kramer 2002).

В биологии человека характерным сдвигом в репродуктивном цикле женщины стало появление менопаузы. Менопауза в выраженном виде у других современных приматов отсутствует (Бутовская 2004). С точки зрения эволюционной антропологии, высокий уровень инвестиций, обеспечиваемый бабушками, рассматривается в тесной связи с длительным периодом постменопаузы (Hawkes et al. 1997; Hawkes 2003; Kuzawa, Bragg 2012). Свободные от заботы о собственных маленьких детях женщины в постменопаузе помогают ухаживать за потомством своих дочерей и близких родственников. Вследствие этих теоретических построений была высказана так называемая гипотеза о заботливой бабушке, дающая эволюционное объяснение присутствию менопаузы в жизненном цикле женщин (Hawkes et al. 1997; Hawkes 2003; Lahdenperä et al. 2004).

Положительное влияние бабушки на репродуктивный успех дочерей было показано в исторических популяциях (Beise, Voland 2002; Jamison et al. 2002; Beise 2005), в традиционных обществах (Gibson, Mace 2005), а также в западных промышленно развитых странах (Pollet, Nettle, Nelissen 2006, 2007; Coall, Hilbrand, Hertwig 2014; Tanskanen, Rotkirch 2014).

Эволюционная основа помощи родителей в воспитании потомства своих детей интерпретируется как типичный пример родственного отбора. Согласно У. Гамильтону, у социальных видов, таких как люди, индивидуумы могут повысить собственную включенную приспособленность, оказывая поддержку своим родственникам, а следовательно, и альтруистические инвестиции в генетически родственных потомков явно адаптивны. Естественный отбор может способствовать распространению генов, которые обуславливают поведенческие модели поддержки репродукции родственных индивидов (Hamilton 1964).

Однако четыре старших родственника – две бабушки и два дедушки – имеют разную степень уверенности в генетическом родстве со своими внуками. На сегодняшний день в современных обществах отсутствие биологического родства среди отцов и детей может колебаться в пределах от 2 до 10% (Simmons et al. 2004; Anderson 2006; Voracek

2008), а согласно исследованию Марка Беллиса и соавт. – от 0,8 до 30% (Me 3,7%, $n = 17$) (Bellis et al. 2005). В то время как бабушки по материнской линии могут быть уверены в собственном материнстве, а также в материнстве своих дочерей, у деда по отцовской линии уверенность в генетическом родстве будет минимальной. Он не может быть уверен ни в своем отцовстве, ни в отцовстве своего сына (Euler, Weitzel 1996). Бабушка по отцовской линии и дед по материнской имеют одинаковую степень неопределенности в родственной связи с внуками. Эти различия в степени уверенности в родственной связи могут влиять на инвестиции дедушек и бабушек.

Впервые эволюционное объяснение различного уровня заботы о детях и внуках обосновал Р. Докинз (Dawkins 1989), предложив гипотезу о предпочтении инвестиций в наиболее достоверно родственное потомство (*англ.* preferential investment in more certain kin). И хотя относительно высокие родственные вклады бабушек по материнской линии и низкие – дедушек по отцу находят многочисленные подтверждения, одна из теоретических трудностей в представленной гипотезе заключается в том, что дедушки по материнской линии обычно вкладывают больше, чем бабушки по отцовской, хотя оба этих родственника имеют одинаковую степень уверенности в родстве в отношении внуков. Часто это объясняется косвенным влиянием супруги на деда по материнской линии: мужчины увеличивают свою вовлеченность в воспитательный процесс за счет своих жен – бабушек по материнской линии, оказывающих наибольшую долю заботы о внуках и внучках (Gaulin, McBurney, Brakeman-Wartell 1997; McBurney et al. 2002; Pollet et al. 2006).

Альтернативно больший вклад родственников с материнской стороны может быть объяснен сочетанием двух факторов: неопределенностью отцовства и фактором специализации репродуктивных стратегий каждого из полов. В частности, во всех известных обществах прямая забота о детях чаще осуществляется женщинами, нежели мужчинами, в связи с чем возникает так называемый матрилateralный эффект (Gaulin et al. 1997; Pashos, McBurney 2008). Принимая во внимание тот факт, что родительский вклад матери выше, чем отцовские инвестиции, прародители увеличивают свою приспособленность, помогая дочери, а та, в свою очередь, имеет возможность эффективнее заботиться о своих детях – внуках прародителей. Таким образом, и бабушки, и дедушки склонны к оказанию помощи именно дочерям (Euler, Weitzel 1996).

Фундаментальные различия между заботой старших родственников по материнской и отцовской линиям были обнаружены и зафиксированы. Так называемый дифференциальный вклад матрилинейных и патрилинейных прародителей был задокументирован среди исторических обществ (Beise, Voland 2002; Jamison et al. 2002; Kemkes-Grottenthaler 2005), равно как и среди современных обществ (Sear, Mace, MacGregor

2000; Gibson, Mace 2005; Laham, Gonsalkorale, von Hippel 2005; Michalski, Shackelford 2005; Chrastil et al. 2006; Strassman and Kurapati 2011).

Между тем поводом для дискриминации в уровне заботы о внуках может выступать не только прямой или косвенный показатель родства, но и пол ребенка. До настоящего времени лишь ограниченный круг работ исследовал разницу родственного вклада отдельно в мальчиков и девочек. Одно из возможных теоретических объяснений дифференцированного вклада бабушек и дедушек во внуков разного пола лежит в области генетики. Если принимать в расчет только аутосомы, бабушки и дедушки равноценно связаны родством со всеми своими внуками мужского и женского пола, чего нельзя сказать о половых хромосомах (рис. 1).

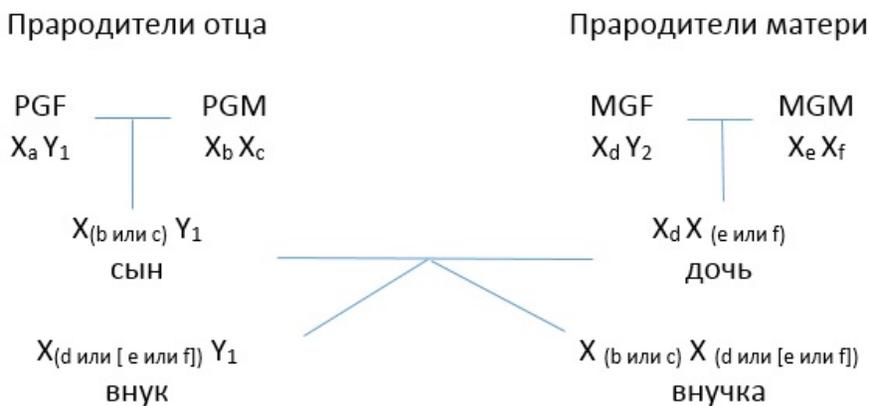

Рис. 1. Схема наследственной передачи половых хромосом между тремя поколениями. X и Y представляют половые хромосомы, буквами и цифрами обозначены варианты хромосом (Chrastil et al., 2006: 207)

Поскольку мужчины гетерозиготны по половым хромосомам, прародители не имеют симметричной родственной связи с внуками мужского и женского пола. Дедушки в среднем в большей степени связаны с внуками от сына, нежели с внучками (следует отметить, что небольшая область Y-хромосомы, как известно, обменивается материалом с X-хромосомой во время мейоза (Graves 2005), однако в настоящей статье мы рассматриваем этот фрагмент ДНК как часть аутосомного генома). Аналогично бабушки по отцу имеют большую процентную генетическую связь с внучками, нежели с внуками (Danielsbacka et al. 2011). Проверка последовательности в распределении заботы прародителей о внуках в зависимости от пола в настоящее время ограничена лишь несколькими исследованиями. Крупнейшее исследование в этом направлении представлено метаанализом семи популяций (Япония, Германия,

Англия, Эфиопия, Гамбия, Малави, Канада). Во всех семи популяциях эффект влияния бабушки подтвержден: мальчики выживают лучше в присутствии своей бабушки по матери, нежели бабушки по отцу, а во всех группах, кроме одной, бабушка по отцу оказывает более благотворное воздействие на девочек, чем на мальчиков (Fox et al. 2009).

В то же время исследование, проведенное в Швейцарии, не выявило присутствия манипулирования родственным вкладом во внуков в зависимости от пола ребенка. Однако исследователи указывают на разницу в степени заинтересованности жизнью внуков. В частности, прародители интересовались внуками мужского пола несколько больше, чем внучками, но полученная разница не была статистически значимой. Авторы склонны интерпретировать результаты исследования как подтверждающие гендерно-нейтральное отношение к внукам со стороны современных бабушек и дедушек (Höpflinger, Hummel, Hugentobler 2006). Исследование 2011 г., проведенное в Великобритании, также не подтверждает гипотезу о распределении родственного вклада согласно дифференцированному наследованию половых хромосом внуками и внучками (Tanskanen, Rotkirch 2011). Между тем авторы обнаружили, что бабушки по отцовской линии чаще демонстрируют абсолютный минимум вложений во внучек, что может быть интерпретировано как дискриминация внучек женского пола бабушками по отцовской линии (414). Анализ родственного вклада в американской и немецкой выборке с использованием данных опросников, в которых взрослым внукам предлагалось оценить количество и качество помощи их бабушек и дедушек, также не подтвердил гипотезу о распределении родственного вклада согласно дифференцированному наследованию половых хромосом. При анализе данных немецкой выборки выявлен фаворитизм внучек женского пола бабушками с обеих сторон родства. Американская выборка свидетельствует о предпочтении внуков мужского пола дедушкой по матери. Полученные в исследовании данные авторы интерпретируют как в целом соответствующие предсказаниям гипотезы о предпочтении инвестиций в наиболее достоверно родственное потомство (Chrastil et al. 2006).

Результаты исследований родственного вклада во внуков разного пола представляют, таким образом, мозаичную картину. Данные, поступающие из различных культурных сред, часто приносят противоречивые результаты. Имеются свидетельства как в пользу гипотезы о дифференцированном родственном вкладе согласно несимметричному наследованию половых хромосом внуками, так и ее опровержения, прежде всего вследствие широко наблюдаемого преобладания инвестиций в наиболее достоверно родственное потомство. Ситуация осложняется еще и тем, что исследование дифференцированного вклада во внуков разного пола проводится с применением различных подходов,

имеющих свои плюсы и минусы. Первый подход основан на изучении исторических записей, а также демографической информации, которая включает, помимо прочего, статистику выживаемости внуков в присутствии прародителей. Второй подход использует опросники для получения информации о современном населении. Считается, что исторические популяции в наибольшей степени советуют задачам анализа родственного вклада, так как на результаты выживаемости детей в прошлом не оказывала влияние современная медицина и контрацепция.

Использование исторической и демографической информации позволяет применить объективные методы оценки влияния бабушки и дедушки на выживание внуков, такие как жизнь и смерть. Между тем смерть детей лишь косвенным образом соотносится с присутствием бабушки или дедушки, а анализ исторических данных о выживших детях направлен прежде всего на наиболее яркие случаи негативной заботы (смерть внука). Опрос современного населения, однако, дает возможность фиксации более тонких различий в уровнях родственной заботы. В то же время такие замеры заботы более субъективны, поскольку испытуемых просят оценить заботу бабушки и дедушки на основе их воспоминаний детства. Такой подход более эффективен для выявления разницы инвестиций бабушек и дедушек, чем опрос самих прародителей (Hoffman 1980).

Поскольку основной задачей нашего исследования являлся анализ процессов в современной российской семье и порядка распределения родственного вклада в постиндустриальном обществе, в данной работе применен метод опроса населения. Разработанная авторами анкета, помимо базовых биосоциальных вопросов, включала вопросы об уровне прямой заботы прародителей по материнской и отцовской сторонам родства. Учитывая теоретические (матрилатеральный эффект заботы о внуках (Pashos, McBurney, 2008)) и эмпирические данные о преобладающем уровне участия женщин в прямой заботе о детях, данные о заботе прародителей собирались только по двум направлениям: матрилинейной и патрилинейной стороне родства, а не по четырем (две бабушки и два дедушки).

Несмотря на то, что в российской науке работы, изучающие и описывающие институт прародительства, широко представлены в рамках психологических и социальных дисциплин, на сегодняшний день в них отсутствуют исследования дискриминации в родственной заботе. Имеющиеся на сегодняшний день многочисленные статьи и монографии, изучающие участие прародителей в воспитании детей (см., напр., Семёнова 1996 и др.; Краснова 2000)), не направлены на количественный анализ и сравнение матрилинейных и патрилинейных родственников вкладов в заботу о внуках разного пола. В то же время в мировой научной литературе, в целом, работы в отношении дискриминации праро-

дителями внуков мужского или женского пола редки, а получаемые результаты противоречивы. В данной статье поднимается актуальный вопрос о направленности и выраженности родственных связей внутри трехпоколенной российской семьи. Полученные в процессе исследования данные обладают новизной, так как в отечественной науке лишь ограниченное количество работ затрагивает эту тематику (Бутовская, Бойко 2001).

Материалы и методы

В представленной работе используются результаты анкетирования 2016–2018 гг., проведенного авторами в Москве и Московской области. Анкета разработана и внедрена в практику в рамках исследования родительского и родственного вклада в современных российских семьях. В анкету вошли следующие вопросы, касающиеся прямой заботы прародителей респондентов:

«Как часто Ваши бабушки и дедушки сидели с Вами во время болезни?»

«Как часто Вы проводили каникулы у бабушек и дедушек?»

Ответы респондентов оценивались по пятибалльной шкале и при статистической обработке суммировались. Таким образом, максимальный уровень прямой заботы прародителей соответствовал 10 баллам.

Величина выборки составила 317 человек (мужчины – 103 человека; женщины – 214; средний возраст респондентов 25 лет). Выборка представляет собой репрезентативный срез российского общества. В нее вошли представители более 30 национальностей, детство которых прошло более чем в 180 различных населенных пунктах Российской Федерации.

Полученные в результате анкетирования данные проанализированы с помощью программы IBM SPSS-Statistics. Для статистического анализа мы применили следующие методы: 1) дисперсионный анализ четырех независимых групп; 2) сравнение средних для парных выборок; 3) *t*-критерий для двух независимых выборок.

Результаты и обсуждение

В первой части исследования мы проверили гипотезу о влиянии стороны родства на вклад прародителей во внуков. Согласно гипотезе о предпочтении инвестиций в наиболее достоверно родственное потомство и учитывая тот факт, что нами исследована преимущественно прямая забота, которую чаще всего оказывают женщины, мы ожидаем получить высокий уровень прямой заботы о внуках матрилинейными прародителями (предположительно прямая забота предоставлялась бабушкой по матери).

Для оценки матрилинейного и патрилинейного родственного вклада во внуков мы применили *t*-критерий Стьюдента для парных выборок. В результате обработки 261 анкеты получена статистически значимая разница в прямой заботе между родителями матери и родителями отца. Родители матери в среднем из 10 условных баллов родственной помощи оказывали заботу на 7,56 ($SE = 0,21$) балла, а родители отца – на 6,21 ($SE = 0,133$) балла. Таким образом, родители матери в большей степени помогают с воспитанием внуков, нежели родители отца ($t_{(Df = 260)} = 8,437$; $p < 0,01$). Доверительный интервал для разности в уровне заботы находится в следующем диапазоне: нижняя граница интервала = (1,04); верхняя граница = (1,67). Полученные значения интервала не содержат нуля. Это свидетельствует о том, что средняя разница между помощью родственников по материнской и отцовской сторонам с 95%-й вероятностью не составит 0. Таким образом, сравнение уровней заботы матрилинейных и патрилинейных старших родственников в современной России соответствует предсказанным гипотезам о более выраженном участии в воспитании детей матрилинейных прародителей, предпочитающих инвестиции в наиболее достоверно родственное потомство.

Во второй части работы определялось присутствие фаворитизма у старших родственников в отношении пола внуков. В частности, нас интересовало, какого пола внуки получают максимальный уровень прямой заботы и с какой стороны родства. Исследуемая выборка представлена четырьмя группами межпоколенных взаимодействий прародителей: 1) с девочками от дочери; 2) с девочками от сына; 3) с мальчиками от дочери; 4) с мальчиками от сына. Для проверки уровня родственного вклада, направляемого во внуков разного пола, мы применили дисперсионный анализ, в ходе которого была отклонена нулевая гипотеза о равенстве средних в четырех исследуемых группах.

Согласно полученным результатам, 10% всей вариабельности родственного вклада обусловлено разницей между нашими группами (полом ребенка и дочерней или сыновьей стороной родства). В результате дисперсионного анализа получен статистически значимый результат, подтверждающий разницу между средними в четырех исследованных группах ($F_{3,549} = 30,97$; $p < 0,01$).

Для определения того, между какими группами имеются различия, мы провели апостериорные сравнения с использованием критерия Games – Howell. В результате мы получили достоверное отличие уровня родственного вклада в девочек (внучек со стороны сына). Средние баллы родственной заботы о внучках минимальны ($M = 5,91$; $N = 191$) и статистически значимо отличаются от всех других групп. Попарное сравнение с тремя группами показало высокую достоверность ($p < 0,01$); средняя разность уровня заботы с внучками от дочерей =

(-1,57), с внуками от дочерей = (-2,205) и с внуками от сыновей = (-0,975) балла соответственно.

Также мы получили статистически значимое отличие вклада в мальчиков (внуков по линии дочери). Забота о внуке матрилинейными пра-родителями была наибольшей ($M = 8,12$; $N = 86$). Попарные сравнения средних с тремя группами достоверно отличались (значимость $p < 0,01$ для всех групп, кроме сравнения с группой девочек по материнской стороне, где $p = 0,032$). Средняя разность родственного вклада во всех случаях была положительна в пользу мальчиков (внуков) от дочерей, в частности: при сравнении с внучками от дочерей мальчики получали в среднем заботы больше на 0,634 балла; с внучками от сыновей – на 2,205 балла больше и с внуками от сыновей – на 1,23 балла больше.

Полученные в результате дисперсионного анализа результаты распределения средних уровней заботы между внуками представлены на рис. 2.

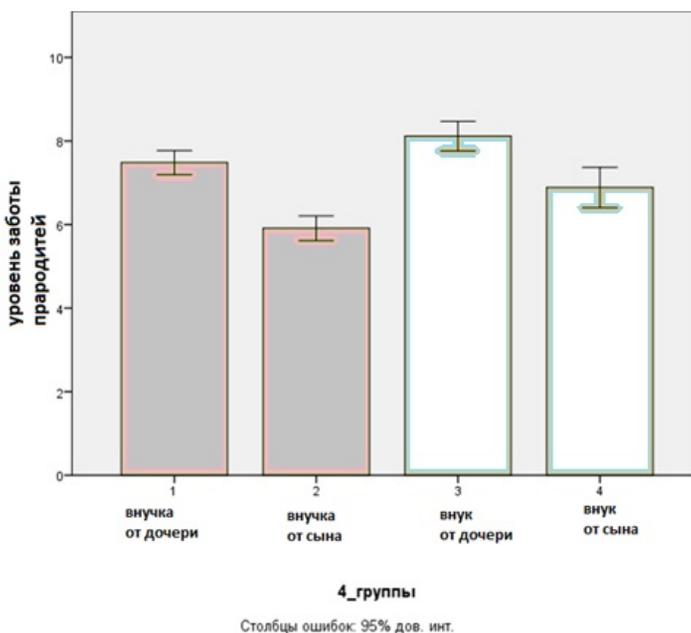

Рис. 2. Уровень родственной заботы старших родственников о внуках в зависимости от пола и стороны родства. Высота столбцов соответствует средним в каждой из групп. Отрезками показаны 95%-е доверительные интервалы средних величин

В результате проведенного анализа мы можем заключить, что максимальный уровень заботы получают мальчики от пра-родителей по материнской стороне, что частично согласуется с предсказанием гипотезы о дифференцированном родственном вкладе со стороны бабушек согласно несимметричному наследованию половых хромосом внуками разного пола.

Между тем ключевое предсказание о максимальном уровне прямой заботы, направляемой на внучку со стороны бабушки по отцу, не подтвердилось. Более того, нами получен результат, полностью противоположный предсказываемому теорией: девочка получает минимальный уровень заботы от прародителей по отцовской стороне.

Для определения наличия гендерных предпочтений у прародителей в отношении внуков, вне зависимости от стороны родства, мы провели попарное сравнение среднего уровня заботы, получаемого девочками и мальчиками.

Нами получена статистически значимая разница в уровне заботы старших родственников, направляемой на мальчиков и девочек. Девочки в среднем из 10 условных баллов родственной помощи получали 6,66 ($SE = 0,116$) балла, а мальчики – 7,48 ($SE = 0,146$) балла. По результатам анализа мы можем заключить, что мальчики являются более желанными внуками по сравнению с девочками. Уровень заботы, им оказываемый, достоверно выше ($F(Df = 551) = 5,041; p < 0,025$; доверительный интервал для разности: нижняя граница интервала = $(-1,196)$, верхняя граница = $(-1,448)$).

Заключение

Проведенные статистические расчеты подтверждают фундаментальные различия между заботой прародителей по материнской и отцовской линиям родства. Полученная разница во вкладе матрилинейных и патрилинейных родственников соответствует основным положениям гипотезы о предпочтении инвестиций в наиболее достоверно родственное потомство и согласуется с результатами предшествующих исследований (Pollet et al. 2006, 2007; Coall et al. 2014; Tanskanen, Rotkirch 2014). Таким образом, основываясь на проведенном анализе, мы можем сделать следующий вывод: в процессе воспитания подрастающего поколения распределение заботы внутри трехпоколенной российской семьи идет по материнской линии. В современной российской семье преобладает матрилатеральный родственный вклад во внуков.

Статистический анализ анкетных данных также показал достоверное присутствие фаворитизма и манипулирования родственным вкладом в зависимости от пола ребенка. Мы обнаружили наличие дискриминации в отношении внучатых детей женского пола и фаворитизма в отношении внуков мужского пола.

В результате выраженного присутствия дифференциации родственного вклада в наиболее достоверно родственное потомство (т.е. в семью дочери), а также вследствие выраженного фаворитизма внуков мужского пола наблюдается чередование пола реципиента родственных инвестиций внутри общей структуры трехпоколенной семьи. Таким

образом, родственный вклад направляется в семью дочери, однако нацелен преимущественно на внука мужского пола.

Между тем полученные данные о предпочтении внуков мужского пола противоречат высказанным ранее гипотезам о родственном фаворитизме, основанном на несимметричном наследовании половых хромосом внуками разного пола. Наши результаты также не согласуются с данными, полученными в ряде исследований европейских популяций, указывающими на гендерно-нейтральный порядок родственной заботы прауродителей в современных обществах.

В связи с вышесказанным и учитывая достоверность и однозначность полученных результатов, мы приходим к выводу, что выраженный фаворитизм в направлении внуков мужского пола бабушками и дедушками с обеих сторон родства может представлять специфический феномен, как минимум характерный для современного российского общества. В то же время без проведения идентичных исследований прямого родственного вклада в других популяциях и обществах сделать окончательный вывод как об уникальности данного явления, так и о причинах обнаруженной дискриминации родственным вкладом в девочек в российском современном обществе в рамках проведенного исследования не представляется возможным.

Список источников

- Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004.
- Бутовская М.Л.* Антропология пола. Фрязино: Век-2, 2013.
- Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю.* Родительский фаворитизм и особенности формирования стилей поведения у детей в зависимости от порядка рождения: биосоциальные аспекты // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 67–81.
- Краснова О.В.* Бабушки в семье // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 108–116.
- Семёнова В.В.* Бабушки: семейные и социальные функции прауродительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 326–354.
- Anderson K.* How well does paternity confidence match actual paternity? Evidence from worldwide nonpaternity rates // Current anthropology. 2006. Vol. 47, № 3. P. 513–20.
- Beise J.* The helping and the helpful grandmother // Grandmotherhood. The evolutionary significance of the second half of female life. 2005. P. 215–238.
- Beise J., Voland E.* A multilevel event history analysis of the effects of grandmothers on child mortality in a historical German population (Krummhörn, Ostfriesland, 1720–1874) // Demographic Research. 2002. № 7. P. 469–98.
- Bellis M.A., Hughes K., Hughes S., Ashton J.R.* Measuring paternal discrepancy and its public health consequences // Journal of Epidemiology & Community Health. 2005. Vol. 59, № 9. P. 749–54.
- Blurton J.N.G., Hawkes K., O'Connell J.F.* Older Hadza men and women as helpers: residence data // Hunter-gatherer childhoods: Evolutionary, developmental and cultural perspectives. 2005. P. 214–236.
- Bogin B., Smith B.H.* Evolution of the human life cycle // American Journal of Human Biology: The Official Journal of the Human Biology Association. 1996. Vol. 8, № 6. P. 703–716.

- Chrastil E.R. et al.* Paternity uncertainty overrides sex chromosome selection for preferential grandparenting // *Evolution and Human Behavior*. 2006. Vol. 27, № 3. P. 206–223.
- Coall D.A., Hilbrand S., Hertwig R.* Predictors of grandparental investment decisions in contemporary Europe: Biological relatedness and beyond // *PlosOne*. 2014. Vol. 9, № 1. P. e84082.
- Danielsbacka M. et al.* Grandparental child care in Europe: Evidence for preferential investment in more certain kin // *Evolutionary Psychology*. 2011. Vol. 9, № 1. P. 14747.
- Dawkins R.* *The Selfish Gene*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Dawkins R., Carlisle T.R.* Parental investment, mate desertion and a fallacy // *Nature*. 1976. Vol. 262, № 5564. P. 131.
- Euler H.A., Weitzel B.* Discriminative grandparental solicitude as reproductive strategy // *Human Nature*. 1996. Vol. 7, № 1. P. 39–59.
- Fox M. et al.* Grandma plays favourites: X-chromosome relatedness and sex-specific childhood mortality // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2009. Vol. 277, № 1681. P. 567–573.
- Gaulin St.J.C., McBurney D.H. Brakeman-Wartell St.L.* Matrilateral biases in the investment of aunts and uncles // *Human Nature*. 1997. Vol. 8, № 2. P. 139–151.
- Gibson M.A., Mace R.* Helpful grandmothers in rural Ethiopia: A study of the effect of kin on child survival and growth // *Evolution and Human Behavior*. 2005. Vol. 26, № 6. P. 469–482.
- Graves J.A.* Recycling the Y chromosome // *Science*. 2005. № 307 (5706). P. 50–51.
- Hamilton W.D.* The genetical evolution of social behaviour. II // *Journal of theoretical biology*. 1964. Vol. 7, № 1. P. 17–52.
- Hawkes K., O'Connell J.F., Blurton J.N.G.* Hadza women's time allocation, offspring provisioning, and the evolution of long postmenopausal life spans // *Current Anthropology*. 1997. Vol. 38, № 4. P. 551–577.
- Hawkes K.* Hardworking Hadza grandmothers in Comparative socioecology: The behavioral ecology of Humans and Other Mammals / ed. by V. Standen, R.A. Foley. London, 1989. P. 341–366.
- Hawkes K.* Grandmothers and the evolution of human longevity // *American journal of human biology*. 2003. Vol. 15, № 3. P. 380–400.
- Hewlett S.A.* *When the bough breaks: The cost of neglecting our children*. New York: Basic Books, 1991.
- Hill K., Hurtado A.M.* *Ache Life History: The Ecology and Demography of a Foraging People*. New York: Aldine de Gruyter, Inc., 1996. 561 p.
- Hill K., Kaplan H.* Tradeoffs in male and female reproductive strategies among the Ache: Part 1 // *Human reproductive behavior*. 1988. P. 277–290.
- Hill K., Kaplan H.* Life history traits in humans: Theory and empirical studies // *Annual review of anthropology*. 1999. Vol. 28, № 1. P. 397–430.
- Hoffman E.* Young adults' relations with their grandparents: An exploratory study // *The International Journal of Aging and Human Development*. 1980. Vol. 10, № 3. P. 299–310.
- Höpflinger F., Hummel C., Hugentobler V.* *Enkelkinder und ihre Grosseltern: intergenerationelle Beziehungen im Wandel*. Zürich: Seismo, 2006.
- Hrdy S.B.* *Mother nature: A history of mothers, infants, and natural selection*. N.Y., 1999. P. 315.
- Hurtado A.M., Hill K., Hurtado I., Kaplan H.* Trade-offs between female food acquisition and child care among Hiwi and Ache foragers // *Human Nature*. 1992. Vol. 3, № 3. P. 185–216.
- Jamison Ch.S. et al.* Are all grandmothers equal? A review and a preliminary test of the “grandmother hypothesis” in Tokugawa Japan // *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists*. 2002. Vol. 119, № 1. P. 67–76.
- Kaplan H. et al.* A theory of human life history evolution: diet, intelligence, and longevity // *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. 2000. Vol. 9, № 4. P. 156–185.

- Kemkes-Grottenthaler A.* The short die young: the interrelationship between stature and longevity—evidence from skeletal remains // *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists*. 2005. Vol. 128, № 2. P. 340–347.
- Kramer K.L.* Cooperative breeding and its significance to the demographic success of humans // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39. P. 417–436.
- Kuzawa Ch.W., Bragg J.M.* Plasticity in human life history strategy: Implications for contemporary human variation and the evolution of genus *Homo* // *Current Anthropology*. 2012. Vol. 53, № S6. P. S369–S382.
- Laham S.M., Gonsalkorale K., von Hippel W.* Darwinian grandparenting: Preferential investment in more certain kin // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31, № 1. P. 63–72.
- Lahdenperä M. et al.* Fitness benefits of prolonged post-reproductive lifespan in women // *Nature*. 2004. Vol. 428, № 6979. P. 178.
- Lee R.D., Kramer K.L.* Children's economic roles in the Maya family life cycle: Cain, Caldwell, and Chayanov revisited // *Population and development review*. 2002. Vol. 28, № 3. P. 475–499.
- Leonetti D.L., Nath D.C.* Kinship Organization and the Impact of Grandmothers on Reproductive // *Grandmotherhood: The evolutionary significance of the second half of female life*. 2005. P. 194.
- Mace R., Sear R.* Are humans cooperative breeders // *Grandmotherhood. The evolutionary significance of the second half of female life* / eds. by E. Voland, A. Chasiotis, W. Schiefelhoevel. 2005. P. 143–159.
- McBurney D.H. et al.* Matrilateral biases in the investment of aunts and uncles // *Human Nature*. 2002. Vol. 13, № 3. P. 391–402.
- Michalski R.L., Shackelford T.K.* Grandparental investment as a function of relational uncertainty and emotional closeness with parents // *Human Nature*. 2005. Vol. 16, № 3. P. 293–305.
- Pashos A., McBurney D.H.* Kin relationships and the caregiving biases of grandparents, aunts, and uncles // *Human Nature*. 2008. Vol. 19, № 3. P. 311–330.
- Pollet T.V., Nettle D., Nelissen M.* Contact frequencies between grandparents and grandchildren in a modern society: Estimates of the impact of paternity uncertainty // *Journal of Cultural and Evolutionary Psychology*. 2006. Vol. 4, № 3–4. P. 203–213.
- Pollet Th.V., Nettle D., Nelissen M.* Maternal grandmothers do go the extra mile: Factoring distance and lineage into differential contact with grandchildren // *Evolutionary Psychology*. 2007. Vol. 5, № 4. P. 147.
- Sear R., Mace R., McGregor I.A.* Maternal grandmothers improve nutritional status and survival of children in rural Gambia // *Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*. 2000. Vol. 267, № 1453. P. 1641–1647.
- Simmons L.W. et al.* Human sperm competition: testis size, sperm production and rates of extrapair copulations // *Animal Behaviour*. 2004. Vol. 68, № 2. P. 297–302.
- Smorti M., Tschiesner R., Farneti A.* Grandparents-grandchildren relationship // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 46. P. 895–898.
- Strassmann B.I., Kurapati N.T.* What explains patrilineal cooperation? // *Current Anthropology*. 2016. Vol. 57, № S13. P. 118–130.
- Tanskanen A.O., Rotkirch A.* The impact of grandparental investment on mothers' fertility intentions in four European countries // *Demographic research*. 2014. Vol. 31. P. 1–26.
- Voracek M., Haubner T., Fisher M.L.* Recent decline in nonpaternity rates: a cross-temporal meta-analysis // *Psychological reports*. 2008. Vol. 103, № 3. P. 799–811.
- Wheelock J., Jones K.* “Grandparents are the next best thing”: informal childcare for working parents in urban Britain // *Journal of Social Policy*. 2002. Vol. 31, № 3. P. 441–463.

References

- Anderson K. (2006) *How well does paternity confidence match actual paternity? Evidence from worldwide nonpaternity rates*. *Current anthropology*. Vol. 47, No 3, pp. 513–20.
- Beise J. (2005) The helping and the helpful grandmother. In: *Grandmotherhood. The evolutionary significance of the second half of female life*, pp. 215–238.
- Beise J., Volland E. (2002) A multilevel event history analysis of the effects of grandmothers on child mortality in a historical German population (Krummhörn, Ostfriesland, 1720–1874). *Demographic Research*, No 7, pp. 469–98.
- Bellis M.A., Hughes K., Hughes S., Ashton J.R. (2005) Measuring paternal discrepancy and its public health consequences. *Journal of Epidemiology & Community Health*, Vol. 59, No 9, pp. 749–54.
- Blurton J.N.G., Hawkes K., O'Connell J.F. (2005) Older Hadza men and women as helpers: residence data. In: *Hunter-gatherer childhoods: Evolutionary, developmental and cultural perspectives*, pp. 214–236.
- Bogin B., Smith B.H. (1996) Evolution of the human life cycle, *American Journal of Human Biology: The Official Journal of the Human Biology Association*, Vol. 8, No 6, pp. 703–716.
- Butovskaia M.L. (2004) *Iazyk tela: priroda i kul'tura* [Body Language: Nature and Culture]. Nauchnyi mir.
- Butovskaia M.L. (2013) *Antropologiya pola* [Anthropology of Sex]. Friazino: Vek-2.
- Butovskaia M.L., Boiko E.Iu. (2001) Roditel'skii favoritizm i osobennosti formirovaniia stilei povedeniia u detei v zavisimosti ot poriadka rozhdeniia: biosotsial'nye aspekty [Parental Favoritism and Peculiarities of the Formation of Behavioral Styles in Children Depending on the Birth Order: Biosocial Aspects], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 67–81.
- Chrastil E.R. et al. (2006) Paternity uncertainty overrides sex chromosome selection for preferential grandparenting. *Evolution and Human Behavior*, Vol. 27, No 3, pp. 206–223.
- Coall D.A., Hilbrand S., Hertwig R. (2014) Predictors of grandparental investment decisions in contemporary Europe: Biological relatedness and beyond, *PloS one*, Vol. 9, No 1, P. e84082.
- Danielsbacka M. et al. (2011) Grandparental child care in Europe: Evidence for preferential investment in more certain kin, *Evolutionary Psychology*, Vol. 9, No 1, P. 14747.
- Dawkins R. (1989) *The Selfish Gene*, 2nd ed. Oxford University Press, Oxford.
- Dawkins R., Carlisle T.R. (1976) Parental investment, mate desertion and a fallacy, *Nature*, Vol. 262, No 5564, pp. 131.
- Euler H.A., Weitzel B. (1996) Discriminative grandparental solicitude as reproductive strategy, *Hu Nat*, Vol. 7, No 1. P. 39–59.
- Fox M. et al. (2009) Grandma plays favorites: X-chromosome relatedness and sex-specific childhood mortality, *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, Vol. 277, No 1681, pp. 567–573.
- Gaulin St.J.C., McBurney D.H. Brakeman-Wartell St.L. (1997) Matrilateral biases in the investment of aunts and uncles, *Human Nature*, Vol. 8, No 2, pp. 139–151.
- Gibson M. A., Mace R. (2005) Helpful grandmothers in rural Ethiopia: A study of the effect of kin on child survival and growth, *Evolution and Human Behavior*, Vol. 26, No 6, pp. 469–482.
- Graves J.A. (2005) Recycling the Y chromosome. *Science*, No 307 (5706), pp. 50–51.
- Hamilton W.D. The genetical evolution of social behaviour. II, *Journal of theoretical biology*, 1964, Vol. 7, No 1, pp. 17–52.
- Hawkes K., O'Connell J.F., Blurton Jones N.G. (1997) Hadza women's time allocation, offspring provisioning, and the evolution of long postmenopausal life spans, *Current Anthropology*, Vol. 38, No 4, pp. 551–577.
- Hawkes K. (1989) *Hardworking Hadza grandmothers in Comparative socioecology: The behavioral ecology of Humans and Other Mammals*. Ed. by V. Standen, R.A. Foley. London, 1989, pp. 341–366.

- Hawkes K. (2003) Grandmothers and the evolution of human longevity, *American journal of human biology*, Vol. 15, No 3, pp. 380–400.
- Hewlett S.A. (1991) *When the bough breaks: The cost of neglecting our children*. New York: Basic Books.
- Hill K., Hurtado A.M. (1996) Ache Life History: The Ecology and Demography of a Foraging People. New York: Aldine de Gruyter, Inc. 561 p.
- Hill K., Kaplan H. (1988) Tradeoffs in male and female reproductive strategies among the Ache: Part 1, *Human reproductive behavior*, pp. 277–290.
- Hill K., Kaplan H. (1999) Life history traits in humans: Theory and empirical studies, *Annual review of anthropology*, Vol. 28, No 1, pp. 397–430.
- Hoffman E. (1980) Young adults' relations with their grandparents: An exploratory study. *The International Journal of Aging and Human Development*, Vol. 10, No 3, pp. 299–310.
- Höpflinger, F., Hummel C., Hugentobler V. (2006) *Enkelkinder und ihre Grosseltern: intergenerationelle Beziehungen im Wandel*. Zürich: Seismo.
- Hrdy S.B. (1999) *Mother nature: A history of mothers, infants, and natural selection*. New York.
- Hurtado A.M., Hill K., Hurtado I., Kaplan H. (1992) Trade-offs between female food acquisition and child care among Hiwi and Ache foragers. *Human Nature*, Vol. 3, No 3, pp. 185–216.
- Jamison Ch.S. et al. (2002) Are all grandmothers equal? A review and a preliminary test of the “grandmother hypothesis” in Tokugawa Japan, *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists*, Vol. 119, No 1, pp. 67–76.
- Kaplan H., et al. (2000) A theory of human life history evolution: diet, intelligence, and longevity, *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, Vol. 9, No 4, pp. 156–185.
- Kemkes-Grottenthaler A. (2005) The short die young: the interrelationship between stature and longevity—evidence from skeletal remains, *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists*, Vol. 128, No 2, pp. 340–347.
- Kramer K.L. (2010) Cooperative breeding and its significance to the demographic success of humans, *Annual Review of Anthropology*, Vol. 39, pp. 417–436.
- Krasnova O.V. (2000) Babushki v sem'e [Grandmothers in the Family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 108–116.
- Kuzawa Ch.W., Bragg J.M. (2012) Plasticity in human life history strategy: Implications for contemporary human variation and the evolution of genus Homo, *Current Anthropology*, Vol. 53, No S6, pp. S369–S382.
- Laham S.M., Gonsalkorale K., von Hippel W. (2005) Darwinian grandparenting: Preferential investment in more certain kin, *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 31, No 1, pp. 63–72.
- Lahdenperä M. et al. (2004) Fitness benefits of prolonged post-reproductive lifespan in women, *Nature*, Vol. 428, No 6979, P. 178.
- Lee R.D., Kramer K.L. (2002) Children's economic roles in the Maya family life cycle: Cain, Caldwell, and Chayanov revisited. *Population and development review*, Vol. 28, No 3, pp. 475–499.
- Leonetti D.L., Nath D.C. (2005) Kinship Organization and the Impact of Grandmothers on Reproductive. In: *Grandmotherhood: The evolutionary significance of the second half of female life*, ed. E. Volland, A. Chasiotis & W. Schiefenhoewel, P. 194.
- Mace R., Sear R. (2005) Are humans cooperative breeders. In: *Grandmotherhood. The evolutionary significance of the second half of female life*, ed. E. Volland, A. Chasiotis & W. Schiefenhoewel, pp. 143–159.
- McBurney D.H. et al. (2002) Matrilateral biases in the investment of aunts and uncles, *Human Nature*, Vol. 13, No 3, pp. 391–402.
- Michalski R.L., Shackelford T.K. (2005) Grandparental investment as a function of relational uncertainty and emotional closeness with parents, *Human Nature*, Vol. 16, No 3, pp. 293–305.
- Pashos A., McBurney D.H. (2008) Kin relationships and the caregiving biases of grandparents, aunts, and uncles, *Human Nature*, Vol. 19, No 3, pp. 311–330.

- Pollet T.V., Nettle D., Nelissen M. (2006) Contact frequencies between grandparents and grandchildren in a modern society: Estimates of the impact of paternity uncertainty. *Journal of Cultural and Evolutionary Psychology*, Vol. 4, No 3–4, pp. 203–213.
- Pollet Th.V., Nettle D., Nelissen M. (2007) Maternal grandmothers do go the extra mile: Factoring distance and lineage into differential contact with grandchildren, *Evolutionary Psychology*, Vol. 5, No 4, P. 147.
- Sear R., Mace R., McGregor I.A. (2000) Maternal grandmothers improve nutritional status and survival of children in rural Gambia, *Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, Vol. 267, No1453, pp. 1641–1647.
- Semenova V.V. (1996) Babushki: semeinye i sotsial'nye funktsii praroditel'skogo pokoleniia [Grandmothers: Family and Social Functions of the Grandparental Generation]. In: *Sud'by liudei: Rossiia XX vek. Biografii semei kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniia* [People's fates: Russia 20th Century. Family Biographies as an Object of Sociological Research]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 326–354.
- Simmons L.W. et al. (2004) Human sperm competition: testis size, sperm production and rates of extrapair copulations, *Animal Behaviour*, Vol. 68, No 2, pp. 297–302.
- Smorti M., Tschiesner R., Farneti A. (2012) Grandparents-grandchildren relationship, *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, Vol. 46, pp. 895–898.
- Strassmann B.L., Kurapati N.T. (2016) What explains patrilineal cooperation? *Current Anthropology*, Vol. 57, No S13, pp. 118–130.
- Tanskanen A.O., Rotkirch A. (2014) The impact of grandparental investment on mothers' fertility intentions in four European countries, *Demographic research*, Vol. 31, pp. 1–26.
- Voracek M., Haubner T., Fisher M.L. (2008) Recent decline in nonpaternity rates: a cross-temporal meta-analysis, *Psychological reports*, Vol. 103, No 3, pp. 799–811.
- Wheelock J., Jones K. (2002) "Grandparents are the next best thing": informal childcare for working parents in urban Britain, *Journal of Social Policy*, Vol. 31, No 3, pp. 441–463.

Сведения об авторах:

СЕМЕНОВА Ольга Владимировна – аспирант, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: m4248296@yandex.ru

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – член-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором кросс-культурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); главный научный сотрудник международного центра антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Olga V. Semenova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: m4248296@yandex.ru

Marina L. Butovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25 марта 2019 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 25.03.2019;
accepted for publication 01.04.2022.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/2312461X/35/9

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОХОТНИЧЬЕГО ВООРУЖЕНИЯ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ ИЗ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Владимир Михайлович Харевич¹,
Лидия Викторовна Зоткина²,
Алена Владимировна Харевич³,
Ксения Анатольевна Колобова⁴

^{1, 2, 3, 4} *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*
¹ *mihalich84@mail.ru*
² *lidiazotkina@gmail.com*
³ *aliona.shalagina@yandex.ru*
⁴ *kolobovak@yandex.ru*

Аннотация. В предлагаемой статье приводятся первые для территории Северной и Центральной Азии результаты экспериментальных реконструкций охоты неандертальцев. Мы реконструировали контактную охоту неандертальцев Чагырской пещеры на бизонов и более мелких травоядных. С этой целью была подготовлена эталонная коллекция ретушированных остроконечников в рамках технологии расщепления, представленной в археологических комплексах памятника. Остроконечники крепились на дровяки из березы и ивы с помощью органических материалов – смолы и лыка. Для моделирования процесса охоты экспериментальные копыя использовались для нанесения ударов по тушам барана и быка. В результате на орудиях из эталонной коллекции образовались сломы и характерные следы использования. Применение трасологического метода показало большие перспективы изучения макропризнаков по сравнению с микроанализом. На экспериментальных и археологических артефактах был зафиксирован износ, который характерен скорее для контактной охоты. Наши результаты являются предварительными и требуют дальнейших экспериментов и трасологического анализа.

Ключевые слова: неандертальцы, Северная Азия, охотничье вооружение, охотничьи стратегии, экспериментально-трасологический метод

Благодарности: Экспериментальное моделирование было выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-09-40070. Аналитическая работа и трасологические исследования были выполнены при финансовой поддержке гранта РНФ 21-18-00376.

Для цитирования: Харевич В.М., Зоткина Л.В., Харевич А.В., Колобова К.А. Предварительные результаты экспериментальных исследований охотничьего вооружения неандертальцев из Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 156–169. doi: 10.17223/2312461X/35/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/9

Preliminary results of experimental study of Neanderthal's hunting weapons from Chagyrskaya Cave

Vladimir M. Kharevich¹, Lidia V. Zotkina²,
Alena V. Kharevich³, Ksenia A. Kolobova⁴

^{1, 2, 3, 4} *Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *mihalich84@mail.ru*

² *lidiazotkina@gmail.com*

³ *aliona.shalagina@yandex.ru*

⁴ *kolobovak@yandex.ru*

Abstract. The proposed article presents the first for the territory of Northern and Central Asia results of experimental reconstructions of Neanderthal hunting. We reconstructed the close-range hunting of Neanderthals from Chagyrskaya Cave by bison and smaller herbivores. To this end, a reference collection of retouched points was produced as part of the knapping technology presented in the archaeological complexes. The points were attached to birch and willow staves using organic materials – resin and bast. To simulate the hunting process, experimental spears were used to strike sheep and bull carcasses. This resulted in breaks and typical impact fractures on the tools from the reference collection. The use-wear method showed greater promise of studies of macro than micro-features. As a result, the experimental and archaeological artefacts exhibited wear traces, which are more likely for close-range hunting. Our results are preliminary and require further experimentation and use-wear research.

Keywords: Neanderthals, North Asia, hunting weapons, hunting strategies, experimental and use-wear methods

Acknowledgments: Experiments has been carried out under the financial supports of RFBR 18-09-40070. The analytical part and use-wear analysis has been carried out under the financial supports of Russian Science Foundation 21-18-00376.

For citation: Kharevich, V.M., Zotkina, L.V., Kharevich, A.V. & Kolobova, K.A. (2022) Preliminary results of experimental study of Neanderthal's hunting weapons from Chagyrskaya Cave. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 156–169. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/9

Введение

В результате изучения моделей поведения различных видов древних гоминин в последние два десятилетия было установлено, что когнитивные и поведенческие способности неандертальцев гораздо более сложные, чем представлялось ранее (Bar-Yosef, Kuhn 1999; Kolen 1999; Vaquero et al. 2001; d'Errico 2003; d' Errico et al. 2003; Hovers et al. 2003; Wynn, Coolidge 2004). Это позволило исследователям изме-

нить концепцию «современного поведенческого комплекса», многочисленные характеристики которого оказались присущи неандертальцам (McBrearty, Brooks 2000; Wadley 2001; Henshilwood, Marean 2003). В результате последних исследований существовавший разрыв в поведенческих и социальных способностях неандертальцев и людей современного антропологического облика значительно сократился.

Изучение охотничьих стратегий всегда занимало важное место в исследованиях поведенческих моделей неандертальцев. Значительная роль в этих изысканиях отводилось зооархеологическим результатам, которые зачастую интерпретировались в различных направлениях. Так охота на многочисленные виды животных часто интерпретировалось как отражение оппортунистического характера неандертальских охотничьих стратегий, в то время как те же данные в контексте человека современного анатомического облика интерпретировались как возрастание диетического разнообразия. Одновременно концентрация неандертальцев на охоте на один вид млекопитающих расценивалась как неспособность утилизировать различные ресурсы (низкое диетическое разнообразие), а данные для человека современного анатомического облика интерпретировались как специализация (d'Errico 2003). И только в последнее десятилетие зооархеологические данные, полученные со стоянок неандертальцев и человека современного анатомического облика, рассматриваются в одном ключе, без противопоставления (Adler et al. 2009).

В исследовании неандертальских охотничьих стратегий традиционно важную роль играют зооархеологический и тафономический методы анализа состава фауны и способов разделки добычи, которые направлены на понимание неандертальских стратегий жизнеобеспечения и на модели их мобильности на территории Евразии (Pike-Tay, Cosgrove 2002); Speth, Tchernov 2001; Grayson, Delpech 2002, 2003; Burke 2004). Часто исследования подобной направленности дополняются другими методами, через которые реконструируется «неандертальский образ жизни» (Armand, Pubert, Soressi 2001; Gaudzinski, Roebroeks 2003; Stiner 2002; Adler, Prindiville, Conard 2003; Munson, Marean 2003).

Другим направлением исследования охотничьих стратегий неандертальцев является изучение самого охотничьего вооружения. Растущий интерес к технологиям охоты среднего палеолита и их роли в современном человеческом поведении стимулирует дискуссии по поводу всех типов инструментов, которые могли быть использованы во время охоты. Первые свидетельства охоты фиксируются исследователями еще в олдувае около 1,75 млн л.н. (Villa, Lenoir 2009). На территории Европы первые достоверные сведения об охотничьих стратегиях древних людей фиксируются начиная с 400 тыс. л.н. (Villa, Lenoir 2009).

Этим же временем (400–300 тыс. л.н.) датируется первое охотничье оружие (Gaudzinski-Windheuser et al. 2018).

В научных работах, посвященных древнему охотничьему вооружению, как правило, выделяется два основных его вида, ассоциирующихся с разными способами охоты. Одна из популярных дискуссий посвящена происхождению и древности метательных орудий (например, Brooks et al. 2006; McBrearty, Brooks 2000; Shea 2006; Villa, Lenoir 2006), а также классификации специфических следов износа на них (Beyries, Plisson 1998; Chesnaux 2014; Crombé, Caspar 2001; Rots, Plisson 2014; Rots 2009; Schoville, Brown 2010; Shea et al. 2001. Другим способом охоты, вызывающим дискуссии, является контактная охота, идентификация которой производится как на уровне изучения повреждений на кости (Gaudzinski-Windheuser et al. 2018), так и посредством анализа самих колющих орудий (Wynn, Colidge 2004; Rots 2009). Некоторые исследователи полагают, что неандертальцы могли сочетать два этих способа охоты в рамках одного комплекса (Rots 2009).

На территории Алтая зафиксированы две популяции восточных неандертальцев, последовательно заселявшие эту территорию в период MIS5-MIS3. Исследования, посвященные реконструкции их адаптационных и жизнеобеспечивающих стратегий, пока немногочисленны. Поздние неандертальцы, пришедшие на территорию Алтая 60 тыс. л.н. и принешие с собой европейскую микокскую традицию, обитали в пещерах Чагырская и Окладникова. В предлагаемой статье обсуждаются первые результаты, полученные в ходе экспериментальной реконструкции использования охотничьего вооружения поздними неандертальцами. Это первый опыт такого рода реконструкций для палеолитических охотничьих стратегий на территории Северной Азии.

Материалы и методы

Пещера Чагырская располагается в предгорьях Алтая по правому борту среднего течения р. Чарыш. Пещера была обитаема в период 59–49 тыс. л.н. Судя по всему, она заселялась одной немногочисленной популяцией неандертальцев (Vernot et al. 2021), которые использовали ее в качестве регулярно посещаемого в течение нескольких тысячелетий базового лагеря по разделке добычи. Охотничьей добычей неандертальцев служили преимущественно неполовозрелые особи и самки бизонов, в значительно меньшей степени – лошади. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что охота производилась в конце летнего – начале осеннего периода. Это время связано с массовой миграцией бизонов с равнин в предгорья (Kolobova et al. 2019a). Видимо, удачное расположение Чагырской пещеры, в русле реки, с хорошим обзором

долины, по которой происходили миграции животных, и обусловило ее частое посещение неандертальцами.

Кроме разделки и потребления охотничьей добычи, в пределах пещеры были зафиксированы свидетельства других трудовых операций неандертальцев. Так, в пещере производился практически полный цикл утилизации каменного сырья – от декортикации заготовок до изготовления каменных орудий (Kolobova et al. 2019b). Наиболее многочисленным типом орудий индустрии Чагырской пещеры являются угловатые и конвергентные скребла наряду с ретушированными остроконечниками (Shalagina et al. 2020), предварительный анализ которых показал их различную функциональную специфику, включая охоту.

В пещере осуществлялся полный цикл изготовления и оформления костяных орудий (Baumann et al. 2020). Костяные ретушеры, выполненные из трубчатых костей, позвонков и ребер крупных травоядных на месте, служили для фасоннажа и переоформления одно- и двусторонних каменных орудий (Kolobova et al. 2020a, b).

Основной целью экспериментального моделирования стало получение эталонной коллекции орудий, использовавшихся в качестве наконечников копий для контактной охоты. Всего в ходе экспериментального моделирования было изготовлено 36 наконечников (рис. 1, 1).

Эталоны наконечников выполнялись из местного сырья – эффузиев, яшмоидов и халцедонитов, широко представленных в русловом аллювии р. Чарыш.

Наконечники были изготовлены в соответствии с морфологией характерных для каменной индустрии Чагырской пещеры конвергентных орудий – ретушированных конвергентных скребел и остроконечников. Заготовками наконечников служили средних и крупных размеров отщепы, полученные преимущественно в радиальном методе расщепления прямым ударом твердого отбойника. Острия орудий были сформированы двумя конвергентными краями, обработанными дорсальной чешуйчатой многорядной крутой или приостряющей ретушью. Лезвия оформлялись ударной ретушью посредством костяных ретушеров. Размеры экспериментальных орудий не превышали $7 \times 4 \times 1,5$ см, средний размер составил $5 \times 3 \times 1$ см.

Для использования ретушированных конвергентных орудий в качестве наконечников они закреплялись на древках из березы и ивы (средней размеры 1,7–2 м, диаметр до 5 см) с помощью органических материалов – смолы и лыка (луба молодой ивы) (рис. 1, 2, 3). В среднем для изготовления одного охотничьего копья опытному экспериментатору требовалось 2,5–3 часа.

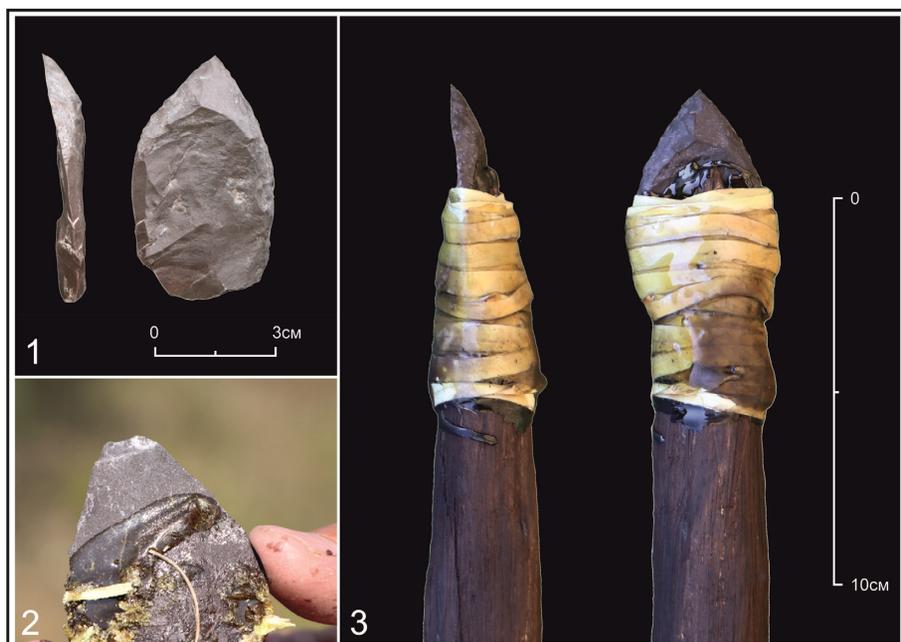

Рис. 1. Экспериментальное охотничье вооружение: 1 – ретушированный остроконечник; 2 – экспериментальный остроконечник после использования в качестве охотничьего вооружения; 3 – способ крепления экспериментального остроконечника к древку

Для моделирования процесса контактной охоты экспериментальные орудия использовались для нанесения ударов по выпотрошенным не ошкуреным тушам барана (15 кг) и быка (90 кг). Удары наносились с близкой дистанции, при этом копьё полностью удерживались в руках (рис. 2, 1–3). Использовались два варианта нанесения удара. В первом случае копьё удерживалось двумя руками на уровне пояса, удар наносился снизу вверх. Во втором, копьё, также удерживаемое двумя руками, заносилось над головой, а удар наносился сверху вниз.

После получения серии экспериментальных эталонов был выполнен сопоставительный трасологический анализ археологических артефактов и полученных экспериментальных эталонов. Анализ проводился по классической методике, включающей изучение макро- и микропризнаков¹, связанных с износом орудий охоты (Moss 1983; Fisher et al. 1984; Villa, Lenoir 2009; Plisson, Rots 2014; Yaroshevich et al. 2016). Для изучения археологических артефактов и эталонов применялись микроскопы (стереоскопический Olympus SZX7 и металлографический Olympus ВНМJ), что обеспечило возможность изучать каждый предмет при различных увеличениях от $\times 8$ до $\times 500$.

Рис. 2. Экспериментальная реконструкция процесса контактной охоты с помощью копия: 1 – проникающий удар; 2 – копьё после использования; 3 – след на туше от проникающего удара

Для фотофиксации на макро- и микроуровне применялась дистанционная съемка посредством программного обеспечения Nikon Pro Camera Control и полноматричной камеры Nikon D750, подключенной к микроскопу через адаптер. Для получения фотографий максимального разрешения использовалась техника стекинга (выполнение серии кадров одного участка с различным фокусом), склейка производилась в программе Helicon Focus.

Результаты

Экспериментальные наконечники показали высокую эффективность в реконструируемом процессе контактной охоты. Была зафиксирована высокая частота пробития шкуры и рассечения мышц. При этом проникающие удары были относительно редки. По всей видимости, это связано с тем, что использовались выпотрошенные туши. Тем не менее при зафиксированных проникающих ударах обычно трескались и фрагментировались ребра, на которых впоследствии оставались характерные повреждения.

Избранный способ крепления ретушированных остроконечников также оправдал себя (см. рис. 1, 3). Как правило, крепление выдерживало от 5 до 10 ударов, в ряде случаев до 15. Выход копия из строя чаще всего был связан со сломом самого каменного остроконечника из-за контакта с костью.

В ходе эксперимента и при последующем трасологическом изучении эталонов были зафиксированы макропризнаки. На остриях оставались микросколы, направление которых свидетельствовало о контакте заостренного участка орудия с твердым материалом посредством импульса большой силы. Учитывая, что животные, туши которых были выбраны для экспериментов, имели плотную шкуру и массивный мышечный корсет, образование таких признаков износа на орудиях не требовало бы даже контакта с костью. Хотя в некоторых случаях при проведении экспериментов отмечалось и повреждение кости.

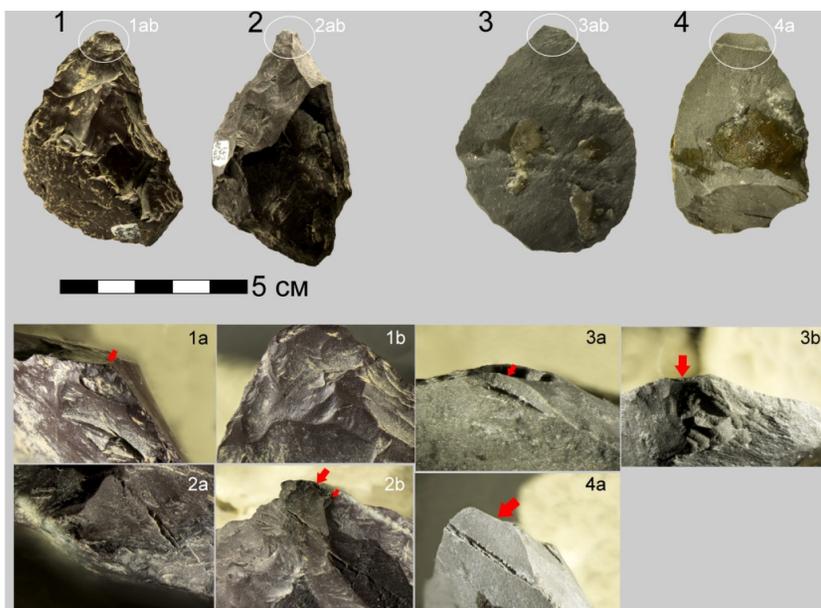

Рис. 3. Сопоставление признаков макроизноса (язычковый скол) на экспериментальных эталонах и на острокопечниках с Чагырской пещеры: 1, 2 – общие виды археологических артефактов (в одной проекции); 3, 4 – общие виды экспериментальных эталонов после их использования и очистки; 1а, б – макроизнос на острие острокопечника № 495 из слоя 6а Чагырской пещеры (увеличение $\times 20$ и $\times 16$ соответственно); 2а, б – макроизнос (язычковый скол) на острие острокопечника № 251 из слоя 6а Чагырской пещеры (увеличение $\times 25$ и $\times 16$ соответственно); 3а, б – макроизнос (язычковый скол) на острие эталона № 19 (увеличение $\times 25$ и $\times 12,5$ соответственно); 4а – макроизнос (крупный язычковый скол) на острие экспериментального эталона № 20 (увеличение $\times 25$).

На макрофотографиях стрелками показаны направления сколов

Были зафиксированы язычковые сколы разных размеров (рис. 3), которые имеют различную ориентацию относительно оси орудий (со стороны ветрала или дорсала). Этот признак износа, судя по его повторяемости на разных эталонах, можно рассматривать как один из типичных (см. например, Fisher et al. 1984; Yaroshevoch et al. 2016). Различные раз-

меры этих сколов могут указывать на разную площадь контакта с поверхностью материала и на разную величину приложенного импульса.

Также на одном эталоне был обнаружен псевдорезцовый микроскол (рис. 4), который указывает на иную точку приложения силы удара, если сравнивать с предыдущими описанными случаями.

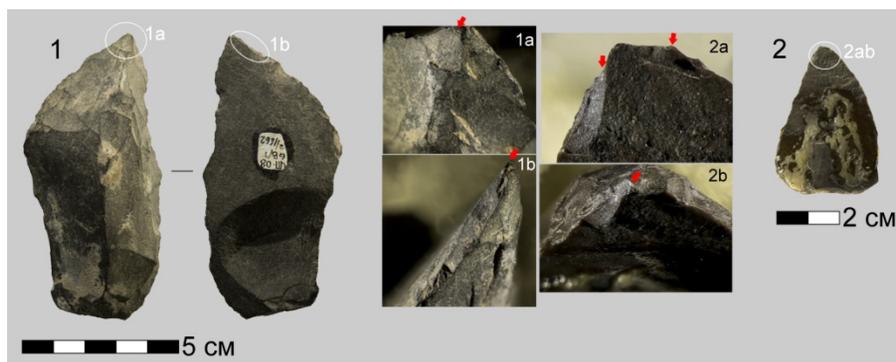

Рис. 4. Сопоставление признаков макроизноса (псевдорезцовые и язычковые сколы) на экспериментальных эталонах и на остроконечниках с Чагырской пещеры: 1 – общий вид на остроконечник № 1662 из слоя *бв/1* Чагырской пещеры (в двух проекциях); 2 – общий вид на экспериментальный эталон после использования и очистки (в одной проекции); 1а – язычковый скол на острие орудия № 1662 (увеличение $\times 8$); 1б – псевдорезцовый скол на острие орудия № 1662 (увеличение $\times 10$); 2а – язычковый и псевдорезцовый сколы на острие эталона № 25 (увеличение $\times 16$); 2б – псевдорезцовый скол на острие эталона № 25 (увеличение $\times 25$). На макрофотографиях стрелками показаны направления сколов

Дискуссия и выводы

В ходе экспериментов была получена эталонная коллекция унифасиальных остроконечников со следами сработанности – износа от контактной охоты. Мы получили первые представления о способах крепления остроконечников на древках копий, о возможной продолжительности использования остроконечников в качестве охотничьего вооружения, о временных и трудозатратах, необходимых для изготовления охотничьего вооружения.

Предварительный анализ остроконечников из слоев *ба* и *бв/1* Чагырской пещеры позволяет сделать следующие выводы:

1. Общая сглаженность всей поверхности артефактов, особенно ребер и других выступающих участков макрорельефа, указывает на интенсивный постдепозиционный износ (рис. 5). Это может быть связано с перемещением артефактов или с движением водных потоков, содержащих мелкодисперсные частицы, которые придали сглаженность и даже блеск поверхности каменных артефактов. По этой причине следы износа на микроуровне на остроконечниках из слоев *ба* и *бв/1* были де-

формированы и не могут рассматриваться как подходящие для полноценного изучения посредством микроанализа.

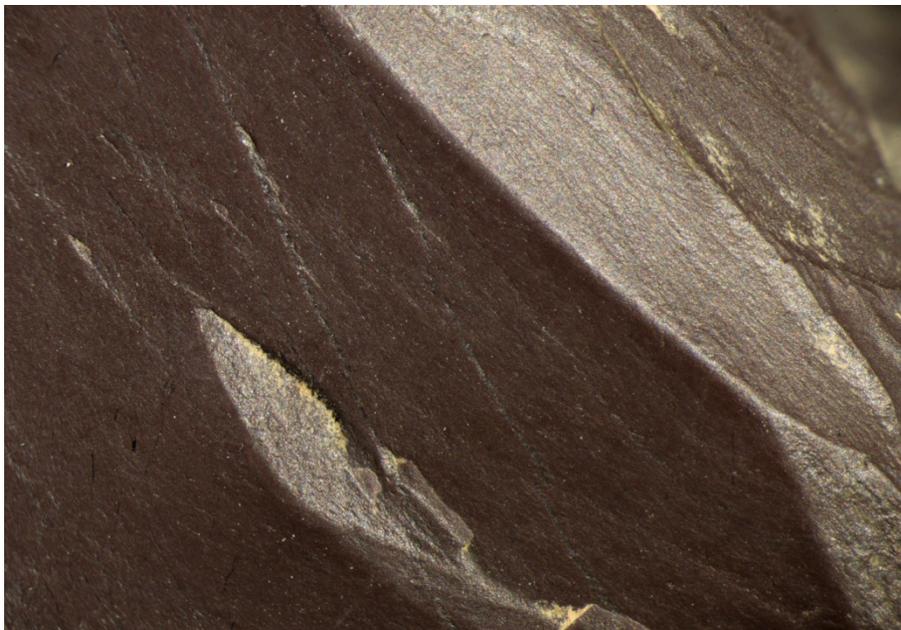

Рис. 5. Признаки постдепозиционного воздействия на артефактах: сглаженность на ребрах остроконечника 495 из слоя 6а Чагырской пещеры (увеличение $\times 25$)

2. Тем не менее на некоторых археологических остриях отмечаются признаки макроизноса, а именно повреждения острий. Фиксируются негативы сколов, в том числе язычковые.

3. Сопоставление макропризнаков износа на изученных экспериментальных эталонах и археологических артефактах позволяет сделать заключение, что проанализированные остроконечники из слоев 6а и 6в/1 Чагырской пещеры демонстрируют признаки контакта с довольно твердыми материалами при участии импульса большой силы, а именно язычковые (см. рис. 3) и псевдорезцовые сколы (см. рис. 4). На этом основании можно сделать предположение, что остроконечники использовались в виде наконечников копий для метания или протыкания в процессе охоты.

Заключение

Сравнение макроследов износа со следами, полученными в результате контактной (Rots 2009) и дистанционной (Rots, Plisson 2014) охоты, свидетельствует о большем сходстве наших экспериментальных и археологических образцов с «контактными» вариантами. В пользу дан-

ного предположения в первую очередь свидетельствует морфология псевдорезцовых диагностических следов.

Для подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы требуется дальнейшее изучение всей серии остроконечников Чагырской пещеры (около 200 ед.), а также анализ всей серии эталонов, полученных в ходе экспериментального моделирования, в том числе и использованных для других операций (базовые эксперименты по обработке дерева, кости, по мясу и шкурам, а также вытаптывание). Кроме того, в случае отсутствия признаков постдепозиционного износа на других остроконечниках из непотревоженных слоев пещеры, могут быть обнаружены признаки износа на микроуровне.

Примечания

¹ В зарубежной литературе эти признаки, характеризующие преимущественно метательный износ, получили специальные названия: DIF (diagnostic impact fracture) and MLIT (microlithic linear impact traces) (Moss, 1983).

References

- Adler D.S., Prindiville T.P., Conard N.J. (2003) Patterns of spatial organization and land use during the Eemian Interglacial in the Rhineland: New data from Wallertheim, Germany, *Eurasian Prehistory*, Vol. 1(2), pp. 25–78.
- Adler D.S., Bar-Oz G. (2009) Seasonal Patterns of Prey Acquisition and Inter-group Competition During the Middle and Upper Palaeolithic of the Southern Caucasus. In: *The Evolution of Hominin Diets: Integrating Approaches to the Study of Palaeolithic Subsistence*. Springer Science + Business Media. pp. 127–140.
- Armand D., Pubert E., Soressi M. (2001) Organisation saisonnière des comportements de pré-dation des Moustériens de Pech-de-l'Aze' I: Premiers résultats, *Paléo*, Vol. 13, pp. 19–28.
- Bar-Yosef O., Kuhn S. (1999) The big deal about blades: Laminar technologies and human evolution, *American Anthropologist*, Vol. 101, pp. 322–38.
- Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. (2020) The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai Region, Russia, *Quaternary International*, Vol. 559, pp. 68–88.
- Beyries S., Plisson H. (1998) Pointes ou outils triangulaires? Données fonctionnelles dans le Moustérien levantain (suivi des) Commentaires de J. Shea, A. Marks, J-M Geneste et de la réponse des auteurs, *Paléorient*, Vol. 24, pp. 5–24.
- Brooks A.S., Nevell L., Yellen J.E., Hartman G. (2006) Projectile technologies of the MSA: implications for modern human origins. In: Hovers, E., Kuhn, S.L. (Eds.), *Transitions Before the Transition: Evolution and Stability in the Middle Palaeolithic and Middle Stone Age*. New York: Springer, pp. 233–255.
- Burke A. (2004) The ecology of Neanderthals, *International Journal of Osteoarchaeology*, Vol. 14, Iss. 3–4, pp. 155–342.
- Chesnaux L. (2014) *Reflexion sur le microlithisme en France au cours du premier mesolithique Xe-VIIIe millénaires avant J.-C. Approches technologique, expérimentale et fonctionnelle*. Paris: Université de Paris I Panthéon-Sorbonne UFR.
- Crombé P., Caspar J. (2001) Wear analysis on early mesolithic microliths from the Verrebroek site, East Flanders, Belgium, *J. F. Archaeol*, Vol. 28, pp. 253–269.

- D'Errico F. (2003) The invisible frontier: A multiple-species model for the origin of behavioral modernity, *Evolutionary Anthropology*, Vol. 12, pp. 188–202.
- D'Errico F., Sánchez Goní M. F. (2003) Neanderthal extinction and the millennial-scale climatic variability of OIS 3, *Quaternary Science Reviews*, Vol. 22, pp. 769–788.
- Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P. (1984) Macro- and micro-wear traces on lithic projectile points. Experimental results and prehistoric examples, *Journal of Danish Archaeology*, Vol. 3, pp. 19–46.
- Gaudzinski S., Roebroeks W. (2003) Profile analysis at Salzgitter-Lebenstedt: A reply to Munson and Marean, *Journal of Human Evolution*, Vol. 44, pp. 275–81.
- Gaudzinski-Windheuser S., Noack E.S., Pop E., Herbst C., Pflöging J., Buchli J., Jacob A., Enzmann F., Kindler L., Iovita R., Street M., & Roebroeks W. (2018) Evidence for close-range hunting by last interglacial Neanderthals, *Nature Ecology and Evolution*, Vol. 2(7), pp. 1087–1092.
- Grayson D.K., Delpech F. (2002) Specialized Early Upper Palaeolithic hunters in southwestern France? *Journal of Archaeological Science*, Vol. 29, pp. 1439–1449.
- Grayson D.K., Delpech F. (2003) Ungulates and the Middle-to-Upper Paleolithic transition at Grotte XVI (Dordogne, France), *Journal of Archaeological Science*, Vol. 30, pp. 1633–1648.
- Henshilwood C.S., Marean C.W. (2003) The origin of modern human behavior: Critique of the models and their test implications, *Current Anthropology*, Vol. 44, pp. 627–651.
- Hovers E., Ilani S., Bar-Yosef O., Vandermeersch B. (2003) An early case of color symbolism: Ochre use by modern humans in Qafzeh Cave 1, *Current Anthropology*, Vol. 44, pp. 491–522.
- Kolen J. (1999) Hominids without homes: On the nature of Middle Palaeolithic settlement in Europe. In: *The Middle Palaeolithic occupation of Europe*. Leiden: University of Leiden Press, pp. 139–75.
- Kolobova K., Chabai V., Krajcarz M., Krajcarz M., Shalagina A., Rendu W., Vasiliev S., Markin S.V., Krivoschapkin A.I. (2019a) Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai), *Quartar*, Vol. 66, pp. 7–31. doi:10.7485/QU66.
- Kolobova K., Rendu W., Shalagina A., Chistyakov P., Kovalev V., Baumann M., Koliashnikova A., Krivoschapkin A. (2020) The application of geometric-morphometric shape analysis to Middle Paleolithic bone retouchers from the Altai Mountains, Russia, *Quaternary International*, Vol. 559, pp. 89–96.
- Kolobova K., Shalagina A., Chabai V., Markin S., Krivoschapkin A. (2019b) Signification des technologies bifaciales au Paléolithique moyen des montagnes de l'Altai, *L'Anthropologie*, Vol. 123, pp. 276–288.
- McBrearty S., Brooks A.S. (2000) The revolution that wasn't: A new interpretation of the origin of modern human behavior, *Journal of Human Evolution*, Vol. 39, pp. 453–563.
- Moss E. H. (1983). *The functional analysis of flint implements: Pincevent and Pont D'Ambon: Two case studies from the French Final Palaeolithic*. Oxford: BAR, Iss. 177, 249 p.
- Munson P.J., Marean C.W. (2003) Adults only? A reconsideration of Middle Paleolithic “prime-dominated” reindeer hunting at Salzgitter Lebenstedt, *Journal of Human Evolution*, Vol. 44, pp. 263–273.
- Rots V. (2009) The functional analysis of the Mousterian and Micoquian assemblages of Sesselfelsgrotte, Germany. Tool use and hafting in the European Late Middle Paleolithic, *Quartär*, Vol. 56, pp. 37–66.
- Rots V., & Plisson H. (2014) Projectiles and the abuse of the use-wear method in a search for impact, *Journal of Archaeological Science*, Vol. 48, pp. 154–165.
- Schoville B.J., Brown K.S. (2010) Comparing lithic assemblage edge damage distributions: examples from the late pleistocene and preliminary experimental results, *Explor. Anthropol.*, Vol. 10, pp. 34–49.

- Shalagina A. V., Kharevich V., Baumann M., Kolobova K.A. (2020) Reconstruction of the bifacial technological sequence in Chagyrskaya Cave assemblage, *Siberian Historical Research*, Vol. 3, pp. 130–151. DOI: 10.17223/2312461X/29/9
- Shea J.J. (2006) The origins of lithic projectile point technology: evidence from Africa, the Levant and Europe, *Journal of Archaeological Science*, Vol. 33, pp. 823–846.
- Shea J.J., Davis Z., Brown K. (2001) Experimental tests of middle palaeolithic spear points using a calibrated crossbow, *Journal of Archaeological Science*, Vol. 28, pp. 807–816.
- Speth J.D., Tchernov E. (2001) Neanderthal hunting and meat-processing in the Near East: Evidence from Kebara Cave (Israel). In: *Meateating and human evolution*. Oxford: Oxford University Press, pp. 52–72.
- Stiner M. (2002) Carnivory, coevolution, and the geographic spread of the genus Homo, *Journal of Archaeological Research*, Vol. 10, pp. 1–63.
- Vaquero M., G. Chacón, C. Fernández, K. Martínez, Rando J.M. (2001) Intrasite spatial patterning and transport in the Abric Romaní Middle Paleolithic site (Capellades, Barcelona, Spain). In: *Settlement dynamics of the Middle Palaeolithic and Middle Stone Age*. Tübingen: Kerns Verlag, pp. 573–595.
- Vernot B., Zavala E.I., Gómez-Olivencia A., Jacobs Z., Slon V., Mafessoni F., Romagné F., Pearson A., Petr M., Sala N., Pablos A., Aranburu A., Castro J.M.B. de, Carbonell E., Li B., Krajcarz M.T., Krivoshepa A.I., Kolobova K.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Grote S., Essel E., Herráez D.L., Nagel S., Nickel B., Richter J., Schmidt A., Peter B., Kelso J., Roberts R.G., Arsuaga J.-L., Meyer M. (2021) Unearthing Neanderthal population history using nuclear and mitochondrial DNA from cave sediments, *Science*, Vol. 372, P. eabf1667.
- Villa P., Lenoir M. (2006) Hunting weapons of the Middle Stone Age and the Middle Palaeolithic: spear points from Sibudu, Rose Cottage and Bouheben, *Southern African Humanities*, Vol. 18 (1), pp. 89–122.
- Villa P., Lenoir M. (2009) Hunting and Hunting Weapons of the Lower and Middle Paleolithic of Europe. In: Hublin J.J., Richards M.P. (eds) *The Evolution of Hominin Diets. Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology*. Dordrecht: Springer, pp. 59–85.
- Wadley L. (2001) What is cultural modernity? A general view and a South African perspective from Rose Cottage Cave, *Cambridge Archaeological Journal*, Vol. 11, pp. 201–221.
- Wynn T. & Coolidge F. (2004) The expert Neanderthal mind, *Journal of Human Evolution*, Vol. 46, pp. 467–487.
- Yaroshevoch A., Zaidner Y., Weinstein-Evron M. (2016) Projectile Damage and Point Morphometry at the Early Middle Paleolithic Misliya Cave, Mount Carmel (Israel): Preliminary Results and Interpretations. In: *Approaches to the Study of Stone Age Weaponry*. Radu Iovita and Katsuhiko Sano (eds.). Springer Science+Business Media Dordrecht, pp. 119–134.

Сведения об авторах:

ХАРЕВИЧ Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: mihalich84@mail.ru

ЗОТКИНА Лидия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: lidiazotkina@gmail.com

ХАРЕВИЧ Алена Владимировна – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

КОЛОБОВА Ксения Анатольевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: kolobovak@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vladimir M. Kharevich, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: miha-lich84@mail.ru

Lidia V. Zotkina, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Alena V. Kharevich, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Ksenia A. Kolobova, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kolobovak@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14 июля 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.

The article was submitted 14.07.2021;
accepted for publication 01.04.2022.

Научная статья

УДК 572

doi: 10.17223/2312461X/35/10

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО НЕОЛИТУ ЗАБАЙКАЛЬЯ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СООБЩЕНИЕ 1. АРХЕОЛОГИЯ, КРАНИОЛОГИЯ

Елизавета Валентиновна Веселовская^{1, 2},
Сергей Владимирович Васильев³,
Равиль Марветович Галеев⁴,
Ольга Михайловна Григорьева⁵,
Михаил Васильевич Константинов⁶,
Александр Петрович Пестряков⁷

^{1, 3, 4, 5, 7} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*

² *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

⁶ *Забайкальского государственного университета, Чита, Россия*

^{1, 2} *veselovskaya.e.v@yandex.ru*

³ *vasbor1@yandex.ru*

⁵ *labrecon@yandex.ru*

⁶ *mk-rus@mail.ru*

⁷ *labrecon@yandex.ru*

Аннотация. Процесс сложения антропологического состава современного коренного населения Восточной Азии известен к настоящему моменту лишь в общих чертах. Палеоантропологические материалы каменного века с территории Восточной Сибири и Дальнего Востока немногочисленны. Настоящим исследованием вводится в научный оборот новый пласт антропологических данных по неолиту этого региона. Полученные результаты обсуждаются в свете проблем формирования современной антропологической карты Сибири. По двум программам (классическая краниометрия и программа обобщенных характеристик мозговой коробки) изучены черепа из могильников Забайкалья (Жиндо, погр. 6; Мельничное и Груздёвое) и Приморья (пещера Чёртовы ворота). Статья является продолжением публикации 2018 г. в этом же журнале (Васильев и др. 2018), в которой анализировались материалы из Забайкалья (могильники Падь-Токуй, Жиндо, погребение 2). Эти черепа также включены в анализ. Приведена краниологическая характеристика изученных находок. Проведено их сопоставление с другими памятниками Сибири методом главных компонент. Использован кластерный анализ для сравнения наших палеоантропологических материалов с синхронными и современными группами с территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Выявлено, что население двух регионов заметно различалось уже в неолите. Представители Приморья характеризуются высоким и коротким черепом, высоким лицом, большой шириной лица на всех уровнях, слабой профилировкой, меньшим выступанием носа. Восточносибирское неолитическое население отличается длинным и низким черепом, уплощенность лица выражена в средней степени.

Сопоставление неолитических черепов с современными краниосериями показало, что популяции коренного населения Восточной Сибири и Дальнего Востока мало отличаются от неолитического времени. Выявляется отчетливая картина преемственности. Это хорошо согласуется с результатами генетического исследования образцов из пещеры Чёртовы ворота, показавшего сходство населения пещеры с современными тунгусо-манчжурскими группами (Siska et al. 2017). Однако есть и отличие, которое выражается в большем размахе изменчивости у представителей неолитических популяций.

Ключевые слова: неолит Восточной Сибири, неолит Дальнего Востока, палеоантропология, краниология, обобщенные характеристики мозговой коробки

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, № проекта 17-29-04132 офи_м, одонтологическая характеристика дана в соответствии с работами по планам НИР ИЭА РАН.

Для цитирования: Веселовская Е.В., Васильев С.В., Галеев Р.М., Григорьева О.М., Константинов М.В., Пестряков А.П. Новые антропологические данные по неолиту Забайкалья и Дальнего Востока. Сообщение 1. Археология, краниология // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 170–194. doi: 10.17223/2312461X/35/10

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/10

New anthropological data on the Neolithic of the Transbaikalia and the Far East. Part 1. Archaeology, Craniology

Elizaveta V. Veselovskaya¹, Sergey V. Vasilyev², Ravil M. Galeev³,
Olga M. Grigorieva⁴, Mikhail V. Konstantinov⁵,
Aleksandr P. Pestryakov⁶

^{1, 3, 4, 5, 7} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

² *Russian State University for Humanities, Moscow, Russian Federation*

⁶ *Transbaikalian State University, Chita, Russian Federation*

^{1, 2} *veselovskaya.e.v@yandex.ru*

³ *vasbor1@yandex.ru*

⁵ *labrecon@yandex.ru*

⁶ *mk-rus@mail.ru*

⁷ *labrecon@yandex.ru*

Abstract. The history of the formation of the East Asian indigenous population is known only in general. Paleoanthropological materials from the Stone Age are few in number. This study introduces a new data on the Neolithic of this region. The results obtained are discussed in the spheres of forming an anthropological map of Siberia. Skulls from the burial grounds of Trans-Baikal lands (Zhindo, burial 6; Melnichnoe and Gruzdevoe) and Primorye (Devil's Gate Cave) were studied. The craniological characteristics of the findings studied are presented. They are compared with other sites in Siberia by the method of principal components. We used cluster analysis to compare our paleoanthropological materials with synchronous and modern groups from the territory of Eastern Siberia and Far East.

It was found that the population of the two regions was different even in the Neolithic. Representatives of Primorye are characterized by a high and short skull, a large face width and a smaller nose protrusion. The East Siberian Neolithic population is distinguished by a long and low skull, the flattening of the face is expressed in an average degree.

The comparison of Neolithic skulls with modern ones shows that the indigenous populations differ little from the Neolithic. These findings are consistent with the genetic study of the Devil's Gate Cave samples, which showed the similarity of the cave population with the modern Tungus-Manchurian groups (Siska et al. 2017). However, there is also a difference, which is expressed in a greater range of variability of Neolithic population.

Keywords: Neolithic of Eastern Siberia, Neolithic of the Far East, paleoanthropology, craniology, generalized characteristics of the cerebral part of the skull

Acknowledgments: The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-29-04132 ofi_m. The odontological characteristics were given in accordance with the research plans of the IEA RAS.

For citation: Veselovskaya, E.V., Vasilyev, S.V., Galeev, R.M., Grigorieva, O.M., Konstantinov, M.V. & Pestryakov, A.P. (2022) New anthropological data on the Neolithic of the Transbaikalia and the Far East. Part 1. Archaeology, Craniology. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 170–194. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/10

Введение

Неолитическое население Забайкалья и Дальнего Востока принимало непосредственное участие в формировании современных антропологических типов региона. Однако палеоантропологический материал этого времени с данной территории очень небогат. Новые находки отсюда всякий раз являются важным событием в науке. Основной задачей настоящей публикации является введение в научный оборот как можно более подробной информации об антропологии населения, оставившего могильники Мельничное, Груздёвое, Жиндо 6 Забайкалья и пещера Чёртовы ворота на Дальнем Востоке РФ.

Материалы с территории Забайкалья получены в результате раскопок под руководством М.В. Константинова. Целый мужской череп и фрагменты еще шести индивидов из пещеры Чёртовы ворота хранились в Лаборатории антропологической реконструкции (ЛАР). По антропологии этих находок была лишь одна краткая публикация (Балуева 1978). Датирование образцов выявило их несомненную принадлежность к неолиту (а в некоторых случаях к мезолиту), таким образом, анализируемый антропологический материал представляет значительную ценность, по крайней мере, ввиду древности находок. Сохранность костного материала в целом неудовлетворительная, поэтому непосредственно перед исследованием часть разрушенных черепов была реставрирована с помощью 3D-технологий. В результате были получены две пластиковые мо-

дели женских черепов из погребения Груздёвое археологического комплекса Усть-Менза 6 и пещеры Чёртовы ворота. Для получения детальной антропологической характеристики изучаемого населения авторы применяли комплекс принятых в отечественной антропологии методик: стандартная краниологическая программа (Алексеев, Дебец 1964); программа обобщенных характеристик мозговой коробки (Пестряков, Григорьева 2004). Полученные в итоге результаты представлены в настоящем сообщении. Также нами было проведено одонтологическое изучение и восстановление внешнего облика, что составляет содержание следующего сообщения. Настоящая публикация является логическим продолжением предшествующей (Васильев и др. 2018), в которой были исследованы черепа из раскопок М.В. Константинова в Красночичойском районе Читинской области, могильники Падь-Токуй и Жиндо. Эти материалы мы также анализируем в статье вместе с новыми.

Материал и методы

Перечислим находки, на основе которых строилось комплексное исследование. С территории Забайкалья это: мужской череп из могильника Жиндо, погребение 6; два женских черепа из могильников Мельничное и Груздёвое (Усть-Менза 6), а также 3 черепа, представленные в предшествующей публикации: мужской из погребения 1 и женский из погребения 2 могильника Падь-Токуй, мужской из погребения 2, скелет 1 могильника Жиндо. Из пещеры Чёртовы ворота анализировались прекрасно сохранившийся мужской череп (Ж) и реконструированный женский (Д), одонтологическое исследование проводилось также по трем индивидам (А, Б, В), останки которых были представлены фрагментами, но имели зубы. Реставрация двух черепов, представленных фрагментами (Груздёвое и женский Чертовы ворота), проводилась с помощью новых технологий. Фрагменты черепов сканировались при помощи 3D-сканера Artec Spider с ручными настройками режима сканирования и реконструкции модели. В результате были получены отдельные модели для каждого фрагмента черепа, точность которых была проверена с помощью линейных измерений, а кривизна поверхности – с помощью контактного сканера микроскрайб по заранее нанесенным маркерам. Сравнение проводилось в программе Artec Studio Professional 14, и после проверки экспортировалось в формате «stl».

Реставрация черепа в виртуальном пространстве включает в себя несколько простых операций (позиционирование (сдвиг, перенос), отзеркаливание (mirror), удаление, масштабирование и т.д.) и несколько сложных операций – деформация и моделирование. Возможность отзеркалить и деформировать модели качественно отличает виртуальную реставрацию от традиционной сборки черепа с помощью специальной

мастики. В частности, деформация позволяет исправлять дефекты кривизны, всегда возникающие на фрагментированном объекте, что сделать непосредственно с костными фрагментами невозможно.

Череп из Груздёвого не имел значительных утрат, за исключением левой стороны лицевого скелета (большая часть скуловой кости, верхняя челюсть), большей части клиновидной кости, правой части нижней челюсти и посмертно утраченных зубов (практически все резцы, клыки и премоляры). Принципиально важные для пластической реконструкции элементы черепа сохранились, а отсутствующие фрагменты получены с помощью операции отзеркаливания и деформированы, исходя из геометрии сохранившихся частей черепа.

Череп Д из пещеры Чёртовы ворота имел сохранность гораздо хуже, чем описанный выше. Сохранившиеся фрагменты позволили произвести полную реставрацию лицевого скелета и лобной кости, теменные и затылочная кости были смоделированы исходя из средних параметров мозговой коробки для данной серии. Несомненно, что такой результат реставрации мало пригоден для краниометрических исследований, но для пластической реконструкции вполне допустим ввиду сохранности лобной кости (остальная часть мозговой коробки при выполнении портрета закрывается волосами). Именно поэтому данный череп не включен нами в краниологический анализ, но выполненная по нему скульптурная реконструкция создает общее впечатление о внешнем виде представительниц населения, жившего в эпоху неолита в Приморье.

После реставрации модели были подготовлены к 3D-печати. Нижняя челюсть печаталась отдельно, для того чтобы оставалась возможность корректировать ее положение. Геометрия материализованных моделей была также проверена с помощью линейных и координатных измерений.

Черепы были изучены по стандартной программе краниологического исследования (Алексеев, Дебеч 1964), а также по специальной программе обобщенных характеристик мозговой коробки, разработанной некоторыми авторами настоящей статьи (Пестряков, Григорьева 2004). Описание методов подробно приведено в первой публикации (Васильев и др. 2018), поэтому здесь дана краткая характеристика приемов работы с особым вниманием к тем методам исследования, которые не были освещены в предыдущей публикации. Для сопоставления краниологических характеристик изученных черепов с другими материалами с этой территории применялся метод главных компонент и кластерный анализ.

Для обобщенной характеристики размеров и формы мозговой коробки использованы величины следующих краниологических признаков, нумерация дана по Мартину (Алексеев, Дебеч 1964): наибольшие продольный (1), поперечный (8) и высотный (17) диаметры, черепной (8:1) и высотно-поперечный (17:8) указатели. Также вычисляли следующие параметры черепа, введенные в антропологическую практику

авторами настоящей статьи (Пестряков 1995; Пестряков, Григорьева 2004). Общая ростовая величина (ОРВ) выражает физиологическую силу роста черепной коробки, вычисляется векторным сложением величин трех основных диаметров черепа согласно правилу сложения сил, имеющих различную направленность в пространстве: $ОРВ = \sqrt{(1^2 + 8^2 + 17^2)}$, где 1, 8 и 17 – величины признаков № 1, 8 и 17 по Мартину. Основные диаметры черепной коробки представляют собой проекции параметра ОРВ на соответствующую пространственную ось. Для характеристики формы черепной коробки мы также используем три индекса (указателя): отношения величины одного диаметра черепа к величинам двух других. Это указатель долихоидности (УД) – относительная длина черепа, указатель брахиоидности (УБ) – относительная его ширина и указатель гипсиоидности (УГ) – относительная его высота. Они вычисляются единообразным способом и представляют собой средние геометрические для отношений каждого из трех названных диаметров черепной коробки к двум оставшимся (в %). Например, $УД = 100 \cdot \sqrt{(1/8) \cdot (1/17)}$ и т.п., где 1, 8, 17 – величины трех основных диаметров черепной коробки. Эти три указателя позволяют вычислить степень сферичности черепной коробки – $СС = (200 - УД + УБ + УГ)/3$. Чем ближе величина этого признака к 100, тем ближе форма черепной коробки к сфере.

Археологическое описание

Приведем археологические данные по новым материалам. В отношении памятников Падь-Токуй и Жиндо 2 археологическая справка дана в статье (Васильев и др. 2018). Все восточносибирские материалы происходят из Красночикийского района Западного Забайкалья, из пограничных с Монголией районов бассейна реки Чикой и восточной части бассейна реки Селенги и озера Байкал. В настоящее время эти территории представляют собой горно-таёжную местность. Исследования проводились Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного университета под руководством М.В. Константинова.

Могильник Жиндо расположен на правом берегу р. Чикой на нижней выположенной части склона возвышенности, входящей в систему отрогов Малханского хребта. В 2 км ниже по течению реки левый берег Чикоя уже принадлежит Монголии. Абсолютные отметки – около 680 м. Высота над рекой – 10–25 м. Искусственный противозерозионный ров, расположенный поперек поверхности склона, развился в мощный овраг. В зоне оврага, от его вершины до устья, в пределах 600 м находится могильник, состоящий из серии грунтовых погребений. Изучается с 2005 г. (Константинов, Екимова, Гантимурава 2005). За это время выявлено 7 погребений разной степени сохранности. Погребение 2 изучено на первом этапе исследования. Данные по погребению 6 вводятся

в научный оборот впервые. Оно было найдено в борту оврага по обнаружившимся костям нижних конечностей, при этом кости обеих стоп оказались в осыпи и на дне оврага. Погребальная яма устанавливается по овальному пятну серого карбонатизированного суглинка на глубине 60 см от современной поверхности. Её перекрывает бурая слабо гумусированная супесь и тонкий дерново-почвенный слой. Яма уходит в серый суглинок на глубину 25–30 см. Длина сохранившейся части погребальной ямы 120 см, ширина – 60 см. Череп сохранился полностью, глазницами развернут к левому плечу (на восток). Скелет взрослого человека ориентирован по направлению северо-запад – юго-восток, головой на северо-запад. Погребенный лежал на спине, руки – вдоль тела, кисти – на головках бедренных костей. Тазовые кости в горизонтальной позиции. Позвоночник прямой, со слабым изгибом на средних позвонках. Ноги согнуты в коленях, при этом бедренные кости подняты под углом 60 градусов, левая бедренная слегка отклонена во внешнюю сторону, а правая бедренная подпирает левую. Голени подогнуты под бедренные кости (вправо) и занимают позицию почти перпендикулярно позвоночнику. Скорее всего, поднятые вверх колени, с сохранившимися на местах коленными чашечками, были прижаты к северо-восточному борту погребальной ямы. Колени были фактически вровень с поверхностью погребальной ямы. Под эпифизом правой плечевой кости (на сочленении с ключицей), как бы прилепленный к ней, найден каменный пластинчатый наконечник стрелы, стоящий на ребре, с краевой ретушью длиной 3,3 см. Не исключается, что он находился в мягкой ткани. Под плечевой костью левой руки найдены два расколотых кабаньих клыка и острие из сланца, разломанное на три части. Вполне вероятно, что имело место намеренное «умерщвление» орудий. Отмечено точечное проявление на скелете красной охры: в области лба над глазницами и на одном из ребер в верхней части грудной клетки.

Усть-Мензинский комплекс археологических памятников расположен при впадении реки Мензы в реку Чикой, на северной оконечности Хэнтэй Даурского нагорья. Абсолютные отметки 750–780 м. Изучается с 1980 г. (Константинов 1994). В процессе раскопок поселений выявлена серия погребений. В настоящей статье мы представляем погребение Усть-Менза 6 (Груздёвое). Это многослойное поселение расположено в тыловой части четвертой надпойменной террасы высотой 32 м. В культурном слое 2 на контакте подпочвенной каштановой супеси и палево-бурой супеси выявлено могильное пятно. Под ним раскрылась погребальная яма округлой формы диаметром 90 см глубиной 70 см. На дне оказался скелет взрослого человека в согнутом положении, ориентированный головой на запад, лицо развернуто к югу. В левой теменной кости – отверстие, размером 7 × 4 см. Позвоночник повторяет контур ямы. Верхняя часть тела покоится на правом боку с разворотом тела к середине ямы. Правая рука расположена

вдоль тела, полусогнута, кисть под правым бедром, развёрнута ладонью вниз. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть на голени левой ноги. Согнутые ноги развёрнуты вправо. Голени загнуты назад так, что стопы оказались под тазовыми костями. Коленные чашечки упираются в восточный борт погребальной ямы. Череп и скелет пропитаны охрой красного цвета. У правой локтевой кости найдена примечательная правильная двугранная микропластинка размерами $4,0 \times 0,7$ см. На дне ямы, в центре зафиксировано углистое пятно размерами 31×23 см. В 3,5 м к западу от погребения находилось ритуальное кострище, обсыпанное по полупериметру красной охрой. Кострище устроено в яме овальной формы размерами $2,23 \times 1,3$ м., глубиной 0,5 м. В яме разводился сильный огонь, а затем он был засыпан грунтом. Возраст погребения, исходя из бедности инвентаря и стратиграфической позиции (на границе голоцена и плейстоцена), может определяться с ориентировкой на 10 тыс. лет назад и соотноситься с мезолитом.

Поселение Мельничное расположено в Южной части Хэнтэй – Даурского (Чикойского) нагорья, в окрестностях с. Нижний Нарым, в пади Мельничное с одноимённым ручьём, левым притоком Чикоя, на 3-й надпойменной террасе (Под покровительством... 2003). В пределах раскопа выявлено грунтовое погребение глубиной 0,7–0,8 м. Яма заложена с уровня подпочвенной супеси, уничтоженной распашкой (примазки данной супеси проявляют себя на дне ямы). Скелет обильно засыпан охрой. Он лежал на спине, головой на север, глазами к левому плечу (на восток). Правая рука согнута в локте так, что кисть перекрывает череп. Левая рука согнута так, что кисть оказалась у левого плеча. Правая нога согнута, развернута влево, при этом бедренная кость перпендикулярна позвоночнику, а голень подтянута под бедро. Левая нога также согнута, при этом бедро поднято вверх под углом 45° , а колено оказалось у локтя левой руки; голень загнута под бедро до предела. При такой неестественной позиции костей ног тазовые кости остались в нормальной позиции. На запястье правой руки, лежащей на черепе, оказалась бляшка из раковины со спиралевидным орнаментом. На стопе левой ноги – «нитка» пиррофиллитовых бусин. Под левой бедренной костью и, возможно, первоначально в мягкой ткани – пластинчатое острие, оформленное краевой регушью. Данное острие, скорее всего, является наконечником стрелы. Не исключается посмертный ритуальный дострел человека. Радиоуглеродная дата по кости – 7480 ± 180 (ГИН-4997). Наиболее вероятен мезолитический возраст погребения.

Дальневосточные материалы происходят из пещеры Чёртовы ворота. Памятник расположен в верховьях р. Кривой, притока р. Рудной, северной части Приморского Края в 12 км на северо-запад от г. Дальнегорска, в 600 км на северо-восток от г. Владивостока. Удаленность от побережья Японского моря 30 км. Раскопки проводил отряд сектора археологии первобытного общества Института истории археологии и

этнографии народов Дальнего Востока ДВ центра АН СССР под руководством В.А. Татарникова летом 1973 г. В культурном слое пещеры было вскрыто жилище, в его центре – очаг прямоугольной формы. Сохранились остатки обугленных конструкций жилища, ямки от столбов. Судя по прослойке угля в 20 см, в пещере случился пожар, от которого могли погибнуть люди, останки которых располагались на полу перед входом в жилище. Археологи относят памятник к ранненеолитической культуре Приморья – рудной (Андреева, Татарников 1974). Внутри пещеры были обнаружены каменные орудия (отщепы, пластины, острия, наконечники стрел, скребки, шлифованные топоры и тесла, приспособления для обработки древков стрел), кости (гарпуны, острия, проколки, иглы), вкладышевые орудия, украшения из раковин моллюсков. Также были найдены фрагменты ткани, сплетенной из дикой осоки (самые древние в регионе свидетельства ткачества), обрывки рыболовных сетей, четырнадцать полных глиняных сосудов и многочисленные осколки. Керамические изделия украшены штампованными орнаментами, отпечатками раковин, налепными валиками. Определение абсолютного возраста по содержанию изотопа углерода C^{14} в коллагене костей двух индивидов из пещеры Чёртовы ворота и по десяти образцам со стоянки Бойсмана 2 проводили с учетом особенностей питания древних людей (Kuzmin et al. 2002). Датировка антропологических материалов из пещеры – 7010 95; со стоянки – от 5690 70 до 6080 70. Три черепа памятника Бойсмана 2, расположенного в Приморье на побережье Охотского моря, привлечены нами для сравнения. Позже датировка памятника Чёртовы ворота была удревлена до 7 700 лет до наших дней (Siska et al. 2017).

Результаты

Краниологическое исследование. В табл. 1 представлены индивидуальные размеры изученных черепов. Следует напомнить, что цифры по женским черепам из Усть-Мензинского могильника и пещеры Чёртовы ворота следует принимать условно, так как была проведена значительная реставрационная работа по сборке целых черепов.

Череп из Мельничное и Жиндо, погребение 6, могут быть описаны как удлиненные и относительно узкие, долихокранные, форма – овоидная. Череп из Груздёвого мезокранен. Вообще, большинство абсолютных размеров мозговой коробки попадают в категорию средних, за рядом нескольких исключений. Например, скуловой диаметр черепов имеет большие и очень большие значения (табл. 1). Лицевая часть черепа мезогнатная, среднеширокая и высокая, по верхнелицевому указателю – лептенная, Груздёвое – мезенная. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию среднебольших и больших, т.е. лицо слабо профилировано. Орбиты достаточно высокие – мезоконхные. В абсолютных размерах нос узкий (лепторинный), со слабо выступающим переносьем.

Т а б л и ц а 1

**Индивидуальные краниологические характеристики изученных
неолитических черепов из Забайкалья и Приморья**

№	Признак	Жиндо, погр. 6 муж.	Мель- ничное жен.	Груздёвое, жен.	Чёртовы ворота муж.	Чёртовы ворота, жен.
1	Продольный диаметр	191	183	171	172	158
8	Поперечный диаметр	141	132	133 (?)	153	144
17	Высотный диаметр	128	123	124(?)	140	127
5	Длина основания черепа	107	98	–	102	95
9	Наименьшая ширина лба	95	86	83	102	96
10	Наибольшая ширина лба	120	121	106	129	131
11	Ширина основания черепа	133	120	128	140	132
12	Ширина затылка	115	107	107	121	110
45	Скуловой диаметр	142	128	140	142	135
40	Длина основания лица	106	96(?)	–	101	98
48	Верхняя высота лица	78	76	69	79,5	66
47	Полная высота лица	126	120	–	130	109,5
43	Верхняя ширина лица	111	108	97	108	107
46	Средняя ширина лица	106	97(?)	97	105	100
55	Высота носа	55,2	58	54	58,2	50
54	Ширина носа	23,8	24,3	25,5	24,7	23,1
51	Ширина орбиты от мф.	42,5	43	39,7	39,6	37
52	Высота орбиты	36,2	34,8	33,1	34,3	30,3
77	Назо-молярный угол	145	147	–	156	153
<zm	Зиго-максиллярный угол	137	133	–	145	151
SC(57)	Симотическая ширина	9	8,1	5,3	4,9	6
	Симотическая высота	2,8	3,5	1,3	2,8	1,3
MC(50)	Максиллофронтальная ширина	20	19	19,1	21	23,1
MS	Максиллофронтальная высота	6,2	8,3	6	4,5	6,1
75 (1)	Угол выступания носа	24	16	13	11	90
71a	Наименьшая ширина ветви	38	37	–	37	–
65	Мышелковая ширина	129	–	–	136	–
66	Угловая ширина	106	91	–	114	–
67	Передняя ширина	49	50	–	54	–
69	Высота симфиза	36	36	–	37	–
69(1)	Высота тела	34	34	–	31	–
69(3)	Толщина тела	15	13	–	–	–
8/1	Черепной указатель	73,8	72,1	77,8	88,9	91,1
17/1	Высотно-продольный указатель	67	67,2	–	81,4	80,4
48/45	Верхний лицевой указатель	54,9	59,4	49,3	56	48,9
54/55	Носовой указатель	43,1	41,9	47,2	42,4	46,2
	Симотический указатель	31,1	43,2	24,5	57,1	21,7
52/51	Орбитный указатель	85,2	87,9	83,4	86,6	81,9

Примечание. Размеры даны в мм, углы – в градусах.

Череп из пещеры Чёртовы ворота могут быть описаны как укороченные и широкие, гипербрахиокраниальные. Вообще, большинство абсолютных размеров мозговой коробки попадают в категорию малых и средних, с небольшим количеством исключений. Например, ширина основания черепа, поперечный диаметр и скуловой диаметр имеют большие значения (см. табл. 1). Лицевая часть черепа мезогнатная, среднеширокая и высокая, по верхнелицевому указателю – лептенная у мужчины, и эуриенная у женщины. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию больших и очень больших, т.е. лицо достаточно сильно уплощено. Орбиты достаточно высокие – мезоконхные. В абсолютных размерах нос узкий (лепторинный), с утопленным переносьем. Угол выступления носа малый.

Следующим этапом исследования было определение положения изученных мужских черепов на фоне синхронного населения Сибири с помощью метода главных компонент. В сравнительном анализе приняли участие краниологические материалы, датируемые неолитом, из 11 местонахождений Сибири (Чижишева 2012). Здесь мы сознательно, в отличие от следующего этапа анализа, провели сравнение на достаточно широком фоне, включающем находки с территории Западной Сибири, Алтая и Урала. Ниже приведена географическая локализация привлеченных для сравнения памятников. Солонцы-5 – Алтай; Сопка 2 – Венгеровский район Новосибирской области; Корчуган и Протока – Кыштовский район Новосибирской области; Васьково – берег реки Ини у с. Васьково, Кемеровская область; Лебеди 2 – Верхнее (Новосибирское) Приобье; Дождевой камень – грот на р. Чусовой, Свердловская область.

Череп сопоставляли по 10 краниометрическим признакам (продольный, поперечный, высотный и нижнечелюстной диаметры, верхняя высота лица, высота и ширина носа, высота и ширина орбиты, назомолярный угол). Проведенный анализ выявил, что две первые главные компоненты описывают около 53% общей изменчивости. Первая главная компонента противопоставляет черепа с большими значениями верхней высоты лица, высоты носа и орбиты и малыми значениями ширины орбиты черепам с противоположным сочетанием признаков. Вторая главная компонента описывает увеличение продольного диаметра и ширины носа и уменьшение назомолярного угла.

Исследуемые нами черепа из Забайкалья и Дальнего Востока расположились в нижней части графика (рис. 1). Череп из Падь-Токуй занял обособленное место в верхней правой четверти, демонстрируя максимальное значение по второй главной компоненте. Он характеризуется относительно более длинной мозговой коробкой, большой шириной носа и более профилированным лицом на уровне орбит, а также низким сводом. Оба черепа из Жиндо имеют относительно большой назомолярный угол и неширокие скулы и орбиты. Близкие к этим характеристики продемонстрировали черепа из могильников Сопка 2/1 и Солон-

цы-5. Эти палеоантропологические материалы происходят из Барабинских степей и Верхнего (Барнаульско-Бийского) Приобья.

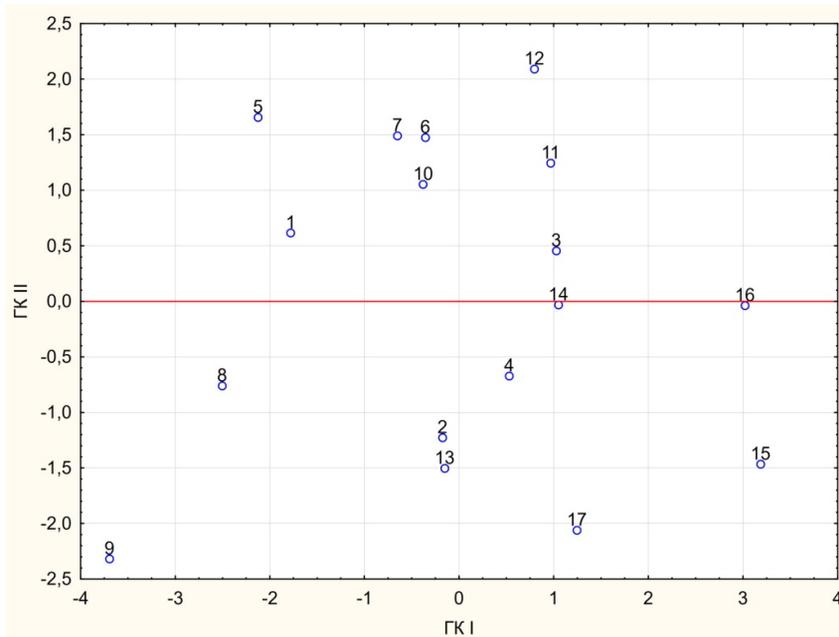

Рис. 1. Расположение неолитических черепов территории Сибири и Дальнего Востока в поле двух главных компонент: 1 – Солонцы-5, погр. 5; 2 – Солонцы-5, погр. 4; 3 – Корчуган, погр. 3; 4 – Сопка 2/1, погр. 51; 5 – Сопка 2/1, погр. 61F; 6 – Протока, погр. 3Б; 7 – Протока, погр. 4Б; 8 – Протока, погр. 11; 9 – Дождевой камень; 10 – Лебеди 2, погр. 7; 11 – Васьково 4, погр. 3; 12 – Падь Токуй, погр. 1, 13 – Жиндо, погр. 2, ск. 1; 14 – Жиндо погр. 6; 15 – Чёртовы ворота, Ж; 16 – Бойсмана 2, погр. 1А; 17 – Бойсмана 2, погр. 5

Интересно, что череп из пещеры Чёртовы ворота оказался между двумя черепами с дальневосточной стоянки Бойсмана 2. Все три черепа сгруппировались по первой компоненте, принимая максимальные по всей выборке ее значения, как черепа с относительно высоким лицом. Более того, череп из Чёртовых ворот оказался близок к черепу из Бойсмана 2, погребение 5, по второй главной компоненте. Эта близость обусловлена сильной уплощенностью лица обоих индивидов на уровне орбит.

Сравнительное исследование по программе обобщенной характеристики мозговой коробки. Мы проводили сопоставление изучаемых неолитических черепов с опубликованными ранее краниологическими материалами по неолиту Восточной Сибири и Дальнего Востока (Гохман 1953; Дебец 1951; Чикишева 2012; Чикишева, Шпакова 1997). Отдельно было проведено сравнение с современными краниосериями этой территории. Материалы по современным сериям взяты почти исключительно из фундаментальной сводки В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (1984).

Ниже представляем краткую характеристику географического положения неолитических памятников, краниологические материалы которых привлечены для сравнения. Серии Базаиха и Перевозное представляют черепа, найденные близ города Красноярска (бассейн реки Енисей); несколько выше от Красноярска по течению Енисея была обнаружена находка Батени. Черепа Канска происходят с побережья реки Кан – правого притока Енисея (близ одноименного города). Неолитические серии серовской культуры происходят из могильников среднего течения Ангары и верховьев Лены, китойской культуры – с верховьев Ангары и верховьев Лены. Черепа Туой-Хая и Дириг-Юрях были найдены в Центральной Якутии. Серия неолита Забайкалья представляет материалы с низовьев реки Селенги; два черепа памятника Шилка происходят из раскопок в долине одноименной реки – одного из притоков Амура в Забайкалье. Дальневосточные материалы представлены серией черепов могильного комплекса со стоянки Бойсмана 2 с территории южного Приморья.

В табл. 2 представлены обобщенные характеристики мозгового черепа по мужским неолитическим находкам.

Таблица 2

Краниологические характеристики отдельных черепов и серий неолитического времени с территории Восточной Сибири и Дальнего Востока (мужчины)

Памятник	№	1, мм	8, мм	17, мм	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Падь-Токуй	1	193,0	150,0	122,0	273,2	77,7	81,3	142,7	97,8	71,7	75,6
Жиндо-2	1	184,0	140,0	125,0	262,8	76,1	89,3	139,1	92,3	77,9	77,0
Жиндо 6	1	191,0	141,0	128,5	270,0	73,8	91,1	145,7	87,3	78,7	73,4
Чёрговы ворота	1	172,0	154,0	140,0	268,7	90,6	90,9	115,8	99,8	86,5	90,2
Бойсмана-2, погр. 1	1	185,0	146,0	142,0	275,1	78,9	97,3	128,5	90,1	86,4	82,7
Бойсмана -2, погр. 5	1	174,0	132,0	133,0	255,7	75,9	100,8	131,3	86,8	87,8	81,1
Шилка	2	190,0	143,0	122,0	267,3	75,3	85,3	143,8	93,9	74,0	74,7
Базаиха	2	185,5	151,0	128,5	271,5	81,4	85,1	133,2	97,8	76,8	80,5
Перевозное	1	192,0	161,0	135,0	284,6	83,9	83,9	130,2	100,0	76,8	82,2
Канск	2	184,5	146,0	136,0	271,8	79,1	93,2	130,9	92,2	82,9	81,4
Серово (Ангара)	19	193,9	146,9	133,4	277,4	75,1	90,8	138,5	91,3	79,0	77,3
Китой (Ангара)	18	187,6	143,8	127,4	268,5	76,6	88,6	138,6	93,0	77,6	77,3
Серово (Лена)	14	185,5	142,9	132,4	269,0	77,0	92,7	134,9	91,2	81,3	79,2
Китой (Лена)	3	193,0	146,0	137,7	278,4	75,7	94,3	136,1	89,6	82,0	78,5
Забайкалье	14	188,1	145,1	131,2	271,4	77,2	90,4	136,3	92,4	79,4	78,5
Туой-Хая	1	188,0	157,0	131,0	277,8	83,5	83,4	131,1	100,0	76,3	81,7
Дириг-Юрях	4	188,8	151,3	132,1	275,7	80,2	87,3	133,5	95,8	78,2	80,1
Количество		17	17	17	17	17	17	17	17	17	17
Среднее значение		186,8	146,9	131,6	271,7	78,7	89,7	134,7	93,6	79,6	79,5
Стандартное отклонение		6,09	5,85	5,87	6,59	4,21	4,21	6,98	4,28	4,41	3,84

Из анализа таблицы видно, что население изучаемых регионов отличается крайним разнообразием. На основе данных табл. 2, где представлены характеристики как отдельных черепов, так и неолитических краниосерий территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, построена дендрограмма расстояний между ними по десяти обобщенным параметрам (рис. 2). Согласно этой дендрограмме из общего массива более всего выделяются три черепа: Чёртовы ворота, Перевозное и череп из погребения 5 могильника Бойсмана 2.

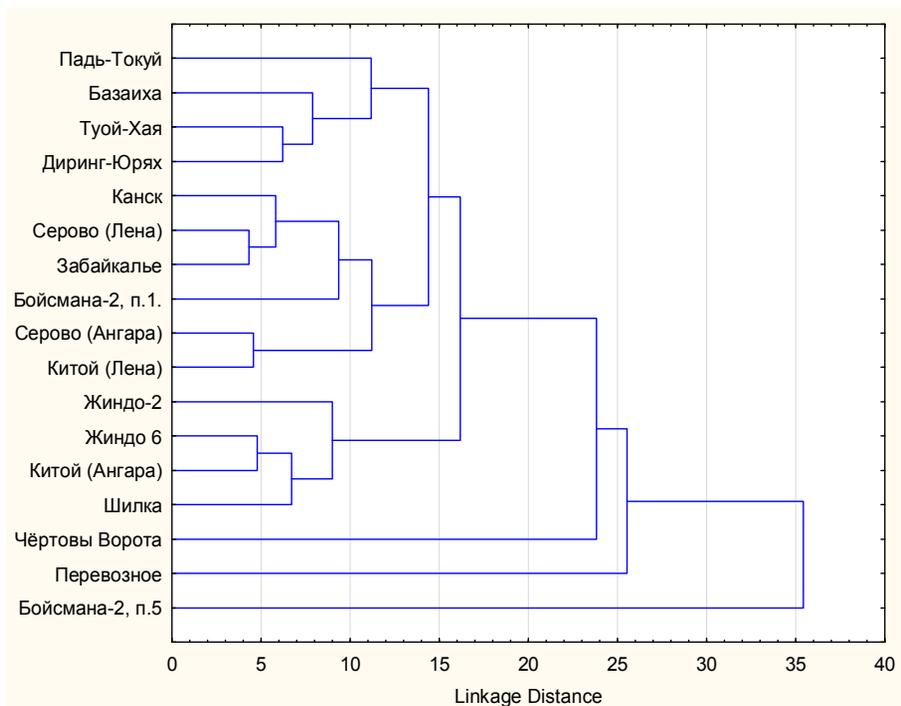

Рис. 2. Дендрограмма расстояний между исследуемыми индивидуальными черепами и сериями неолита Восточной Сибири и Дальнего Востока (мужчины)

Череп Чёртовы ворота с территории Приморского края характеризуется исключительно малой абсолютной (признак № 1) и относительной длиной (признак УД) черепной коробки. Продольный диаметр этого черепа демонстрирует минимальное значение – 172 мм и отличается от средней более чем на 3 стандартных отклонения, также и указатель долихоидности ($УД = 115,8$) отстаёт от среднего значения почти на 3 σ . Близким к нему по этому параметру оказывается только один череп из поселения Бойсмана 2, погр. 5.

Череп из могильника Перевозное отличается огромной величиной ($ОРВ = 284,6$) в первую очередь из-за своей очень большой ширины, поперечный диаметр составляет 161 мм. Если удалить череп Перевоз-

ное из таблицы, то дисперсия по некоторым признакам значительно уменьшится. Череп из погребения 5 могильника Бойсмана 2 отличается исключительно малой величиной (ОРВ = 255,7). Он и короткий, и очень узкий, продольный диаметр 174, поперечный – 132!

В целом дендрограмма показывает значительную близость обоих черепов из могильника Жиндо (погр. 2 и погр. 6). Череп из Падь-Токуй благодаря очень малой высоте объединяется с индивидами из Базаихи, Диринг-Юрях и Туой-Хая.

Далее рассмотрим анализируемые мужские неолитические черепа Восточной Сибири и Дальнего Востока на фоне современных краниологических серий этой территории. В табл. 3 представлены величины тех же десяти признаков черепной коробки. В последних строках таблицы средние межгрупповые величины признаков и их межгрупповые дисперсии (SD) даны в двух вариантах: с учётом всех краниологических выборок ($n = 17$) и без шести неолитических черепов, выделенных полужирным шрифтом ($n = 13$). Средние межгрупповые значения этих двух вариантов выборок мало отличаются друг от друга, но межгрупповые дисперсии всех десяти признаков за вычетом неолитических черепов становятся меньше, иногда значительно. Так, для продольного диаметра стандартное отклонение, рассчитанное только по современным группам, составляет 2,94 мм, против 4,90 мм с учётом неолитических черепов. Также отмечается большая разница стандартных отклонений по признаку УД: у представленных современных выборок она равна 2,90, а вместе с неолитическими черепами 6,76 и т.д.

Таблица 3
Краниологические характеристики изученных неолитических черепов и серий современного населения с территории Восточной Сибири и Дальнего Востока (мужчины)

Памятник	№	1, мм	8, мм	17, мм	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Падь-Токуй	1	193,0	150,0	122,0	273,2	77,7	81,30	142,7	97,80	71,7	75,60
Жиндо 2	1	184,0	140,0	125,0	262,8	76,1	89,30	139,1	92,30	77,9	77,03
Жиндо 6	1	191,0	141,0	128,5	270,0	73,8	91,10	145,7	87,30	78,7	73,43
Чёрговы ворота	1	172,0	154,0	140,0	268,7	90,6	90,90	115,8	99,80	86,5	90,17
Бойсмана 2, п. 1	1	185,0	146,0	142,0	275,1	78,9	97,3	128,5	90,1	86,4	82,7
Бойсмана 2, п. 5	1	174,0	132,0	133,0	255,7	75,9	100,8	131,3	86,8	87,8	81,1
Тувинцы	53	183,3	150,6	131,0	271,0	82,2	86,99	130,5	97,19	78,0	81,84
Тофалары	4	186,2	150,2	129,5	272,0	80,7	86,22	133,5	96,73	77,4	80,22
Буряты западные	36	183,6	147,5	135,4	271,7	80,3	91,80	129,9	93,55	82,3	81,97
Буряты тункинские	37	181,7	150,3	132,6	270,5	82,7	88,22	128,7	96,83	80,2	82,79
Буряты забайкальские	45	181,9	154,8	131,9	272,8	85,1	85,21	127,3	99,94	78,6	83,75
Эвенки оленные	28	185,5	145,7	126,3	267,6	78,5	86,68	136,7	95,19	76,8	78,42

Памятник	№	1, мм	8, мм	17, мм	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Якуты	39	185,8	148,6	136,8	274,4	80,0	92,06	130,3	93,21	82,3	81,74
Ульчи	31	183,3	142,3	134,4	268,1	77,6	94,45	132,5	90,66	83,2	80,45
Нанайцы	11	184,6	142,3	137,8	270,8	77,1	96,84	131,8	89,22	85,0	80,81
Негидальцы	16	180,9	145,6	130,4	266,3	80,5	89,56	131,3	94,80	80,4	81,29
Орочи	12	177,0	148,9	130,8	265,7	84,1	87,84	126,8	97,86	80,6	83,87
Нивхи	15	179,9	147,8	133,5	268,4	82,2	90,32	128,1	95,37	81,9	83,06
Айны	8	187,9	141,2	138,3	272,7	75,2	97,95	134,5	87,59	84,9	79,35
Количество		19	19	19	19	19	19	19	19	19	19
Среднее значение		183,2	146,3	132,6	269,4	80,0	90,78	131,9	93,80	81,1	81,03
Стандартное отклонение		5,14	5,49	5,16	4,56	4,01	4,94	6,43	4,20	3,94	3,54
Количество*		13	13	13	13	13	13	13	13	13	13
Среднее значение*		183,2	147,4	133,0	270,2	80,5	90,32	130,9	94,47	81,0	81,50
Стандартное отклонение*		2,94	3,89	3,51	2,70	2,85	4,10	2,90	3,57	2,62	1,65

На рис. 3 представлена дендрограмма взаимных расстояний между изучаемыми неолитическими черепами и краниосериями современного населения Восточной Сибири. Здесь, как и на предшествующей дендрограмме, череп Бойсмана 2, погребение 5, резко выделяется из всего изучаемого массива. Неолитические черепа Восточной Сибири – Падь-Токуй, Жиндо 6 и Жиндо 2 вместе с серией черепов кочевых эвенков, видимо, за счёт их низкосводной формы, отдалены от основного кластера, включающего в себя все остальные современные краниосерии Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сюда же тяготеют с некоторой условностью дальневосточные неолитические черепа могильников Чёртовы ворота и Бойсмана 2 погребения 1.

Следующим этапом был проведен аналогичный анализ с женскими неолитическими черепами изучаемой территории. В настоящей работе нами изучено 3 черепа, у которых зафиксированы все три основных диаметра черепной коробки: Мельничное, Груздёвое (Восточная Сибирь) и Бойсмана 2, погребение 10 (Дальний Восток). Представлены величины изучаемых признаков этих черепов и других женских черепов и серий неолита Восточной Сибири (табл. 4).

Как видно из таблицы, дисперсия большинства изучаемых признаков здесь также велика, как и среди мужских выборок неолита этой территории, что подтверждает значительную дифференциацию неолитического населения данной территории. По материалам этой таблицы построена дендрограмма (рис. 4).

Из анализа дендрограммы видно, что резко выделяется череп Бойсмана 2, погребение 10 (Дальний Восток, Приморье), и черепа из Канска (среднее течение Ангары).

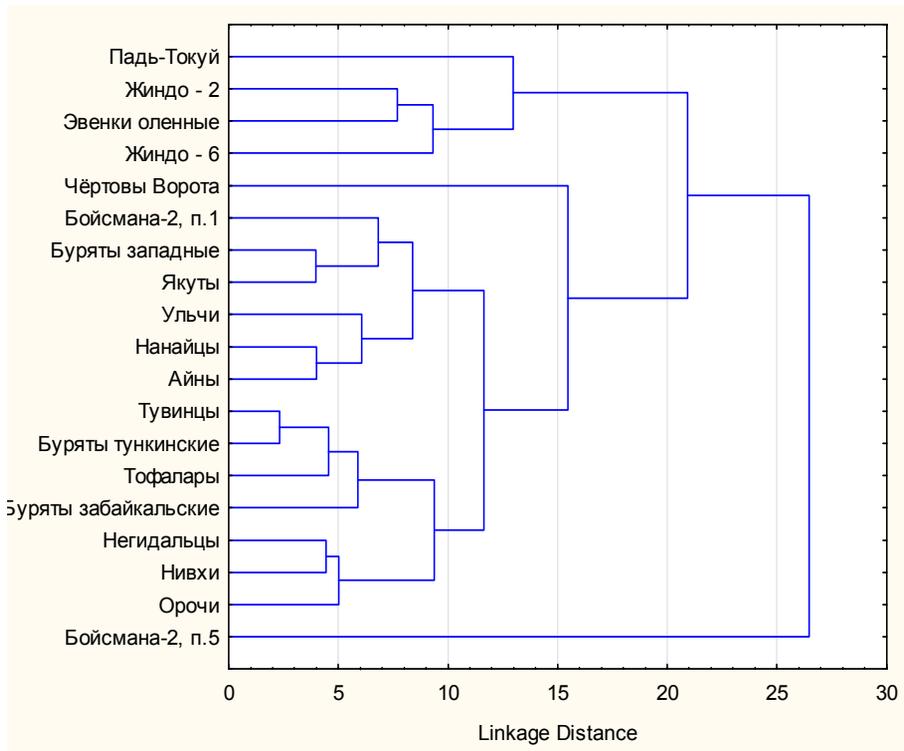

Рис. 3. Дендрограмма расстояний между исследуемыми неолитическими черепами и современными краниосериями (мужчины)

Таблица 4

Краниологические характеристики отдельных черепов и серий неолитического времени территории Восточной Сибири и Дальнего Востока (женщины)

Памятник	№	1, мм	8, мм	17, мм	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Мельничное	1	190,0	135,0	126,0	265,0	71,1	93,3	145,7	87,3	78,7	73,4
Груздёвое	1	171,0	133,0	125,0	250,1	77,8	94,0	132,6	91,0	82,9	80,4
Бойсмана 2, п. 10	1	183,0	137,0	147,0	271,8	74,9	107,3	129,0	83,5	92,8	82,5
Базаиха	1	169,0	136,0	123,0	249,4	80,5	90,4	130,7	94,3	81,1	81,6
Батени	1	184,0	140,0	134,0	267,2	76,1	95,7	134,3	89,2	83,5	79,4
Канск	2	175,5	155,0	119,0	262,7	88,3	76,8	129,2	107,3	72,2	83,4
Серово (Ангара)	8	182,1	141,6	134,2	266,9	77,8	94,8	132,1	90,6	83,6	80,7
Китой (Ангара)	9	180,4	139,5	124,2	259,7	77,3	89,0	137,1	93,2	78,3	78,1
Забайкалье	10	176,5	141,0	127,8	259,5	79,9	90,6	131,5	93,9	81,0	81,1
Родинка II	1	187,0	138,0	132,0	267,3	73,8	95,7	138,6	87,8	82,2	77,2
Бойсмана 2, п. 10	1	183	137	147	271,8	74,9	107,3	129,0	83,5	92,8	82,4
Количество		10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
Среднее значение		179,9	139,6	129,2	262,0	77,7	92,8	134,1	91,8	81,6	79,8
Стандартное отклонение		6,77	6,06	7,96	7,43	4,65	7,55	5,15	6,37	5,22	2,93

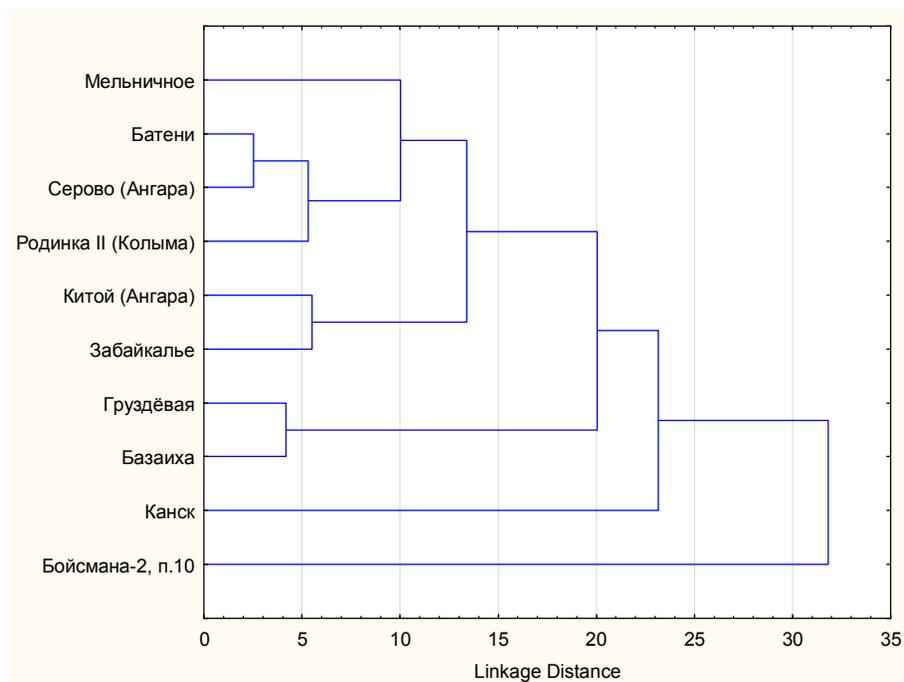

Рис. 4. Дендрогрaмма расстояний между исследуемыми индивидуальными черепами и сериями неолита Восточной Сибири и Дальнего Востока (женщины)

В отличие от мужского черепа Бойсмана 2, погребение 5, очень малого по абсолютной величине (ОРВ = 255,7), женский череп из этого же могильника большой даже по мужскому масштабу (ОРВ = 271,8). Этот же череп резко отличается от других, исследуемых нами, также и высокой формой черепной коробки: высотно-поперечный указатель равен 107,3, а указатель гипсиоидности (УГ) составил 92,8. Подобные величины этих параметров не фиксируются на всей территории Восточной Сибири. Напротив, современное население этой территории отличается от всех других регионов нашей планеты исключительно низкой величиной свода черепа. Высокий свод фиксируется среди современных популяций на Тихоокеанском побережье у представителей дальневосточного варианта монголоидного ствола. Можно предложить следующее гипотетическое объяснение этого феномена. Археологический комплекс Бойсмана 2 географически находится на стыке зоны доминирования континентальных монголоидов (с низким сводом черепа) с зоной тихоокеанских монголоидов (с высоким сводом черепа). Метисация различных краниотипов часто приводит к гетерозисному увеличению самого объекта (в данном случае черепной коробки). Этот же процесс может привести к резкому увеличению какого-либо параметра (в данном случае, к увеличению высотного диаметра).

По многим признакам этот череп сближается с черепами из пещеры Чёртовы ворота. Другими словами, по результатам анализа женской части выборки можно говорить о резком различии населения Восточной Сибири и Дальнего Востока уже в неолитическое время.

В противоположность женскому черепу из могильника Бойсмана 2 два черепа из Канска отличаются очень низким сводом: высота базионбрегма (№ 17 по Мартину) равна 119 мм, высотно-поперечный указатель – 76,8, УГ = 72,2. По этому показателю они тяготеют к изученным нами материалам Забайкалья. В целом же женские черепа изучаемого региона чрезвычайно различаются по размерам и форме. Что говорит о значительной гетерогенности неолитического населения.

Далее рассмотрим изучаемые женские черепа неолитического времени на фоне современных женских краниосерий Восточной Сибири и Дальнего Востока. В табл. 5 представлены краниологические данные изучаемых женских неолитических черепов и современных краниосерий.

Таблица 5

Краниологические характеристики изученных неолитических черепов и серий современного населения с территории Восточной Сибири и Дальнего Востока (женщины)

Памятник	№	1, мм	8, мм	17, мм	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Мельничное	1	190,0	135,0	126,0	265,0	71,1	93,8	145,7	87,3	78,7	73,4
Груздёвое	1	171,0	133,0	125,0	250,1	77,8	94,0	132,6	91,0	82,9	80,4
Бойсмана 2, п. 10	1	183,0	137,0	147,0	271,8	74,9	107,3	129,0	83,5	92,8	82,5
Тувинцы	37	172,9	143,3	124,3	256,7	82,9	86,7	129,5	97,7	79,0	82,4
Тофалары	3	171,3	141,0	125,7	255,0	82,3	89,1	128,7	96,1	80,9	82,8
Буряты западные	28	176,4	141,0	125,7	258,5	79,9	89,1	132,5	94,7	79,7	80,6
Буряты тункинские	22	170,3	143,8	129,3	257,7	84,4	89,9	124,9	96,9	82,6	84,9
Буряты забайкальские	40	171,7	147,5	124,9	258,5	85,9	84,7	126,5	100,7	78,5	84,2
Эвенки оленные	28	174,7	140,5	120,7	254,6	80,4	85,9	134,2	96,8	77,0	79,9
Якуты	27	177,2	143,6	129,7	262,4	81,0	90,3	129,8	94,7	81,3	82,1
Ульчи	25	172,9	136,4	125,4	253,4	78,9	91,9	132,2	92,6	81,7	80,7
Нанайцы	11	170,7	139	131,3	256,3	81,4	94,5	126,4	92,8	85,2	83,9
Негидальцы	15	171,0	140,8	131,3	257,5	82,3	93,3	125,8	94,0	84,6	84,3
Орочи	11	172,0	143,4	123,9	255,9	83,4	86,4	129,0	98,2	78,9	82,7
Нивхи	14	171,1	142,6	126,0	255,9	83,3	88,4	127,6	97,1	80,7	83,4
Количество		15	15	15	15	15	15	15	15	15	15
Среднее значение		174,4	140,5	127,7	258,0	80,7	91,0	130,3	94,3	81,6	81,9
Стандартное отклонение		5,48	3,86	6,06	5,18	3,82	5,48	5,07	4,43	3,86	2,80
Без Бойсмана 2, п. 10		14	14	14	14	14	14	14	14	14	14
Среднее значение		173,8	140,8	126,4	257,0	81,1	89,9	130,4	95,1	80,8	81,8
Стандартное отклонение		5,13	3,88	3,00	3,63	3,60	3,25	5,24	3,40	2,40	2,90

Памятник	№	1, мм	8, мм	17, мм	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Без неолита (число)		12	12	12	12	12	12	12	12	12	12
Среднее значение		172,7	141,9	126,5	256,9	82,2	89,2	128,9	96,0	80,8	82,6
Стандартное отклонение		2,27	2,80	3,23	2,32	1,98	3,00	2,90	2,37	2,46	1,60

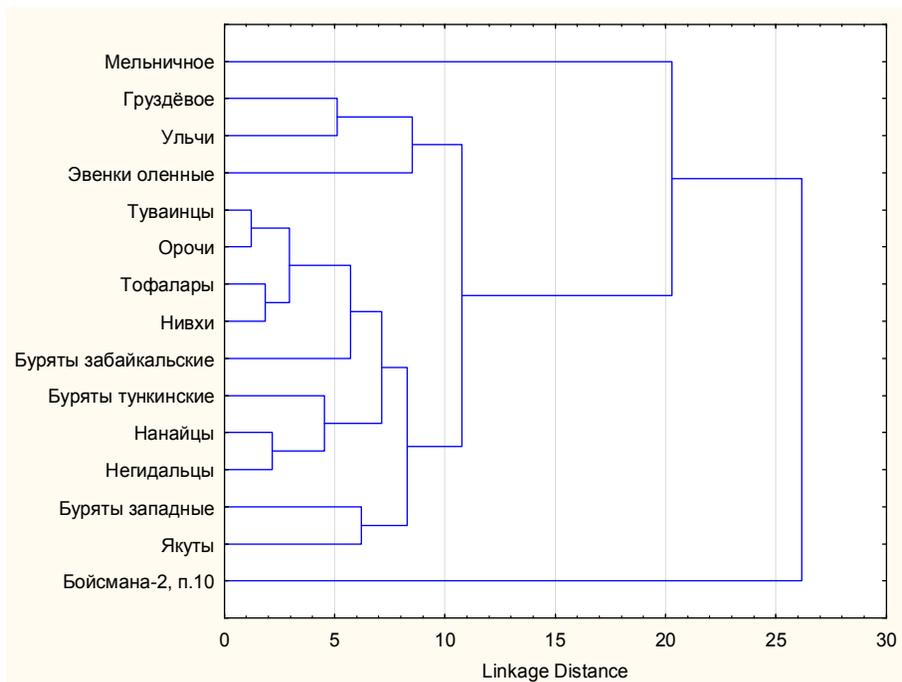

Рис. 5. Дендрограмма расстояний между исследуемыми неолитическими черепами и современными краниосериями (женщины)

Усреднённые величины изучаемых признаков и стандартные отклонения даны трижды: 1) по всему массиву; 2) за вычетом «аномального» черепа Бойсмана 2; 3) только по современным сериям. Видно заметное уменьшение размаха варьирования во втором случае и резкое его снижение для третьего, когда величины стандартного отклонения принимают обычные значения (Алексеев, Дебец, 1964), что на цифровом материале наглядно иллюстрирует высказанный выше тезис о гетерогенности неолитического населения.

По данным этой таблицы построена дендрограмма (рис. 5). При ее рассмотрении видно, что более всего отличаются от основного краниологического массива два черепа: Бойсмана 2, погребение 10, самый крупный и самый высокосводный (абсолютно и относительно), и Мельничное, самый удлинённый (абсолютно и относительно) и низкосводный, по всему комплексу признаков тяготеющий к мужскому черепу Падь-Токуй.

Сравнение данных, рассчитанных по всему краниологическому материалу (женские неолитические черепа плюс современные серии, за вычетом характеристик черепа Бойсмана 2) и только по современным женским сериям Восточной Сибири, показывает, что средние межгрупповые величины изучаемых признаков этих двух объединений различаются незначительно. Зато величины их дисперсии (SD) существенно различны даже за вычетом «аномального» черепа Бойсмана 2. Отсюда следует, что современный краниологический материал значительно более однороден, величины дисперсии практически у всех признаков значительно меньше, что четко видно при сравнении последней и третьей снизу строчек таблицы.

Заключение

Несмотря на малочисленность анализируемого материала, считаем возможным сделать некоторые обобщения.

Важным результатом проделанного анализа является выявленное своеобразие населения двух анализируемых регионов: краниологические характеристики изученных индивидов Восточной Сибири и Дальнего Востока заметно различались уже в эпоху неолита. Представители Приморья характеризуются высоким и коротким черепом, высоким лицом, а также их отличает большая ширина лица на уровне лба, скул и нижней челюсти, более уплощенная профилировка (большие значения назомолярного и зигомаксиллярного углов), значительно меньшее выступание носа. Восточносибирские группы долихокранны и низкосводны, уплощенность лица выражена в средней степени.

Материалы из Восточной Сибири в целом представляют собой довольно компактное объединение. К ним также тяготеет череп со стоянки Бойсмана 2, погребение 1. Несколько выделяется из общего массива череп из могильника Падь-Токуй своим необыкновенно низким сводом. Хотя эта черта как раз и является характерной для неолита Восточной Сибири. Два черепа из могильника Жиндо в целом похожи друг на друга.

Краниологические особенности дальневосточных неолитических черепов выделяют их из общего массива сравниваемых групп, что выявлено обоими аналитическими методами (кластерный анализ и метод главных компонент). Мужской череп из пещеры Чёртовы ворота исключительно короткий и высокосводный по форме черепной коробки. Женский череп из могильного комплекса Бойсмана 2, погребение 10, очень крупный даже по мужским нормам и исключительно высокосводный. Возможно, мы имеем дело с явлением гетерозиса вследствие смешения двух различных панайкуменных краниотипов, одним из представителей которого может являться мужской череп из погребения 5 этого же памятника, крайне малый по величине продольного и особенно поперечного диаметров.

Скорее всего, эти тенденции можно отнести и к женским черепам. В силу малой представленности женского пола среди находок неолитического времени сравнительный анализ проводился только по программе обобщенных характеристик мозгового черепа, к тому же был исключен женский череп из пещеры Чёртовы ворота из-за большой доли условности его реставрации. Однако результаты кластерного анализа отчетливо показали противопоставление дальневосточного черепа Босмана 2 остальному массиву данных о неолитическом населении, что, скорее всего, объясняется индивидуальной спецификой данного объекта.

Из всего сказанного можно предположить, что разделение монголоидного ствола на континентальный и тихоокеанский антропологические варианты произошло, скорее всего, уже в мезолитическое время.

Сопоставление изученных нами неолитических черепов с современными краниосериями показало, что в целом популяции коренного населения Восточной Сибири и Дальнего Востока мало отличаются от популяций неолитического времени. Выявляется отчетливая картина преемственности: современные популяции этих территорий, несомненно, являются генетическими потомками неолитического населения. Это хорошо согласуется с результатами генетического исследования образцов из пещеры Чёртовы ворота, которые показали большое сходство населения пещеры с современными тунгусо-манчжурскими группами (Siska et al., 2017).

Однако существует и важное отличие, которое выражается в большем размахе изменчивости у представителей неолитических популяций. Сравнение данных, рассчитанных по всему краниологическому материалу (предпоследняя строка табл. 3 – мужчины, табл. 5 – женщины) и только по современным сериям (последняя строка табл. 3 – мужчины; табл. 5 – женщины), показывает следующее. Средние межгрупповые величины изучаемых признаков этих двух объединений различаются незначительно. Зато величины их дисперсии (SD) существенно различны. Отсюда следует, что современный краниологический материал значительно более однороден, величины дисперсии практически у всех признаков заметно меньше и принимают обычные значения.

Это вполне объяснимое следствие эффекта сопоставления усредненных данных по современным популяциям, нивелирующих индивидуальную изменчивость, с ограниченной численностью неолитических серий, зачастую представленных единичными находками. Однако снижение разброса значений признаков у современного населения можно рассматривать и как результат эволюционных процессов гомогенизации разнородного древнего населения.

Список источников

- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.

- Андреева Ж.В., Татарников В.А. Пещера «Чёртовы ворота» в Приморье // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 180–181.
- Балуева Т.С. Краниологический материал неолитического слоя пещеры «Чертовы ворота» (Приморье) // Вопросы Антропологии. 1978. Вып. 58. С. 184–187.
- Васильев С.В., Веселовская Е.В., Галлеев Р.М., Григорьева О.М., Константинов М.В., Пестряков А.П., Боруцкая С.Б. Антропологическое исследование неолитических памятников Забайкалья (Падь Токуй, Жиндо, Усть-Менза 2) // Сибирские исторические исследования. 2018. № 3. С. 107–138. doi: 10.17223/2312461X/21/8
- Гохман И.И. Древний череп с реки Шилка // Краткие сообщения Института этнографии. 1953. Вып. XVII. С. 69–75.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии АН СССР (нов.сер.), 1951. Т. XVII.
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита: Совм. Изд. БНЦ СО РАН – ЧГПИ, 1994.
- Константинов М.В., Екимова Л.В., Гантимурова М.И. Неолитические погребения в окрестностях с. Жиндо // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Материалы I (XLV) Российской с международным участием археологической и этнографической конференции студентов и молодых учёных (РАЭСК-XLV): 12–16 апреля 2005 г. Иркутск. Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиян», 2005. С. 129.
- Под покровительством большого шамана. Археологическое путешествие по Забайкалью. Чита: Экспресс-издательство, 2003.
- Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 43–90.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Ежегодник № 30. М.: Наука, 2004. С. 86–131.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2012.
- Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Антропологическое исследование неолитического могильного комплекса на поселении Бойсмана-2 // Попов А.И., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 40–67.
- Kuzmin Y.V., Richards M.P., Yoneda M. Palaeodietary Patterning and radiocarbon dating of Neolithic populations in the Primorye province, Russian Far East // Ancient Biomolecules. 2002. Vol. 4 (2). P. 53–58.
- Siska V., Jones E.R., Jeon S., Bhak Y., Kim H.-M., Cho Y.S., Kim H., Lee K., Veselovskaya E., Balueva T., Gallego-Llorente M., Hofreiter M., Bradley D.G., Eriksson A., Pinhasi R., Bhak J., Manica A. Genome-wide data from two early Neolithic East Asian individuals dating to 7700 years ago // Science Advances. 2017. № 3. e1601877.

References

- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964) *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Cranio-metry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Alekseev V.P., Gokhman I.I. (1984) *Antropologiya aziatskoi chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Andreeva Zh.V., Tatarnikov V.A. (1974) Peshchera “Chertovy vorota” v Primor’e [Devil’s Gate Cave in Primorskiy Krai]. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 goda* [Archeological Findings of 1973]. Moscow, pp. 180–181.

- Balueva T.S. (1978) Kranilogicheskii material neoliticheskogo sloia peshchery «Chertovy vorota» (Primor'e) [Craniological material of the Neolithic layer of the cave “Devil’s Gate” (Primorye)], *Voprosy Antropologii*, Vol. 58, pp. 184–187.
- Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza. Novosibirsk: Izd. IAIe SO RAN, 2012.
- Chikisheva T.A., Shpakova E.G. (1997) Antropologicheskoe issledovanie neoliticheskogo mogil'nogo kompleksa na poselenii Boismana-2 [Anthropological study of the Neolithic grave complex at the Boisman-2 settlement]. In: Popov A.I., Chikisheva T.A., Shpakova E.G. *Boismanskaia arkheologicheskaiia kul'tura Iuzhnogo Primor'ia* [The Boisman archaeological culture of Southern Primorye]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 40–67.
- Debets G.F. (1951) Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti [Anthropological research in the Kamchatka region]. In: *Trudy In-ta etnografii AN SSSR* (nov.ser.) [Proceedings of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences (new series)], Vol. XVII.
- Gokhman I.I. (1953) Drevnii cherep s reki Shilka [An ancient skull from the Shilka River]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography], Vol. XVII, pp. 69–75.
- Konstantinov M.V. (1994) *Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikalskoi Azii. K Vsemirnomu arkheologicheskomu inter-kongressu (Zabaikal'e, 1996)* [The Stone Age of the Eastern Region of Baikal Asia. To the World Archaeological Inter-Congress (Transbaikalia, 1996)]. Ulan-Ude – Chita, Sovm. Izd. BNTs SO RAN – ChGPI.
- Konstantinov M.V., Ekimova L.V., Gantimurova M.I. (2005) Neoliticheskie pogrebeniia v okrestnostiakh s. Zhindo [Neolithic burials in the vicinity of the village. Jindo]. In: *Istoki, formirovanie i razvitie evraziiskoi polikul'turnosti. Kul'tury i obshchestva Severnoi Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti* [Origin, formation and development of the Euroasian multicultures. Cultures and societies of Northern Asia in historical past and modernity. Proceedings of the I (XLV) Russian archeological and ethnographic conference of the students and young scientists with international participation (RAESK-XLV), April 12-16, Irkutsk]. Irkutsk: Izd-vo RPTs «Radian», pp. 129.
- Kuzmin Y.V., Richards M.P., Yoneda M. (2002) Palaeodietary Patterning and radiocarbon dating of Neolithic populations in the Primorye province, Russian Far East, *Ancient Biomolecules*, Vol. 4(2), pp. 53–58.
- Pestriakov A.P. (1995) Rasy cheloveka v kranilogicheskoi klassifikatsii naseleniia tropicheskogo poiasa [Human races in the craniological classification of the population of the tropical zone]. In: *Sovremennaia antropologiia i genetika i problema ras u cheloveka* [Contemporary anthropology and genetics, and the problem of races of man]. Moscow, pp. 43–90.
- Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. (2004) Kranilogicheskaiia differentsiatsiia sovremennogo naseleniia [Craniological differentiation of modern population]. In: *Rasy i narody. Ezhegodnik № 30* [Races and peoples. Yearbook, vol. 30]. Moscow: Nauka, pp. 86–131.
- Pod pokrovitel'stvom bol'shogo shamana. Arkheologicheskoe puteshestvie po Zabaikal'iu* [Under the protection of a great shaman. Archeological journey through Transbaikalia]. Chita, Ekspress-izdatel'stvo, 2003.
- Siska V., E. R. Jones, S. Jeon, Y. Bhak, H.-M. Kim, Y. S. Cho, H. Kim, K. Lee, E. Veselovskaya, T. Balueva, M. Gallego-Llorente, M. Hofreiter, D. G. Bradley, A. Eriksson, R. Pinhasi, J. Bhak, A. Manica. (2017) Genome-wide data from two early Neolithic East Asian individuals dating to 7700 years ago, *Science Advances*, no. 3, e1601877.
- Vasil'ev S.V., Veselovskaia E.V., Galleev R.M., Grigor'eva O.M., Konstantinov M.V., Pestriakov A.P., Borutskaiia S.B. (2018) Antropologicheskoe issledovanie neoliticheskikh pamiatnikov Zabaikal'ia (Pad' Tokui, Zhindo, Ust'-Menza 2) [An Anthropological Study of Transbaikal Neolithic Sites (Pad Tokuy, Zhindo, and Ust-Menza 2)], *Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*, no. 3, pp. 107–138. DOI: 10.17223/2312461X/21/8

Сведения об авторах:

ВЕСЕЛОВСКАЯ Елизавета Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник, руководитель Лаборатории антропологической реконструкции, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: vasbor1@yandex.ru

ГАЛЕЕВ Равиль Марветович – младший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия).

ГРИГОРЬЕВА Ольга Михайловна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: labrecon@yandex.ru

КОНСТАНТИНОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: mk-rus@mail.ru

ПЕСТРЯКОВ Александр Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: labrecon@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Elizaveta V. Veselovskaya, Russian State University for Humanities, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

Sergey V. Vasilyev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Ravil M. Galeev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Olga M. Grigorieva, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: labrecon@yandex.ru

Mikhail V. Konstantinov, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: mk-rus@mail.ru

Aleksandr P. Pestryakov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: labrecon@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 октября 2020 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 30.10.2020;
accepted for publication 01.04.2022.*

Научная статья
УДК 393.05
doi: 10.17223/2312461X/35/11

ПРОБЛЕМА «ПРАВИЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ СМЕРТИ» И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПОХОРОН В ГОРОДАХ РСФСР В КОНЦЕ 1930-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Анна Дмитриевна Соколова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, annadsokolova@gmail.com

Аннотация. Для советской власти похоронная культура и практики утилизации мертвых тел имели большое идеологическое значение. Принято считать, что период бурного утопического реформизма закончился с полным утверждением у власти Сталина и переходом к форсированной индустриализации. В то же время, если обратиться к материалам предвоенного и военного периода, мы увидим, что поиск новых похоронных форм и нормализация похоронного обслуживания все еще были крайне важны. На материале ревизий, проведенных Народным комиссариатом коммунального хозяйства РСФСР в Архангельске, Владивостоке, Владимире, Ижевске, Йошкар-Оле, Казани, Кирове, Куйбышеве, Москве, Мурманске, Новосибирске, Пензе, Саратове, Свердловске, Уфе, Чебоксарах, Элисте и других городах, показано, что, несмотря на крайне неудовлетворительное состояние похоронного обслуживания населения, эта сфера оставалась областью пристального идеологического интереса. В то же время материальность огромного числа смертей военного периода, в том числе в тылу, заставляла власти оставить в стороне новые попытки реформирования похоронной сферы и сосредоточить усилия на функциональном улучшении ее инфраструктуры.

Ключевые слова: кладбище, похороны, РСФСР, коммунальное хозяйство, городские исследования

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2020-910).

Для цитирования: Соколова А.Д. Проблема «правильной советской смерти» и обеспечение гражданских похорон в городах РСФСР в конце 1930-х – начале 1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 195–211. doi: 10.17223/2312461X/35/11

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/11

The problem of “the wright way of Soviet death” and the organization of civil funerals in the cities of the RSFSR in the late 1930s – early 1950s

Anna D. Sokolova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, annadsokolova@gmail.com*

Abstract. Funeral culture and practices of dead bodies disposal were of great ideological significance for Soviet authorities. However, it is generally accepted that the period of stormy utopian reformism ended with the complete assertion of Stalin in power and the transition to forced industrialization. At the same time, if we address to the materials of the pre-war and war period, we will see that the search for new funeral forms and the normalization of funeral services were still extremely important. This article is based on audits conducted by the NKKH RSFSR in Arkhangelsk, Vladivostok, Vladimir, Izhevsk, Yoshkar-Ola, Kazan, Kirov, Kuibyshev, Moscow, Murmansk, Novosibirsk, Penza, Sarapul, Saratov, Sverdlovsk, Ufa, Cheboksary, Elista, etc. Despite the extremely unsatisfactory state of funeral services, this area remained an area of intense ideological interest. At the same time, the materiality of the huge number of wartime deaths forced the authorities to put aside new attempts to reform the funeral industry and to focus on the functional improvement of its infrastructure.

Keywords: cemetery, funeral, RSFSR, public utilities, urban research

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement No. 075-15-2020-910).

For citation: Sokolova, A.D. (2022) The problem of “the wright way of Soviet death” and the organization of civil funerals in the cities of the RSFSR in the late 1930s – early 1950s. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 195–211. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/11

Введение

Несмотря на свой маргинальный характер, похоронная культура и практики утилизации мертвых тел стали в послереволюционный период одной из важных областей реформаторских усилий новой власти. Исследователи, обращавшиеся к этому сюжету, использовали разные методологические рамки для анализа этой проблемы. Светлана Малышева говорит об этом с точки зрения производства социального порядка (Малышева 2019). Виктория Смолкин-Ротрок рассматривает это в перспективе анализа научного атеизма (Смолкин-Ротрок 2012). Кетрин Мерридейл связывает эти сюжеты со становлением особой культуры памяти (Merridale 2002). Кристофер Биннс обращается к проблеме кон-

струирования новых смертельных практик в контексте проблемы нового человека (Binns 1979, 1980). Однако какую аналитическую рамку мы бы не предпочли, очевидно, что вопрос о «правильном погребении» имел большое идеологическое значение для советского проекта на всем его протяжении.

В своей известной работе «Культура два» Владимир Паперный утверждает, что на рубеже 1930-х гг. происходит переход эпохи необузданного утопизма к стадии «отвердевания» культуры, который он охарактеризовал как переход от «Культуры 1» к «Культуре 2» (Паперный 1996). Этот переход, помимо прочего, сопровождался не всегда очевидными, но существенными изменениями в интерпретации смерти и политике обращения со смертью – факторов, формирующих смертельную культуру общества. В своем анализе Паперный обращается и непосредственно к теме смертельных практик, вписывая их в общий контекст трансформаций. Он отмечает, что «Крематорий и сжигание – любимые темы Культуры 1», при этом «крематорий <...> постоянно противопоставляется кладбищу. Слово “кладбище” – употребляется с негативным значением» (43). Паперный отмечает также, что для этого периода характерно стремление радикальным образом оборвать свою связь с прошлым (43). В то же время «Культуре 2 пафос сжигания не просто чужд, но враждебен» (56), она «затвердевает» и все больше и больше обращается к прошлому, которое и становится основным объектом ее творчества (59). Однако, хотя сам факт отхода от радикальных идей в области похоронного администрирования несомненен, остается вопрос о том, насколько резким был этот отход и какую роль в нем сыграла материальность человеческой смерти?

Принято считать, что период решительных экспериментов по перестройке общества и продуктивная рефлексия по поводу новых форм быта и создания нового человека закончились в конце 1930-х гг. с утверждением у власти Сталина и переходом к форсированной индустриализации. В то же время, если обратиться к материалам предвоенного и военного периода, промышленное развитие и риторика войны и победы явно доминировали над созданием новых обрядовых и культурных форм, мы увидим, что несмотря ни на что проблема новой концептуализации смерти и поиск новых форм утилизации мертвых тел все еще были крайне важны. Таким образом, если следовать концепции Анны Крыловой о стадийном развитии советской модерности (Krylova 2014), мы видим, что хотя на метауровне советский проект очевидно входит в новую фазу развития, тем не менее в проблемном поле, связанном со смертью и умиранием, очевидно прослеживается преемственность с более ранней дискуссией, в основе которой было не утилитарное промышленное развитие, а утопическое реформирование всех сфер жизни нового общества.

В фокусе внимания в данной статье будет состояние похоронного дела в СССР в предвоенный, военный и послевоенный период, рассмотренное на материалах проекта СНК 1937 г. о реформе похоронной отрасли, а также ревизий, проведенных Народным комиссариатом коммунального хозяйства (НККХ) в различных городах РСФСР, в том числе Архангельске, Владивостоке, Владимире, Ижевске, Йошкар-Оле, Казани, Кирове, Куйбышеве, Москве, Мурманске, Новосибирске, Пензе, Сарепуле, Саратове, Свердловске, Уфе, Чебоксарах, Элисте и др.

Опираясь на эти источники, я покажу, что процесс «отвердевания культуры», как его обозначил Паперный, не был единовременным, и в определенный период утопические конструкты в регулировании похоронной сферы соседствовали с предельным утилитаризмом. Я утверждаю, что проблема смерти и поиска новых форм утилизации мертвых тел не была отброшена после окончания периода бурного утопического творчества ранних 1920-х гг., но сохраняла свою актуальность и в позднейшие периоды, в том числе во время войны, когда, казалось бы, все силы были брошены на борьбу с врагом. В то же время я покажу, что в процессе переосмысления смертных практик и отхода от утопических проектов первостепенную роль играл не идеологический императив, а утилитарный, связанный с материальным измерением смерти.

Проект «Постановления СНК СССР о погребении» и отход от утопической риторики в вопросе похорон

Первое десятилетие советской власти было связано с многочисленными реформами, в том числе и в области похоронного дела. Важнейшим направлением этих реформ стал отход от конфессионального контроля над погребением и включение похорон в набор социальных благ, предоставляемых государством по умолчанию всем трудящимся наряду с другими социальными гарантиями, такими как образование, медицина, жилье и трудоустройство (Sokolova 2019; Соколова 2019). Другой важнейший аспект – кампания по легализации и популяризации кремации, результатом которой стало строительство Донского крематория в Москве (Соколова 2020а, 2020б). В восприятии советских идеологов кремация как новая практика погребения могла в недалеком будущем полностью избавить советские города от кладбищ как нефункциональных пространств, освободив территории для новых парков, скверов и других более полезных объектов (Соколова 2018). Политика государственного атеизма подталкивает коммунистов к поиску новых обрядовых форм, свободных от религиозных обрядов. Активными проводниками новой, красной обрядности становятся такие значимые фигуры, как Лев Троцкий (Соколова 2013). Хотя эти проекты могут показаться второстепенными по сравнению с другими инициативами большеви-

ков, мы видим, что эта сфера была одной из тех, на которую тратились значительные ресурсы даже в наиболее кризисные периоды. Так, в 1918–1922 гг., когда по всей стране бушевал острый продовольственный, товарный и топливный дефицит, в разгаре была интервенция и Гражданская война, даже тогда в самых разных городах молодого государства не прекращались попытки строительства крематориев и популяризации этого нового вида погребения. Впрочем, данные проекты были в значительной степени утопическими, а стремление к равному для всех погребению или строительству крематория в разгар топливного кризиса 1918 г. нередко плохо согласовывалось с реальными возможностями государства и потребностями граждан, порождая многочисленные анекдоты и слухи (Маллори 1927; Мельниченко 2014: 476). Однако, постепенно начиная с конца 1920-х гг., утопические проекты реформирования похоронной сферы стали все менее и менее заметны в публичном поле, хотя и не перестали быть объектом заботы и идеологических разработок для работников различных Наркоматов.

Общий консервативный поворот затрагивает и практики обращения с мертвыми телами, оставляя в стороне разнообразные проекты реформ и поиски новых обрядовых форм. В целом к началу 1930-х гг. похоронная проблематика практически исчезает из публичного поля. Однако в 1937 г. НККХ подготовил проект «Постановления СНК СССР о погребении», который по-новому очерчивал видение похоронной культуры в социалистическом обществе. Авторы проекта вновь возвращались к, казалось бы, забытому вопросу о том, какими должны быть моральные практики в Советском государстве.

По всей видимости, этот проект был призван переосмыслить практики обращения с мертвыми телами и похоронную культуру в целом в русле новых положений, выдвинутых «Сталинской конституцией» 1936 г. Как отмечает Добренко, *«Сталинизм вводил новую темпоральность: Завершенное Будущее <...>. Заново отстроенное прошлое оказывается идеалом, моделью будущего (либо в прямой проекции, либо “от обратного”)*. Ту же роль, которую в революционной культуре играет будущее, в сталинской культуре играет прошлое» (Добренко 2008: 18). Манифестом этого завершенного будущего становится новая «Сталинская конституция», принятая в 1936 г. Новая конституция декларировала, что социализм в СССР в целом построен, а значит утопия революции 1917 г. в общих чертах стала реальностью. Основой этой новой реальности стало новое бесклассовое советское общество, в котором нет эксплуатации и частной собственности и в котором все граждане, в меру сил вносящие свой трудовой вклад в общее дело, имеют равное право на труд и отдых, а также определенный набор социальных гарантий, таких как образование, медицинское обслуживание, материальное обеспечение в старости и в случае болезни и др.

В контексте новой темпоральности, коррекции и пересобирания советской идеологии менялась и политика обращения со смертью. Окончание эпохи борьбы и строительства социализма «в отдельно взятой стране» означало, по крайней мере на уровне риторики, неизбежное возвращение к вопросу о социальном государстве как основе «социалистического» общества в противовес «капиталистическому» (Kotkin 1997: 20, 23, 227).

Хотя проект «Постановления СНК СССР о погребении» так и не был реализован, он представляет большой интерес, поскольку отражает те экзистенциальные основания, которые лежали в основе сложной двухуровневой системы похорон, сложившейся в СССР. Как отмечают исследователи, характерной чертой этой системы были пышные торжественные похороны руководителей государства, сочетавшиеся с полным пренебрежением к похоронам рядовых граждан, обеспечение которых полностью зависело от близких покойного (Malysheva 2017).

Проект был направлен на осмысление и легитимацию сложившегося двойного принципа советских похорон. Особые *«торжественные похоронные процессии выдающихся деятелей, как имеющие общественное или политическое значение»*¹ имеют, согласно этому тексту, определенные преимущества по отношению к похоронам рядовых граждан. Такого рода процессии могут, с разрешения местных советов, присутствовать в публичном пространстве советских городов. В то же время проект объявлял нежелательным присутствие в публичном пространстве «неторжественных» обычных похорон.

Таким образом, проект фактически воспроизводил основной тезис Фридриха Энгельса об экзистенциальном смысле смерти и мортальных практик, изложенный в его «Диалектике природы». Энгельс писал, что *«смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает все живые организмы, а не только человека»* (Энгельс 1961: 610–611). Таким образом, похоронные процессии советских людей, не оставивших, по выражению Энгельса, после себя «некий жизненный принцип», согласно проекту Постановления, должны быть вытеснены из публичной сферы. Согласно проекту, «бесмысленные» процессии, *«нарушающие правильность уличного движения и производящие тяжелое впечатление на прохожих и в особенности на жителей магистралей, ведущих к кладбищам, в городах (от 50 000 чел. и больше) должны быть изжиты и уступить место следующему порядку: умершего перевозят в темное время дня в имеющиеся при кладбищах и крематориях специальные помещения для временного хранения умерших, где по желанию родных или учреждений*

разрешается в установленные часы производить обряды и ритуалы прощания с умершим» (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 4–5). Таким образом, похороны простого человека как непонятные, смущающие умы, не вписывающиеся в реалии нового социалистического города, должны быть элиминированы из общественных пространств, в буквальном смысле вытеснены в пространство невидимого. То же самое относится и к ритуалу прощания. Язык проекта здесь тоже предельно откровенен: при обычных, не «особо торжественных» погребениях *«ритуал прощания с умершим при открытом гробе, как увеличивающий и обостряющий остроту переживаний следует, как правило, избегать»* (Л. 5).

Хотя предписание проекта о том, чтобы рядовые похороны проводились как можно менее заметно, может вызвать удивление и даже недоумение, однако, по-видимому, эти идеи находили определенный отклик. Так, например, Михаил Пришвин в дневниковой записи от 24 июля 1935 г. описывает то, какими бы он хотел видеть свои похороны, совмещая в них элементы торжественных похорон (оповещение, музыка), положенных известному советскому писателю, с идеей незаметности похоронного ритуала для окружающих: *«Я бы так себе устроил похороны. Кроме нескольких самых близких людей доступ к покойнику воспрещается. Перевезти на кладбище секретно в закрытой машине. Напечатать в газете о времени похорон. На каком-нибудь высоком месте, чтобы всем в городе было слышно, поместить музыку или хор (в Москве включить все радио). Или даже просто на площади. На закате солнца оркестр или хор, и при последнем аккорде на кладбище тело опустят в могилу: никто этого видеть не будет. Самые похороны и все дело с трупом поручить только тем близким, у кого нет даже брезгливости к трупу. И они так же стыдливо оберегают тело от постороннего взгляда, как супруги зачатие»* (Пришвин 2009: 754).

Проект фиксировал результаты серьезного переосмысления места кладбищ в послереволюционный период, а также намечал направление, в котором они должны развиваться. Отбросив все пережитки прошлого, кладбища должны были стать не местами памяти об умерших, а очагами культуры в новых советских городах: *«Кладбища, из бывших источников мистики, суеверия, вековых предрассудков, неисчерпаемых доходов для духовенства (поговорка: “Церковь живет мертвецами”), а также из выгодного эксплуататорским классам рассадника жадности, должны превратиться в культурные уголки города, отвечающие специфике своего назначения и служащие для удовлетворения эстетических потребностей и развития культурных вкусов населения. <...> Подчиняя единой системе планировки и растительные группировки, необходимо функционирующие кладбища превратить, в зависимости от существующей обстановки, в единый массив или в садовопарковую площадку прогулочного назначения»* (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 9).

Кладбища должны не напоминать нам о прошлом, а быть свидетельством состоявшегося будущего. Они должны создавать тот образ, который спустя время станет прошлым: *«Кроме того, принимая во внимание, что кладбища служат некоторым документом исторического порядка, характеризующим данную эпоху, следует сугубо обратить внимание на дело оформления могил (памятники, ограды, декоративно-цветочное убранство и проч.), внести новые формы, материалы, символику, отвечающие духу времени и отображающие его героизм»* (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 9).

Требования к модернизации кладбищенского пространства и практик также ничего не говорят ни о рядовых умерших, ни о пространствах памяти. Единственные захоронения, которым уделяет внимание проект – это *«погребения выдающихся лиц (героев, общественных деятелей науки, искусств, стахановцев, и т.д.)»*. Эти особые категории советских граждан сохраняют свои привилегии и после смерти. Для их похорон должны быть разбиты «специальные почетные участки и аллеи», которые должны формировать собой единый художественный комплекс (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 10). Таким образом, для авторов проекта похоронная культура конца 1930-х гг. – это в первую очередь торжественные похороны «выдающихся лиц».

В то же время в тексте проекта явно заметен сдвиг в сторону значительного внимания к сугубо практическим вопросам погребения усопших. Авторы проекта, очевидно, стремятся наряду с формулировкой идеологических рамок, о которых речь шла выше, к созданию эффективно работающей системы погребения умерших, в том числе тех, чьи похороны *«нарушают правильность уличного движения и производят тяжелое впечатление на прохожих»*.

Проект предписывал серьезное улучшение похоронной инфраструктуры *«в целях... упорядочения всего дела погребения и поднятия его на должную культурную высоту»*. В центре предложенных проектом мер оказывается производство похоронных принадлежностей, которое выделяется в отдельную производственную отрасль: *«НККом.Хоз. РСФСР предлагается создать, с правом снабжения потребностей всего Союза, ОБРАЗЦОВУЮ МЕХАНИЗИРОВАННУЮ ФАБРИКУ специально по производству всех аксессуаров похоронно-погребального быта, включая скульптурно-художественный цех по созданию художественных надгробий, урн и т.п. Совместно с архитектурными институтами разработать богатый и многообразный по материалам, по формам, по замыслу, по символике ассортимент всевозможных оформлений могил, (начиная с самых дешевых) и отвечающих духу нашей эпохи. <...> изучить вопрос о возможном введении механизации в дело погребения (например облегчение переноски гробов вручную, перевозку гробов на территории кл-ц на соответствующих легкопере-*

двигаемых каретках или автокарах, опускание гроба в могилу и пр. <...> включить в программу 1938 г. изготовление для всего Союза 200 похоронных автобусов» (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 7–8).

Таким образом, на примере проекта Постановления проясняется скрытая механика консервативного переворота как комплексного процесса, в ходе которого более ранние утопические формы управления и трансформации похоронной культурой соседствуют с новыми, в основе которых лежит утилитарный подход и стремление к консервативному регулированию похорон как отрасли коммунального хозяйства в рамках тех инструментов, которые давала система плановой экономики и советского управления. Проект демонстрирует, что на смену многолетнему опыту вытеснения похоронных услуг из архитектуры муниципального управления, которым отмечено предыдущее десятилетие, постепенно приходит новая повестка по *нормализации* и деидеологизации работы этой сферы.

Проект Постановления отражал важные тенденции, доминировавшие в конце 1930-х гг. Так, уже в 1938 г. в полном согласии с проектом, учреждения похоронного обслуживания – кладбища, бюро, мастерские и т.д. – выделяются в самостоятельные городские тресты похоронного обслуживания населения. Согласно Постановлению Президиума Московского Совета РК и КД, 4 марта 1938 г. все похоронное дело в городе Москве было объединено в один городской трест похоронного обслуживания, в состав которого вошли Центральное похоронное бюро, межрайонные похоронные бюро города Москвы, все городские кладбища и крематорий (ГУП «Ритуал»...). В Казани единый городской Трест похоронного обслуживания был создан 1 сентября 1938 г. (Мы – «паромщики»...), в Уфе – 7 мая 1943 г. (Ритуальное агентство МУ КСО), в Самаре – в 1945 г. (Информация о МП ГО Спецкомбинат...). Аналогичные процессы происходили и в других городах. Фактически это означало выделение похоронного дела в отдельную, отчасти самостоятельную, отрасль советского коммунального хозяйства.

Однако формирование централизованных трестов похоронного обслуживания не снимало проблему разрыва между похоронами обывателей и советской номенклатуры, сформированную утопическими тенденциями предыдущего периода. Как будет показано ниже, тенденция к избеганию обыкновенной смерти привела к полному запустению кладбищ. В ухоженном виде фактически поддерживались лишь захоронения значимых деятелей советской власти различного уровня. В то же время сложившиеся формы практик захоронения рядовых советских граждан не вполне удовлетворяли советские власти. Хотя сложившаяся практика не выделяла и не акцентировала похороны рядовых граждан, никак нельзя сказать, что она не *«производила тяжелое впечатление»* на горожан.

Ревизии Наркомата коммунального хозяйства военного периода и переход к утилитарному взгляду на похоронное дело

Несмотря на создание в 1938 г. объединенных трестов похоронного обслуживания, в целом 1930-е гг. не отмечены большим интересом коммунальных властей к проблеме погребения и состояния кладбищ. Однако в апреле 1942 г. в самый разгар Великой Отечественной войны этот вопрос неожиданно вновь становится актуальным.

Согласно приказам СНК РСФСР № 29 от 23.01.1942 и № 419 от 11.04.1942 г., похоронное хозяйство городов РСФСР должно было быть подвергнуто обширной ревизии. По имеющимся у СНК сведениям, «органы коммунального хозяйства совершенно неудовлетворительно руководят работой похоронных бюро в населенных пунктах РСФСР. СНК обязал Наркомхоз и Наркомздрав принять срочные меры по улучшению работы похоронных бюро и в двухнедельный срок информировать СНК» о результатах (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 563. Л. 1). Исполнение данного приказа потребовало обширных ревизий в нескольких десятках городов РСФСР, которые должны были выявить основные проблемы и предложить пути их решения. Проведенные ревизии показали, что похороны рядовых жителей, в отличие от представителей номенклатуры, фактически никак не обеспечиваются государством.

Таким образом, удаление рядовых похорон из видимого публичного пространства, которое в рекомендательной форме присутствовало в проекте Постановления 1937 г, фактически стало реальностью. Большинство городов и городских исполнительных властей и организаций коммунального хозяйства РСФСР живут так, как будто рядовые похороны вообще не являются фактом городской повседневности. По крайней мере они не имеют никаких инструментов для организации похорон такого типа. Приказ НККХ РСФСР № 385 от 21 июля 1942 г. демонстрирует полнейшее бессилие коммунальных властей на местах в вопросе организации похоронного дела:

В некоторых городах нет специальных организаций, ведающих похоронным делом (города Чувашской, Калмыцкой АССР; Свердловской области), большинство городов не имеет мастерских по изготовлению гробов и похоронных принадлежностей.

В ряде городов не имеется специального транспорта для перевозки тел умерших (Владивосток, Чебоксары, Архангельск, Йошкар-Ола).

Кладбищенское хозяйство запущено и много кладбищ неблагоустроено.

Вследствие неудовлетворительного состояния похоронного дела тела умерших, в отдельных случаях, находились в квартирах свыше установленного срока.

Отмеченные факты показывают, что Наркомхоз [Калмыцкой. – А.С.] АССР, заведующие отделами Облкрайкомхозами и Горкомхозами считают похоронное обслуживание второстепенным делом, недооценивают его политического и санитарного значения и не уделяют внимания этому важнейшему участку работы коммунального хозяйства (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 563. Л. 6).

Год спустя, в марте 1943 г., история повторилась. Очередное постановление СНК РСФСР фиксировало «недопустимые факты в деле захоронения покойников»: «В городах Пензе, Кирове, Саратове, Новосибирске, Сарепуле действующие кладбища не охраняются и запущены. В ряде случаев применяется недопустимая практика захоронения в существующих могилах. Имеет место задержка захоронения умерших из-за отсутствия гробов, средств перевозки и рабочей силы для рытья могил (гг. Ижевск, Саратов, Владимир, Архангельск)» (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1716. Л. 11–12).

В целом из ревизий создается ощущение, что никто из сотрудников похоронных трестов и не рассчитывает, что к ним кто-то будет обращаться за помощью в организации похорон. Именно так, например, выглядит ситуация в Кирове в 1944 г.:

Похоронное Бюро магазинов по продаже гробов и похоронных принадлежностей не имеет. Прием заказов на изготовление гробов производится конторой Похоронного Бюро, а отпуск их мастерской по изготовлению гробов, находящейся на расстоянии в 3-х километров от Конторы. Вывески об изготовлении гробов не имеет входная дверь отсутствует заказчики проходят в мастерскую через окно. Помещение не оборудовано и завалено хламом. На день проверки 20 сентября мастерская готовых гробов не имела. С 1 января по 1 сентября 1944 года мастерской изготовлено 126 гробов, а могил выкопано работниками кладбища за этот же период 1145, сопоставляя эти цифры запрос населения удовлетворен лишь на 9%. Качество изготавливаемых гробов низкое, поверхностная отделка отсутствует (обивка, окраска), не производится, технических условий мастерская не имеет. <...> Транспортные средства похоронному бюро не выделены и перевозка умерших на кладбище не производится (ГАРФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 20–20 об.).

В тех же случаях, когда работники похоронных трестов все же выполняют свои обязанности, они относятся к ним как к дару или вышему благодаянию, которое требует дополнительного вознаграждения:

Имеются случаи незаконного взятия денег с заказчика за услуги мастерской и кладбища. Так мастером Иглиным И.Г. за изготовление гроба 23 сентября 1944 года с гражданки Филимоновой А.С. <...> была потребована дополнительная оплата за ускорение срока изготовления гроба поллитра водки. Копорем могил Мамаево А.А. 19.9 также была потребована дополнительная оплата с гражданки Бавицкой А.Ф. в сумме 50 рублей за рытье могилы, гражданкой Шуляковой Е.М. <...> 10 апреля 1944 года при захоронении умершего родственника в общей могиле уплачено сторожу кладбища 100 рублей. Также имеются случаи отказа в рытье могил <...> мотивируя это отсутствием готовых могил и выходным днем рабочих (ГАРФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 20–20 об.).

Ревизии конца 1940-х и 1950-х гг. свидетельствуют о том, что проблемы похоронного хозяйства по-прежнему не находили своего решения. В то же время поиск решения больше не лежал в плоскости идеологии и утопических экспериментов, а предполагал сугубо утилитарный подход. Штаты кладбищ не укомплектованы, могильщиками (под-

час единственными) работают женщины (ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 20, 21), качество продукции предприятий трестов, в первую очередь гробов, из рук вон плохое (Л. 11), работники кладбищ навязывают родственникам ненужные услуги («*Контора кладбища взывает с родственников плату за подноску гроба к могиле, хотя в реальности родственники такой услугой в большинстве случаев не пользуются*») (Л. 1–19), предприятия городских трестов похоронного обслуживания не в состоянии обеспечить более половины спроса на гробы и другие похоронные принадлежности (ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222. Л. 5–6). Хотя непосредственным источником данной проблемы, по всей видимости, является потеря сотрудников в результате военной мобилизации, эту проблему не удавалось решить еще долгие годы после окончания войны. Несмотря на недоукомплектованность штатов, рабочие трестов систематически используют рабочее время для решения личных проблем. Так, работники Уфимского треста похоронного обслуживания в рабочие часы занимаются личными делами на своих огородах и уходом за скотом (Л. 41).

Таким образом, городские и муниципальные власти, согласно данным ревизий, полностью игнорируют вопрос о захоронении рядовых умерших. Для этого нет ни работающей инфраструктуры, ни сотрудников.

Однако избегание смерти обернулось проблемами и для статусных похорон локального масштаба. Те, кто желает похоронить своих близких торжественно, «по-советски», оказываются в наиболее уязвимом положении. Если организовать традиционные похороны можно было силами близких и родственников, используя установленную систему связей, то для советских похорон была необходима материальная база, создать которую тресты были не в состоянии. Так, гр-н Парфенов П.Н. 25 июля 1947 г., жалуясь на плохое обслуживание трестом похоронного обслуживания в Уфе, в объяснении пишет, что похороны по-советски для него оказываются фактически недоступны:

18-го сентября 1946 года у меня умер сын Борис. Я желал похоронить его с оркестром, отвести гроб на кладбище на автомашине, сделать венок и другие необходимые почести для дорогого сына, однако в городе такой организации я не нашел. Уфимский похоронный Трест этими вопросами не занимается. Гроб и крест в Тресте взять я отказался, так как они были плохого качества. Поэтому за похоронным обслуживанием я обратился к частным лицам и заплатил им большие деньги. До сего времени я не могу сделать загородку для могилы. Деревянную сделать нельзя. Кладбище не огорожено ее быстро растащут. За металлическую ограду частные лица просят 1 600 рублей и делают ее плохого качества. Сейчас у меня умер племянник, хочу захоронить его с оркестром пойду искать по городу частных лиц (ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222. Л. 40).

Материалы ревизий, охвативших десятки городов РСФСР и проводившихся на протяжении 10 лет, свидетельствуют о том, что уже к началу 1940-х гг. сдвиг в отношении к погребальным практикам, наметившийся в проекте Постановления 1937 г., произошел окончательно. Утопические конструкты, требовавшие изъятия смертельных практик из публичного пространства и поиска новых погребальных форм, стали окончательно неактуальны. В фокусе ревизионных отчетов – исключительно утилитарные вопросы организации погребения умерших, описание конкретных проблем и поиск возможных путей для их решения в рамках уже сложившейся похоронной практики, которая сама по себе не предполагает радикального пересмотра. По сравнению с 1937 г. фокус внимания очевидно смещается с чистой идеологии на практические запросы рядового человека и его потребности.

Возможно, окончательный отход от утопического видения практик обращения с мертвыми телами был связан с глобальной сменой актуальной политической повестки, произошедшей после начала Великой Отечественной войны. Действительно, обращение к проблеме гражданских похорон на городских кладбищах, расположенных в тылу, именно весной 1942 г. вызывает удивление. Казалось бы, в течение долгого времени удручающее состояние похоронного дела в стране не слишком беспокоило власти, но в тот момент, когда наступление немецких войск еще не остановлено, за год до переломного момента, связанного с победой в Сталинградской битве, тогда, когда идут битвы под Москвой и Ржевом, Наркомат коммунального хозяйства начинает обширную операцию по изучению состояния похоронного дела и налаживанию системы похоронного обслуживания в стране. Отметим, что в данном случае речь не идет о военных потерях или умерших в госпиталях, а о мирном населении, о рядовых смертях жителей тыловых городов. Сложно сказать, насколько обращение к проблеме похоронного обслуживания в момент наибольшей мобилизации и напряжения было сопряжено с большим количеством жертв и смертей или с опасением того, что чудовищный рост смертей в результате военных действий и возможных эпидемий может спровоцировать похоронный кризис. Интересным также представляется тот факт, что некоторые регионы, которые входили в ревизию, несколько недель спустя были оккупированы немецкими войсками, например Калмыкия.

В то же время попытки нормализации похоронного обслуживания не были оторваны от других процессов. Так, во второй половине 1943 г. проводятся активные работы по благоустройству городов РСФСР (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1519), во многих городах тыла ведется активное жилищное строительство (Рапохин 2011; Тряхов 2014; Шевляков, Черемных 2015; Волкова, Волков 2020). Хотя все эти проекты от-

носятся к самым разным сферам, все они свидетельствуют о значимости знаний о реальном состоянии жизни и поиске путей к улучшению повседневности в городах тыла. В этом смысле попытка собрать данные о состоянии похоронного дела в городах РСФСР и найти пути его улучшения находится в одном ряду с другими попытками нормализации повседневности. Все инициативы подобного рода были связаны с огромными людскими перемещениями и необходимостью размещения мигрантов в тылу, а также минимально возможной в военных условиях организацией их быта.

Все эти случаи говорят нам о том, что материальность сложных социальных процессов военного периода заставляла власти обращать прицельное внимание на решение бытовых проблем, прибегая при этом не к идеологическим конструктам и поиску новых форм, а к улучшению тех структур, которые были сформированы в более ранние периоды. В этом смысле показателен процесс захоронения и перезахоронения останков солдат, погибших в период Великой Отечественной войны. Как отмечает в своем исследовании Роберт Дейл, невозможность оперативного надлежащего захоронения погибших солдат не была обусловлена стремлением позднесталинского государства подавить память о погибших и их героизме. «В условиях послевоенного восстановления огромные материально-технические проблемы обеспечения надлежащего захоронения всех советских воинов оказались далеко за пределами возможностей государства» (Dale 2021). Материальность огромного числа мертвых тел, рассредоточенных на значительной территории, заставляла сосредоточить все силы не на создании новых мемориальных локусов и практик, а на восстановлении в первую очередь нормальной повседневности тех, кто остался в живых.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что в период между 1937 и 1943 гг. происходит окончательный отказ от утопической риторики в области практик обращения с мертвыми телами и похоронной культуры. В то же время мы видим, что это была не одномоментная смена курса, а длительный процесс, в начале которого утопическая риторика сосуществовала с новой – утилитарной. Фактически утопическая риторика и идеи реформирования похоронной сферы оказываются неостребованными, поскольку новый двухсоставной дизайн советских похорон – статусных и рядовых – был уже фактически сформирован. Материальность огромного числа смертей военного периода, в том числе в тылу, заставляла улучшать лишь инфраструктуру похоронного дела, ее материальную составляющую, но не переосмыслять ее структуру, как это неоднократно происходило раньше.

Примечания

¹ Здесь и далее при цитировании источников оригинальная орфография и пунктуация сохранены.

Список источников

- Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю. Бытовые проблемы жителей тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны // Вестник КГУ. 2020. № 2. С. 97–103. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 339. Оп. 1. Д. 1226.
ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 563.
ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1519.
ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1716.
ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468.
ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222.
- ГУП «Ритуал» отметило 75-летие // ГУП Ритуал. URL: mos-ritual.ru. *Добренко Е.А.* Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Информация о МП ГО Спецкомбинат ритуальных услуг Самара. Дзержинского, 27 // Спецкомбинат ритуальных услуг. URL: <https://спецкомбинат-самара.рф/about/>.
- Маллори Д.* Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50. 11 декабря. С. 16. *Мальшева С.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М.: Новый хронограф, 2019.
- Мельниченко М.* Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- «Мы – “паромщики” – облегчаем процесс расставания с близкими» // БИЗНЕС Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/340136>.
- Паперный В.* Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Пришвин М.М.* Дневники. 1932–1935. СПб.: Росток, 2009.
- Рапохин К.И.* Города Челябинской области в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Вестник ЧелГУ. 2011. № 9. С. 68–73.
- Ритуальное агентство МУ КСО | Уфа, Частная организация – Ритуальные услуги // МУ КСО. URL: <https://ritualorg.ru/funeral/160-mu-kso.html>.
- Смолкин-Ротрок В.* Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 430–462.
- Соколова А.Д.* «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 191–209.
- Соколова А.Д.* Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1 (117). С. 74–94.
- Соколова А.Д.* В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 594–621.
- Соколова А.Д.* Крематориум-Храм, или Кремация в советском похоронном обряде 1920-х годов // Вестник антропологии. 2020а. № 1 (49). С. 209–224.
- Соколова А.* «Вместо сжирания червями трупы людей в крематориях будем жечь»: кремация как технология чистоты в раннесоветском дискурсе // Новое литературное обозрение. 2020б. № 3 (163). С. 79–95.
- Спецкомбинат ритуальных услуг. URL: <https://спецкомбинат-самара.рф/about/>.
- Тряхов И.С.* Бытовое обслуживание населения Владимирского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. С. 90–99.
- Шевляков А.С., Черемных О.А.* Повседневная жизнь горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: жилищно-бытовой аспект // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2. С. 7–21.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20.

- Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I // *Man (New series)*. 1979. № 14. P. 585–606.
- Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II // *Man (New series)*. 1980. № 15. P. 170–187.
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Krylova A. Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament // *Contemporary European History*. 2014. № 23. P. 167–192.
- Malysheva S. The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76, № 3. P. 647–654.
- Merridale C. *Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia*. N.Y.; L.: Penguin Books, 2002.
- Dale R. Remobilizing the Dead: Wartime and Postwar Soviet Burial Practices and the Construction of the Memory of the Great Patriotic War // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2021. Vol. 22, № 1. P. 41–73.
- Sokolova A. Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare, and Back // *Revolutionary Russia*. 2019. Vol. 32 (2). P. 251–271.

References

- Binns C. (1979) The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I, *Man (New series)*, no. 14, pp. 585–606.
- Binns C. (1980) The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II, *Man (New series)*, no. 15, pp. 170–187.
- Dale R. (2021) Remobilizing the Dead: Wartime and Postwar Soviet Burial Practices and the Construction of the Memory of the Great Patriotic War, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 22, no. 1, pp. 41–73.
- Dobrenko E.A. (2008) *Muzei revoliutsii: sovetskoe kino i stalinskii istoricheskii narrative* [Museum of the Revolution: Soviet cinema and Stalin's historical narrative]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Engels F. (1961) *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniia: v 30 t.* 2-e izd. [Collected works in 30 volumes. 2nd edition]. Moscow: Gospolitizdat, vol. 20.
- Kotkin S. (1997) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Krylova A. (2014) Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament, *Contemporary European History*, no. 23, pp. 167–192.
- Malysheva S. (2017) The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death, *Slavic Review*, Vol. 76, no. 3, pp. 647–654.
- Malysheva S. (2019) «*Na miru krasna*»: *instrumentalizatsiia smerti v Sovetskoi Rossii* [“Company in distress makes trouble less”: instrumentalization of death in Soviet Russia]. Moscow: Novyi khronograf.
- Melnichenko M. (2014) *Sovetskii anekdot (Ukazatel' suzhetov)* [Soviet anecdote (Index of Subjects)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Merridale C. (2002) *Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia*. New York and London: Penguin Books.
- Paperny V. (1996) *Kul'tura dva* [Culture ‘Two’]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rapokhin K.I. (2011) Goroda Cheliabinskoi oblasti v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gody) [Cities of the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War (1941–1945)], *Vestnik ChelGU*, no. 9, pp. 68–73.
- Shevliakov A.S., Cheremnykh O.A. (2015) Povednevnaia zhizn' gorozhan Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: zhilishchno-bytovoii aspekt [Everyday life of people in Western Siberia during the Great Patriotic war: on housing and household], *Biblioteka zhurnala “Rusin”*, no. 2, pp. 7–21.

- Smolkin-Rotrok V. (2012) Problema «Obykvennoi» sovetskoi smerti: material'noe i dukhovnoe v ateisticheskoi kosmologii [‘Ordinary’ death in the Soviet Union: the material and spiritual in atheist cosmology], *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3-4 (30), pp. 430–462.
- Sokolova A.D. (2013) «Nel'zia, nel'zia novykh liudei khoronit' po-staromu!» Evoliutsiia pokhoronnogo obriada v Sovetskoi Rossii [“New people should not be buried in the old way!” The evolution of the funeral rite in Soviet Russia], *Otechestvennye zapiski*, no. 5 (56), pp. 191–209.
- Sokolova A.D. (2018) Novyi mir i staraia smert': sud'ba kladbishch v sovetskikh gorodakh 1920–1930-kh godov [New world and the old death: the history of cemeteries in Soviet cities in the 1920s–1930s], *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 1(117), pp. 74–94.
- Sokolova A. (2019) Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare, and Back, *Revolutionary Russia*, Vol. 32(2), pp. 251–271.
- Sokolova A.D. (2019) V bor'be za ravnoe pogrebenie: pokhoronnoe administrirovanie v rannem SSSR [Struggling for equal burial: funeral administration in early Soviet Union], *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 37, no. 1-2, pp. 594–621.
- Sokolova A.D. (2020a) Krematorium-Khram, ili krematsiia v sovetskom pokhoronnom obriade 1920-kh godov [Crematorium-Church, or cremation in the soviet burial ritual in 1920-s], *Vestnik antropologii*, no. 1(49), pp. 209–224.
- Sokolova A. (2020b) «Vместо szhiraniia cherviami trupy liudei v krematoriiakh budem zhech'»: krematsiia kak tekhnologiia chistoty v rannesovetskom diskurse [“Instead of being eaten by worms, we will burn the corpses of people in crematoriums”: cremation as a technology of purity in early soviet discourse], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (163), pp. 79–95.
- Triakhov I.S. (2014) Bytovoe obsluzhivanie naseleniia Vladimirovskogo kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) [Everyday services of the inhabitants of Vladimir region during the Great Patriotic war (1941–1945)], *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, no. 2, pp. 90–99.
- Volkova E.Iu., Volkov G.Iu. (2020) Bytovye problemy zhitelei tylovykh regionov Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Domestic problems of residents of the rear regions of Russia during World War II], *Vestnik of Kostroma State University*, no. 2, pp. 97–103. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103

Сведения об авторе:

СОКОЛОВА Анна Дмитриевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: annadsokolova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Anna D. Sokolova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: annadsokolova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12 октября 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 12.10.2021;
accepted for publication 01.04.2022.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор
УДК 394
doi: 10.17223/2312461X/35/12

МЕЖДУ ВЫГОДОЙ И ЭТИКОЙ: СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОРПОРАЦИЙ ГЛАЗАМИ АНТРОПОЛОГОВ

Владимир Валерьевич Поддубиков¹,
Елизавета Александровна Кофанова²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
¹ poddub@gmail.com
² kofanova.lizavetta@yandex.ru

Аннотация. Приведен обзор актуальной повестки антропологии корпораций, одной из относительно новых субдисциплин в рамках социальной антропологии, в части исследования и концептуализации корпоративной социальной ответственности как практики и формы социального процесса.

В мировой исследовательской традиции данная область динамично развивается на протяжении последних тридцати лет, создавая массу разнообразных рефлексий относительно социального импакта корпоративной модели капитализма, ее локальных и глобальных эффектов, ключевых рисков и перспектив развития. Одной из центральных тем является корпоративная социальная ответственность, ее политика, практики и концепты.

На материале российских корпораций данные вопросы лишь фрагментарно описаны на языке антропологии, что довольно неестественно, если учесть ведущую роль в национальной экономике России корпораций экстрактивистского (топливно-энергетического) сектора и, соответственно, их решающее воздействие на социальные процессы как на местном, так и национальном уровнях. Настоящее краткое изложение основных пунктов мировой повестки антропологии корпоративной социальной ответственности, может способствовать дальнейшему изучению российских контекстов корпоративности и описанию отельных кейсов социальных политик российских корпораций.

Работа не претендует на полный содержательный охват и абсолютную репрезентацию всей или большей части опубликованной в рассматриваемом проблемном поле литературы. Она лишь ставит своей целью обобщить наиболее распространенные рефлексии, концепты и ключевые инсайты. Обзор также не имеет цели охарактеризовать все имеющиеся на сегодняшний день аспектов социальной ответственности корпораций. Рассматриваются лишь два наиболее динамично развивающихся направления: этическая (справедливая) экономика (Ethical Economic) и ее практическая имплементация в форме корпоративных политик социальной ответственности (Corporate Social Responsibility, CSR).

Ключевые слова: социальная и культурная антропология, социальная ответственность корпораций, экстрактивизм, антропология корпораций

Благодарности: обзор подготовлен в рамках исследовательского проекта «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа», поддержанного Российским научным фондом (№ 20-68-46043).

Для цитирования: Поддубиков В.В., Кофанова Е.А. Между выгодой и этикой: социальная ответственность корпораций глазами антропологов // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 214–246. doi: 10.17223/2312461X/35/12

Review

doi: 10.17223/2312461X/35/12

Between the benefits and ethics: Anthropologists viewing the corporate social responsibility

Vladimir V. Poddubikov¹, Elizaveta A. Kofanova²

^{1,2} *Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)*

¹ *poddub@gmail.com*

² *kofanova.lizavetta@yandex.ru*

Abstract. This review reaches the agenda of corporate anthropology, which is one of social anthropology's subdisciplines. Such a research field's developing rapidly within the last thirty years, creating many reflections regarded the corporate model of capitalism's social impact, as well as its local and global effects, key risks, and prospects. One of this research field's most discussed topics is corporate social responsibility, the correspondent policies, practices, and concepts. Similar issues concerning Russia are almost fully weren't described in terms of anthropology. This seems unnatural when considering the fuel and energy sector extractive corporations' leading role in the Russian economic development and social processes, both local and national.

The review briefly and in general reflects the milestone issues of the world's anthropology of corporate social responsibility agenda. Authors suggest it might help further conceptualize Russian corporate contexts and describe individual cases of Russian corporations' social responsibility policies.

This review doesn't pretend to attract in absolutely all details all, or almost all the research were published in concern with the topic being discussed. The only purpose this paper strives for is to describe most systematically the general ideas and concepts. Similarly, the review's not intended to embrace all existing issues and anthropological contexts of corporate social responsibility. The only two most dynamically developing research directions are under consideration: the first is the Ethical Economic and its practical implementation in Corporate Social Responsibility (CSR) policies as the second.

Keywords: social and cultural anthropology, social responsibility of corporations, extractivism, anthropology corporation

Acknowledgments: the research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), research project # 20-68-46043 "The Anthropology of Extractivism: Research and Design of Social Changes in the Areas with Resource-Based Economic".

For citation: Poddubikov, V.V. & Kofanova, E.A. (2022) Between the benefits and ethics: Anthropologists viewing the corporate social responsibility. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 214–246. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/12

Корпорации как ключевые агенты современной экономики переживают непростой период трансформации и поиска ответов на ряд вызовов, в том числе лежащих в областях экологической и социальной повестки. Широкий спектр вопросов требует сегодня если не мгновенного решения, то, по крайней мере, четкого понимания и стратегии реагирования на соответствующие риски – от мировых трендов нового разделения труда, меняющихся технологических платформ и цепочек создания ценностей, насыщенности мировых рынков до изменения климата и нарастающей актуализации зеленой повестки, дискурсов устойчивого развития, моральной (этичной) экономики и социального импакта корпораций, сопротивления местных сообществ в регионах с сырьевой ориентацией экономики, социальных протестов и конфликтов из-за распределения ресурсной ренты и многого другого.

Распространенный сегодня дискурс корпорации как ключевого института в рамках существующего экономического уклада восходит к критике самой модели (нео)либерального капитализма, не вполне соответствующей не только повестке будущего, но и реалиям текущего момента. Так или иначе возможности ответа корпораций на перечисленные вызовы во многом связаны с движением в сторону рационального, экологически и социально сбалансированного, иначе говоря, ответственного развития.

В концептуальном отношении данный идеал кажется настолько очевидным, что не нуждается в дополнительной рационализации, обосновании, тем более если учесть множество политических деклараций, принципиальных решений и содержательных соглашений, в том числе на межгосударственном уровне, в областях устойчивого, к примеру, развития (Transforming 2015), борьбы с бедностью как одной из глобальных угроз или декарбонизации экономики в интересах снижения разрушительного воздействия на окружающую среду.

Однако на практическом уровне ключевым является поиск механизмов достижения и демонстрации в публичном пространстве корпоративной ответственности, и на этом пути не все однозначно. С одной стороны, корпорациями накоплен большой и многогранный опыт реализации политик социальной ответственности в регионах присутствия и в глобальном контексте. В ряде случаев локальные практики, к примеру, добывающих компаний оказываются настолько эффективными в качестве драйверов местного развития, что в областях социальной и экологической политики замещают собой даже органы власти соответствующих территорий¹ (Welker 2014). Повсеместное распространение

получают принципы и практики справедливой торговли (Fridell 2007), сертификации производимых товаров и сырья как произведенных компаниями с существенными затратами на социальные и экологические инициативы, учет социальной ответственности контрагентов при управлении партнерствами в крупных корпорациях и др. Крупнейшими кредитно-финансовыми организациями, такими как Всемирный банк, установлены требования гарантии со стороны корпоративных заемщиков соблюдения принципов социальной ответственности в случае, если бизнес-проект каким-либо образом потенциально затрагивает интересы уязвимых местных сообществ. В особенности подобные практики Всемирного банка широко применяются в области защиты прав коренных народов. Корпорации, претендующие на займы на развитие бизнеса в числе прочих деклараций обязаны продекларировать и свои политики в отношении местных сообществ, минимизации вреда окружающей среде и традиционному образу жизни, если таковой потенциально возможен на этапе реализации бизнес-проекта, будь то добыча полезных ископаемых (наиболее типичный кейс), развитие транспортной инфраструктуры, торговля или иные области экономики.

Все это, безусловно, свидетельствует о тиражировании и закреплении в мировой практике политик ответственного бизнеса на самых различных уровнях и во многих отраслях, не ограниченных лишь ресурсным сектором экономики².

С другой стороны, означает ли этот масштабный и поистине глобальный тренд собственно этический поворот в самом понимании корпорации как института и ее вклада в общий контекст развития человечества или отдельных локальных сообществ? И что в таком случае должно меняться в соотношении категорий «(коммерческая) выгода» и «(всеобщее) благо», существуют ли в этом направлении рациональные рефлексии и ложатся ли они в основу корпоративных политик, тиражируемых во всех регионах мира? Так в целом можно очертить круг вопросов, затрагиваемых в настоящей работе, цель которой состоит в обобщении довольно существенного по объему нарратива антропологов о сущностной основе политик социальной ответственности корпораций, их практическом и мировоззренческом импакте как в локальном (традиционном для антропологии), так и глобальном контекстах.

Представленный ниже обзор ключевых концептов и языков описания корпоративной социальной ответственности, существующей в данном направлении практико-ориентированной аналитики, опирается на анализ наиболее заметных, влиятельных работ, опубликованных с 1990-х гг. по настоящее время, т.е. в период последовательного дискурсивного осмысления корпоративной экономики в контекстах поначалу доминировавшей парадигмы глобализации, а затем сменившей ее кри-

тики транснациональных корпораций как агентов новых колониальных практик и неолиберальной модели капитализма в целом.

Тематически настоящий обзор соответствует повестке такой недостаточно представленной в российской исследовательской традиции отрасли антропологии как антропология корпораций, чем вызвано отсутствие в нем обобщений по существу корпоративных политик российских (или действующих на территории России) компаний добывающего сектора, равно как и отсылок на работы российских авторов, количество которых в обсуждаемой области (антропологии социальной ответственности корпораций) в масштабах международного академического дискурса незначительно. Учитывая данное обстоятельство, есть основания ожидать, что для исследований в направлении антропологии корпораций на российском материале, развитие которых на уровне применяемых за рубежом подходов и методологий, по-видимому, еще только предстоит и неминуемо будет происходить, представленные в настоящем обзоре материалы могут быть небезыntenесны.

Еще одно важное замечание, предваряющее собственно обзор антропологических интерпретаций корпоративной социальной ответственности, состоит в том, что он не претендует на исключительно полный содержательный охват и в количественном смысле абсолютную репрезентацию всей или большей части опубликованной в рассматриваемом проблемном поле литературы. Это вряд ли вообще возможно по причине колоссального количества опубликованных антропологами работ, в особенности кейс-стади, описывающих разнообразные локальные практики корпоративной социальной ответственности. Цель настоящего обзора в большей степени состоит в системном изложении обобщенных рефлексий и концептуализаций. Более того, мы не ставим цель обобщить во всех обсуждаемых аспектах антропологический контекст социальной ответственности корпораций, поскольку это также нереализуемо в рамках одной ограниченной в объеме публикации. Вместо этого в общем пространстве дискурса исследуемой темы будут размечены лишь два энергично осваиваемых антропологами проблемных поля: так называемая этическая (справедливая) экономика (Ethical Economic) и ее практическая имплементация в форме корпоративных политик социальной ответственности (Corporate Social Responsibility, CSR). Во втором случае речь пойдет не только о самой практике CSR, но и применяемых к ее описанию этнографических эпистемологиях.

В содержательном основании дискурса корпоративных политик социальной ответственности лежат рефлексии по существу смыслов развития как такового и их вариабельности при переносе фокуса с уровня глобальных трендов на региональный и локальный уровни. Так, расхождение в академическом и публичном дискурсе 1990-х гг. концепты гло-

бализации, экономической и культурной связанности человечества фактически несли в себе смыслы, не тождественные для транснациональных корпораций, с одной стороны, и локальных сообществ в местах экстракции ресурсов – с другой. Ключевое здесь различие, по-видимому, лежит в области самих целей развития: несет ли оно очевидное благо; кто в таком случае является прямым благополучателем, и в какой перспективе и через какие именно эффекты оно сможет ощущаться? И это лишь самая очевидная плоскость рационализации возможностей развития за счет освоения крупными корпорациями ресурсов в развивающихся странах. Все станет намного сложнее, если к этому добавить также культурные и национально-политические контексты, в которых местные сообщества воспринимают парадигму глобального развития за счет локально добываемых ресурсов. В этой связи попытки описать развитие и его цели на языке антропологии не могут быть однозначными.

В 1994 г. Джеймс Фергюсон в показательном кейс-стади на африканском материале делает в этой связи важное наблюдение. По его словам, все существующие в академическом дискурсе концептуализации развития изначально исходят из вопроса о том, является ли оно (в равной степени для различных акторов) ценным императивом и в целом «хорошим делом» (Ferguson 1994 (1990): 14). Соответственно, выбираемые исследователями полярные позиции влияют в дальнейшем на их заключения и оценки. В не меньшей степени полярными являются и рефлексии антропологов по существу корпоративной социальной ответственности. В этом вопросе отчетливо выделяются группы апологетов и критиков. Первые склонны видеть в CSR-политиках и практиках масштабную смысловую переориентацию бизнеса, знаменующую становление новой формы «гуманного» или «справедливого» капитализма (Zadek 2001; McIntosh, Murphey, Shah 2003; Hopkins 2007), в то время как вторым в оценках CSR свойственны красочные метафоры марлевой повязки поверх незаживающих ран на теле общества, нанесенных хищническим капитализмом (Jones 1996: 8), или призрачной дымки, застилающей, по сути, неизменный порядок капиталистического уклада и его социальных последствий (Sharp 2006).

Такого рода полярные оценки, точнее их предопределенность изначально оценочными суждениями о том, являются ли корпорации субъектами капиталистической экономики, эволюционирующей в сторону большей социальной справедливости и идеалов ответственного производства, либо же они остаются агентами экономики неравенства, ничего не проясняют в линиях «идеологических разломов» (Dolan, Rajak 2016), вдоль которых разворачивается, по сути, любое исследование социальной ответственности корпораций. В итоге мы ничего не знаем о реальной возможности этизации самой корпоративной формы. Возможно ли вообще в таком случае в дискурсах и практиках социаль-

ной ответственности корпораций увидеть признаки нарождающейся новой формы так называемого этического (другой употребимый вариант, отчетливо более эмоционально окрашенный, – морального) капитализма?

На протяжении последних десятилетий корпоративная социальная ответственность постепенно стала практически ортодоксальной нормой в ведущих концепциях ответственного развития, институировалась в сфере транснационального бизнеса, обросла множеством стандартов, систем аудита и процедурами сертификации компаний по признакам социальной ответственности. Иными словами, буквально на глазах выросла целая индустрия по производству имиджа социально ответственной корпорации, сформировался даже довольно быстро растущий рынок соответствующих консалтинговых услуг.

Параллельно с этими тенденциями антропологи стали проявлять все больше интереса к данной новой сфере, приступив к наблюдениям за реализацией политик социальной ответственности в ежедневной практике корпораций. Постепенно сформировалась специфическая оптика, при помощи которой нарождающаяся этическая экономика и корпоративная социальная ответственность стали исследоваться в широком спектре отраслей, включая не только такие очевидные, как промышленное освоение недр (газ, нефть (см.: Shever 2004; Shever 2008; Appel 2012; Gardner 2012; Weszkalnys 2014), добыча твердых полезных ископаемых (см.: Rajak 2011a; Kirsch 2014a; Welker 2014)), но и фэшн-индустрию (De Neve 2009), табачную промышленность (Benson 2012), фармацевтику (Ecks 2008), потребительские товары (Cross, Street 2009; Dolan, Roll 2013) и пр.

У данных антропологических наблюдений довольно быстро сформировалось два ключевых фокуса: с одной стороны, внутренние изменения в корпорациях в связи с переходом на практики социальной ответственности, эволюция самой корпорации в этом контексте как института (Garsten and Jacobsson 2007; Welker 2009; Benson and Kirch 2010; Cross 2011; Rajak 2011a), с другой – воздействие политик социальной ответственности на локальные сообщества в регионах присутствия, вызванные ими реальные изменения на местах и обратная реакция (Dolan, Scott 2010; Li 2010; Gardner 2012; Gilberthorpe 2013). По мере развития данных двух исследовательских программ внутри них накапливались не только фактические эвристики и разнообразные кейс-стади, но и нарастала потребность в обобщенных концептуализациях, которые могли бы генерировать рациональные схемы, объясняющие истинную природу практик социальной ответственности корпораций. Но, так или иначе, оба направления существуют до настоящего времени именно как этнографические по своему языку нарративы: и корпорации, и контактирующие с ними целевые аудитории рассматриваются преимущественно в локальных контекстах прямого взаимодействия, в

терминах обмена (ценностями, смыслами, информацией, символами, культурными нормами).

Особенно отчетливо это показала дискуссия «Этнография этического поворота корпораций», развернувшаяся в 2011 г. на страницах влиятельного в мире антропологии журнала «Focaal» (2011. Vol. 60). Впервые в рамках одного дискурса объединились два отмеченных выше направления в исследованиях корпоративной социальной ответственности, сформировавших в целом единую повестку дальнейших исследований в области антропологии социальной ответственности корпораций: от дизайна и развертывания CSR-политик до оценки их реальных эффектов как в целевых сообществах, так и внутри самих корпораций. Репрезентативность дискуссии как манифеста нового направления в социальной антропологии определялась большим разнообразием обсуждавшихся кейсов в культурном и географическом отношении: были представлены материалы исследований антропологов в Бангладеш, Перу, Камеруне, Чили, Индии, Южной Африке, Великобритании и США.

За минувшее с того времени десятилетие антропология социальной ответственности корпораций расширила фокусы, обратив внимание на новые регионы и отрасли, а также пополнив свой эвристический багаж новыми кейсами и нарративами. Но заданные дискуссией 2011 г. контуры исследовательской повестки CSR-антропологов по-прежнему актуальны с той лишь разницей, что теперь она, как, собственно, и само содержание практически каждого описываемого случая, подразумевает ответы на приблизительно следующий круг вопросов, связанных с «этическим поворотом» современной модели корпоративного капитализма: (1) Как именно выстраиваются и поддерживаются линии сопряжения этических и рыночных (коммерческих) принципов и ценностей в деятельности «новых» корпораций? (2) Каким образом на этой основе возникают новые формы и технологии менеджмента, контроля и корпоративной культуры? (3) В действительности способствует ли корпоративная социальная ответственность преодолению существующих паттернов неравенства в местных сообществах, или же она сама рождает новые формы неравенства, утверждая свои практики инклюзии и эксклюзии, тем самым трансформируя ранее устойчивые социальные институты и связи? (4) Как эволюционируют (и меняются ли) со временем практики и политики корпоративной социальной ответственности, постоянно балансируя между нормативными пространствами капитала и социальных обязательств?

Значимой попыткой многосторонней критики антропологами наблюдаемой ими эволюции корпоративной социальной ответственности, длящейся с 2002 г., когда на Всемирном саммите по устойчивому развитию она была признана рациональным ответом на вызовы непропорционального (ассиметричного)³ развития⁴, следует считать также

репрезентативный сборник кейсов из различных отраслей CSR под редакцией Кэтрин Долан и Дины Рейджек, вышедший в 2016 г. (Dolan, Rajak 2016) в издательстве Бергана. Книга содержит ценные нарративы по существу реальных практик корпоративной социальной ответственности целого ряда транснациональных корпораций – ключевых агентов глобальной экономики в различных отраслях – от нефтяной промышленности («Экссон Мобил»), добычи минералов и производства ювелирных товаров («Де Бирс»), открытых горных работ на месторождениях металлических руд («Ньюмонт Майнинг») до бьюти-индустрии, производства и маркетинга косметических средств («Эйвон»). В центральном фокусе всех представленных в сборнике кейсов находятся попытки выявить и описать социальную динамику и (в пределе) перестройку социальных связей в местах присутствия корпораций, вызванные именно проводимыми в отношении локальных сообществ корпоративными политиками. В основном размещенные в книге тексты обобщают результаты соответствующих исследований авторов, построенных четко в логике экспертизы результатов (как прямых, так и косвенных) корпоративных политик социальной ответственности, генерирующих, таким образом, аналитику, необходимую для самих корпораций. Однако выраженная прикладная направленность фокуса описанных в сборнике кейсов отнюдь не помешала и широким концептуальным обобщениям по теме, которые, по утверждению редактора во вступительной к сборнику статье, позволяют увидеть траекторию развития CSR-практик с момента их возникновения в парадигмальном контексте экономического патернализма XIX столетия до представлений о современном (нео)либеральном капитализме, поддерживающем глобальное неравенство и формирующем феномен «нижнего миллиарда» (*bottom billion*⁵), который в числе основных своих характеристик содержит и явные признаки глобальной пороховой бочки с колоссальным взрывным потенциалом.

Столь напряженная и насыщенная динамика трансформаций на уровне не только практик, но и принципов социальной ответственности корпораций позволяет характеризовать их как нечто с высоким потенциалом адаптации к меняющимся условиям (Dolan, Rajak 2016). Опыт в данной области стремительно нарастает по мере освоения корпорациями новых рынков, их работы с различной целевой аудиторией, разработки корпоративных стратегий в контексте ключевых вызовов. Подобная гибкость и адаптивность CSR, порождающие устойчивость самого корпоративного капитализма, иногда являются основой для гипотезы о том, что именно «этический поворот» является определяющим трендом в мировой экономике эпохи постглобализации⁶. Если данное утверждение истинно, невозможно переоценить усилия антропологов по исследованию как самого феномена «этического поворота», так и множе-

ства его локальных моделей/вариантов/практик. Существенный интерес представляет также исторический контекст возникновения и эволюции «этического проекта» в современной мировой экономике, его экономическая и социальная основа и этапы развития.

Формы и смыслы корпоративной социальной ответственности

Практики CSR, распространенные в настоящее время практически повсеместно, утвердились в мировой экономике, на глобальных рынках ключевых товаров и услуг в 1990-е гг., на волне публичного резонанса целой серии скандалов в корпоративном секторе США и европейских стран, связанных с нарушением прав человека и финансовыми махинациями. В возникшем на этой основе дискурсе моральная сторона корпоративного бизнеса не выдерживала общественной критики, что вообще ставило под сомнение саму возможность «этичного капитализма». СМИ и неправительственные организации публично освещали и выносили на широкое обсуждение такое количество сообщений об экологических катастрофах и грубых нарушениях прав человека (групп, сообществ), что не всегда корпоративному бизнесу удавалось избежать ущерба своему имиджу и утраты общественного доверия. С этого времени под давлением со стороны публичности контексты социального и экологического импакта корпораций прочно были закреплены за ними как неотъемлемые (если не ключевые) триггеры их восприятия в социуме.

Хотя сегодня корпоративная социальная ответственность чаще всего ассоциируется с некой формально регламентированной деятельностью, четко определенными стандартами, протоколами и принципами, сформированными со времени начала того самого общественного давления на корпорации, ее реальный масштаб и историческая ретроспектива значительно шире.

По утверждению британского экономиста Риса Дженкинса (Jenkins 2005) и Майкла Хопкинса (Hopkins 2007), современные практики CSR своими корнями уходят в гораздо более ранние усилия в направлении морализации/гуманизации капитализма. Попытки обуздать корпорации, ограничить их деятельность рамками социальной ответственности постоянно совершаются начиная с антимонопольного движения в Европе и на Американском континенте в конце XIX в., внутри которого возникла и была небезуспешно реализована идея рыночного бойкота продукции сахаропроизводителей, использовавших рабский труд⁷. Затем в хронологическом контексте развития CSR в качестве важных вех возникает еще множество разнообразных практик, идей и принципов, среди которых особенно исследователи выделяют корпоративную филантропию, культивировавшуюся американским сталепромышленником Эндрю Карнеги и первым в истории долларовым миллиардером

Джоном Рокфеллером – основателем, владельцем и руководителем компании Standard Oil, 1870–1897 (Blowfield, Frynas 2005; Carroll 2008). Историческими предтечами или этапами развития социальной ответственности корпораций считаются также распространенная в 1970-х гг. идеология просвещенного эгоизма⁸, этические аудиты 1990-х гг. и, наконец, современные представления о социально-ответственном предпринимательстве и бизнесе на нижних уровнях пирамиды благосостояния (Bottom of the Pyramid Business, BoP)⁹. Иными словами, социальная ответственность корпораций как область практики и соответствующей идеологии с момента ее становления в XIX столетии до настоящего времени находится в постоянном движении на пути поиска оптимальных форм посредничества между рыночными принципами и социально-этическими императивами. Происходит это практически во всех отраслях и на всех уровнях организации мировой/национальной/локальной экономики. Возможно, что именно наличие практик CSR является своего рода стабилизатором современной модели капитализма, не просто страхующим его от социальных потрясений, но и генерирующим для корпорации дополнительную выгоду, в том числе и в прямо монетизированном виде.

Способность обращать потенциальные угрозы корпоративному бизнесу в профит (в том или ином виде) вообще является едва ли не ключевой характеристикой CSR как инструмента стратегии корпораций. Бесчисленные тому свидетельства и иллюстрации обнаруживаются в ретроспективе предшествующего столетия (Gond, Moon 2011). В исследовательской литературе по данному вопросу описаны, в частности, нередкие случаи, когда «расхожие» практики социальной ответственности, составляющие «золотой стандарт» в этой сфере, на самом деле изначально возникали именно как альтернативные или даже оппозиционные по отношению к корпорации как институту, но впоследствии были удачно ею ассимилированы, дерадикализованы и интегрированы в центр корпоративной повестки. Примерами здесь могут служить хорошо известные кейсы справедливой торговли (Fair Trade), а также попытки трансформировать ценности развития (всеобщего/национального/местного) в собственные бизнес-возможности. К последним можно отнести бизнес-проекты на уровне BoP или различные варианты причинного маркетинга (Cause Marketing). Отдельного упоминания в этом ряду распространенных CSR-практик, некогда выросших из анти(альтер)корпоративных идеологий, заслуживают еще два популярных движения – осознанное потребление и социальное предпринимательство (Shamir 2004).

Однако нередко вместо реального сопряжения интересов и ценностей корпораций с императивами социальной устойчивости, блага или интересами вовлеченных сообществ CSR-политики приводят к прямо

противоположным эффектам: трансформации интересов вовлеченных сообществ, региональных, местных и даже национальных правительств и их адаптация к приоритетам корпорации (Dolan, Rajak 2016). Очевидно, что подобного рода импакт корпорации прямо пропорционален ее роли в национальной/региональной/местной экономике. В этом смысле корпорации сырьевого сектора в максимальной степени влиятельны. В литературе описаны случаи не просто влияния ресурсного капитализма на направления развития сообществ в регионах добычи полезных ископаемых, но и практически полного функционального замещения корпорациями органов власти в вопросах определения стратегий местного развития и их реализации (Wellker 2014). Российский контекст сырьевой экономики в данном смысле также весьма показателен, хотя вместо функционального замещения власти в вопросах развития в данном случае крупнейшие добывающие корпорации являются безусловными драйверами или даже прямыми авторами социально-экономической повестки, что наиболее отчетливо видно в ресурсных регионах России, где не только функциональная, но и символическая зависимость от корпораций сырьевого сектора крайне сильна и очевидна.

Говоря о российском специфическом контексте развития практик социальной ответственности корпораций, в том числе в добывающем секторе экономики, хотя это не является прямой задачей настоящего обзора, все же, важно констатировать несколько отмечаемых исследователями традиционно российских особенностей (Schislyeva, Saichenko, Miroylova 2014). Прежде всего, в России политики социальной ответственности реализуются исключительно крупными компаниями с присущими им, часто символическими, но иногда и реальными функциями градо- и регионообразующих предприятий, возникшими и ставшими нормой в период социалистического строительства, а в настоящее время (фрагментарно) поддерживаемыми по инерции в рамках договоров о социальном партнерстве с органами власти регионального и местного уровней. По существу, речь идет о роли корпораций в содержании социальных инфраструктур в территориях присутствия. Понятно, что организации среднего и тем более мелкого бизнеса, неспособные к существенным непрямым расходам на «социалку» в этой части корпоративных практик, почти полностью отсутствуют. Если к этому добавить еще один ключевой элемент типично российской модели социальной ответственности корпораций – саму ее иницированность со стороны государства, необходимо будет признать, что и крупный бизнес здесь присутствует лишь по причине наличествующего запроса со стороны государства, игнорировать который невозможно (и нецелесообразно) в условиях бюрократизированности российской модели ресурсного капитализма.

По существу решаемых задач и множества вариантов организации деятельности в области корпоративной социальной ответственности

она трудно поддается однозначному и точному определению. Вероятно, уместнее всего ее характеризовать как динамичную, гибкую, не ограниченную четкими рамками, конкретными принципами, методами область практики и дискурса, внутри которой бизнес конструирует и утверждает свой позитивный общественный имидж, декларирует намерения по устранению разрывов между принципами этики и коммерческой выгодой путем реконфигурации приоритетов корпораций и их сопряжения с интересами вовлеченных сообществ. Как и сама по себе корпоративная форма бизнеса, CSR-практики пребывают в постоянном развитии, преобразуются во все новые и новые формы в зависимости от конкретных локальных условий, конъюнктур, конфигураций, сетей взаимодействующих акторов (Wellker, Patridge, Harding 2011). Благодаря этой своей гибкости и адаптивности, способности встраиваться в новые и новые контексты и таким образом динамично развиваться CSR-практики воплощают то, что некоторые исследователи склонны называть «глобальной сборкой» (Global Assemblage): вокруг практик CSR, интегрируемых ими ценностей и смыслов выстраиваются целые сети взаимодействующих корпораций, сообществ, бизнес-школ, институтов развития, экспертных сообществ и влиятельных Think Tanks, организаций некоммерческого сектора и других участников единого процесса (Ong, Collier 2005: 11; Thrift 2005 (1997)), направленного на производство социальных улучшений в контексте деятельности корпорации в узком смысле и самой парадигмы «этичного» капитализма – в смысле широком. При этом большинство таких сетей по своему географическому охвату являются глобальными или макрорегиональными конструкциями, роль которых в мировом экономическом ландшафте с течением времени существенно возрастает.

Однако важно отметить, что не существует какого-либо единого центра, ядра или стандартной модели корпоративной социальной ответственности, а сами соответствующие практики на уровне конкретных процедур, корпоративных стандартов, планов и дорожных карт весьма и весьма разнообразны. По сути, внутри мировой CSR-практики преобладают отдельные реактивные действия, возникающие как ответ корпораций на те или иные проблемы, вызовы, отдельные инциденты. Систематических политик и долгосрочных стратегий, независимых от текущей ситуации, значительно меньше. Примером реактивных решений в области социальной ответственности корпораций, ставших, тем не менее, вполне устойчивыми практиками, может служить поворот компании «Шелл» от общей благотворительности и идеологии добровольного спонсорства по отношению к местным сообществам в районах нефтяных промыслов к «корпоративному гражданству» после инцидента с нефтяной платформой Brent Spar в 1995 г. (Shever 2010). В подавляющем же большинстве случаев случайные решения и прак-

тики корпораций не столь последовательны и нередко противоречивы. Даже в так называемый классический период расцвета корпоративной социальной ответственности – в 1990-х – начале 2000-х гг. – она уже была в существенной мере поливалентной, с одной стороны, являясь по сути дублером (или заменой?) государства в вопросах обеспечения занятости населения в регионах присутствия корпораций, его социальной поддержки, содержания инфраструктур, финансирования и иной поддержки природоохранных инициатив (Welker 2014). С другой же стороны, практики социальной ответственности корпораций развились до состояния отдельной и своеобразной формы «технократического» управления, основанной на корпоративных кодах, международных соглашениях, руководствах и инструкциях по «лучшим практикам» (Power 1997; Strathern 2000).

В более глубокой исторической ретроспективе видна трансформация практик социальной ответственности корпораций от их наиболее ранних инкарнаций – корпоративной филантропии и патернализма в отношении территорий присутствия – к современным трендам антрепренерализма, поддержки местного предпринимательства, самозанятости, развития бизнесов в «основании пирамиды» (социального благополучия), которые сегодня считаются краеугольными камнями устойчивого социально-экономического развития. В сущности, в XXI столетии корпорация мыслится не столько как покровитель, спонсор или управляющий процессами местного/регионального развития, сколько в качестве катализатора глобального перехода к модели капитализма «нижнего миллиарда» (Roy 2010) как современного и эффективного подхода к решению социальных проблем, прежде всего, связанных с бедностью, непропорциональным доступом к ключевым рынкам, благам и их источникам для жителей глобального Севера и Юга, возникающими на этой основе напряжениями. С данным «большим» переходом связан ряд конкретных принципов и основанных на них практик, среди которых абсолютный мировой мейнстрим составляют:

– справедливая торговля, распространяющая этические предписания на всю цепочку создания ценности – от норм социальной ответственности производителя товаров (услуг) до принципов ответственного потребления на стороне, соответственно, потребителя;

– причинный маркетинг, цементирующий связи корпораций с потребителями и общественными объединениями некоммерческого сектора в интересах устойчивого, сбалансированного и пропорционального (в межстрановом/межрегиональном сравнительном контексте) развития;

– социально-ориентированное предпринимательство и в целом корпоративный бизнес в секторе «нижнего миллиарда», исходящие как из целей социальных улучшений для наименее обеспеченной части человечества,

выключенной из большей части глобальных цепочек производства/потребления, так и осознания колоссального коммерческого потенциала этих неосвоенных глобальных рынков доступных товаров и услуг.

Все эти модели, составляющие концептуальную и практическую основу так называемой этичной экономики в ее актуальной интерпретации, объединены одним общим устремлением к извлечению коммерческой прибыли из деятельности, направленной на социальные улучшения, включая содействие корпораций местному развитию, борьбу с бедностью, голодом и болезнями, устранение (выравнивание) диспропорций в доступе к рынкам товаров и услуг, социальным сервисам и материальным благам. Причем все это рассматривается именно как нишевые рынки для бизнес-проектов, реализуемых в строго коммерческой/рыночной логике, а не в терминах благотворительной повестки (Roy 2012: 106). Корпорации с их возможностями трансформировать территории присутствия и влиять на их развитие являются, таким образом, ключевыми агентами зарождающейся новой (этичной) модели капитализма, в которой социальная ответственность является не дополнительной нагрузкой на бизнес, а непосредственно его основой.

Рассмотрим далее предпринимаемые антропологами попытки исследовать, концептуально осмыслить и оценить наиболее устойчивые практики этичной экономики, отметив сразу наблюдаемый на массе опубликованной в данном направлении литературы отчетливый фокус на таких распространенных корпоративных практиках, как справедливая торговля и этичное производство/потребление, в то время как кейсов, описывающих саму корпорацию как агента этичной экономики, непропорционально мало.

Этичная экономика. Что об этом думают антропологи?

Справедливая торговля и ответственное потребление как социальные инновации привлекают существенное внимание антропологов. Этнографический нарратив в данном направлении исследования объемов и многообразен. Издан ряд сборников, описывающих различные страновые и отраслевые кейсы (De Neve et al. 2008; Garsten, Hernes 2009; Lyon, Moberg 2010; Carrier, Luetechford 2012). Через описания практик справедливой торговли, сочетающих как идеалистические ориентации на собственно справедливость/пропорциональность/симметричность торгового обмена по линиям корпорации – местные сообщества (или шире – глобальный Север – глобальный Юг), так и инструменталистский фокус на расширении рынков корпораций, а значит, и росте прибыли, усилении влияния (Jaffee 2007: 31; Dolan 2010), современная антропология сосредоточена на текущих трендах углубленной маркетизации (или «рыночной актуализации») глобального движения справедли-

вой торговли, исторически возникшего, как известно, в непримиримой оппозиции по отношению к самой логике капиталистического уклада.

Представляют действительно большой интерес наблюдаемые в настоящее время тенденции адаптации справедливой торговли к рынку, его ценностям, смыслам и практикам, которые в целом успешно интернируются, принимаются и в них все чаще усматриваются возможности для снижения бедности и содействия устойчивому развитию в секторе «нижнего миллиарда» (Barrientos, Dolan 2006: 181; Reynolds 2009). Роль корпораций и в особенности мировых торговых гигантов, таких как Макдоналдс или Старбакс, в этом процессе едва ли не ключевая. Именно их инициативы по закупке сырья у мелких сельскохозяйственных производителей развивающихся стран по завышенным ценам в соответствии со стандартами Всемирной организации справедливой торговли означают радикальный сдвиг в восприятии корпораций, которые из противников и агентов хищнической капиталистической экономики превращаются в союзников и партнеров по устойчивому развитию (Dolan 2010), но при этом (точнее, благодаря этому) стремительно захватывают большую часть мировых рынков под лозунгами гарантированной ответственности как производителя, так и потребителей.

В секторе ресурсного капитализма также известны аналогичные практики, которые в данном случае помимо принципов справедливой торговли предполагают также более широкий контекст справедливого (ответственного) майнинга, при котором для местных сообществ гарантированы либо рабочие места и трудовая занятость в добывающем / перерабатывающем секторе, либо их встроенность в цепочки создания ценности в качестве поставщиков сырья, что важно в тех регионах, где развита стихийная мелкокомасштабная добыча полезных ископаемых (минералов, например), составляющая для населения важный источник средств к существованию. Содержательный пример такого рода практик в странах тропической Африки был описан Гевином Хилсоном и Роем Маконахи еще в 2014 г. (Hilson, Maconachie 2014).

Независимо от отраслевой аффилиации описываемых антропологами кейсов справедливой торговли практически всегда речь идет о ее оценке в двух ключевых рамках. Первая из них сосредоточена на социальном импакте стандартов и практик справедливой торговли, определяемом совокупностью возникающих выгод для мелких производителей и работников корпораций из числа населения глобального Юга. Вторая же задает контекст анализа дискурсов справедливой торговли и шире – этичной экономики – и стремится объяснить, на каких, собственно, моральных основаниях (публичных соглашениях), понятных и ценных всем участникам процесса, включая корпорации, потребителей и местные сообщества, она базируется. В обоих случаях перед нами определен набор вполне привычных для антропологии и давних

тем и концептов – алиенизация, коммодитизация, дефетишизация (De Neve et al. 2008), в оптике которых рассматривается этическая экономика и характеризуются ее узловые проблемы.

Сопряжение корпоративных стратегий и этических установок потребителей – есть основа второй из наиболее популярных и развитых практик этической экономики – причинного маркетинга (cause-related marketing, CRM) – подразумевающей согласованные действия (акции) корпораций и некоммерческих организаций в направлениях совместного достижения позитивных социальных эффектов. Это своего рода благотворительность корпораций, но не выведенная за скобки коммерческих императивов, а реализуемая внутри них и генерирующая в итоге дополнительную прибыль либо иные непрямые выгоды корпорации. Включенные в цену на товары/услуги сборы на реализацию проектов по борьбе с онкологическими заболеваниями, финансирование фондов, помогающих бездомным, или проектов по снижению рисков эпидемий в регионах присутствия корпораций и глобальных пандемий и многое другое – стандартная в данном направлении практика. На протяжении последних двух десятилетий она стала настолько распространенной, что вышла далеко за рамки отдельных экспериментов, разовых акций в локальных и национальных масштабах и все чаще воспринимается как модель «гуманного» капитализма, предполагающего социальную ответственность на всех этапах цепочки производства-потребления. Символами этой ответственности служат в данном случае сами продвигаемые через CRM брендовые продукты, будь то сложные технические устройства (персональные гаджеты), товары широкого потребления или сырье для промышленного производства. В результате символическая роль корпоративного бренда в решении социальных проблем трансформируется в общественном сознании в механизм реальных улучшений, а в среде потребителей укореняется норма оплачивать издержки корпораций и некоммерческого сектора на реализацию социально значимых проектов. Так, собственно, рутинное потребление необходимых товаров и услуг выводит потребителя на передний край мировой повестки социальной ответственности благодаря своеобразной коммерческо-этической ориентации корпоративных политик – феномену, описанному как «социальная поддержка бренда» (Richey, Ponte 2011) или «рыночная благотворительность».

Прекрасной иллюстрацией использования корпорацией причинного маркетинга для вывода торгового бренда в новые рыночные сегменты может служить кейс реализуемой компанией Nike программы по поддержке молодых малообеспеченных женщин в развивающихся странах «The Girl Effect» (Moeller 2013). CRM-практики связывают устойчивое развитие с выбором потребителями «правильных» товаров/услуг, а само потребление в данном случае становится ответственным, соответ-

ствующим общечеловеческим гуманитарным ценностям. Так же как справедливая торговля и связанные с ней формы ответственного потребления, технологии причинного маркетинга в один ряд ставят развитие (его социальный аспект в глобальном, национальном и/или конкретно-локальном контексте) и выбор потребителей именно «правильных» товаров/услуг. Сам акт потребления в данном случае становится моральным, проявляющим признаки благотворительного пожертвования. В немалой степени развитию такого рода маркетинговой стратегии способствует участие знаменитостей в продвижении брендов в качестве их амбассадоров, в том числе и звезд первой величины, таких как Анжелина Джоли, Боно, Леонардо Ди Каприо или Энни Ленокс, неоднократно выступавших в глобальном публичном пространстве как эффективные медиаторы между аудиторией потребителей на Западе и уязвимыми сообществами в развивающихся странах, испытывающими на себе острые социальные проблемы. Довольно эмоциональная и яркая в данном случае риторика ненормальности существующих диспропорций в доступе к средствам к существованию между обеспеченным западным обществом и «нижним миллиардом» эффективно работает в целях продвижения социально-ответственных брендов. Эти и еще ряд близких маркетинговых практик критически важны, поскольку они ведут к переосмыслению потребления как основы современной экономики и важнейшего фактора социальной жизни.

В настоящее время в области корпоративной социальной ответственности наблюдается еще один важный парадигмальный сдвиг, происходящий на фоне вторжения корпораций в такие области практики как «инклюзивный бизнес», «разделяемые ценности», бизнес в секторе «нижнего миллиарда» (Blowfield, Dolan 2014), каждая из которых стремится как к устойчивому коммерческому результату, так и к решению социальных проблем (Roy 2010).

В частности, распространенный концепт нижнего миллиарда в основании пирамиды социально-экономического благополучия (Bottom of the Pyramid, BoP) и связанное с ним понимание открывающихся перспектив для бизнеса в данном секторе – как в смысле борьбы с бедностью, так и с точки зрения коммерческой прибыльности, – по существу, стремительно распространяясь внутри дискурса глобального развития, произвел переворот в повестке крупнейших корпораций мира, которые постепенно переместили политики и практики социальной ответственности с периферии своих стратегий в самый их центр, а в отдельных случаях даже в основу бизнес-модели. Как отмечал автор концепта «основания пирамиды» (BoP)¹⁰ К.К. Прахалад, эта уникальная идеология и основанные на ней практики стремятся органично сочетать изначально характерную для корпораций логику максимизации прибыли и ожидания устойчивого глобального развития в части снижения бедно-

сти путем вовлечения «нижнего миллиарда» в мировые цепочки производства/потребления доступных товаров и услуг (Prahalad 2005). Таким образом, хотя в целом сохраняется в неприкосновенности «священный принцип рынка», он уже толерантен по отношению к идеологии инклюзии, демократизации доступа к рынкам, открытию новых возможностей для тех, кто ранее был исключен (или включен на невыгодных/неравных условиях) из глобальных сетей потребления и распределения благ. По существу, происходит сдвиг в самой основе капитализма в направлении его большей демократизации, массовизации, который в исследовательской литературе связывается с быстро распространяющимся идеологическим трендом неолиберального популизма (Roy 2010).

Посредством множества разнообразных практик – от производства и реализации доступной еды компанией «Данон» в Бангладеш через программу поддержки локального микропредпринимательства или цифровых брокеров Хьюлетт Паккард, распространяющих цифровые устройства в Коста-Рике, до предоставления медицинских услуг и энергоносителей с низкой стоимостью в странах Африки (Kolk, Rivera-Santos, Ruffin 2014) – корпорации, играющие на ВоР-рынках, находятся на переднем крае зарождающейся модели «инклюзивного капитализма», генерирующего социальные улучшения либо как побочный продукт накопления капитала (World Business Council for sustainable Development 2005), либо и вовсе напрямую сориентированного на социальное, но коммерчески успешное предпринимательство. Однако столь однозначно позитивная оценка ВоР-капитализма характерна в основном для дискурса (устойчивого) развития, причем в контексте глобальных процессов.

Антропологам же присущ определенный скепсис в этом вопросе, в особенности в связи с тем, что в данном случае бедность сама по себе как бы перестает существовать внутри актуальной повестки, а вместо попыток ее определить, адекватно понять, измерить фактически речь идет об оценке потенциальных и перспективных для корпоративного бизнеса ВоР-рынков (Elyachar 2012; Roy 2012; Dolan, Roll 2013). Редукция бедности и иных социальных проблем в действительности чаще всего мыслится как побочный (и случайный?) продукт нового типа корпоративной коммерции.

Как неоднократно было замечено антропологами, заходя в пространство ВоР, корпоративный бизнес не только стремится осваивать новые перспективные рынки и капитализировать их основные преимущества, включая такие неочевидные активы, как присущие «нижнему миллиарду» культура, знания, габитусы. Они по сути становятся в новых условиях ресурсом и открывают возможности для успешной коммерции на нижнем уровне социального благополучия (Elyachar 2005; Dolan, Roll 2013; Cross 2014: 4).

Красноречивыми кейсами здесь могут служить история развития ВоР-капитализма на африканском континенте, где корпорации, крайне вни-

матерные к локальной культуре и знаниям, характерным для малообеспеченных масс внутри местных сообществ, именно на них делают ставку, соответственно, адаптируя свои предложения товаров/услуг (Dolan and Roll 2013), или же связанные с брендом «Юниливер» (Unilever) успешные практики реализации доступных средств гигиены (мыла в том числе) в Индии в среде наименее обеспеченных покупателей (Cross and Street 2009). Как и иные «практики развития», такие как микрокредитование, например, мобилизующее эмоциональное или культурно-символическое потребление, характерные паттерны социального взаимодействия и даже отношения родства внутри малообеспеченных сообществ, существующие модели ВоР-капитализма все это используют как ресурс и важнейшее условие для роста прибыли – прежде всего, и сопутствующего этому снижению бедности, развития ВоР-предпринимательства – во вторую очередь. В этом смысле этика социальной ответственности корпораций в полном соответствии с духом экономического неолиберализма определяется не как чистый альтруизм/филантропия или совокупность программ по поддержке беднейшего населения в регионах присутствия корпораций, а, скорее, как открывающаяся для целевых сообществ возможность самообеспечения и саморазвития через интеграцию в корпоративные практики/потребление/локальное предпринимательство.

Вполне в контексте свойственных неолиберализму концептов «свободное самоопределение» и «ответственность» ВоР-практики рекрутируют локальных предпринимателей из числа целевых сообществ, которые становятся эмиссарами корпоративной экономики на местах, способствуя как реализации коммерческого проекта корпорации, так и местному социально-экономическому развитию. Поскольку роль предпринимателя в данном случае едва ли не системообразующая, весьма распространены также усилия корпораций по их подготовке внутри местных сообществ. Примером является описанный Кэтрин Долан и Диной Рэйджек случай одного из социально ориентированных проектов – «Catalyst» – по предоставлению возможностей развивать собственный бизнес для безработной молодежи в Найроби (Dolan, Rajak 2016). Показательной является риторика внутри проекта, согласно которой его важнейшая миссия состоит не в том, чтобы просто превращать безработных в предпринимателей и тем самым помогать им преодолеть бедность. Речь идет о распространении культуры предпринимательства на самых нижних уровнях социального благополучия с тем, чтобы на ее основе там возникли условия для естественного повышения уровня жизни и редукции бедности. По выражению Джулии Эльячар (Elyachar 2002: 500), это модель «благополучного роста», открывающая для малообеспеченных групп населения возможности помочь самим себе в то время, когда они помогают экономике своих стран/регионов.

Отмеченные выше формы этической экономики в достаточной мере описаны антропологами в попытках исследовать медиативную роль корпораций в пространстве взаимоотношений бизнеса и общества, возникающие в этом направлении лучшие практики и противоречия. В настоящее время данный круг вопросов по-прежнему находится в поле зрения и составляет повестку антропологии корпораций. Независимо от отраслевой принадлежности описываемых кейсов – от ресурсного экстрактивизма в Индонезии, Папуа – Новой Гвинее или экваториальной Африке (Rajak 2011a; Kirch, 2006, 2010, 2014b; Welker 2014) до пищевой, табачной, фармацевтической промышленности и индустрии красоты (Foster 2008; De Neve 2009; Dolan 2011; Benson 2012) – вновь и вновь корпорации отрабатывают различные способы придать своей деятельности больше общественно разделяемой этики и на этой основе ответить тем разнообразным типам угроз и конфликтов, которые спровоцированы корпорациями, включая экологические кризисы, ресурсные конфликты и социальные напряжения в регионах присутствия, ожидания занятости и других благ со стороны местных сообществ и многое другое. Во всех этих непростых ситуациях CSR-практики проявляют чудеса гибкости, адаптивности и служат решением всего комплекса перечисленных проблем. В этой связи существенно интересны вопросы об источниках этой феноменальной гибкости и механизмах непрерывной изменчивости корпоративных политик и конкретных практик социальной ответственности – от элементарных форм простой благотворительности до причинного маркетинга и BoP-предпринимательства.

Этнография социальной ответственности корпораций: новые исследовательские направления

Поскольку антропологи относительно давно присоединились к исследованиям новых форм так называемой этической экономики, разумеется, они перенесли в эту область классические антропологические подходы и эвристики и применяют их в попытке описания того, как CSR-политики перестраивают социальные связи/отношения между корпорациями и их потребителями, местными сообществами (сообществами под воздействием) и иными стейкхолдерами. В то же время в дискурсе корпорации (в том числе внутреннем корпоративном) укоренились антропологические концепты, утверждающие необходимость «гуманизации корпоративной машины». Привычными стали описания CSR-политик, отдельных практик и инструментов социальной ответственности в терминах корпоративной (и не только) культуры, персональной идентичности и даже отношений родства, а также в контексте таких привычных антропологам понятий, как социальный контракт и

реципрокный (даро)обмен (Dolan, Rajak 2016: 11). Антропологи, разумеется, проявляют устойчивый интерес к данным притязаниям корпораций на обретение «человеческого лица» и в особенности к вопросу о том, как попытки соответствовать перечисленным концептам на практике приводят к трансформации отношений внутри корпораций.

Выдающейся является претензия на реципрокность как одну из базовых ценностей в контексте развития партнерств и многосторонних отношений корпораций с их разнообразными стейкхолдерами. Реципрокность в ее изначальном антропологическом смысле, являясь инструментом связывания в рамках единой сети обмена / социального взаимодействия различных акторов, прекрасно адаптируется под задачи построения таких сетей вокруг корпораций, тем самым трансформируя возможные напряжения в согласованные цели и планы совместных действий. Состав возникающих таким образом реципрокных сетей исключительно разнообразен и представлен: корпорации, неправительственные и некоммерческие организации, местные общественные объединения, представители сообществ и власти (Rajak 2011b).

Этнографические наблюдения в данной области, опираясь на довольно давнюю традицию антропологии устойчивого развития и его различных практик, способны выявлять то, что в действительности скрывается за внешними установками корпораций на реципрокную взаимность и консенсус (Sharp 2006; Garsten, Jacobsson 2007; Benson, Kirch 2010), а также видеть и понимать конфликты интересов, замаскированные риторикой устойчивого развития как ценности и связанной с этим этики (Gardner 2012). Часть крайне любопытных исследований сфокусирована на взаимодействиях корпораций, местных сообществ и других акторов, которые формируют условия для практик патернализма/патронажа, зависимости/контроля, достижения и реализации соглашений, усиления роли локальных элит, трансформации линий солидарности/протеста в группах местного населения и целевых аудиториях (Jones 2007; Welker 2009; Rajak 2011a).

Корпоративный дар – еще одна распространенная и продолжающая набирать популярность тема внутри исследовательской повестки антропологии социальной ответственности корпораций. Распространенной является интерпретация CSR-практик как свидетельства и основного механизма повсеместного отхода корпораций от старых форм филантропии как практики безвозмездных/безвозвратных пожертвований на социальное развитие и постепенного дрейфа в сторону интеграции CSR-повестки в самый центр бизнес-модели. Содержательная логика такого перехода строится на осознании разрывов между противоположными по сути императивами – корпоративный дар и экономический интерес; поддержке человеческого развития, гуманизации «корпоративной машины» и рыночной основой деятельности корпорации, построенной в соответствии с модернистской телеологией.

Дина Рейджек дает иллюстративное в этом отношении описание кейса одной из транснациональных корпораций – Anglo American – которая стремится дистанцировать свою политику социальной ответственности от наследия старой парадигмы щедрой благотворительности, дискутируя новую корпоративную этику в терминах «социальных инвестиций», поддержки «местного и самообеспеченного развития» (Rajak 2009, 2010, 2011a, 2014). Показательно, однако, что «призрак моссианского дара», несмотря на все попытки нововведений и переосмысления императивов социальной ответственности, все же продолжает влиять на CSR-политику корпорации, поддерживая ее авторитет и влияние на местные сообщества через давние паттерны зависимости от дара и возникающих на этой основе форм корпоративного патронажа.

Аналогичен описанный Кэтрин Долан пример из практики справедливой торговли в Кении, где норма так называемого «равного обмена» – предписывающая существенно завышенные цены на сырье и продукцию ремесленного производства, закупаемые у локальных поставщиков/производителей – по существу, свела на нет рыночную логику обмена, превратив его большей частью в дар на основании социального, а не экономического контракта, что также довольно близко к моссианской концепции дарообмена (Dolan 2009).

Самобытный и крайне любопытный кейс, также связанный с локальной интерпретацией и практическим воплощением концепта корпоративного дара, приводит Кэти Гарднер (Gardner 2012), исследовавшая практики социальной ответственности, реализуемые в Бангладеш международной компанией Шеврон – гигантом мирового рынка энергоносителей. По глубоким наблюдениям, оказалось, что предложенная местным сообществам практика корпоративного дара противоречит характерным для исламской этики представлениям о щедрости, благотворительности, даре и его символическом социальном значении.

Хосе Марии Муньос и Филиппу Бернему принадлежит подробное описание попыток корпорации Эксон Мобил разработать и применять во всех регионах присутствия так называемые «стандарты этичного ведения бизнеса», предполагающие среди прочего щедрую поддержку малого и среднего предпринимательства на местах на условиях безвозвратных субсидий, по форме своей крайне близких к добровольному пожертвованию/дару (Dolan and Rajak 2016: 152–178).

И так далее... В анализируемом массиве антропологических кейс-стади социальной ответственности корпораций содержится множество подобных иллюстраций разнообразных практик, так или иначе близких по содержанию и/или форме к дару/дарообмену в классическом его моссианском понимании. Характерно, что в каждом из упомянутых текстов заметно, как корпоративный дар порождает набор постоянно воспроизводимых смысловых конфликтов между имеющимися внутри

него установками на: инклюзию/экслюзию (Х.М. Муньос и Ф. Бернем); связанность/разобщение (К. Гарднер); развитие отношений с местными сообществами по линиям патрон/клиент (Д. Рейджек); близость/отчуждение (К. Долан).

Характерное понимание концепта корпоративного дара, возможности и порядок его имплементации на практике зафиксированы в корпоративной документации по социальной ответственности, включая стандарты, политики компаний в области этики бизнеса, протоколы аудитов и т.д., задающих рамки нарождающейся этической экономики. Антропологами соответствующий массив документальных источников в целом неплохо осмыслен. Ряд антропологических текстов демонстрирует, в частности, как CSR-технологии (запечатленные в стандартах, протоколах и руководствах по лучшим практикам) стремятся сформировать некую метакультунную этику, в достаточной мере универсальную для интеграции различных (и иногда разрозненных) акторов на единой морально-ценностной основе, заданной на уровне корпоративной политики и культуры (Blowfield, Dolan 2008; Goodman, Goodman, Redclift 2010: 11; Welker 2014).

Среди множества других определений корпоративной социальной ответственности, бытующих в антропологической литературе, выделяются своей оригинальностью / смысловой глубиной / метафоричностью следующие ее интерпретации в контекстах: (нео)поланьянской политэкономии¹¹ – как «странствующей» в постнеолиберальном мире относительно новой рационализации общественно-рыночных связей/ценностей смыслов (Craig, Porter 2006: 120); в духе антропологии труда/корпоративного менеджмента – как инструмента трансформации сложной, многогранной социальной реальности заводского цеха (Dunn 2005; De Neve 2009), шахты (Rajak 2011a) или сельскохозяйственного производства (Blowfield and Dolan 2008) в стандартные, управленчески организованные формы; в русле теории конфликтов – как процесс решения (или снижения остроты) узловых социальных проблем (Power 1997), их выключения из актуального дискурса и повестки многосторонних/многоуровневых отношений внутри (корпоративных) сетей (Miller 1998).

В некоторых случаях исследователи фиксируют исключения из мейнстрима социальной ответственности корпораций некие особенные нестандартные практики, которые влекут трансформации самих концептуальных смыслов партнерства и реципрокного обмена, того, как они понимаются внутри корпорации и в контексте ее отношений со стейкхолдерами. Аманда Берлен и Кэтрин Долан (Berlan, Dolan 2014), описывая небезынтересный кейс производства Кока-Колы в Гане, показывают, каким образом корпоративные стандарты социальной ответственности меняют (вплоть до инверсии) этику и «градус» отношений

по линиям производитель – потребитель, рабочие – руководство предприятий, во всех случаях применяя особенно тонко настроенные технологии медиации прямого (лицом к лицу) постоянного диалога.

Дина Рейджек на основе проведенного ею анализа практик социальной ответственности в ресурсном секторе мировой экономики и в частности в области инициатив крупнейших добывающих корпораций по борьбе с рисками распространения ВИЧ-инфекции приходит к важному выводу о том, что CSR-практики в данном случае выступают как механизмы эксклюзии, поскольку ограничивают распространение корпоративной этики, программ и мер поддержки всегда конкретным кругом лиц (групп людей), территорий/регионов присутствия, направлений деятельности / отдельных решаемых проблем, четко отделяя их от возможного множества социальных проблем, уязвимых групп или нуждающихся в поддержке территорий (Rajak 2010: 567). Хотя именно благодаря такого рода избирательности практик социальной ответственности достигается адресность корпоративных политик и, собственно, их целевое соответствие, все же эффект масштабного и всеобъемлющего перехода к «моральной экономике», несомненно, теряется на фоне четко выстроенной стратегии достижения вполне конкретных социально значимых результатов.

Заметны в массиве антропологических исследований также описания аудитов (Strathern 2000) в области социальной ответственности корпораций. Здесь внимания исследователей удостоились сюжеты, связанные с процессами сбора и анализа данных (Dunn 2005; Freidberg 2007; Gilberthorpe 2013), наблюдений, контрольных измерений с целью оценки результативности политик социальной ответственности, и другие аналогичные процедуры, претендующие на статус глобально распространяемых «хороших практик», способных транслировать в общество социально-ответственный имидж корпораций, стремящихся не только к коммерческой прибыльности, но также к эффективному социальному/гуманитарному импакту. Однако нередко обобщения исследователей в этой части отмечают иллюзорность эффектов, фиксируемых официальной отчетностью корпораций, и даже в целом практику использования социальной ответственности как способа маскировки реально существующих проблем и «неподобающих» действий (Freidberg 2007; De Neve et al. 2008; Dolan 2010).

Интересны также наблюдения антропологов по существу агентности корпораций как индивидуальных субъектов социальных процессов и локальных взаимодействий (включая контексты публичной коммуникации или судебных разбирательств), которая является «плавающей» и изменчивой в зависимости от тактических целей корпорации внутри конкретных дискурсов / конфликтных ситуаций (Mauss 1990; Strathern 1999; Kirch and Benson 2014). Показательным в этом смысле является

кейс-стади Сюзанны Сойер (Sawyer 2006), анализирующее стратегию защиты компании «Шеврон Тексако» по факту судебных исков к ней из-за негативных социальных и экологических эффектов ее деятельности в Эквадоре. С одной стороны, принятие большой корпорацией персональной агентности упростило ее коммуникацию с истцами из числа местных сообществ, подчеркнуло «личную» ответственность за нанесенный конкретным людям (группам людей) ущерб и в целом способствовало развитию диалога «на равных». С другой же стороны, представительство компании в Эквадоре настолько осознает себя локальным актором, что, по утверждению команды адвокатов Шеврон Тексако, за него в целом и действия его персонала в частности не может нести ответственность руководство всей корпорации, штаб-квартира которой находится в США. Вероятно, в данном случае речь идет не просто о смысловой инверсии или терминологической манипуляции в интересах процесса. Важнее тот факт, что внутри корпорации вполне осознана ее глубокая погруженность в локальные социальные процессы и дискурсы, равно как и наличие у нее единой персонализированной агентности, а стало быть, персональной ответственности/прав/обязанностей.

Элане Шевер (Shever 2010) принадлежит описание другого похожего кейса развития социальной агентности одной из крупнейших в мире корпораций – компании «Шелл» – активно поддерживающей свой имидж «хорошего гражданина» в рамках реализуемой в Аргентине программы социальной ответственности «Создавая узы». Из названия видно, что цель программы состоит в максимальном укоренении корпорации как полноправного субъекта локального процесса, усилении ее связей с местными сообществами. В итоге ожидается, вероятно, достижение не просто максимального уровня публичного доверия, а, собственно, осознания локальности компании, ее легитимации в групповом сознании местных сообществ.

В массиве антропологических исследований корпоративной агентности присутствуют не только нарративы в жанре кейс-стади. Имеются также попытки теоретической рефлексии, одна из которых предпринята Робертом Дж. Фостером (Dolan, Rajak 2016: 243–249), поместившим проблему социальной агентности корпораций в контекст давней дискуссии о меланезийском концепте «большого человека» – ключевого субъекта социальных связей в рамках индигенного сообщества, выступающего центром регуляции (даро)обмена, имущественных, долговых отношений и моральной ответственности, – и пришедшим к выводу о том, что в основе этих отношений всегда находятся вопросы власти. Интересно, что многочисленные описанные в литературе кейсы, в целом подтверждая данный тезис, свидетельствуют о функциональном замещении корпорациями традиционных потестарных институтов аборигенных обществ, т.е. обретении ими статуса того самого «большого

человека», по сути являющегося системообразующим регулятивным центром и одновременно центром ответственности. Всегда ли корпорации осознают это и отдают себе отчет о последствиях дальнейших их решений в отношении местных сообществ? Понимают ли они необходимость собственной трансформации в связи с данными нехарактерными и непривычными для них ролями? Эти и еще множество вопросов предопределяют дальнейшее развитие указанного исследовательского направления внутри антропологии корпоративной социальной ответственности.

Актуальными являются и попытки антропологов описать идеи и практики корпоративной социальной ответственности в концептуальном контексте отношений родства. Уже упомянутая выше Элана Шевер, исследуя корпоративные практики в нефтяной отрасли Аргентины, приводит яркие примеры влияния родственных связей на процессы приватизации активов, их распределения внутри национальных элит и роли в этом процессе транснациональных корпораций (Shever 2008). Аналогичным образом Эмма Джилберсорп в своем кейс-стади на материале нефтедобывающей промышленности в Папуа – Новой Гвинее показывает, как технологии корпоративной социальной ответственности адаптируются к локальной культуре родственных связей, поддерживающей целостность индигенных сообществ, превращая их в ресурс для достижения целей социальной ответственности корпораций.

И, наконец, быстрорастущей в предшествующем десятилетии (2010-е гг.) по количеству публикуемых работ антропологов являлась тематика, связанная с критикой и сопротивлением со стороны местных сообществ и социально уязвимых групп работников корпораций для существующих форм корпоративного управления и контроля, равно как и основной деятельности корпораций (например, в ресурсном секторе экономики), потенциально опасной, несущей в себе различного рода риски и угрозы. По наблюдениям антропологов, общественной критике нередко подвергаются не всегда очевидные с точки зрения социального импакта практики «принудительной благотворительности», маскирующей реальные проблемы социального развития на территориях присутствия корпораций; корпоративная этика в части сводов внутренних кодексов и внешних процедур, иногда входящих в противоречия с локальными культурами социальных коммуникаций; различные проявления корпоративного насилия, в том числе скрытого за риторикой угроз безопасности и необходимости соответствующих мер. Во всех этих сюжетах эмпирически чувствуется необоснованность притязаний CSR-практик на достижение взаимовыгодности, согласованности и консенсуса по ключевым вопросам внутри сети бенефициаров, часть которых фактически ставит под сомнение эти декларируемые корпорациями ценности. На деле вместо них результатом реализации корпоративных поли-

тик социальной ответственности нередко становятся усиление власти корпораций и неравенства диспропорции/линии дискриминации в доступе к распределяемым ими благам (см. об этом подробнее: Blowfield, Dolan 2008; Ruwanpura 2013, 2014; De Neve 2014; Dolan and Rajak 2016).

Антропология социальной ответственности корпораций: ключевые фокусы и перспективы

Обобщая представленный в настоящей работе обзор исследовательской повестки антропологии корпоративной социальной ответственности, приходится констатировать, что в растущем массиве литературы в данном направлении заметно преобладание фокуса на социальном импакте корпораций в территориях присутствия, их воздействии на местные сообщества и экономическое развитие через реализуемые специфические политики и отдельные практики. Вместе с тем работ, анализирующих эволюцию самих корпораций в связи с так называемым этическим поворотом корпоративного капитализма и, собственно, вообще дискутирующих по поводу самой его реальности/возможности, значительно меньше. За исключением всего нескольких случаев (Garsten and Jacobsson 2007; Welker 2009; Benson and Kirch 2010; Rajak 2011a), корпорации скорее выступают лишь фоном, нежели непосредственным объектом для антропологических исследований, в фокусе которых находятся трансформации в социуме, его культуре, производительной сфере и повседневности, вызванные корпоративными практиками социальной ответственности. Трансформации внутри самих корпораций явно находятся на периферии исследовательских интересов антропологов. По всей вероятности, эта лакуна будет восполнена в перспективе дальнейшей взвешенной аналитики по существу возможных моделей развития корпораций и их социальных политик в условиях цифровой, к примеру, экономики.

Второе, на что стоит обратить внимание, – это склонность авторов воспринимать и описывать корпорации синонимично по отношению к глобальному капиталу как части мировой капиталистической системы, подчиненные логике ее внутренней структуры и соответствующим «стандартным» паттернам действия. Какой-либо самостоятельной агентности корпораций исследователи обычно не подчеркивают. Соответственно, политики корпоративной социальной ответственности также воспринимаются зачастую как явления глобальные, реализуемые на местах в основном по одним и тем же сценариям, а не как оригинальные решения корпораций в уникальных контекстах каждой отдельно взятой ситуации. Стоит ли в таком случае ожидать существенного разнообразия в интерпретациях достигаемого в результате социального

импакта корпораций? Он описывается антропологами также на основе некой общей схемы в терминах «локальных» реализаций глобально единых принципов и методов CSR.

Перспективной можно считать дальнейшую более глубокую проблематизацию корпораций именно как локальных акторов, встроенных в местные контексты и задающих повестку развития в территориях присутствия посредством разнообразных практик социальной ответственности – начиная программами поддержки местных сообществ или снижения рисков для среды обитания и заканчивая случаями, когда корпорации функционально замещают собой органы власти и местного самоуправления, либо утраченные традиционные постстарные институты, фактически становясь центрами развития местных сообществ территорий присутствия и целых регионов. Один из наиболее важных в этом контексте вопросов, до сих пор открытых для дискуссии, касается того, как именно концентрируется власть и реальное влияние в руках корпораций по мере того, как они реализуют данную миссию.

Вопрос о власти корпораций, по существу, является ключевым в антропологическом дискурсе социальной ответственности в ее современных формах и, по-видимому, надолго останется в центре исследовательской повестки, стимулируя все новые и новые попытки антропологов осмыслить потенциал CSR-практик как возможного ответа корпораций на ключевые вызовы современности, обеспечивающего устойчивость и в целом будущее корпоративной модели капитализма.

Примечания

¹ Соответствующий кейс описан М. Уэлкер на примере американской компании Ньюмонт Майнинг, ведущей добычу полиметаллических руд на острове Самбава, Индонезия.

² Перечень отраслей экономики, в которых общепринятыми стали практики социальной ответственности корпораций, исключительно широк: от добывающих (перерабатывающих) производств до фармацевтической, косметической промышленности, дизайна, производителей товаров спортивного и медицинского назначения и проч. Во всех этих отраслях социальная ответственность сегодня не просто является своего рода «хорошей» практикой, но и прямо влияет на бизнес-модели корпораций, обеспечивая в ряде известных случаев рост прибыли за счет капитализации позитивного корпоративного имиджа.

³ В оригинале на английском языке употребим термин «Underdevelopment».

⁴ Plan of Implementation of the World Summit on Sustainable Development, A/CONF.199/20, Chapter 1, Resolution 2, Johannesburg, September 2002.

⁵ Collier, P. The Bottom Billion: Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It, Oxford University Press, 2007.

⁶ Или эпохи пост-Вашингтона, т.е. периода последовательного отхода мировой экономики от принципов так называемого Вашингтонского консенсуса (предложенного впервые в 1989 г. Дж. Уильямсоном) по достижению макроэкономической стабильности на основе либерализации экономических отношений на всех уровнях и открытости рынков.

⁷ В данном контексте небезынтересно отметить, что практики такого рода давления на корпорации, не отвечающие стандартам социальной ответственности и наносящие вред местным сообществам в регионах присутствия и/или угрожающие социальной справедливости в национальном/межстрановом контекстах, не менее распространены и сегодня, притом ни в малейшей степени они не утратили своей эффективности/результативности и по существу являются одной из актуальных форм борьбы в защиту прав человека. Примером сказанного может служить недавняя общественная акция AnswerUsElonMusk, развернутая при участии активистов проекта iRussia (Indigenous Russia. Информационный портал коренных народов России) и, по существу, достигшая своей основной цели – привлечения внимания мировой общественности, в том числе крупнейших компаний – потребителей сырья из России, к тому колоссальному ущербу, который наносит коренным народам Таймыра компания «Норникель». Заявления общественных представителей коренных народов России по этому вопросу, адресованные лично Илону Маску и компании «Тесла», были обсуждены на собрании акционеров концерна, на котором прозвучало, что «Норникель» не является социально-ответственной корпорацией, в связи с чем партнерство с ним для «Тесла» невозможно (подробнее об этом см. на портале iRussia: <https://indigenous-russia.com/archives/16255/>). Довольно ярким примером современной практики общественной борьбы за права человека и защиту окружающей среды при экстенсивной добыче полезных ископаемых может служить и деятельность известной организации «Экозащита» (<https://ecodefense.ru/>), на системной основе ведущей многогранную деятельность по борьбе за отказ от угля (в том числе добываемого РФ) на мировых (прежде всего, европейских) рынках энергоносителей. В числе недавних кампаний, предпринятых «Экозащитой» в данном направлении, выделяются попытки общественного осуждения крупнейших мировых инвесторов угольной отрасли, в том числе российских и зарубежных банков и инвестиционных фондов, за отсутствие в их решениях признаков социальной/экологической/климатической ответственности. Заслуживают упоминания здесь также масштабные кампании по освещению негативного импакта угледобычи на здоровье населения главного угольного региона России – Кузбасса, и наиболее острых конфликтов по факту воздействия угольных компаний на местные сообщества. Еще одна общественная организация Coal Action Network (<https://www.coalaction.org.uk/the-network/>), реализующая, и вполне успешно, целый портфель публичных проектов по осуждению добычи и потребления угля, также является прекрасной иллюстрацией того, как развивается в современных условиях зародившаяся в XIX в. практика давления на корпорации (в данном случае в секторе сырьевой экономики) с целью либо запретить, либо ограничить (перевести в рамки социально справедливого бизнеса) их разрушающее воздействие на социум, природную среду, климат. В контексте настоящего обзора нам принципиально важно отметить, что во всех упомянутых кейсах о вреде корпораций как на уровне общих концептуальных оценок, так и с опорой на конкретные случаи, факты в основном разворачиваются в логике нарратива, привычного для социальной антропологии: локальные кейсы и частные проявления экстрактивизма рассматриваются с позиций их непосредственной связи с глобальным контекстом. При этом социальная травма и/или экологический вред оцениваются на всем протяжении цепочки производства и потребления соответствующих ресурсов, что, несомненно, кратно усиливает подачу итоговых выводов, которые в результате звучат максимально убедительно и крайне эмоционально. Иначе говоря, британскому потребителю энергии, к примеру, на конкретных фактах ясной становится немонетарная цена энергоносителя, выражающаяся в рисках здоровью и социальному благополучию людей, живущих в районах его добычи. В XIX столетии антимонопольное движение в той его части, которая стремилась к отмене использования рабского труда при производстве сахара, оказалось в целом результативным. Вероятно ли, что и упомянутые здесь акции против угля / других полезных ископаемых также достигнут своих целей?..

⁸ В оригинале (в англоязычном обиходе) употребим термин Enlightened Self-Interest, что по смыслу ближе к понятию коллективного интереса верхнего уровня, реализация которого отдельным субъектом, по существу, означает реализацию им его собственных эгоистических интересов. Таким образом, коллективный/групповой интерес – сбалансированная сумма интересов всех акторов некоего процесса /действия. В контексте социальной ответственности корпораций данный концепт порождает идею прямой (эгоистической) выгоды для бизнеса от реализации/учета интересов всех сторон и участников процесса корпоративной деятельности, включая, разумеется, целевые аудитории местных сообществ (в районах операционной деятельности корпораций). Отсутствие, к примеру, сопротивления на местах или, тем более, протеста со стороны «заинтересованных» местных сообществ вполне возможно представить в виде (не)упущенной выгоды и дополнительных нематериально выраженных предпочтений. В мировом пространстве корпоративной экономики данные основания до сих пор не утратили своей актуальности и по-прежнему являются мировоззренческим фундаментом для восприятия самого соотношения корпоративной выгоды и этики общего блага. Идеологической антитезой «просветленному эгоизму» и его этической инверсией является рожденный внутри объективистской философии Айн Рэнд концепт разумного эгоизма (Rational Selfishness), декларирующий в качестве единственно возможного основания для социальной справедливости и этической экономики незыблемую ценность личных интересов создателей благ/продуктов/ценностей, формирующих в итоге общественное благосостояние.

⁹ Bottom of the [Wealth] Pyramid – обширная часть населения мира (более 4 млрд чел., по некоторым оценкам) с минимальным уровнем благосостояния (прожиточный уровень не выше 2,50 долл. в день), формирующая практически невидимый и не освоенный специфический рынок товаров и услуг, доступ к которому для мировых корпораций ограничен рядом барьеров. Соответственно, представители этой обширной группы фактически исключены из современной культуры потребления (в особенности современных технологий и инноваций) и ограничены в доступе ко многим благам/ценностям, хотя вовлечены в цепочки их создания. По существующим оценкам, емкость рынка ВОР в мире превышает 5 трлн долл. ежегодно (в терминах общей покупательной способности), что делает его привлекательным и многообещающим для крупных мировых компаний.

¹⁰ В буквальном переводе на русский язык Bottom of the Pyramid означает «*дно пирамиды*». В настоящей работе используется более свободный, но, как кажется автору, эмоционально более нейтральный/корректный вариант перевода – «*основание пирамиды*».

¹¹ Имеется в виду предложенная в 1944 г. Карлом Поланьи концептуальная критика рыночного либерализма как основы общественно-экономического уклада так называемого «классического капитализма» конца XVIII–XIX вв. (Polanyi, Karl (1944) *The Great transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Farrar & Rinehart. New York. 357 p.)

References

- Appel, H. (2012) Offshore work: Oil, modularity, and the how of capitalism in Equatorial Guinea. *American Ethnologist*, Vol. 39(4), pp. 692–709.
- Barrientos, S., and C. Dolan, eds. (2006) *Ethical sourcing in the global food system*. London: Earthscan.
- Benson, P. (2012) *Tobacco capitalism: Growers, migrant workers, and the changing face of global industry*. Princeton: Princeton University Press.
- Benson, P., and S. Kirsch, eds. (2010) Corporate oxymorons: Entry points into the ethnography of capitalism, *Dialectical Anthropology*, Vol. 34(1), pp. 45–48.
- Berlan, A., and C. Dolan. (2014) Of red herrings and immutabilities: Rethinking fair trade's ethic of relationality among cocoa producers. In: M. Goodman and C. Sage, eds., *Food*

- transgressions: Making sense of contemporary food politics*. Aldershot, UK: Ashgate, pp. 39–60.
- Blowfield, M., and C. Dolan. (2008) Stewards of virtue? The ethical dilemma of CSR in African agriculture, *Development and Change*, Vol. 39(1), pp. 1–23.
- Blowfield, M., and C. Dolan. (2014) Bottom billion capitalism: The possibility and improbability of business as a development actor, *Third World Quarterly* Vol. 35(1), pp. 22–42.
- Blowfield, M., and J. G. Frynas. (2005) Setting new agendas: Critical perspectives on corporate social responsibility in the developing world, *International Affairs*, Vol. 81, pp. 515–524.
- Carrier, J., and P. Luetchford, eds. (2012) *Ethical Consumption: Social value and economic practice*. Oxford: Berghahn.
- Carroll, Archie B. (2008) A history of corporate social responsibility: Concepts and practices. In: A Crane, A. McWilliams, D. Matten, J. Moon, and D. Siegel, eds., *The Oxford handbook of CSR*, pp. 19–46. Oxford University Press.
- Craig, D., and D. Porter. (2006) *Development beyond neoliberalism: Governance, poverty reduction and political economy*. London & New York: Routledge.
- Cross, J. (2011) Detachment as a corporate ethic: Materializing CSR in the diamond supply chain. *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology*, Vol. 60, pp. 34–46.
- Cross, J. (2014) The coming of the corporate gift. *Theory, Culture, Society*, Vol. 31, pp. 121–145.
- Cross, J., and Street, A. (2009) Anthropology at the bottom of the pyramid, *Anthropology Today*, Vol. 25(4), pp. 4–9.
- De Neve, G. (2009) Power, inequality and corporate social responsibility: The politics of ethical compliance in the South Indian garment industry, *Economic and Political Weekly*, Vol. 44(22), pp. 63–72.
- De Neve, G. (2014) Fordism, flexible specialisation and CSR: How Indian garment workers critique neoliberal labour regimes, *Ethnography*, Vol. 15(2), pp. 184–207.
- De Neve, G., P. Luetchford, J. Pratt, and D. Wood, eds. (2008) *Research in economic anthropology: Hidden hands in the market: Ethnographies of fair trade, ethical consumption and corporate social responsibility*. Bingley: Emerald Group.
- Dolan, C. (2009) Virtue at the checkout till: Salvation economics in Kenyan flower fields. In: K. Browne and L. Milgram, eds., *Economics and morality: Anthropological approaches*. Lanham, MD: Altamira Press, pp. 167–185.
- Dolan, C. (2010) Virtual moralities: The mainstreaming of fairtrade in Kenyan tea fields, *Geoforum*, Vol. 41(1), pp. 33–43.
- Dolan, C. (2011) Branding morality. In: M. Warrier, ed., *The politics of fairtrade*. London: Routledge, pp. 37–52.
- Dolan, C., and Rajak, D. (2016) Forthcoming. Remaking Africa's informal economies: Youth, entrepreneurship and the promise of inclusion at the bottom of the pyramid, *Journal of Development Studies*, Vol. 52, Is. 4, pp. 514–529.
- Dolan, C., and Rajak, D. (2016) *Toward the anthropology of corporate social responsibility. The anthropology of corporate social responsibility*, pp. 1–19. New-York – Oxford: Berghahn
- Dolan, C., and K. Roll. (2013) Capital's new frontier: From "unusable" economies to bottom-of-the-pyramid markets in Africa, *African Studies Review*, Vol. 56 (3), pp. 123–146.
- Dolan, C., and L. Scott. (2009) Lipstick evangelism: Avon trading circles and gender empowerment in South Africa, *Gender and Development*, Vol. 17 (2), pp. 203–218.
- Dunn, E. (2005) Standards and person making in East Central Europe. In: A. Ong and S. Collier, eds., *Global assemblages: Technology, politics, and ethics as anthropological problems*. London: Blackwell, pp. 173–193.
- Ecks, S. (2008) Global pharmaceutical markets and corporate citizenship: The case of Novartis' anti-cancer drug Glivec, *Biosocieties*, Vol. 3, pp. 165–181.

- Elyachar, J. (2002) Empowerment money: The World Bank, non-governmental organizations, and the value of culture in Egypt, *Public Culture*, Vol. 14 (30), pp. 493–513.
- Elyachar, J. (2005) *Markets of dispossession: NGOs, economic development, and the state in Cairo*. Durham: Duke University Press.
- Elyachar, J. (2012) Next practices: Knowledge, infrastructure, and public goods at the bottom of the pyramid, *Public Culture*, Vol. 24(1), pp. 109–129.
- Ferguson, J. (1994 [1990]) *The anti-politics machine: "Development," depoliticisation and bureaucratic power in Lesotho*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Foster, R. (2008) *Coca-globalization: Following soft drinks from New York to New Guinea*. New York: Palgrave Macmillan.
- Freidberg, S. (2007) Supermarkets and imperial knowledge, *Cultural Geographies*, Vol. 14(3), pp. 321–342.
- Fridell, G. (2007) Fair-Trade Coffee and Commodity Fetishism: The Limits of Market-Driven Social Justiceby, *Historical Materialism*, Vol. 15(4), pp. 79–104.
- Gardner, K. (2012) *Discordant development: Global capitalism and the struggle for connection in Bangladesh*. London: Pluto Press.
- Garsten, C, and T. Hernes. (2009) Beyond CSR: Dilemmas and paradoxes of ethical conduct in transnational organizations. In: K. Browne and L. Milgram, eds., *Economics and morality: Anthropological approaches*. Lanham, MD: Altamira Press, pp. 189–210.
- Garsten, C., and K. Jacobsson. (2007) Corporate globalization, civil society and postpolitical regulation: Whither democracy? *Development Dialogue*, Vol. 49, pp. 143–158.
- Gilberthorpe, E. (2013) In the shadow of industry: A study of culturalization in Papua New Guinea, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. 19, pp. 261–278.
- Gond, J.-P., and J. Moon. (2011) *Corporate social responsibility in retrospect and prospect: Exploring the life-cycle of an essentially contested concept*. Discussion paper 59–2011. Nottingham: International Centre for Corporate Social Responsibility.
- Goodman, M., D. Goodman, and M. Redclift. (2010) Introduction: Situating consumption, space and place. In: M. Goodman, D. Goodman, and M. Redclift, eds., *Consuming space: Placing consumption in perspective*. Aldershot: Ashgate, pp. 3–40.
- Hilson, G. and Maconachie, R. (2014) Fair trade mineral programs in Sub-Saharan Africa: some critical reflections. In: *Natural resource extraction and indigenous livelihoods: development challenges in an era of globalisation* / by E. Gilberthorpe and G. Hilson.
- Hopkins, M. (2007) *Corporate social responsibility and international development: Is Business the solution*. London: Earthscan.
- Jaffee, D. (2007) *Brewing justice: Fair trade coffee, sustainability, and survival*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Jenkins, R. (2005) Globalization, corporate social responsibility and poverty, *International Affairs*, Vol. 81 (3), pp. 525–540.
- Jones, B. (2007) Citizens, partners or patrons? Corporate power and patronage capitalism, *Journal of Civil Society*, Vol. 3 (2), pp. 159–177.
- Jones, M.T. (1996) Missing the forest for the trees: A critique of social responsibility concept and discourse, *Business and Society*, Vol. 35 (1), pp. 7–41.
- Kirsch, S. (2006) *Reverse anthropology: Indigenous analysis of social and environmental relations in New Guinea*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.
- Kirsch, S. (2010) Sustainable mining, *Dialectical Anthropology*, Vol. 34, pp. 87–93.
- Kirsch, S. (2014a) *Mining capitalism*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Kirsch, S. (2014b) Imagining the corporate person, *PoLaR*, Vol. 37(2), pp. 207–217.
- Kirsch, S., and P. Benson, eds. (2014) Special section of PoLIR on corporate personhood, *PoLaR*, Vol. 37(2).
- Kolk, A., M. Rivera-Santos, and C. Rufin. (2014) Reviewing a decade of research on the "base/bottom of the pyramid" (BOP) concept, *Business & Society*, Vol. 53 (3), pp. 338–377.

- Li, F. (2010) From corporate accountability to shared responsibility: Dealing with pollution in a Peruvian smelter-town. In: Ravi Raman, ed., *Corporate social responsibility: Discourses, practices, perspectives*. London: Palgrave Macmillan.
- Lyon, S., and M. Moberg, eds. (2010) *Fair trade and social justice*. New York University Press.
- Mauss, M. (1990) *The gift: The form and reason for exchange in archaic societies*. New York; London: W.W. Norton.
- McIntosh, M., D.F. Murphy, and R.A. Shah. (2003) *Something to believe in: Creating hope and trust in organisations: Stories of transparency, accountability and governance*. Sheffield: Greenleaf Publishing.
- Miller, D. (1998) Conclusion: A theory of virtualism. In: J. G. Carrier and D. Miller, eds., *Virtualism: A new political economy*. Oxford: Berg.
- Moeller, K. (2013) Proving the girl effect: Corporate knowledge production and educational intervention, *International Journal of Educational Development*, Vol. 33(6).
- Ong, A, and S. Collier. (2005) *Global assemblages: Technology, politics, and ethics as anthropological problems*. London: Blackwell.
- Power, M. (1997) *The audit explosion*. London: Demos.
- Prahalad, C. K. (2005) *The fortune at the bottom of the pyramid: Enacting poverty through profits*. Upper Saddle River, NJ: Wharton School Publishing.
- Rajak, D. (2009) I am the conscience of the company: Responsibility and the gift in a transnational mining corporation. In: K. Brown and L. Milgram, eds., *Economics and morality: Anthropological approaches*. Lanham, MD: AltaMira Press, pp. 211–232.
- Rajak, D. (2010) HIV/Aids is our business: moral economy of treatment in a transnational mining company, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. 16, pp. 551–571.
- Rajak, D. (2011b) Theatres of virtue: Collaboration, and the social life of corporate social responsibility, *Focal: Journal and Historical Anthropology*, Vol. 60 (summer), pp. 9–20.
- Rajak, D. (2014) Corporate memory: Historical revisionism, legitimation and the invention of tradition in a multinational mining company, *PoLaR*, Vol. 37(2), pp. 259–280.
- Rajak, D. (2011a) *In good company: An anatomy of corporate social responsibility*. Stanford: Stanford University Press.
- Raynolds, L. (2009) Mainstreaming fair trade coffee: From partnership to traceability, *World Development*, Vol. 37(6), pp. 1083–1093.
- Richey, L. A., and S. Ponte. (2011) *Brand aid: Shopping well to save the world*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Roy, A. (2010) *Poverty capital: Microfinance and the making of development*. London: Taylor and Francis.
- Roy, A. (2012) Ethical subjects: Market rule in the age of poverty, *Public Culture*, Vol. 24 (1), pp. 105–108.
- Ruwanpura, K.N. (2013) Scripted performances? Local readings of "global" health and safety standards (the apparel sector in Sri Lanka), *Global Labour Journal*, Vol. 4(2), pp. 88–108.
- Ruwanpura, K.N. (2014) The weakest link? Unions, freedom of association and ethical codes: A case study from a factory setting in Sri Lanka, *Ethnography*, Vol. 16(1), pp. 118–141.
- Sawyer, S. (2004) *Crude chronicles: Indigenous politics, multinational oil and neoliberalism in Ecuador*. Durham, NC: Duke University Press.
- Sawyer, S. (2006) Disabling corporate sovereignty in a transnational lawsuit, *Political and Legal Anthropology Review*, Vol. 29(1), pp. 23–43.
- Schislyaeva E.R., Saichenko O.A. & Mirolybova O.V. (2014) 'Current models of corporate social responsibility in Russia', *Signos*, Vol. 6, no. 1, pp. 121–132.
- Shamir, R. (2004) The de-radicalization of corporate social responsibility, *Critical Sociology*, Vol. 30 (3), pp. 669–689.
- Sharp, J. (2006) Corporate social responsibility and development: An anthropological perspective, *Development Southern Africa*, Vol. 23(2), pp. 213–222.

- Shever, E. (2008) Neoliberal associations: Property, company and family in the Argentine oil fields, *American Ethnologist*, Vol. 35(4), pp. 701–716.
- Shever, E. (2010) Engendering the company: Corporate personhood and the "face" of an oil company in metropolitan Buenos Aires, *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*, Vol. 33(1), pp. 26–46.
- Strathern, M. (2000) *Audit cultures: Anthropological studies in accountability, ethics and the academy*. London: Routledge.
- Strathern, M. (1999) *Property, substance and effect: Anthropological essays on persons and things*. London: Athlone Press.
- Thrift, N. (2005 [1997]) *Knowing capitalism*. London: Sage.
- Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development* (was adopted at the United Nations Summit in New York from 25 to 27 September 2015). URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/2030agenda-sdgs.html>
- Welker, M. (2009) "Corporate security begins in the community": Mining, the corporate responsibility industry and environmental advocacy in Indonesia, *Cultural Anthropology*, Vol. 24(1), pp. 142–179.
- Welker, M. (2014) *Enacting the corporation: An American mining firm in post-authoritarian Indonesia*. Berkeley: University of California Press.
- Welker, M., D. Patridge, and R. Hardin, eds. (2011) Corporate lives: New perspectives on the social life of the corporate form, *Current Anthropology*, Vol. 52(3), pp. 3–16.
- Weszkalnys, G. (2014) Anticipating oil: The temporal politics of a disaster yet to come, *The Sociological Review*, Vol. 62(1), pp. 211–235.
- World Business Council for Sustainable Development (WBCSD). (2005) Business solutions in support of the millennium development. URL: <http://www.wbcsd.org/web/publications/biz4dev.pdf>
- Zadek, S. (2001) *The civil corporation: The new economy of corporate citizenship*. London: Earthscan.

Сведения об авторах:

ПОДДУБИКОВ Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией этносоциальных исследований, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия). E-mail: poddub@gmail.com

КОФАНОВА Елизавета Александровна – аспирант, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия). E-mail: kofanova.lizavetta@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vladimir V. Poddubikov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: poddub@gmail.com

Elizaveta A. Kofanova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kofanova.lizavetta@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

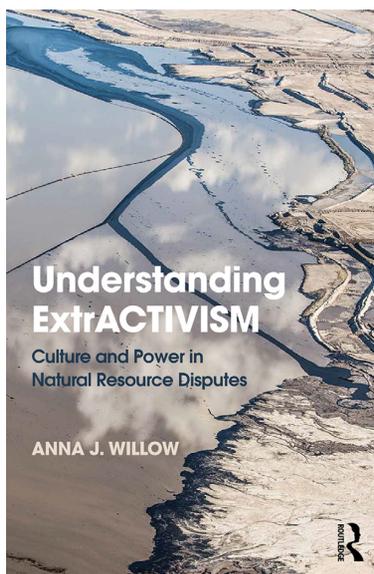
Статья поступила в редакцию 3 декабря 2021 г.; принята к публикации 1 апреля 2022 г.

The article was submitted 03.12.2021; accepted for publication 01.04.2022.

Рецензия
УДК 316.4
doi: 10.17223/2312461X/35/13

АНТРОПОЛОГИЯ ЭКСТРАКТИВИЗМА

Willow, Anna J. *Understanding ExtrACTIVISM: Culture and Power in Natural Resource Disputes*. Routledge, 2018. 312 p. ISBN 9781138607408

Благодарности: Работа выполнена в рамках реализации проекта «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант РФФ № 20-68-46043, 2020–2022 гг., рук. Д.А. Функ).

Для цитирования: Бородулина А.С. Антропология экстрактивизма // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 247–252. doi: 10.17223/2312461X/35/13

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation’s project “Anthropology of Extractivism: Research and Projection of Social Change in Regions of Resource Type” (Grant No. 20-68-46043, supervised by D.A. Funk).

For citation: Borodulina, A.S. (2022) *Anthropology of Extractivism* (Review of Willow, Anna J. *Understanding ExtrACTIVISM: Culture and Power in Natural Resource Disputes*. Routledge, 2018. 312 p. ISBN 9781138607408). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp.247–252. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/13

Монография Анны Уиллоу посвящена низовому гражданскому сопротивлению проектам добывающей промышленности. Автор продолжает работать в направлении, заданном почти двумя годами ранее в коллективной монографии «ЭкстрАКЦИЯ: воздействие, вовлечение и варианты будущего» (Jalbert et al. 2017) группой исследователей внутри Ассоциации прикладных антропологов. Интересы группы обозначаются как экстрАКТИВИЗМ (extrACTIVISM). Объединение слов «экстрактивизм» и «активизм» призвано указать на то, что в фокусе исследователей находятся кейсы гражданского сопротивления (активизма) различным проявлениям экстрактивизма. Участники группы призывают различать экстракцию – добычу полезных ископаемых и природных ресурсов, которая в широком смысле происходила всю историю человечества, – и экстрактивизм как специфическую идеологию, определяющую способ отношения к природным ресурсам, приводящий к характерной «непомерной экстракции» (extreme extraction). Исследователей группы интересуют прежде всего социальные и культурные причины и последствия экстрактивизма: «сегодняшняя непомерная экстракция наносит беспрецедентный урон окружающей среде, но как её основания, так и её наиболее острые последствия являются социально сконструированными и глубоко политическими» (р. 1).

В предисловии Уиллоу даёт понять читателю, что она не стремится выступать как беспристрастный исследователь: её ценностные установки заставляют её подвергать сомнению (если не отрицать) справедливость существующего мирового порядка, который «позволяет отдельным людям извлекать сверхдоход от экстрактивной деятельности, в то время как абсолютное большинство людей не получает ни преимуществ от извлечения ресурсов, ни возможности принимать решения относительно того где, когда и как оно будет производиться» (р. 21). В книге даже представлена «ретроспектива» авторского интереса к проблемам окружающей среды: от узко понимаемого энвайронментализма как защиты «дикой природы» до осознания того, что «природа» не может быть отделена от «культуры» и «политики» (р. 4). Сравнив кейсы сопротивления добыче сланцевой нефти в США и лесозаготовкам на землях коренных народов Канады, Уиллоу отметила, что как сторонники индустрии, так и противники очень схожи в своих дискурсах; продолжая дальше погружаться в тему сопротивления экстрактивным проектам в разных частях света, автор пришла к мысли о том, что спор между экстрактивизмом и экстрАКТИВИЗМОМ является определяющим для современности (р. 7).

Хотя сходства в разных кейсах противостояния экстрактивизму – это отправная точка рассуждений Уиллоу, она не разделяет их по типам или стратегиям, используя вместо этого ресурсы в качестве рубрик. Помимо глав 2 и 8, которые содержат анализ теоретической рамки экстрактивизма,

остальные главы объединяют кейсы гражданского активизма в связи с ресурсными проектами в сфере лесозаготовок (3), строительства гидроэлектростанций (4), добычи полезных ископаемых – металлов и минералов (5) и угля (6) и, наконец, нефти и газа (7). При этом вопрос о том, как тип ресурса влияет на ход развития конфликта и дискурсивные практики сторон, остаётся за рамками теоретических построений Уиллоу. Для неё важно показать, что экстрактивизм – это универсальный принцип, который стоит за практиками извлечения ресурсов, а кейсы из разных индустрий призваны продемонстрировать фундаментальное сходство и наличие общих паттернов в сфере культуры, экономики и политики.

Вообще представление экстрактивизма именно как идеологии – популярное направление мысли в англоязычной литературе (Veltmeyer, Petras 2014). В отличие от антропологии добычи (Функ 2018), которая выступает как предметная область, теоретики экстрактивизма полагают, что масштабная добыча полезных ископаемых ведётся по определенным правилам, обладает внутренней логикой и формирует соответствующую социальную и политическую структуру; собственно сам суффикс «-изм» указывает на класс этого феномена. Экстрактивизм по их мысли – это идеология и соответствующая ей практика «извлечения максимально возможного объёма ресурса для получения максимальной прибыли» (р. 2), ориентированная на «межрегиональный или международный экспорт» (р. 17). Ориентация на экспорт важна, так как она подразумевает, что место, где ресурс добывается, и место, где принимаются решения, максимально географически и социально разнесены; издержки несут местные сообщества на периферии, а сверхприбыль получают в центре, и это напоминает принципы колониализма; издержки несут социально незащищенные слои населения, а прибыль получают немногие привилегированные люди (р. 235). При этом не всякая добыча природных ресурсов является случаем экстрактивизма. В качестве примера не-экстрактивистской добычи можно привести локальные мелкомасштабные промыслы, осуществляемые, в частности, представителями коренных народов (Hentschel 2003).

При таком определении экстрактивизма граница между возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами становится очень условной: хищническая вырубка леса не даёт лесам восстанавливаться, и в результате этот ресурс становится невозобновляемым (р. 29), а река может перестать быть рекой, например утратить своё устье (р. 69–77), или, как показывал отечественный исследователь Е. Бурдин (Бурдин 2010) на примере Волги, превратиться из свободно текущей реки в систему гидроузлов; дамбы, резервуары и отводные каналы Уиллоу называет «физическим выражением экстрактивистского образа мысли, материальным воплощением экстрактивистских желаний заработать на сдерживании и контроле над водой» (р. 92).

Уиллоу выделяет шесть признаков экстрактивизма: 1) большие масштабы извлекаемого ресурса; 2) экспорт необработанного ресурса; 3) неподконтрольность местному сообществу, несущему издержки; 4) поддержка со стороны коррумпированных правящих элит, препятствующая международному регулированию; 5) рост экономического неравенства и бедности в местных сообществах; 6) значительный ущерб экосистемам, а также местным сообществам (например, коренным народам) (pp. 29–30, 236). В этой оптике вырубка леса на Дальнем Востоке также предстает экстрактивистской практикой (Smirnov 2013).

Возникает вопрос, как широко мы можем трактовать понятие ресурса, и почему в книгу не включены примеры, где к таким же паттернам приводит использование неквалифицированного труда как ресурса? Рассмотрим условную высокотехнологичную компанию, которая 1) эксплуатирует жителей развивающейся страны, используя их в качестве ресурса для производства своей продукции; 2) ориентирована на немедленный экспорт произведенной продукции, так как местное население в массе не может себе её позволить; 3) неподконтрольна местному сообществу 4) при поддержке или невмешательстве местных коррумпированных элит; 5) из-за массовых низких зарплат простых рабочих при сверхвысоких зарплатах топ-менеджмента способствует росту бедности и экономического неравенства; 6) приносит экологический ущерб территории производства. Можно ли будет считать подобную деятельность примером экстрактивизма? Или, напротив, мы должны признать, что экстрактивизм возникает только в ситуации экстракции природных ресурсов? Тогда каково именно специфическое свойство природного ресурса, которое порождает характерные для экстрактивизма социальные и политические последствия?

Можно отметить, что и гражданское сопротивление экстрактивизму, которое представляет ключевую тему книги, не сравнивается Уиллоу с другими формами гражданского сопротивления, для того чтобы, опять же, выявить его специфические черты, хотя это могло бы быть продуктивным: социологи, исследующие недавние экологические протесты в России, отмечают, что в ситуации политически поляризованного общества именно экологические протесты обладают наибольшей консолидирующей силой (Цепилова, Гольбрайх 2020; Чмель, Климова, Митрохина 2020). Интересно было бы проанализировать, насколько антиэкстрактивистские протесты попадают в эту тенденцию и как их эффективность зависит от общей протестной активности в регионе.

В целом книга Уиллоу показывает, как оптика «экстрактивизма» может быть применена при анализе различных кейсов создания инфраструктурных проектов, связанных с использованием природных ресурсов, конфликтов между государственными институтами, местными сообществами и компаниями. Несмотря на отмеченные недостатки, она

содержит богатый этнографический материал, который может быть интересен широкому кругу исследователей в сфере социальных наук, в частности интересующихся взаимоотношением добывающих компаний и местных сообществ, гражданской и низовой кооперацией, и практикам, занимающимся развитием территорий и гражданским активизмом.

Алевтина Сергеевна Бородулина

Список источников

- Бурдин Е.А. Исторические аспекты и динамика развития российской гидроэнергетики в 1900–1980-х гг. (на примере Волжского каскада гидроузлов) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 2–1.
- Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–113.
- Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4.
- Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 1. С. 83–98.
- Jalbert K., Willow A., Casagrande D., Paladino S. (eds.) *ExtrACTION: Impacts, Engagements, and Alternative Futures*. N.Y.: Routledge, 2017.
- Hentschel T. *Artisanal and small-scale mining: challenges and opportunities*. Iied, 2003.
- Smirnov D.Y. (ed.) *Illegal logging in the Russian Far East: global demand and taiga destruction*. D.V. 2013. WWF, Moscow.
- Veltmeyer H., Petras J. (eds.) *The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty-First Century?* Zed Books, 2014.

References

- Burdin E. (2010) *Istoriografija problemy gidrostroitel'stva v Povolzh'e*. [Historiography of the problem of hydraulic engineering in the Volga region], *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, Vol. 12(6-1).
- Chmel K.Sh., Klimova A.M., Mitrohina E.M. (2020) *Politizacija jekologičeskogo diskursa v Arhangel'skoj oblasti na primere stroitel'stva musornogo poligonaokolo stancii Shies* [The Politicization of Environmental Discourse in Arkhangelsk Region: the Landfill Site at Shies Railroad Station], *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, Vol. 18, no. 1, pp. 83–98.
- Funk D.A. (2018) “Etnologičeskaja ekspertiza”: rossiiskii opyt otsenki sotsial'nogo vozdeistvija promyšlennykh proektov [“Ethnological expert assessment”: A Russian experience in evaluating the social impact of industrial projects], *Etnografičeskoe obozrenie*, no. 6, pp. 66–113.
- Hentschel T. *Artisanal and small-scale mining: challenges and opportunities*. Iied, 2003.
- Smirnov D.Y. (ed.) (2013) *Illegal logging in the Russian Far East: global demand and taiga destruction*. D.V. WWF, Moscow.
- Veltmeyer H., Petras J. (eds.) (2014) *The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty- First Century?* Zed Books.
- Tsepilova O.D., Gol'brajx V.B. (2020) *Jekologičeskij aktivizm: mobilizacija resursov "musornyh" protestov v rossii v 2018-2020 gg.* [Environmental Activism: Resource Mobilisation for “Garbage” Protests in Russia in 2018–2020], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, Vol. 23, no. 4.

Сведения об авторе:

БОРОДУЛИНА Алевтина Сергеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: alevtina.ethno@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Alevtina S. Borodulina, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: alevtina.ethno@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

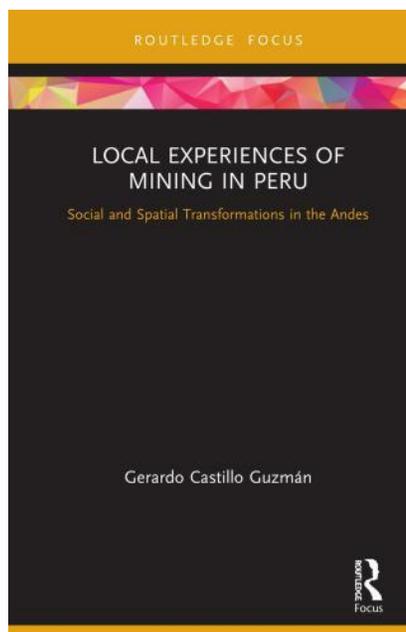
Статья поступила в редакцию 7 декабря 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.

The article was submitted 07.12.2021;
accepted for publication 01.04.2022.

Рецензия
УДК 316.4
doi: 10.17223/2312461X/35/14

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА В ПЕРУАНСКИХ АНДАХ ХЕРАРДО КАСТИЛЬО ГУСМАНА

Guzmán, Gerardo Castillo. Local experiences of mining in Peru: Social and Spatial Transformations in the Andes. New York: Routledge, 2020. 132 p. ISBN 978-0-367-25886-3 (hbk) ISBN 978-0-429-29225-5 (ebk)

Для цитирования: Волжанина Е.А. Социальное производство пространства в перуанских Андах Херардо Кастильо Гусмана // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 253–256. doi: 10.17223/2312461X/35/14

For citation: Volzhanina, E.A. (2022) Gerard Castillo Guzmán's Social Production of Space in the Peruvian Andes (Review of Guzmán, G.C. *Local experiences of mining in Peru: Social and Spatial Transformations in the Andes*. New York: Routledge, 2020. 132 p. ISBN 978-0-367-25886-3 (hbk) ISBN 978-0-429-29225-5 (ebk)). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 253–256. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/14

Книга Херардо Кастильо Гусмана (Guzmán Gerardo Castillo) *Local experiences of mining in Peru: Social and Spatial Transformations in the Andes* («Местные практики добычи полезных ископаемых в Перу: социальные и пространственные преобразования в Андах») представляет яркий пример регионального исследования, в котором глобальные и

структурные вызовы, обусловленные действиями горнодобывающих компаний, рассматриваются с позиций коллективного и личного опыта и стратегий семей, проживающих в районах добычи полезных ископаемых. Книга опубликована в рамках престижной серии книг *Routledge Studies of the Extractive Industries and Sustainable Development*¹ («Исследования добывающих отраслей и устойчивого развития») и подводит итог многолетней исследовательской и практической работе автора. Гусмáн, наряду с академической деятельностью², уже более 20 лет консультирует население Андского региона по вопросам, связанным с социальным развитием, добывающей промышленностью и взаимодействием с частными компаниями, государственными структурами, общественными организациями и международными агентствами.

В книге удачно сочетаются две взаимосвязанные области знания – критическая география и политическая экология. В связи с обозначенными интересами автором показаны социальное производство пространства, историческое формирование региональных схем, рождение социальных практик и представлений в городской среде, а также процессы модернизации и социальных изменений, переживаемых сельским и городским населением в Перуанских Андах. Ключом к пониманию социальных преобразований, происходящих в контексте освоения природных ресурсов, стали идеи французского географа, социолога и философа Анри Лефевра. Но в отличие от французского философа Гусмáн не противопоставляет производителей и пользователей пространства, а местному населению в книге предоставлено исключительное право выразить свое мнение о произошедших и происходящих изменениях.

В центре исследования находятся нуклеарные семьи и их социальные связи. Автор делится с читателями своими наблюдениями о трансформации властных, гендерных, символических и экономических отношений в контексте развития горнодобывающей промышленности на протяжении четырех десятилетий. Оригинальность исследовательской позиции заключается во взгляде снизу и акцентировании внимания не на социальных конфликтах и взаимном сопротивлении, а на усвоенных уроках и методах, используемых местным населением для преодоления последствий добычи полезных ископаемых, прежде всего, для них самих. Научная работа базируется на сложном комплексе источников, среди которых глубинные интервью, этнографические наблюдения, вторичные социально-экономические данные и местная художественная литература. Полевые исследования проводились в четырех районах страны: местность Ла-Гранжа (La Granja), район г. Лима – Кверокото (Querocoto), г. Чиклайо (Chiclayo) и сельский прибрежный район Охоте-Торо (Ojo de Toro) в области Ламбаеке (Lambayeque Region).

По наблюдениям автора, сельское население не только испытывает на себе последствия пространственных преобразований в результате крупно-

масштабного развития горнодобывающей промышленности в регионе, но и само активно участвует в формировании нового пространства. Размышления автора о происходящих процессах определили структуру книги и последовательность подачи материала. Доступ к жилью и земле (access), занятия сельским хозяйством и несельскохозяйственной деятельностью (production), история миграционного движения в районе (mobility), образы прошлого, настоящего и будущего La Granja (representations) стали главными вопросами исследования и изложены в соответствующих главах.

Оригинальность и новизну исследованию придают следующие факты:

1. Длительный период (более 40 лет) геологоразведочных работ дает автору возможность показать циклический характер изменений в стратегиях домохозяйств и проанализировать подходы к взаимоотношению с населением разных компаний.

2. Исследователем фиксируются существенные социальные и экономические изменения на местном уровне еще на этапе строительства горнодобывающих шахт до начала активной добычи полезных ископаемых, когда серьезное воздействие на окружающую среду отсутствует.

3. Случай, описываемый в Ла-Гранха, представляет пример индивидуального режима собственности на землю, что упрощает заключение сделок и способствует потере земельной собственности семей. Вовлечение семей в рыночные отношения, в конце концов, привело к освобождению женщин от «ига родства» и разрушило прежние гендерные роли и нормы.

Гусман фиксирует новые явления в жизни гранжино³ (Granjino) – рост стоимости на землю за счет фактора «депозита стоимости»⁴; увеличение неземледельческих доходов семей; формирование рынка земли, не связанного с сельским хозяйством; независимость сельского населения от сельскохозяйственного производства. Особенно он обращает внимание на стратегии двойного проживания сельских жителей, их мобильность между городским и сельским пространством и чувствительность к конкретной экономической ситуации, использование расширенного родства для получения выгод. Семьи не интегрируются в промышленный сектор окончательно, сохраняя возможность вернуться к сельскохозяйственной деятельности в случае снижения объемов добычи полезных ископаемых и, соответственно, доходов семей в городской среде. Смешанный тип урбанизации демонстрирует отсутствие резких различий между городом и деревней.

В целом с уверенностью можно сказать, что автор успешно достиг поставленной цели – на примере перуанских сообществ оспорить и расширить существующую литературу о воздействии добычи полезных ископаемых на сельские сообщества. Более того, выявленные в ходе исследования, описанные и проанализированные явления и процессы

показывают перспективность и полезность подобного рода работ и задают направления исследования на будущее.

Примечания

¹ Серия включает широкий спектр книг по социальным и естественным наукам (учебники и монографии), в основе которых лежит междисциплинарный подход к изучению добывающих отраслей и устойчивого развития регионов.

² Херардо Кастильо Гусман – доцент кафедры антропологии (Associate Professor) факультета социальных наук Папского католического университета Перу (PUCP) и почетный научный сотрудник Центра социальной ответственности в горнодобывающей промышленности при Институте устойчивых полезных ископаемых Университета Квинсленда (Австралия). Одновременно с работой на кафедре антропологии он преподает в Школе менеджмента и является координатором Исследовательской группы антропологии города (GIAC) в PUCP. С 2006 г. – директор общественной приёмной «Societas Consultora de Análisis Social» в Лиме.

³ Население Ла-Гранха, преимущественно местного происхождения.

⁴ Ситуация, когда стоимость земли определяется ожиданием будущих экономических выгод в результате переговоров с горнодобывающими компаниями.

Елена Александровна Волжанина

Сведения об авторе:

ВОЛЖАНИНА Елена Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН (Тюмень, Россия). E-mail: nyabako@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena A. Volzhanina, Tyumen scientific centre, Siberian Branch Russian Academy Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nyabako@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 декабря 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 07.12.2021;
accepted for publication 01.04.2022.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

• ученая степень, ученое звание;

• должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;

• e-mail;

• почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

• название статьи на русском и в переводе на английский язык;

- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе

фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиттова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г. – для периодических изданий: *Восточное обозрение*. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (**UDC**) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

- Academic degree, academic title;
- Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;
- E-mail;
- Postal address;
- Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

- Title of paper in both Russian and English;
- Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);
- Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2022. № 1

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид, А.А. Цыганкова
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Д.Э. Уигет

Подписано в печать 12.04.2022 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Печ. л. 16,6. Усл. печ. л. 21,6. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4968. Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.04.2022 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru